

ПАТРИЦИЯ ХЭГАН
Любовь и грёзы

Патриция Хэган
Любовь и грезы
Серия «Колтрейны», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141556

Любовь и грезы: АСТ; Москва; 1999

ISBN 5-237-02809-8

Оригинал: PatriciaHagan, "Love and Dreams"

Перевод:

Татьяна Л. Черезова

Аннотация

Казалось, судьба сулила Джейд О'Баннон лишь радости, – то был день ее свадьбы с горячо любимым Джоном Колтрейном.

Но неожиданная трагедия разлучила молодоженов, и теперь Джейд, уверенная, что Джон погиб, оказывается перед выбором, который навеки изменит ее жизнь Один неверный шаг – и красавица окажется в руках опасного безумца. Но сердце подскажет путь к счастью, и Джейд вновь обретет своего возлюбленного.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	75
Глава 7	88
Глава 8	103
Глава 9	118
Глава 10	132
Глава 11	144
Глава 12	154
Глава 13	166
Глава 14	184
Глава 15	198
Глава 16	211
Глава 17	231
Глава 18	254
Глава 19	269
Глава 20	296
Глава 21	310
Глава 22	318

Глава 23	328
Глава 24	342
Глава 25	358
Глава 26	372
Глава 27	386
Глава 28	404
Глава 29	418
Глава 30	427
Глава 31	440
Глава 32	453
Глава 33	466
Глава 34	480
Глава 35	490
ЭПИЛОГ	501

Патрисия Хэган

Любовь и грезы

Любовь – это срез, и это к лучшему: иначе кто мог бы пережить то, что она иногда приносит?
Айседора Дункан «Моя жизнь»

ПРОЛОГ

Первые нежные краски рассвета тронули темное небо над сумрачными куполами, шпилями и крестами, которые составляли силуэт Санкт-Петербурга, столицы России. Начался новый день конца лета 1893 года.

Джейд О'Бэннон слегка пошевелилась, все еще погруженная в глубокий сон. Картины ее жизни, прошлой и настоящей, теснились перед ней, заслоняя собой столь нетерпеливо ожидаемое будущее.

Нынешнее преуспевание Джейд совершенно не походило на скромное начало ее жизни. Сейчас она жила у близких родственников царя Александра III – великого князя Владимира и великой княгини Марии Павловны, особняк которых величественно высился на берегу Невы и от которого было очень и очень далеко до крошечной рыбацкой деревушки в Ирландии, где прошли первые годы ее жизни, жизни дочери простого рыбака.

Зеленоглазую ирландку ждала странная судьба – и все потому, что она была вовсе не чистокровной ирландкой. В ее жилах текла русская кровь – кровь царствующей семьи. Мать Джейд, Наталья, была двоюродной сестрой царя Александра II, однако, выйдя замуж не только за простого человека, но к тому же и иностранца, она навлекла на себя недовольство семьи. Тем не менее Анастасия повинувалась велениям собственного сердца: она отказалась от наследства и уехала жить на родину своего возлюбленного, Патрика О'Бэннона. Спустя несколько лет, когда он не вернулся из плавания, она осталась без гроша и с трудом наскребла денег для того, чтобы приехать с дочерью в Россию на похороны своего царственного двоюродного брата, и там вскоре умерла сама.

Джейд с ее особой, редкой красотой привлекла внимание Марии Павловны, невестки нового царя, Александра III, и совершенно покорила ее сердце. Девочка была неофициально удочерена богатыми Романовыми и в возрасте восьми лет несколько запоздало получила ту рубашку благосостояния, в которой должна была бы родиться.

В распоряжении Джейд были все сокровища мира искусства, и в конце концов ей удалось претворить в жизнь мечту стать балериной. Обучаясь под руководством знаменитого главного балетмейстера Мариуса Петипа, она уже в тринадцатилетнем возрасте танцевала в балетной труппе Императорского театра.

Внимания Джейд добивались многие аристократы, но она избегала романтических привязанностей, отдавая свое сердце танцу. Девушка была фанатично предана своему искусству. Но вот в ее жизни появился Джон Тревис Колтрейн, которого все называли Колт. Появился – и покориł ее сердце.

Она познакомилась с ним, когда согласилась помогать своему близкому и дорогому другу Драгомиру Михайловскому завоевать сестру Колта, Даниэллу Колтрейн.

Джейд всегда была озорной и веселой, любила шутки и розыгрыши. Поначалу придуманный Драгомиром план, по которому она должна была предстать работающей служанкой из бедной семьи, показался ей просто забавной выходкой.

Согласно этому плану, Колт, красивый сын миллионера-американца, которому давно надоели преследования хищных искательниц богатства, должен был влюбиться в Джейд, а той предстояло его отвергнуть, тем самым рассеяв его заблуждения относительно того, что женщина может полюбить не его самого, а лишь его состояние. Если бедная девушка-служанка может его отвергнуть, значит, все-таки существуют честные женщины. И это еще больше подтвердится тогда, когда ему станет известно, кто такая Джейд на самом деле: состоятельная родственница знаменитого семейства Романовых, которая вовсе не ставит себе цель найти богатого мужа.

Однако план Драгомира пошел прахом, когда Джейд искренне увлеклась Колтом, в свою очередь безнадежно влюб-

ленным в балерину с ирландской и русской кровью и невероятными зелеными глазами.

Какое-то время Джейд разрывалась между своей страстью к балету и крепнущим чувством к Колту. Ведь прима-балерина отдает всю себя великому искусству танца. Но с течением времени Джейд все сильнее стала ощущать, что не может жить без Колта, что, несмотря на всю свою любовь к балету, сердце ее принадлежит этому обаятельному американцу.

Любовь их все крепла, взаимная страсть пылала все жарче, и Джейд никак не могла понять, почему Колт не просит ее стать его женой. Он говорил, что любит ее, забросил своих родных, обосновавшихся в Париже, и поселился в России, знакомясь с ее людьми и языком и почти все время проводя с Джейд.

Но Колт не предлагал женитьбы и будущей совместной жизни. Спустя несколько месяцев после их встречи они присутствовали на пышной свадьбе: в Париже сестра Колта, Дани, выходила замуж за Драгомира. Во время бракосочетания их взгляды встретились, и они молча обменялись жаркими признаниями в любви – и все-таки разговора об их собственной женитьбе не было.

А потом наступил вечер, когда ей предстояло исполнить главную партию в балете Чайковского «Щелкунчик» в постановке Льва Иванова. Это была такая минута, о которой мечтает каждая танцовщица, – и Джейд была в восторге. Облаченная в облако тюля, шифона и атласа, она блистала пе-

ред публикой, затмевая даже бриллианты, украшавшие ее головку. Царь и его близкие сидели в императорской ложе, но Джейд не смотрела ни на них, ни на избранную публику, переполнявшую роскошный сине-золотой зал Мариинского театра. Ее сердце, мысли и тело принадлежали исключительно танцу. Она наслаждалась минутами, ради которых родилась на свет.

Когда спектакль закончился, зрители встали с кресел и аплодировали с таким энтузиазмом, что, казалось, весь зал дрожал от громоподобных звуков. Тяжелый парчовый занавес раздвигался снова и снова – и Джейд, обливаясь слезами, принимала похвалы. Ей приносили бесконечные букеты цветов. Сам царь Александр встал и бросил к ее ногам красные розы. Она послала ему воздушный поцелуй, а потом обратила сверкающие счастьем глаза к своей приемной матери, великой княгине Марии.

Остальные артисты собрались вокруг нее и тоже аплодировали, приветствуя свою новую звезду. Сам балетмейстер, Петипа, вышел на сцену, чтобы поцеловать ей руку и поклониться.

А потом, когда приветственные возгласы и аплодисменты стали стихать и танцоры отошли от Джейд, по проходу к сцене решительно направился мужчина. Джейд прищурилась в ярком свете рампы: ее сердце залила жаркая волна, когда она поняла, что это Колт. Она считала, что он в Париже, что его вызвала туда мать, встревоженная болезнью отца, но он ока-

зался рядом, чтобы разделить ее славу, ее триумф, вершину мечтаний каждой балерины.

Он стоял перед ней у сцены, протягивая одну желтую розу, перевязанную тонкой зеленой лентой. Она улыбнулась сквозь слезы радости, грациозно наклонилась, чтобы принять цветок, – и замерла, изумленная.

К стеблю было привязано кольцо с огромным сверкающим бриллиантом.

Колт обожающе смотрел на нее, продолжая протягивать ей цветок.

– Самое подходящее время, – прошептал он так тихо, что его могла услышать она одна, – решить, кем ты хочешь быть: балериной... или моей женой.

Позже он признается, что его поступок не был запланирован заранее: он собирался сделать ей предложение потом, в спокойной и романтической атмосфере, с вином и лунным светом.

Но, увидев ее великолепное выступление, он вдруг понял, что именно сейчас сердце подскажет ей верное решение.

Улыбка, с которой Джейд приняла его предложение, исходила из самой глубины ее сердца. Дрожащими пальцами она потянулась, чтобы взять желтую розу, и прижала ее к губам. В ее зеленых глазах светились любовь и радость... любовь и торжество... любовь и грезы.

А потом с уверенной грацией, которая и привела ее к этому вечеру, к этой звездной минуте, Джейд упала в его протя-

нутые руки – и он легко подхватил девушку, нежно прижав к груди, и унес из зала.

Грезы...

Джейд грезила.

Сможет ли реальность разрушить ее грезы, как слишком часто случается в жизни?

Возможно, нет.

Возможно, если любовь будет сильной и верной, грезы смогут стать реальностью...

Джейд открыла глаза, пробудившись в начале нового дня – дня ее свадьбы.

Ей предстоит долгая борьба за то, чтобы любовь и грезы стали реальностью.

Глава 1

Джейд О'Бэннон сидела на обитой бархатом табуреточке перед знаменитым золотым зеркалом, в которое смотрелось не одно поколение царственных невест России в день своей свадьбы в Зимнем дворце. Джейд рассматривала свое отражение, пытаясь убедиться, что выглядит как девушка из царской семьи.

В отличие от своей матери, княгини, Джейд не была чистокровной русской. Но она приходилась троюродной сестрой царю Александру III, брату ее приемного отца, и вчера вечером, накануне ее свадьбы, император даровал ей почетный титул княжны.

Княжна Джейд!

Она наморщила нос и озорно улыбнулась. Джейд не чувствовала себя аристократкой. Титулы всегда представлялись ей чем-то очень условным. Не особенно она дорожила и своей близостью к царской семье. Да, формально она являлась членом семьи Романовых, но искренней любви к себе она не чувствовала. Конечно, теперь мало кто вспоминал «проступок» ее матери – ведь с ее смерти прошло уже немало времени, – но ребенком Джейд частенько замечала, как ее двоюродные братья и сестра хихикали у нее за спиной и давали презрительные прозвища, намекая на ее происхождение.

Так что, с улыбкой подумала Джейд, титул княжны ма-

ло что меняет в ее жизни. Когда-то она болезненно воспринимала свою отверженность, но теперь все изменилось: в ее жизни появился Колт Колтрейн. И единственное, чего она хотела, к чему стремилась, – это стать его женой – миссис Джон Тревис Колтрейн.

Утром она со своей приемной матерью, великой княгиней Марией Павловной, проехала в императорской карете по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. Хотя день обещал быть теплым, утром еще ощущался холодок, и поверх простого голубого платья она надела белое бархатное пальто, отделанное норкой. Потом, согласно традиции, во дворце ее переодели в старомодное придворное платье из золотой парчи, украшенное бриллиантами и жемчугом. Ее длинный струящийся шлейф из ослепительной золотой ткани, подбитый горностаем, скреплялся на плечах толстой золотой цепью с золотой пряжкой в гранатах и рубинах. Украшение было изготовлено придворным ювелиром Карлом Фаберже.

Ее роскошные рыжие волосы были убраны в высокую прическу и перевиты нитями из изумрудов и бриллиантов – подарком приемной матери. Серьги, спускавшиеся почти до плеч, украшали каплевидные бриллианты, оправленные в сверкающее золото. Это был подарок Колта в честь их помолвки, но Джейд дорожила ими гораздо меньше, чем массивным бриллиантовым кольцом, которое он преподнес ей в Мариинском театре тем памятным вечером...

После того как Джейд оделась, Мария Павловна попроси-

ла всех оставить их вдвоем. В тишине царских покоев она обняла Джейд и взволнованно прошептала:

– Невесты красивее тебя я в жизни не видела, Джейд.

Знай, что я и все родные желаем тебе счастья и радости.

Единственно, о чем мы жалеем, – что ты уезжаешь из России... и от нас.

– Я должна стремиться туда, куда зовет мое сердце: А мое сердце – это Колт.

Мария Павловна могла только кивнуть в знак согласия и тихо сказать:

– В свое время Наталья произнесла те же слова. И наивно было бы ожидать, что ее дочь будет другой.

Джейд вспыхнула. Она знала, что при дворе говорят о ее непокорности и своеволии, унаследованных от матери, и укоряют в том, что она отвернулась от своей семьи и страны. Более того, отказалась от блестящей карьеры балерины – и все ради брака с иностранцем, простолюдином, который увезет ее за океан.

Однако Джейд удержалась от желания возразить великой княгине – она не хотела сжигать мосты и оставлять горькие воспоминания о себе. Заставив себя улыбнуться, она тепло обняла Марию Павловну и решительно сказала:

– Я делаю то, что принесет мне счастье, и если вы меня любите – а я знаю, что любите! – то вы будете радоваться за меня, а не огорчаться.

– Такая юная – и уже такая дипломатичная! – Невольно

улыбнувшись, княгиня смахнула с глаз слезы. – Право, императорский двор много теряет, расставаясь с моей талантливой дочерью. Впервые в жизни я завидую Америке.

– Вы приедете к нам в гости.

– Непременно!

– А потом мы навестим вас.

– Конечно!

Обе понимали, что эти обещания скорее всего не будут исполнены: их разлучат годы и бескрайний океан, и вряд ли они когда-нибудь еще увидятся. Однако обоим сейчас хотелось верить, что все будет иначе.

Последние объятия – и Мария Павловна объявила, что ей следует идти приветствовать гостей: на свадьбу собрались самые знатные и уважаемые люди со всей Европы. Стараясь загладить неловкость, вызванную невольным упоминанием о матери Джейд, великая княгиня заметила:

– Хоть ты и выходишь за простолюдина, но должна сказать, что список его гостей сделал бы честь даже коронации!

– Конечно, – горячо подхватила Джейд. – Колтрейны – одно из самых уважаемых семейств Европы. Тревис Колтрейн вообще легендарная личность. Колт говорит, что президент Кливленд до сих пор советуется с ним по вопросам государственной важности и даже предложил ему место в правительстве, но тот отказался, сказав, что предпочитает жить во Франции.

– Насколько я слышала, на решение Тревиса повлияло

также его пошатнувшееся здоровье, – с сожалением проговорила княгиня. – Ему ведь уже за шестьдесят, правда?

Джейд покачала головой:

– Возраст тут ни при чем. Его беспокоят старые раны, полученные во время Гражданской войны в Америке. Врачи говорят, что в его теле могли остаться осколки снарядов. – Она вздохнула. – Но Тревис Колтрейн по-настоящему выдающийся человек, вполне заслуживающий уважения, которым он пользуется.

Мария Павловна направилась к двери.

– Да, кстати. Я знаю, что ты хотела побыть одна, чтобы спокойно помолиться в эти последние минуты, но я видела внизу мадам Китти Колтрейн. Она сказала, что ей хотелось бы с тобой поговорить.

Лицо Джейд посветлело.

– Конечно! Попросите ее подняться сюда, пожалуйста.

На минуту оставшись одна, Джейд подошла к окну, чтобы полюбоваться чудесным августовским днем. Они с Колтом мечтали о летней свадьбе, потому что в это время года Санкт-Петербург был почти так же красив, как во время белых ночей, когда перламутрово-серебряная дымка опускается на город и прогоняет сверкающий день. Потом, вскоре после полуночи, горизонт опять становится розовым, золотистым и коралловым – и вот уже ночь ускользает, едва появившись.

Поначалу они планировали провести медовый месяц в

Америке, где им предстояло устроить свою новую жизнь, создать свой дом. Но дальний родственник Джейд, старший сын царя Александра и наследник престола, Николай, в качестве подарка предоставил в их распоряжение свою яхту. Порученные заботам экипажа, они могли наслаждаться месячным плаванием по сверкающему под солнцем Средиземному морю. Они собирались высадиться в Шербуре и съездить в Париж, чтобы попрощаться с родными Колта, а уже потом отправиться в Америку.

Сердце Джейд переполняла радость. До чего удивительна жизнь! И как прекрасен был человек, который скоро станет ее мужем, спутником жизни! Колт был для нее олицетворением настоящего мужчины. Красивый, высокий, великолепно сложенный, он унаследовал внешность своего отца, французского креола. Волосы у него были черные, как вороново крыло, а сверкающие глаза напоминали темное серебро. Одаренный умом и остроумием, он был прирожденным лидером, как и его отец, – это мнение разделял сам Корнелиус Вандербильт, внук легендарного коммодора Корнелиуса Вандербильта. Во время своего прошлогоднего визита в Париж к Тревису этот правитель огромной империи Вандербильтов был настолько покорен Колтом, что предложил ему работать с Уильямом Киссемом Вандербильтом, который представлял его интересы в строительном деле. В тот момент Колт не обратил особого внимания на это предложение: он был слишком занят своей жизнью во Франции и уха-

живанием за Джейд в России, чтобы думать о карьере. В конце концов, у него уже было достаточно денег. Да и Джейд получила немалое наследство от удочеривших ее Романовых.

В тот момент, когда Колт сделал Джейд предложение, оба были настолько поглощены своими чувствами, что не думали о будущем. Но позже, когда влюбленные гостили в Париже, мистер Колтрейн высказал свою тревогу по поводу растущей паники в Соединенных Штатах. После февральского банкротства железных дорог Филадельфии и Рединга стоимость акций начала снижаться, фонды – рушиться, а тысячи закладных на фермы – аннулироваться. В апреле золотой запас опустился ниже волшебной отметки в сто миллионов долларов, что отразилось на федеральном казначействе.

Тревис предчувствовал приближение катастрофы и вызвал на совещание своих детей, Колта и Дани. Он посоветовал им продать свою долю в серебряных рудниках Невады, полученную в подарок от него, сославшись на то, что акт Шермана относительно покупки серебра наверняка будет отменен конгрессом.

Если они успеют продать рудник до этого момента, то получат за него более высокую цену. А если И потерпят убыток, то не слишком серьезный.

Колт и Дани вовремя последовали совету отца: в июне того же года произошел обвал на нью-йоркской бирже.

Дани отнеслась равнодушно к тому, что Колт решил продать и ранчо, которое было расположено рядом с рудником.

Она ведь не собиралась возвращаться в Америку: ее муж, Драгомир, строил огромное шато неподалеку от Парижа. Но Колт всегда считал своим домом Америку. Продажа ранчо напомнила ему о его неустроенном быте, и он решил после свадьбы с Джейд вернуться в Соединенные Штаты и принять предложение Корнелиуса Вандербильта. Хотя у них и было состояние, которого могло бы хватить не на одну жизнь, но жить без дела, не иметь никакой ответственности ему казалось скучно. Кроме того, говорили, что Америка в девяностых годах была самой перспективной страной мира. Депрессия рано или поздно закончится – да она и так мало коснулась жизни Колтрейнов. Джейд моментально увлеклась идеей переезда, особенно когда Колт сказал, что в Америке только-только появился балет и она сможет открыть собственную школу-студию и преподавать. Эта идея наполняла ее энтузиазмом.

Может ли жизнь быть еще интереснее?

В дверь тихо постучали, и в комнату вошла мать Колта.

Женщины обнялись, и Джейд изумилась тому, как мило стиво обошлось время с Китти Райт Колтрейн. Если и сейчас она была все еще хороша собой, значит, в юности ее красота должна была буквально ослеплять, думала Джейд. Ее золотисто-рыжие волосы только-только начали блекнуть. Они были уложены в высокую прическу и придерживались изумрудными гребнями.

Кожа у Китти была гладкая, чистая, а немногочисленные

морщинки едва заметны. Ее глаза необычного фиалкового цвета светились таинственным огнем. На Китти было простое, но элегантное платье из атласа цвета кофе с молоком, а единственным украшением были изумрудные серьги: она не хотела затмевать невесту.

Осмотрев Джейд, она объявила с гордостью:

– Я совершенно уверена, что более красивой невесты свет не Видывал – за исключением, может быть, Дани. Моему сыну очень, очень повезло.

Джейд улыбнулась в ответ:

– Не сомневаюсь, что я была бы только тенью, если бы оказалась рядом с вами в тот день, когда вы выходили замуж за мистера Колтрейна.

Китти рассмеялась:

– Когда-нибудь я расскажу вам о нашей свадьбе. Я была в Скромном муслиновом платье, а Тревис – в потрепанном мундире янки. А Колт ревел, требуя, чтобы его покормили.

Джейд не была шокирована. Она уже слышала историю их любви. Наверное, Тревису и Китти было очень больно вспоминать и говорить о прошлом, но со временем все плохое забывается и в памяти остаются светлые моменты. Когда Тревис в последние дни ужасающей войны между штатами уезжал с генералом Шерманом, он не знал, что Китти беременна. Не знал он и о Кори Макрее и его дьявольском плане сделать Китти своей женой, о том, как он перехватывал адресованные ей письма Тревиса, возмущенного ее молчанием,

последовавшим за клятвами в вечной любви. Вернувшись в Северную Каролину после войны, Тревис поверил сплетням о том, что Китти вышла замуж за богатого и влиятельного приезжего, чтобы не потерять своего драгоценного поместья, поверил он и тому, что рожденный ею сын – ребенок Кори Макрея. Откуда ему было знать, что это его ребенок? Но в конце концов он узнал правду, и после гибели Макрея они с Китти снова нашли друг друга.

– Даже простое рубище не скроет вашей красоты! Готова биться об заклад, что глаза у вас сияли ярче ваших сережек, – сказала Джейд.

– Наверное, – признала Китти, невольно почувствовав прилив теплого чувства к мужчине, которого любила так долго. – Но, – сразу же добавила она, – я пришла сюда не для того, чтобы предаться воспоминаниям о дне моей свадьбы, Джейд, и не для того, чтобы высказать вам мое восхищение вашей внешностью. Я пришла сказать, как мы с Тревисом рады тому, что вы выходите замуж за нашего сына. Я хочу, чтобы вы знали: мы оба молимся, чтобы вас ждала долгая и счастливая жизнь, и чтобы вы любили друг друга так, как любим друг; друга мы.

Джейд не знала, сколько еще раз за этот день на ее глаза будут наворачиваться слезы радости.

– Спасибо, – прошептала она. – И я хочу, чтобы вы и отец Колта знали, что я сделаю все, чтобы он был счастлив.

Китти передала поздравления Дани – из-за беременности

она не могла присутствовать на свадьбе брата.

– Вы помните: мать Дани, Мэрили, умерла, давая ей жизнь, и врачи советуют Дани побережться, тем более что у нее уже был выкидыш. Ей велено весь остаток беременности провести в постели. Бедная девочка, – с сожалением проговорила Китти, – прошло всего три месяца, так что ей предстоит лежать очень долго. Мне ее жаль, но она так сильно хочет иметь ребенка, что готова на все.

– Но больше всего, – помолчав, продолжила она, – меня тревожит Тревис. Конечно, он хочет внука или внучку, но, помня, что произошло с матерью Дани, он так волнуется за дочь.

А сейчас лишнее беспокойство ему совершенно ни к чему.

Джейд все поняла.

– А как его здоровье, Китти? Последнее время вы с ним рано уезжали со всех приемов. Мы с Колтом тревожились, что вся эта суета слишком его утомляет.

Китти кивнула:

– Он действительно легко устает, но не хочет ничего пропустить. Говорит, что другого случая увидеть, как его сын женится на княжне, у него не будет, так что Тревис намерен сполна насладиться каждой минутой.

Она поспешила успокоить встревоженную Джейд, не желая, чтобы день ее свадьбы был омрачен хоть каким-то беспокойством.

– Не думайте о Тревисе. Он силен, как мул, и такой же упрямый... А в будущем вам предстоит то же самое говорить о его сыне. И вот еще одна причина, по которой я зашла к вам сегодня.

Китти стянула с пальца кольцо с жемчугом и изумрудом, которое носила не снимая. Смахнув с глаз слезы, она в последний раз посмотрела на украшение, с которым у нее было связано множество воспоминаний.

– Тревис подарил мне его на наше десятилетие, – тихо проговорила она. – Он сказал, что это не только подарок, отмечающий наши совместно прожитые годы, но и знак прощания с бедностью в преддверии богатства, которое ждало нас в будущем. Он сказал, что это – первое из множества драгоценных украшений, которые он собирается подарить мне в течение нашей жизни. Он был прав. Но никакие сокровища не значили для меня так много, как этот подарок. – Она протянула кольцо Джейд:

– Я хочу, чтобы теперь оно было у вас.

Джейд на мгновение потеряла дар речи. Такой подарок ее потряс.

– Я... я не знаю, что и сказать, – прошептала она, дрожащими пальцами беря кольцо. – Вы уже дали мне так много!

Китти удивленно подняла брови:

– Что вы имеете в виду, милая? Мы еще даже не сделали вам с Колтом свадебного подарка! Мы ждем, когда вы приедете в Париж, чтобы...

Джейд не дала ей договорить.

– Вы подарили мне Колта.

Китти засмеялась, качая головой:

– О нет! Я его вам не дарила. Я никогда не расстанусь со своим сыном – так же как вы никогда не отдадите того Колта, который станет вашим мужем. Он по-разному будет принадлежать нам обеим, Джейд, – и так оно и должно быть. И мы будем с вами добрыми друзьями, потому что каждая будет уважать то место, которое другая занимает в его сердце. Хорошо?

Джейд крепко обняла ее, благодарная за мудрые слова:

– Я всегда буду дорожить этим кольцом – как буду дорожить и вашим сыном.

В эту минуту в дверь негромко постучали, и великая княгиня Мария Павловна тихо сказала:

– Джейд, милочка, пора. Ты готова?

Мать и будущая жена Колта Колтрейна переглянулись. Теперь их связывали крепкие узы.

– Идите, – прошептала Китти, мягко подталкивая Джейд вперед. – Идите, выходите замуж за моего сына и будьте счастливы, дитя мое.

Джейд повернулась к распахнутой двери и сделала шаг к претворению в жизнь своей мечты...

Глава 2

Мария Павловна возложила сверкающую бриллиантами диадему на голову Джейд, а потом они начали спускаться вниз по парадной лестнице.

Казалось, дворец ожил и дышит в сиянии хрусталя, серебра, золота и внушающих трепет ослепительных уборов придворных дам. Усыпанные драгоценными камнями ордена на широких лентах украшали грудь мужчин-аристократов. Гвардейцы дворцовой охраны выстроились вдоль стен дворца. Сливки европейского общества собрались, чтобы увидеть знаменитую невесту. Нежная мелодия скрипок придворного оркестра наполняла воздух.

Джейд уже в который раз пожалела о том, что они с Колтом не смогли избежать пышной церемонии и сочетаться браком скромно. Это было невозможно, ведь она считалась членом семейства Романовых, пусть даже и была удочерена. И она выходила замуж за сына очень уважаемого гражданина Соединенных Штатов. Протокол требовал именно такого венчания, так что ей пришлось смириться с тем, что казалось ей цирковым представлением. Она заставила себя улыбнуться и прошла в дворцовый храм мимо рассыпающихся в поздравлениях и добрых пожеланиях гостей, моля Бога, чтобы все поскорее закончилось.

Стены и потолок храма, покрытые яркими фресками, бы-

ли залиты светом. Алтарь отделялся иконостасом, украшенным золотом и драгоценными камнями. Небольшая группа собравшихся в нем людей – только члены семьи и приближенные особы – буквально утопала в радужном сиянии, исходящем от золотых окладов икон.

Джейд тихо вздохнула, подавленная этим великолепием, и тут же увидела Колта, который ждал ее у алтаря. Теперь она забыла обо всем. Ее мысли занимал только он. И так будет всегда, и этот драгоценный миг на всю жизнь запечатлется в ее трепещущем сердце.

Она встала рядом с Колтом, их взгляды встретились, и сердца, согретые огнем любви, соединились навечно – никакие слова обряда не смогут связать их теснее, чем это сделала любовь. Душой и сердцем они уже принадлежат друг другу. Это празднество, эти церемонии нужны только друзьям и родственникам.

Джейд едва заметила, как позади нее встал Николай в пышном мундире гусара: в этот день он взял на себя роль ее отца.

Так же мельком она взглянула и на Тревиса Колтрейна, как всегда красивого и уверенного в себе, гордо стоявшего подле Колта.

Обряд начался, и она на память произнесла все положенные слова, не в силах оторвать взгляда от Колта. Джейд трепетала от избытка чувств, от радостной мысли о том, что они теперь едины: муж и жена, на веки веков, перед лицом всех

людей.

Наконец под сводами церкви отзвучали слова, сделавшие их брак законным, и Колт нежно заключил Джейд в объятия и приник к ее губам в поцелуе, который отозвался сладкой дрожью во всем ее теле. Джейд О'Бэннон превратилась в миссис Джон Тревис Колтрейн и в этот счастливый момент не пыталась сдержать слез восторга. Она смутно слышала доносившиеся откуда-то издалика слова поздравлений: они с Колтом чувствовали себя изолированными от всего мира – состояние, столь знакомое для тех, кто по-настоящему влюблен.

Свадебный прием был еще более помпезен. Во дворце были фонтаны шампанского, в чашах которых плавали ягоды поздней клубники. На столах, покрытых атласными с кружевом скатертями, стояли блюда с жареными поросятами, индейками и курами. Фрукты и кремовые десерты могли соблазнить даже самого утонченного гурмана.

Джейд и Колт принимали поздравления гостей и родственников. Проходившая мимо Китти мягко пошутила:

– Скоро море вам порядком надоест: сначала медовый месяц на императорской яхте, потом – плавание в Америку!

Джейд согласилась:

– Я буду более чем готова наконец осесть на берегу и обзавестись собственным домом!

Колт шутливо нахмурился:

– «Домом», миссис Колтрейн? Боюсь, что нам придется

обзаводиться дворцом, иначе места для свадебных подарков не хватит!

Джейд озорно прищурилась:

– Может, продать их Дани для ее антикварного магазина?

Денег должно хватить, чтобы нам какое-то время не голодать.

Китти заверила их, что все подарки, отправляемые в Париж, тщательно регистрируются, а потом отвозятся в порт в ожидании пересылки.

– Они будут с вами на пароходе.

– Их временно придется сдать на хранение, – заметила Джейд. – Сначала мы остановимся в отеле и будем не спеша искать такой дом, который бы нас устроил. Но это не самое главное!

Она снова устремила на мужа восхищенный взгляд. Сейчас ее меньше всего занимали такие пустяки, как свадебные подарки или поиски постоянного дома. Ей хотелось поскорее оказаться в кольце сильных, жадных рук мужа. Если бы у нее была волшебная палочка, она велела бы исчезнуть и дворцу, и гостям, и слугам – и осталась бы с ним вдвоем.

Колт знал, о чем она думает, и громко объявил:

– Довольно традиций и церемоний! – Я хочу танцевать с моей женой.

Никто не посмотрел на него с осуждением: все улыбками проводили Колта и Джейд, направившихся в бальную залу. Гости с нетерпением ожидали, когда новобрачные начнут

первый танец. Им освободили место в центре залы, и скрипачи заиграл» мелодию, предназначенную специально для них.

Они плавно закружились под нежные, мелодичные звуки вальса.

– Боже, до чего ты красива, Джейд! – тихо проговорил Колт. – Мне не верится, что ты действительно моя! Не знаю, как сказать тебе, насколько я тебя люблю.

Она озорно улыбнулась:

– Сегодня, мой дорогой муж, ты делом докажешь, что это так!

Лежавшая на ее талии рука конвульсивно сжалась. Колт с трудом сдержал желание резко прижать ее к себе и на глазах у всех присутствующих поцеловать эти смелые, дразнящие губы.

С наигранной яростью он прошептал:

– Обещаю, что ты будешь молить меня о пощаде.

– О! – тихо воскликнула Джейд, стараясь, чтобы их не услышали гости, которые присоединились к танцу. – Ты никогда не добьешься, чтобы я тебя о чем-то умоляла... кроме одного: чтобы ты не останавливался.

Колт притворился возмущенным, но на самом деле ее откровенность его порадовала и возбудила. Он еще не встречал таких страстных женщин, как Джейд. И это была одна из причин, по которой он так сильно ее любил.

– Можно мне потанцевать с моей новой дочкой?

Они оглянулись: рядом выжидающе стоял Тревис Кол-

трейн, Колт с улыбкой поклонился и уступил свою жену отцу.

Джейд охотно пошла танцевать с Тревисом. Она была в восторге от своего свекра, обаятельного и остроумного. Отец и сын были так похожи друг на друга, правда, в Тревисе ощущалась мягкость, которую Колту еще только предстояло приобрести. Они дружески болтали, и Тревис еще раз высказал Джейд свое восхищение ее красотой. Однако вскоре она заметила, что его лицо немного покраснело, а в глазах появилось какое-то беспокойство. Джейд предложила прогуляться по террасе и немного подышать свежим воздухом, сказав, что ей просто необходимо отдохнуть от толпы и шума. Тревис сразу же согласился, и, никем не замеченные, они выскользнули на улицу, в сине-золотую красоту августовского дня.

От реки дул легкий ветерок. Тревис, вытащил носовой платок и вытер лоб. Джейд слегка дотронулась до его плеча: ее встревожил нездоровый вид свекра.

– Как вы себя чувствуете? Вы уверены, что вам ничего не надо?

Он молча махнул рукой, уселся на ближайшую скамейку и жестом пригласил сестр Джейд. Она устроилась рядом с ним.

– Джейд, – начал он, – я надеялся поговорить с вами наедине, потому что мне надо кое-что вам сказать.

Она испуганно напряглась, но, услышав следующие его слова, поняла, что для тревоги не было оснований.

– Я хочу, чтобы вы знали, насколько я рад тому, что мой сын нашел в жизни настоящую любовь. Честно говоря, я боялся, что он так же, как и я когда-то, ожесточится после столкновений с хитрыми, алчными женщинами, запрет на замок свое сердце и не впустит в него никого, кончив жизнь разочарованным одиноким стариком.

Не понимая, к чему он клонит, Джейд перебила его:

– Но у вас есть Китти...

– Теперь есть. – Его губы тронула нежная улыбка. – Но я долго пытался сопротивляться любви к ней. Я даром потратил драгоценное время. Не могу даже передать вам, сколько нам пришлось пережить. Наверное, понять это могут только те, кто сам такое пережил. Дело дошло до того, что я готов был превратиться в отшельника, одиночку. Я чертовски рад, – тут он негромко засмеялся, – что не пошел по этому пути, а еще больше рад тому, что Колту не придется испытывать сожалений, которые испытываю сейчас я, – сожалений об упущенном времени, драгоценном времени.

Он надолго замолчал. Джейд терпеливо ждала: по его взгляду было видно, что сейчас он мыслями находится не в Санкт-Петербурге, не в царском дворце на свадьбе своего единственного сына. Он окунулся в прошлое, в давно минувшие дни своей молодости, заново переживая ее... и, увы, испытывая сожаления.

Потом он чуть заметно тряхнул головой и вернулся в настоящее.

– Извините. Кажется, я в последнее время все больше и больше вспоминаю о прошлом. Наверное, потому, что мне приходится привыкать к мысли, что скорее всего у меня осталось не так уж много времени в будущем.

Джейд вздрогнула.

Тревис снова рассмеялся:

– Не надо так пугаться, милая моя. Единственная вещь, на которую мы можем в жизни рассчитывать, – это смерть, и я научился не бояться ее. Когда придет мое время уходить, я надеюсь быть к этому готовым. И мне хотелось бы знать, что жизнь моих близких сложилась счастливо. Я рад, что вы с Колтом переезжаете в Америку. Мне нет нужды говорить вам о том, насколько нестабильна обстановка здесь, в России: недовольство масс, угроза анархии, – полное бессилие власти, забастовки, восстания. Царская полиция постоянно борется с нарастающим сопротивлением, и все большее количество политических активистов отправляется в Сибирь. Господи, – неприятные мысли заставили его содрогнуться, – сколько времени это может продолжаться и чем закончится?! Я рад, что никто из моих близких не будет жить в этой стране.

Джейд легко прикоснулась к его руке, показывая, что разделяет его тревогу. Она слишком хорошо понимала, о чем говорит Тревис: и это было одной из причин, по которой она с такой готовностью согласилась уехать из России.

Тревис встал и подал ей руку:

– Простите меня, я не хотел быть таким мрачным в этот самый счастливый для вас день, моя новая дочка. Исполнилась моя последняя мечта. Колт обрел жену, любимую им спутницу жизни. Теперь его ждет хорошее будущее.

Джейд обняла свекра за плечи и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в щеку. От всего сердца она сказала:

– Я не могла бы любить вас более горячо, даже если бы вы были моим родным отцом, месье...

– Тогда ради Бога перестань обращаться ко мне «месье», – воскликнул он с наигранной обидой, чтобы разрядить слишком эмоциональную атмосферу. Взяв ее под руку, он с улыбкой сказал:

– Можешь звать меня Тревис, или папа, или как угодно еще, но только не месье! А теперь пошли поищем шампанского.

Я всегда считал, что все эти церемонии можно терпеть только благодаря хорошему вину.

Радостно смеясь, они вернулись во дворец. Все от души веселились, и смех, и звуки музыки наполняли воздух. Слуги зорко следили за тем, чтобы шампанское и закуски не иссякали, так что, судя по всему, празднование должно было затянуться надолго.

В конце концов Колт устал от веселья и откровенно признался в этом во время танца с одной из царственных дворянок сестер Джейд Та осуждающе фыркнула и холодно напомнила ему, что почетным гостям положено оставаться

на приеме до тех пор, пока не закончатся танцы, а это будет не раньше рассвета.

Сразу же после окончания танца Колт поспешил к Джейд и, вызволив ее из объятий запыхавшегося вельможи с широкой красной лентой на круглом животе, незаметно увлек на террасу.

Оставшись наедине с Джейд, вдали от шума и блеска, Колт обнял ее и поцеловал сладкие, теплые губы.

– Как ты прекрасна! – потрясение сказал он. – Здесь, в этом странном предрассветном тумане, ты похожа на принцессу из сказки. Мне кажется, тебя вот-вот окружит хоровод эльфов.

Джейд рассмеялась, хотя сердце девушки готово было разорваться от переполнявшей ее любви.

– Извини, но тут нет поганок, под которыми прячутся эльфы в ирландских сказках! Они ведь ужасно робкие.

– Джейд, давай уйдем отсюда! – вдруг предложил Колт. – Давай тихо улизнем на яхту. Гости готовы веселиться всю ночь, и одна из твоих суровых кузин сообщила мне, что нам положено оставаться с ними до самого конца. А я задумал совсем другое развлечение – для нас двоих.

Тут он заговорщически подмигнул жене.

Джейд задумчиво поджала губки:

– Ну, боюсь, что наш поступок сочтут страшно невежливым. – На самом деле мысль о том, чтобы потихоньку сбежать, показалась Джейд очень заманчивой: ей тоже хотелось

остаться с Колтом вдвоем. Однако из озорства она притворилась, что не хочет уходить. – Яхта до рассвета не отплывет, и на борту должны подать завтрак с икрой и шампанским, чтобы все родные могли с нами попрощаться.

Колт уже привык к шалостям Джейд и знал, как на них реагировать. Он тяжело вздохнул, понурился и принял самый смиренный вид.

– Ты права. Это было бы невежливо. Давай вернемся и поедем. Ночь обещает быть долгой, а я проголодался.

Он повернулся, чтобы идти, но Джейд удержала его за руку, прекрасно понимая, что он мстит ей за ее притворные колебания.

– Если ты и правда хочешь, чтобы мы ушли сейчас, Колт, то мы уйдем.

Он не стал поворачиваться, чтобы Джейд не увидела его улыбки.

– Нет, ты права. Нам следует остаться.

– Колт, если мы не уйдем сейчас же, то я вообще не сдвинусь с места, – пригрозила она, – а так и останусь здесь!

Колт едва заметно приподнял брови. Ухаживая за Джейд, он научился не удивляться ее неожиданным капризам и переменам в настроении, иначе он так все время и ходил бы с изумленно поднятыми бровями и, несомненно, выглядел бы настоящим идиотом.

– Ты это серьезно?

Он имел в виду не ее пустую угрозу – и они оба это по-

нимали.

Джейд кивнула. Она возбужденно дрожала всем телом при мысли о столь необычном уходе с приема в их честь. Если кто-то на них и обидится, то это значит, что он или она просто старые ворчуны и на них не следует обращать внимания.

Она топнула ногой в атласной белой туфельке и изобразила тревогу:

– Ну? Боишься проявить такую смелость?

Колт усмехнулся, понимая, что она нарочно дразнит его – ведь Джейд прекрасно знала, что он, как и его отец, никогда не подчиняется общепринятым правилам, если они не отвечают его собственным интересам. Поэтому он охотно принял вызов своей жены и стремительно подхватил ее на руки. Бесконечные ярусы атласа, кружев и шифона перепутались так, что стало казаться, будто он несет охапку дорогого белья, а не похищает новобрачную.

Сойдя с террасы, Колт стремительно зашагал по газону, уходя в волшебные сумерки. Простой народ, толпившийся вокруг дворца в надежде хоть глазком взглянуть на царственных особ, стал свидетелем зрелища, о котором им предстояло рассказывать еще очень долго: красивый мужчина в белом фраке нес пышную грудку атласа и кружев. Потом они с изумлением узнают, что на самом деле это были новобрачная, троюродная сестра императора Джейд, и ее муж, Колт Колтрейн.

Джейд вдруг спохватилась:

– Это безумие, Колт! Ты же не можешь нести меня на руках до самого Адмиралтейства! Это слишком далеко и...

– Ты права, – согласился он, перехватывая ее так, чтобы можно было поднять руку и остановить проезжающий экипаж.

Пожилая супружеская пара, ехавшая в нем, направлялась в гости, но не смогла проехать мимо столь любопытной сцены. Колту осталось только объяснить, куда он направляется: радостно смеясь, хозяева экипажа потеснились и велели кучеру везти их прямо к причалу.

Императорскую яхту не заметить было нельзя. Когда карета остановилась на набережной, Колт поблагодарил ее хозяев за доброту, а потом снова подхватил Джейд на руки и поднялся на борт великолепного судна. Матросы, сновавшие по палубе и мостикам, с любопытством их разглядывали.

Офицер в великолепном белом мундире с золотой и черной тесьмой вышел на палубу. Он мгновенно понял, что на яхту прибыли молодожены, – правда, не совсем так, как их ожидали.

– Э... э... Вы приехали немного раньше... – промямлил он вместо приветствия, но потом быстро пришел в себя. Щелкнув каблуками, он отвесил вежливый поклон и отдал честь. Обращаясь к Джейд, которую немного знал по предыдущим плаваниям с родными, он сказал:

– Ваше сиятельство, мы ждали вас значительно позже...

Нам сказали, что на рассвете состоится прощальный завтрак, и...

– Мы поменяли планы, – отрывисто бросил Колт.

Джейд спрятала лицо у него на груди: ей не хотелось, чтобы офицер увидел, что она смеется.

– Никакого прощального завтрака. – Колт прошел мимо него. – Никаких гостей на борту. Мы отплывем, как только вы приготовитесь поднять якорь.

Удивление офицера начало проходить, сменяясь радостным удовольствием: он догадался, что молодожены улизнули с собственной свадьбы.

– Сюда, пожалуйста, – проговорил он, жестом приглашая их следовать за ним. – В каюту императора.

Джейд было знакомо устройство яхты, и она шепнула на ухо Колту, что знает дорогу.

– Прекрасно, – ответил он ей и сообщил офицеру, что проводник им не нужен. – Прикажите только, чтобы туда немедленно подали две бутылки шампанского.

Офицер послушно попятился:

– Как прикажете, сударь.

Пока они спускались вниз, Джейд рассказала Колту, что яхту построили на датской верфи специально для царя и что она считается одной из самых изящных в Европе.

– Я всегда любила летом отправляться в плавание с родными.

Яхта имела паровой ход и топилась углем. Огромный буш-

прит, далеко выступавший за нос клипера, был покрыт позолотой. Над двумя белыми трубами высоко поднимались три мачты.

В бледно-розовом свете сумерек под белыми парусиновыми навесами поблескивали палубы, уставленные плетеными столиками и креслами. Многочисленные салоны – обеденные, музыкальные, игровые и прочие – были обиты красным деревом. Повсюду висели хрустальные люстры и бархатные занавеси, сверкали отполированные до блеска полы. На яхте были просторные каюты для гостей царского семейства и даже небольшая часовня.

Ниже располагались каюты офицеров и кубрики палубных матросов, стюардов, камердинеров, горничных, поваров и гвардейцев морской охраны. Там же, внизу, жили музыканты духового оркестра и балалаечники.

– Это настоящий плавучий дворец! – ликовала Джейд. – Я просто ушам своим не поверила, когда Николай предложил нам провести на своей яхте медовый месяц.

Они добрались до императорских кают, и хотя они были богато убраны и украшены, как и подобает жилищу, рассчитанному на императорскую чету, Джейд и Колт не обратили на роскошную обстановку никакого внимания: с тем же успехом они могли бы оказаться в темном и сыром погребе. Это была их ночь, их время: наконец-то они остались вдвоем и из просто влюбленных превратились в супругов. Они и прежде уступали страсти, но сейчас все было совсем по-

другому. Их отношения приобрели новый смысл.

Колт заглянул в глаза Джейд: их озорной блеск сменило темное мерцание пробуждавшихся чувств. Она прижалась к нему и прошептала:

– Наши родные никогда нас не простят!

Колт нежно коснулся ее плеч, ощущая первый прилив страсти.

– Они тоже знают, что такое желание, – иначе нас бы не было на свете. Они поймут.

В дверь тихо постучали.

– Шампанское, – объявил Колт и открыл дверь, чтобы принять от робеющего стюарда два серебряных ведерка с обернутыми в белые салфетки бутылками.

Он поблагодарил стюарда и закрыл дверь. Обернувшись, Колт обнаружил, что Джейд исчезла. Но это его не удивило. Он отправился искать свои вещи и туалетную комнату. К тому моменту как он переделся в синий бархатный халат и вернулся в каюту, Джейд уже была там и умело открывала бутылку шампанского. В своем белом воздушном пеньюаре она была ослепительно хороша.

Джейд не заметила, что стоит перед лампой и что ее тело ясно вырисовывается под тонкой тканью. Колту видны были четкие линии ягодиц, идеально сформированных долгими занятиями балетом. Ее ноги, стройные, изящные, были настоящим произведением искусства.

Она повернулась. Увидев ее груди, божественно-соблаз-

нительные, с бутонами сосков, приподнимающими полупрозрачную ткань, Колт восхищенно ахнул. Великолепные волосы, выпущенные на свободу из свадебной прически, лежали мягкими локонами вдоль разгоревшихся щек. В глубине изумрудно-нефритовых глаз вспыхивали искры пробуждающейся страсти. Она протянула ему бокал шампанского и почти смущенно прошептала:

– За нас, любимый.

Колт церемонно с ней чокнулся и медленно выпил шампанское, глядя прямо ей в глаза. Потом он взял бокал из ее чуть дрожащих пальцев и вместе со своим бросил в пустой мраморный камин.

– Я так долго ждал этой минуты, когда ты станешь до конца моей, – глуховато сказал он, поднимая ее на руки.

Джейд не произнесла ни слова – только смотрела на него горящими глазами, пока он нес ее в спальню.

Он уложил ее на кровать, наслаждаясь телом, которое она сама без ложной скромности открыла его взгляду, приглашая на их брачный пир.

Не теряя ни минуты, Колт расстегнул халат и сбросил его на пол, а потом лег рядом с ней.

Их губы слились в поцелуе, языки встретились и начали любовную игру. Жгучая страсть вспыхнула мгновенно, огнем растекаясь по жилам. Его губы спустились к ее груди, и он начал ласкать теплое и душистое тело, а ее пальцы запутались в его волосах и притянули его голову еще ближе.

Любовь, желание... страсть, восторг... преданность, обещания... Всегда и вечно. Идеальная гармония, полное слияние...

Волны несказанного наслаждения поднимались все выше в ритме, созданном не просто двумя любовниками, а танцовщиками, великими танцовщиками, исполнявшими бессмертный танец любви.

И тысячи огней зажглись в их сердцах и рассыпались сверкающими искрами ослепительного экстаза.

Они лежали вместе, обнимая друг друга: их души слились воедино. Они надеялись, что навсегда, и молили Бога об этом.

Глава 3

Еще в сумерках императорская яхта отплыла из Санкт-Петербурга, и когда Колт и Джейд проснулись около двенадцати часов следующего дня, то их приветствовали потрясающие виды скалистых берегов Финляндии.

Джейд поднялась и выглянула в иллюминатор. Растрепанные волосы падали ей на лоб и щеки, и ее ничуть не смущало то, что она обнажена: воздушный пеньюар затерялся где-то среди смятых простыней. Колт с ласковой насмешливостью наблюдал за тем, как она по-детски радостно хлопает в ладоши, объявляя:

– Сегодня у нас особое утро – наше первое супружеское утро, и я хочу, чтобы завтрак тоже был особый. Опять шампанское, а еще – копченая лососина и сладкая дыня в вине!

Колт суховаато напомнил ей:

– По-моему, утро мы проспали. Может, сразу перейдем к ленчу?

Джейд приняла самую высокомерную позу и, заносчиво фыркнув, изобразила возмущение.

– Похоже, вы забыли, сударь, что я – царственная особа!

Я – княжна Джейд! И если я пожелаю позавтракать в середине дня, то я получу завтрак немедленно. А вы, – тут она ткнула пальцем в его обнаженную грудь, – извольте не забывать свое место, или мне придется вам о нем напомнить.

– А как насчет того; чтобы я напомнил тебе твое место? – Он шутливо зарычал и бросился на нее.

Оба от души хохотали. В следующую секунду Колт уже повалил Джейд обратно на постель, прижимая тяжестью своего тела. Глядя в ее глаза, согретые желанием, он хрипловато объявил:

– Твое место, маленькая аристократка, здесь, в моих объятиях – навсегда.

Колт наклонил голову, и поцелуй его был долгим и жадным.

Перекатившись на бок, он увлек Джейд за собой, и его руки начали властно скользить по ее телу.

Искра разгорелась, и они оказались объаты пламенем, которое в конце концов поглотило их...

Они погрузились в легкую дремоту влюбленных и проснулись в середине дня, ощутив, что умирают от голода. Колт потребовал, чтобы им принесли завтрак, который незамедлительно появился. У всего экипажа яхты была одна цель: служить молодоженам и заботиться о том, чтобы у них было все, что они пожелают.

Большую часть времени они проводили в каюте: если не наслаждались бесконечными любовными ласками, то радостно обсуждали будущее. Колт был полон энтузиазма в отношении своей будущей работы с Вандербильтами: он был уверен, что его новое занятие окажется увлекательнейшим делом.

– Но тебе ведь не обязательно работать, – напомнила ему Джейд. – У нас достаточно денег!

Он шутливо возразил:

– Тогда, наверное, тебе тоже не обязательно открывать собственную балетную школу, правда? В конце концов, зачем тебе работать? И ты права. Какой мне смысл работать? Давай всю оставшуюся жизнь только заниматься любовью да тратить наши деньги.

Джейд прекрасно знала, что им хочется вести более деятельную жизнь: они молоды, полны энергии и жаждут новых впечатлений. Кроме того, Колт настоял, чтобы у них были отдельные банковские счета, поскольку он еще не забыл того горького эпизода своей жизни, когда он чуть не потерял все свое состояние, а заодно с ним и все деньги Дани. Ему хотелось позаботиться о Джейд, если, упаси Боже, с ним опять случится нечто подобное.

Они обсуждали, где останутся в Нью-Йорке, пока не построят дом своей мечты. Колт упомянул, что Корнелиус Вандербильт строит для своей семьи великолепный особняк на берегу Гудзона, к северу от города.

– Может быть, мы тоже найдем там участок.

В ответ Джейд поведала о своей мечте:

– Я хочу родить четырех дочерей, и чтобы все они стали балеринами. Мы отправим их учиться в Россию, и...

– Эй, – со смехом прервал он, – а как насчет наших сыновей? Я не хочу, чтобы они обучались балету! Они будут

яхтсменами и прекрасными наездниками, и...

Джейд поцелуем заставила его замолчать, и они снова отдались во власть страсти, которая, как и их счастье и радость, казалась неисчерпаемой.

Яхта проплыла по Балтийскому морю вдоль западных берегов России.

Оказавшись в Дании, они на несколько дней остановились в Копенгагене, где их в качестве гостей принимали король Христиан и королева Луиза. Джейд была рада поговорить с одной из фрейлин, которая сопровождала королеву, когда та ездила в Россию на свадьбу. Придворная дама сказала, что, после того как Джейд и Колт сбежали с приема, никто не рассердился.

«Конечно, – со смехом заметила она, – некоторые притворились, что шокированы: но только потому, что не решились признаться, что находят происшедшее очень романтичным». Когда Джейд пересказала этот разговор Колту, он ответил, что был уверен в том, что все отнесутся к этому эпизоду как к типичному проявлению неблагонадежности Джейд.

Далее яхта плыла по Северному морю, а потом – по Ла-Маншу. В тот день, когда они проходили мимо Кале и Дувра, Джейд и Колт стояли на палубе и сквозь серый туман смотрели на берега Великобритании.

Обратив внимание на то, что Джейд погрузилась, Колт спросил ее, в чем дело, и она честно ответила:

– По ту сторону Британии – Ирландия. Я думала о том,

захочется ли мне когда-нибудь туда вернуться.

– Может быть, когда-нибудь мы туда съездим. – Он крепче обнял ее за талию, притягивая к себе. – В конце концов, у тебя же там осталась семья отца!

– Моя семья – это ты! – сказала она, стараясь проглотить знакомый комок, который всегда вставал у нее в горле, когда она вспоминала о своем одиноком детстве. Она никогда и никому об этом не рассказывала – не расскажет и сейчас, даже Колту. Ей не хотелось думать о прошлом – только о настоящем, не хотелось вспоминать другие места. Она счастлива была стоять здесь, рядом с мужем, которого с каждым днем любила все сильнее.

Как-то днем они заметили небольшой остров у берегов Португалии, и Колт попросил капитана бросить там якорь. На шлюпке они высадились на берег и провели волшебные часы на пустынном пляже с белоснежным песком, который лизали зеленоватые волны.

Они проплыли через Гибралтар и остановились в небольшом порту Марокко, чтобы осмотреть эти экзотические места, прежде чем плыть по Средиземному морю.

Побывали они и на острове Корфу, и Джейд объявила, что никогда отсюда не уедет. Корфу, один из семи греческих островов в Ионическом море, с его пышными рощами масличных, апельсиновых и лимонных деревьев, был несказанно красив. Они осматривали древние храмы, посвященные Гере, Аполлону и Афродите, и лакомились ломтиками арти-

шоков, кусочками осьминогов, крошечными маринованными перепелками и долмой – виноградными листьями с начинкой.

Им предстояло провести среди греческих островов несколько дней – и как-то утром, проснувшись, Джейд не обнаружила рядом с собой в постели Колта. Выглянув в иллюминатор, она увидела его на палубе: он стоял, глядя вдаль на небольшой остров.

Заинтересовавшись, она надела теплый халат и вышла к нему на палубу, ежась от прохладного утреннего ветерка, Колт не слышал ее шагов и, когда Джейд дотронулась до его плеча, от неожиданности вздрогнул и несколько секунд смотрел на нее с недоумением, словно не узнавал.

Это испугало Джейд, и она отступила на шаг:

– Колт, что случилось? Я никогда не видела тебя таким!

Он встряхнул головой, словно пытаясь прогнать какие-то видения. Смех его прозвучал неестественно, натянуто.

– Извини. Наверное, сегодня моя очередь думать о прошлом. – Он еще раз посмотрел в сторону Черного острова, и по его лицу пробежала тень. Он негромко сказал:

– Это Санторин.

Джейд ахнула, мысленно ругая себя за то, что не подумала, как может подействовать на Колта пребывание в этих местах.

Ей известна была история, связанная с островом, – Дани поделилась с ней воспоминаниями задолго до того, как это

решился сделать сам Колт.

Санторин с его отвесными скалами, поднимавшимися на шестьсот футов, издали казался совершенно черным из-за слоя темной скальной породы, которая, как и его рыжая почва со следами серой лавы и прожилками белой пемзы, была результатом давнего извержения вулкана.

Именно, на этот греческий остров Колт и его отец прибыли, преследуя преступника, Гевина Мейсона, чтобы вернуть огромное состояние, которое он обманом отнял у Колта. Им помогала – хоть напротив собственного желания – Бриана.

Бриана!

Джейд невольно ощутила прилив... чего? Ревности? Ей хотелось бы считать себя выше этого чувства – но ведь сердце Колта хоть и недолго, но принадлежало Бриане! Но – о, что это была за гадкая история! Джейд знала, что Колт не любил вспоминать о том, как Гевин Мейсон вынудил Бриану играть роль сестры Колта, Дани, которую тот не видел с детства, а потом, подпоив, заставил поверить, что он переспал с собственной сестрой! Колт был настолько переполнен рассказом, что отдал мошенникам все деньги и уехал из города.

Потом он, конечно, опомнился, понял, что его обманули, и последовал за Гевином и Брианой через Францию до самого Санторина. Там Гевина убил один из его собственных людей.

Колт получил обратно свои деньги... и Бриану.

Что произошло потом? Джейд точно не знала, но главное

– что бы ни было между Колтом и Брианой, их любовь не выдержала испытания временем. Огонь погас. Однако, глядя на Колта, Джейд вдруг поняла, что Бриане всегда будет принадлежать особый уголок в его сердце. Она решительно сказала себе:

«Ну и что? Ведь это меня он полюбил настолько сильно, что женился!»

Она прижалась к Колту, и он обнял ее и поцеловал, прошептал:

– У всех есть воспоминания, милая.

– Да, но они имеют значение только тогда, когда являются нашими общими воспоминаниями!

Они улыбнулись друг другу, и тень осталась позади – как и черный остров.

– Мы слишком долго отсутствовали, – сказал Колт, когда они собрались вернуться в спальню. – Наверное, нам пора отправляться в Париж, чтобы попрощаться с родными и ехать домой.

– Домой! – прошептала Джейд почти с трепетом. Что это было за дивное слово! Что за дивная мысль! Она поймала руку Колта и поднесла кончики его пальцев к губам. – Да, поедем домой... к нашему будущему.

Глава 4

Приезд Джейд и Колта в Париж оказался сюрпризом для его родных: их ожидали только через неделю. Китти была в восторге, хотя нездоровье Тревиса привнесло в их встречу печальную ноту.

– Он обращался к врачу? – озабоченно спросил Колт.

Он, Джейд и Китти пили чай в гостиной.

Китти кивнула и беспомощно пожала плечами:

– Врач повторил то, что уже говорил раньше: неприятности могут быть связаны со старой раной... Может, сдвинулся осколок и оказался слишком близко от сердца. А может, осколок тут ни при чем, а все дело в сердце. Он не знает. Ничего не сказали и другие доктора, которых я приглашала. Но они все согласны в одном – ему нужен полный покой. Да я и сама в этом убедилась: если он не устал и не волнуется, то нет ни боли, ни расстройства желудка, ни головокружений. Так что предписание одно: уйти от дел, ни о чем не беспокоиться и как можно больше отдыхать.

– А что он на это говорит? – поинтересовался Колт.

Китти встала и начала беспокойно расхаживать по комнате.

– Вот что меня больше всего тревожит: он с ними соглашается! Он готов переехать в Ниццу и провести остаток жизни, лежа на солнышке и гуляя по берегу моря. И это застав-

ляет меня думать, что положение гораздо серьезнее, чем мне говорят!

Джейд и Колт обеспокоенно переглянулись, но ничего не ответили. Китти взяла себя в руки и вымученно улыбнулась:

– Извините. Я не собиралась обо всем этом говорить. Не удивлюсь, если Тревис так плохо себя чувствует из-за Дани.

Тогда я рада, что мы скоро переедем.

Колт быстро спросил, когда планируется переезд, и Китти ответила, что это произойдет, как только все будет подготовлено.

– Нам надо найти в Ницце дом, определить, какую часть обстановки там можно будет разместить, а остальное продать или подарить Дани и Драгомиру.

При упоминании о ее дорогих друзьях у Джейд потеплело на сердце, и она взволнованно сказала:

– Мне так не терпится их увидеть! Страшно хочется рассказать Дани про свадьбу!

Китти ответила, что уже описала все в подробностях.

– Но ей хочется услышать это от тебя. По правде говоря, – Китти сжала губы, вспомнив, как Дани почти умоляла, чтобы Джейд как можно скорее приехала к ней, – она заставила меня пообещать, что я попрошу тебя, чтобы ты навестила ее сразу же по приезде. Она не меньше меня обрадуется, узнав, что вы вернулись раньше срока. Мне так ее жаль! Они с Драгомиром очень хотят ребенка, так что нам остается только молить Бога, чтобы она его не потеряла.

Колт спросил, как себя чувствует Дани, и Китти объяснила, что и на этот раз врачи бессильны чем-либо помочь и могут только советовать ей не вставать с постели.

– Она должна все время лежать. Только так она может надеяться выносить ребенка. А ведь ей остается еще примерно пять месяцев! – Китти направилась к двери. – Сейчас поднимусь наверх, посмотрю, проснулся ли отец. Если да, то он захочет вас видеть. А если нет, то я его будить не стану – ему нужен отдых.

Когда она ушла, Колт пересел поближе к Джейд. Она понимала, что его тревога за родных вполне естественна. В конце концов, им ведь предстоит уехать очень и очень далеко, так что не исключено, что он больше никогда не увидит отца.

Колт отрывисто бросил:

– Нам нельзя его тревожить.

Джейд заморгала, не понимая, что он хочет сказать.

Глядя на нее, он повторил:

– Нам нельзя его тревожить. – А потом объяснил:

– Что бы ни случилось, мы ни в коем случае не должны тревожить ни его, ни Дани. Я уверен, что у нас не будет никаких проблем, но если они возникнут, мы не будем ничего сообщать моим родным, договорились?

Джейд согласилась, но с тревогой в голосе спросила:

– А что может случиться?

– Я и не говорю, что что-то случится, нам лишь надо сле-

дить за тем, чтобы наши письма домой всегда были оптимистическими. Мама ведь уже тоже немолода, и ей хватает своих тревог, так что не нужно беспокоить ее нашими проблемами.

Китти вернулась, чтобы сообщить, что Тревис еще спит.

– Я попросила повара приготовить ленч, а потом вам следует навестить Дани и Драгомира. К вашему возвращению он уже проснется.

После ленча молодожены сели в карету старших Колтрейнов, которой предстояло отвезти их на окраину Парижа, в сторону Версаля: в нескольких милях от него Драгомир достраивал трехэтажный шато, к которому прилегали земли в пятьдесят акров. Они с Дани поселились в апартаментах восточного крыла – остальная часть здания еще достраивалась.

На Джейд и Колт резиденция Михайловских произвела сильное впечатление – даже в недостроенном виде здание было прекрасно. Садовники и рабочие копали пруды и разбивали сады с цветами и кустарниками.

– Зачем такой большой дом? – шепотом спросила Джейд, пока они шли по вымощенной кирпичом дорожке к парадным дверям. – Даже если Дани сможет доносить ребенка, она ведь не пойдет на риск иметь еще одного, так что они не могут рассчитывать на большую семью!

Колт согласился, что это действительно странно, но решил, что надо же было куда-то вложить деньги.

– И почему бы не в особняк, который может сравниться

с Версалем?

Джейд рассмеялась:

– Ну, до Версаля им еще далеко!

Колт взялся за медный дверной молоток в форме львиной головы, и его громкое бряцание возвестило об их приходе.

Драгомир, видевший их карету из окна, почти сразу же открыл дверь. Джейд радостно бросилась ему в объятия, а потом Драгомир сердечно пожал руку Колту, поздравляя его с женитьбой.

– Мне жаль, что я не смог приехать, – извинился он. – Слышал, что прием был даже более впечатляющим, чем сама церемония, – добавил он, подмигивая.

Колт добродушно подтвердил это, прибавив:

– Я так и знал, что наше исчезновение обнаружит именно Тамара. Я всегда считал ее чересчур любопытной!

– Да уж, это точно! – рассмеялся Драгомир.

Джейд состроила Колту рожицу.

– Ах вот как ты насмешничаешь над моими родственниками! Ну подожди, я тоже придумаю, как посмеяться над твоими!

Но на самом деле она не сердилась, потому что и сама всегда недолюбливала Тамару.

Драгомир повел их мимо стремянок и ведер с краской в крыло, где жили они с Дани, подальше от шума работ. Он объяснил, что на завершение того, что они запланировали, может понадобиться еще лет пять.

– Мне уже пришлось снять в Париже склад для мебели и украшений, которые я не перестаю покупать. Каждый раз, когда я вижу что-то, что могло бы понравиться Дани, я это покупаю.

В конце концов, если ей что-то не понравится, я всегда смогу это продать.

Они вошли в красивую и уютную гостиную. Стены были затянуты кремовыми обоями с узором в зеленых тонах, внизу шли резные панели из бразильского розового дерева. В одной из стен был устроен небольшой камин, а выходящие на пологий, еще не законченный парк окна украшали желтые парчовые портьеры.

Джейд уселась на диванчик из орехового дерева, напоминавший сдвоенное кресло. Спинку его разделяли широкие деревянные продольные полосы, а ножки имели форму зажавших шары когтистых лап с резьбой на «колениах».

Драгомир устроился рядом с ней и, заметив, с каким интересом она рассматривает этот необычный диванчик, объяснил:

– Это антикварная вещь. Китти говорит, что она изготовлена в начале восемнадцатого века. – Он кивнул на стоящие напротив стулья:

– Как и вон те. Время их создания устанавливается по характерным гнутым ножкам. Впрочем, я плохо разбираюсь в старинных вещах. Я просто покупаю то, что может понравиться Дани. Она уже давно не ходит со мной по магази-

нам. Она... – На секунду замолчав, он потер пальцами виски, словно у него внезапно заболела голова. – ..у меня слабенькая, – неловко договорил он.

Джейд ласково прикоснулась к его колену и спросила:

– Как она, Драгомир? – Она всегда называла его полным именем, так и не привыкнув к уменьшительному Дрейк, которое придумала Дани. – Как она – только честно?

– Очень слаба. – Он горестно покачал головой. – Моментально устает, даже от самых пустячных вещей. Я знаю, что она должна лежать, но это превращает ее в какое-то растение! Лежит и смотрит в потолок... Господи, еще пять месяцев осталось...

Не подумав, Колт сказал:

– Может, было бы лучше, если бы у нее был выкидыш, Дрейк, и вы оба просто отказались бы от мысли иметь детей.

Ведь ее мать умерла, когда ее рожала...

Драгомир бросил на него изумленный взгляд, словно подобные слова мог произнести только безумец.

Не желая его обидеть, Колт поспешно объяснил:

– Я знаю, что это не мое дело, но, по-моему, вам следовало бы спросить себя, стоит ли игра свеч. Она может умереть, и все ваши мучения окажутся напрасными.

Драгомир стиснул зубы, и на секунду Джейд показалось, что он готов взорваться. Даже ее потрясло то, насколько жестоко-откровенно высказал свое мнение Колт, хотя сама она тоже задавалась таким вопросом: как это Дани и Драгомир

решились повторить попытку завести ребенка, да еще с таким коротким промежутком времени?

А в следующую секунду, к ее глубочайшему удивлению, Драгомир бессильно ссутулился и едва слышно проговорил:

– Ты, наверное, прав, но теперь уже поздно что-либо менять. Нам остается одно – идти до конца и надеяться на лучшее... Молить Бога, чтобы все обошлось. Но что бы ни случилось, это будет последней попыткой. Я люблю Дани и не хочу рисковать ее жизнью ради желания иметь детей.

Джейд крепко обняла своего старого друга, а тот поцеловал ее в щеку и сказал, что Дани рассердится, если узнает, что он сам разговаривает с ними, вместо того чтобы отвести их к ней.

– Она очень ждала твоего приезда, Джейд!

Джейд вышла следом за Драгомиром из гостиной, и они миновали несколько недлинных коридоров, которые в конце концов привели их в большую комнату, залитую солнечным светом, падавшим из высоких, от пола до потолка, окон.

– Джейд! О Джейд!

Пробежав по бирюзово-золотистому ковру, Джейд тепло сжала руки, которые протянула ей Дани. Спустя несколько секунд она чуть отодвинулась и восхищенно осмотрела нарядно украшенную кровать из резного дерева, с вышитым балдахином.

Восхищаясь представшей перед ней картиной, она сказала:

– Ты похожа на сказочную принцессу: такая хрупкая и прелестная в этой роскошной кровати. А какая на тебе красивая рубашка!

Дани радостно улыбнулась:

– Эту кровать нашли мы с Дрейком, когда были в Англии сразу после свадьбы. Когда ты в последний раз сюда приезжала, она еще стояла на складе. По-моему, это моя самая любимая покупка. – Она улыбнулась еще шире. – А ты, насколько я поняла, теперь сама почти что принцесса, после того особого подарка, который сделал тебе царь к свадьбе! Я хочу, чтобы ты мне все рассказала в подробностях. – Она беззаботно помахала рукой. – Версию Китти я уже слышала, но готова биться об заклад, что твоя окажется гораздо интереснее... Особенно та часть, где вы сбегаете с приема.

Джейд рассмеялась:

– По-моему, этот эпизод произвел на общество даже большее впечатление, чем сама свадьба!

Она коротко рассказала об их озорной выходке, и Дани смеялась, восхищенная такой историей. Однако от глаз Джейд не укрылось, насколько Дани бледна – почти как призрачное божество в окружении мягких розовых подушек. Она страшно похудела, так что у нее ввалились щеки, и в глазах уже не горели веселые огоньки. Округлившийся живот вбирал в себя все ее жизненные силы.

Неожиданно Дани резко прервала ее рассказ:

– Ты думаешь о том, как я ужасно выгляжу!

Джейд смутилась от неожиданности.

– У тебя такой же вид, как и у всех, кто приходит ко мне сюда, – продолжала Дани. – Ты смотришь на меня и думаешь, какой у меня больной вид... и что я не смогу родить ребенка. Но я его рожу! – Она посмотрела на Джейд с мрачной решительностью. – Я выношу этого ребенка до полного срока, и он будет жить! Я в этом уверена, потому что так говорит мне сердце.

Джейд не знала, как ей реагировать на вспышку Дани. Довольно нерешительно она сказала:

– Ну, я уверена, что с вами обоими все будет хорошо...

– Выслушай меня, – Дани повернулась на бок и, приподнявшись на локте, заглянула Джейд в лицо, – и постарайся понять! Я лежу здесь уже почти три месяца. Я перестала вставать, как только мне показалось, что я забеременела, потому что я хочу этого ребенка больше всего на свете!

Джейд в молчаливом изумлении смотрела на Дани, понимая, что ей надо выговориться. Если она поможет Дани тем, что внимательно выслушает ее, то и это уже хорошо.

Дани снова откинулась назад, и ее волосы рассыпались по подушкам. Несколько мгновений она смотрела в потолок, дыхание ее было хриплым и прерывистым. Когда оно немного выровнялось, она снова заговорила, но слова ее были обращены скорее к ней самой, чем к Джейд.

– Я столько времени провожу одна, что наконец-то поняла саму себя, словно до сих пор я не была реальным человеком,

реальной личностью. Можно подумать, что потолок, в который я смотрю подолгу, почти впадая в транс, стал зеркалом моей души.

Я увидела множество вещей, которые раньше были скрыты от меня, – все не было времени до них добраться и открыть саму себя. Уже за одно это я благодарна судьбе. Я знаю, кто я... но что еще важнее, я знаю, зачем я. – Она коротко и горько рассмеялась и похлопала Джейд по руке. – Тебе кажется, что я сумасшедшая, правда? Тебе кажется, что я теряю рассудок. На самом деле все не настолько страшно. Дрейк проводит со мной столько времени, сколько может, но ему еще надо достраивать этот дом и присматривать за магазином и людьми, которые им управляют. Ведь Китти в последнее время все реже и реже бывает в нем. Я знаю, что она волнуется из-за отца. Я понимаю ее и хочу, чтобы она была с ним.

Джейд чувствовала, что Дани говорит все эта неспроста. И ей не пришлось долго дожидаться сути дела.

Дани вдруг протянула руку и стиснула пальцы Джейд, так что ее ногти почти впились в кожу.

– Я хочу, чтобы ты обещала мне одну вещь, Джейд. Обещай мне, что, если я умру, ты возьмешь моего ребенка и будешь растить как своего собственного.

Джейд изумленно расширила глаза. Ее губы приоткрылись, но она не смогла произнести ни слова. Ей и в голову не приходило, что может стоять за странным поведением Дани.

В конце концов она неуверенно проговорила:

– Я... я не знаю, что и сказать. Дани. Конечно, мы с Колтом охотно согласимся выполнить твою просьбу, но в этом не будет необходимости. И кроме того, – напомнила она, не понимая, что движет Дани, – у ребенка есть еще и отец. Драгомир наверняка станет возражать.

На губах Дани появилась печально-нежная улыбка.

– Дрейк знает мои чувства и любит меня так сильно, что готов исполнить мое желание, даже если ему придется при этом отказаться от своего ребенка.

Джейд встряхнула головой: потрясение от услышанного было так велико, что у нее смешались все мысли.

– Но почему? С чего это тебе захотелось, чтобы он отказался от своего ребенка? Почему ты не хочешь доверить ему его воспитание? Он может обеспечить для него все самое лучшее!

– Дрейк – красивый и чувственный мужчина, и рано или поздно, он обязательно женится снова. И тогда для его жены мой ребенок будет воплощением меня и той любви, которая была у нас с Дрейком, и на нем она станет вымещать свою ревность ко мне. Ах, Джейд, неужели ты не понимаешь? – Дани отчаянно сжала ее руку. – Я слишком хорошо знаю, как можно излить на ребенка ревность и обиду! У моей тетки был роман с моим отцом, но женился он на моей матери, и тетка так и не смогла с этим смириться. Ее ненависть стала еще сильнее, когда отец убил мужчину, которым она

пыталась его заменить. Вольно или невольно, но она все это вымещала на мне – и я не хочу, чтобы моего ребенка ждала та же участь! Дрейк меня любит и никогда не сможет так же полюбить другую женщину – и его вторая жена это поймет, так же как моя мать видела любовь Тревиса к Китти. – Она судорожно вздохнула, а потом медленно добавила:

– Теперь ты понимаешь мою просьбу? И веришь, что Дрейк выполнит мое пожелание?

– Я понимаю. Дани, честное слово, понимаю, – тихо сказала Джейд. – И мы с Колтом будем считать честью растить твоего ребенка и любить его как собственного. Но с тобой ничего плохого не случится. Дани.

Она поцеловала ее в щеку и встала, надеясь, что лицо ее выражает уверенность.

Получив от нее желанное обещание, Дани, казалось, успокоилась, и Джейд воспользовалась этой возможностью закончить тяжелый разговор. Они еще раз обнялись, и Джейд пообещала, что, пока не уедет из Франции, будет часто навещать Дани, а потом поспешно вышла из комнаты.

Оказавшись за дверью, она на секунду прислонилась к стене, чтобы успокоиться, прежде чем вернуться к Драгомиру и Колту. Если ее чувства будут отражаться у нее на лице, оба потребуют от нее объяснений, а сейчас ей меньше всего хотелось об этом говорить. Ей необходимо было время, чтобы самой все обдумать. И потом – скорее всего Дани беспокоится напрасно.

Или нет?

Холодная рука страха начала медленно сжимать сердце Джейд, и она почувствовала, как на нее ложится темная тень дурных предчувствий... словно должно произойти что-то ужасное, и не только с Дани, но и с ней самой... и с Колтом.

Глава 5

Когда Джейд вернулась в гостиную, она почувствовала, что атмосфера там крайне напряжена.

Драгомир сидел, уныло ссутулившись, и мрачно смотрел в рюмку с бренди, которую крепко сжимал в руке. Колт стоял у окна, заложив руки за спину и глядя куда-то вдаль. Когда Джейд вошла, он сразу же обернулся, и по выражению его лица было видно, что Драгомир рассказал ему о просьбе Дани.

– Ты согласилась, – произнес он уверенно, словно ее решение не подлежало обсуждению.

– Конечно. Но мы будем молить Бога, чтобы такой необходимости не возникло.

Драгомир одним глотком осушил рюмку, встал и, налив себе следующую, проговорил:

– Я спорил с ней буквально до хрипоты, но она боится, что умрет, и лежит в постели, погруженная в самые мрачные мысли.

Я стараюсь проводить с ней как можно больше времени, но... – Он беспомощно пожал плечами.

– Я хочу увидеть Дани. – С этими словами Колт направился к двери.

Оставшись вдвоем с Драгомиром, Джейд молча села рядом и стала его слушать. Ее друг был рад возможности вы-

сказать ей все свои тревоги. Она не могла облегчить его страдания, но понимала, что сейчас ему нужно излить свою душу. И ей оставалось только слушать и сочувствовать.

Колт провел с Дани больше часа, а когда вернулся к ним, то сказал, что она даже не упомянула о своем разговоре с Джейд.

– По правде говоря, – тут он улыбнулся Джейд, – она была довольно жизнерадостной. Наверное, твое обещание ее успокоило. Может, теперь она станет поправляться.

По дороге обратно в Париж Колт молчал, погружившись в свои мысли. Поначалу Джейд пыталась немного его развеселить, восхищаясь прекрасным ландшафтом. За окном тянулись поля, покрытые пестрыми цветами. Легкий ветерок разносил их нежный аромат. День был просто великолепный. По ярко-синему небу плыли белоснежные облака, золотисто-абрикосовое солнце, играя в прятки, лило на землю теплые ласковые лучи. Коляска Колтрейнов то ныряла под густую сень деревьев, то внезапно выезжала на залитый солнцем отрезок дороги.

В конце концов Джейд со вздохом откинулась на спинку сиденья, решив наслаждаться поездкой в одиночку, не пытаясь мешать размышлениям Колта. Она догадывалась, почему он так задумчив: его мучили сомнения, следует ли расставаться с близкими в такой трудный момент. Под его влиянием она сама погружилась в беспокойные размышления. Что, если Колт предложит отложить отъезд в Америку? Ее

так радовала перспектива начать новую жизнь вдали от мест, с которыми связаны далеко не радостные воспоминания. Если Колт примет решение не уезжать, следует ли ей высказать свое мнение? Китти – женщина сильная. У Дани есть Драгомир. А у них теперь есть их брак – и будущее. Они должны думать о себе.

Просьба Дани не давала ей покоя. Джейд прекрасно понимала, почему бедняжка приняла такое решение. Даже сегодня днем, пока Колт сидел у Дани, Джейд заметила, какими глазами смотрела на Драгомира подававшая чай горничная. Нескрываемое обожание ясно читалось на ее юном хорошеньком личике.

Драгомир всегда пользовался успехом у женщин. И сейчас, наверное, ничего не изменилось, хотя теперь он человек женатый.

А став вдовцом, он превратится в завидную добычу для любой хитрой женщины, которой хочется приобрести богатого мужа.

Они будут прикидываться, будто обожают его ребенка, и дадут какие угодно обещания, лишь бы его поймать – только для того, чтобы потом превратиться в злобную и ревнивую мачеху, чего и опасалась Дани. Конечно, вполне возможно, что он найдет добросердечную женщину, которая искренне полюбит его ребенка как своего собственного, но Дани считала, что риск чересчур велик.

Джейд выпрямилась и попыталась отогнать неприятные

мысли. С Дани ничего не случится! Но тогда отчего ее сердце сжимается в мрачном предчувствии?

Когда коляска оказалась у ворот особняка Колтрейнов, Колт неожиданно повернулся к Джейд и, тревожно глядя на нее, умоляюще попросил:

– Давай ничего не говорить о просьбе Дани! Ни к чему их расстраивать, особенно отца!

– Конечно, – сразу же согласилась Джейд.

Она протянула руку, чтобы дотронуться до его пальцев, но он крепко обнял ее и нежно поцеловал в лоб:

– Я так сильно тебя люблю, счастье мое!

– А я тебя, – тихо отозвалась она, удивляясь, с чего это ей хочется плакать.

Они нашли Тревиса сидящим на террасе, которая выходила на розарий – предмет гордости Китти. Джейд заметила, что свекор выглядит вполне здоровым и крепким, если не считать залегших под глазами теней. На нем были не халат и тапочки, как она ожидала, а хорошо сшитые серые брюки и голубая хлопковая рубашка. Он встал, обнял Джейд, расцеловал ее и сказал:

– Ты еще красивее, чем в день свадьбы.

Потом он пожал руку Колту, радостно хлопнул его по плечу и рассмеялся:

– А ты стал еще уродливее!

Не удержавшись, Джейд воскликнула:

– Вы прекрасно выглядите!

– Конечно, – уверил он ее, приглашая их сесть рядом с ним за небольшой столик, на котором стояли вино и сыр. – Подумаешь – карточка южан начала двигаться у меня в грудной клетке! Это еще не значит, что со мной все кончено. Они не смогли убить меня тридцать лет назад – и будь я проклят, если сейчас сдамся без боя.

Они с удовольствием выпили вина и рассказали Тревису о своем свадебном путешествии. Джейд обратила внимание, что его особенно интересовало их пребывание в Греции – ведь он был там с Колтом, когда тот отправился искать Бриану, Гевина Мейсона и похищенное ими состояние Колтрейнов.

Потом разговор перешел на Дани, и они постарались описать свое посещение в самых радужных тонах. Тревис выслушал их, приподнял бровь, а потом произнес ту же фразу, которую повторяли они все:

– Надо молиться, чтобы все закончилось хорошо.

Китти, которая в саду обрезала стебли с отцветшими розами, помахала им рукой, и Колт отправился к ней. Тревис проводил его взглядом, а потом напрямик спросил Джейд:

– Ты дала слово растить ребенка, если Дани не выживет?

Джейд изумленно повернулась к свекру.

– Откуда вы узнали, что она просила меня об этом?

Он нежно прикоснулся к ее щеке и печально улыбнулся:

– Мы постепенно узнали друг друга, моя малышка и я, и теперь она рассказывает своему старому отцу, отчего плачет

ее сердечко.

– Тревис, – решила сказать Джейд, – по-моему, вы напрасно так тревожитесь.

Он пристально посмотрел на нее: было видно, что он не привык, чтобы кто-то, кроме его жены, осмеливался критиковать его или не соглашаться с ним.

Джейд, которая не привыкла робеть и смущаться, не сдавалась:

– По-моему, в последнее время вся семья только тем и занимается, что тревожится: Китти тревожится за вас и Дани.

Дани боится за ребенка. Драгомир боится за Дани. Вы тревожитесь обо всех них... а Колт тревожится обо всех, включая и вас.

– Так всегда бывает, когда члены семьи любят друг друга, Джейд, – немного неловко сказал Тревис.

– Но если для этого нет достаточных причин?

Тревис несколько секунд внимательно смотрел на нее, а потом со своей обычной пронизательностью, которая изумляла всех, кому приходилось иметь с ним дело, негромко произнес, без обиды или осуждения:

– Ты боишься, что Колт может захотеть отложить ваш отъезд в Америку.

– Это так, – тихо ответила Джейд. – Откровенно говоря, я не знаю, как отреагирую, если, он это предложит.

– Ты честно скажешь ему, что думаешь.

Она невесело улыбнулась:

– Правда? И что же я, по-вашему, по этому поводу думаю?

– Не надо играть со мной в прятки, Джейд, – почти су-рово отозвался Тревис. – Я очень ценю твою прямоту. Тебе хочется уехать, как было решено, и в душе ты не считаешь, что это эгоистично с твоей стороны. Вы с Колтом женаты, и ты чувствуешь, что ваш брак должен быть для него важнее родственников. И я с этим согласен.

Джейд усмотрела на него с подозрением.

– Если бы я считал, что ты не права, я бы так и сказал, – продолжил он. – Если бы Колт действительно был нам необходим, если бы он чем-то мог нам помочь, а ты все равно не давала бы ему отсрочить отъезд, тогда я сказал бы, что ты – себялюбивая девчонка. Но мы с тобой понимаем, что он ничего сделать не может.

Тревис посмотрел в сторону Китти и Колта, которые разговаривали в саду.

– Мне, как и всякому человеку, который подошел к закату жизни, – тихо продолжал он, – становится трудно оглядываться назад и вспоминать о многочисленных радугах. Кажется, что их заслоняют грозовые тучи печальных воспоминаний. Но я не хочу, чтобы мой сын не мог начать своей собственной жизни до тех пор, пока не закончится моя. Так я могу только умереть быстрее, чтобы не мешать жить ему.

Джейд почувствовала, насколько сильно она любит этого человека: он стал для нее отцом, которого она никогда прежде не имела. Конечно, их дружба зародилась совсем

недавно, но Тревис относился к тем людям, которые либо сразу же привязываются к человеку, либо остаются к нему безразличны.

Джейд встала, потянувшись к Тревису и обхватила ладонями его по-прежнему очень красивое лицо. Дрожащим голосом она проговорила:

– Я тебя люблю, Тревис Колтрейн.

На какую-то долю секунды его серые глаза затуманились от чувства, но в следующее мгновение он широко улыбнулся:

– А вот это помогло мне снова увидеть радугу!

Остаток дня Колт провел с отцом, а Джейд получила удовольствие от спокойного общения с Китти. После обеда, когда они с Колтом оказались у себя в комнатах, он снова погрузился в невеселые мысли. Подождав некоторое время, Джейд решила, что пора обо всем поговорить открыто.

Она подошла к кушетке, на которой сидел Колт, и опустилась рядом с ним:

– Поговори со мной, Колт. Скажи мне, почему ты считаешь, что нам было бы лучше остаться во Франции?

Он повернулся и изумленно посмотрел на нее.

Не дав ему времени заговорить, Джейд решительно продолжила:

– По-моему, это было бы не правильно. Я хотела бы, чтобы мы начали нашу жизнь вдвоем. Ты считаешь, что сейчас ты очень нужен своим родным. Но на самом деле это не так. У них есть их собственная жизнь и их собственное будущее,

хорошее или плохое – как и у нас. Ты нужен мне. Только, пожалуйста, не считай меня эгоисткой, Колт! – И она умоляюще посмотрела на него.

Колт несколько долгих секунд молча смотрел на нее, и Джейд не могла угадать, о чем он думает. Она не видела в его глазах ни гнева, ни разочарования – только любовь.

В конце концов, когда ей уже начало казаться, что она больше не вынесет его молчания, Колт притянул ее к себе.

– Я люблю тебя, – коротко сказал он, и его губы слились с ее губами в долгом, обжигающем поцелуе, который потряс их обоих. А потом он посмотрел на нее с таким обожанием, что у Джейд защемило сердце.

– Я люблю тебя, – повторил Колт, а потом, мягко засмеявшись, продолжил:

– Только ты не такая проницательная, как тебе кажется. Мы с отцом сегодня долго обо всем говорили.

На этот раз пришла очередь изумляться Джейд.

– Ничего не понимаю!

Он поцеловал кончик ее носа и спокойно сообщил:

– Я и не думал откладывать наш отъезд.

– Но ты был так задумчив: и обеспокоен! – возразила она.

Колт снова рассмеялся:

– Но я думал не о том, чтобы отложить поездку. Я пытался понять, почему я не чувствую себя виноватым, хотя вроде бы и должен. А потом, я понял, что мои близкие не ждут от меня никаких жертв. Единственное, что я мог бы сделать, –

это оказать им моральную поддержку.

Наконец-то Джейд смогла улыбнуться с облегчением. Колт встал, взял ее за руку и отвел в спальню, где принялся с нетерпением расстегивать ее платье. И пока Джейд помогала ему снять одежду, они неотрывно смотрели друг другу в глаза, в которых горело пламя желания.

Колт нежно коснулся теплыми губами ее шеи и плеч, потом провел языком по ее соскам и спустился вниз по животу, жадно приникнув к ее лону. Пальцы Джейд сплелись у него на затылке, и она выгнула спину, громко застонав.

И когда они вновь слились в одно целое, Джейд поняла, что никогда еще мир не знал такой сильной страсти, такой глубокой любви.

Глава 6

Джейд и Колт на поезде приехали в Нормандию за день до отплытия из порта Шербур.

В Париже их проводили Китти и Тревис. Прощание было особенно печальным – никто из них не знал, встретятся ли они когда-нибудь снова.

Джейд пришла в восторг от гавани Шербура, в которой стояло множество всевозможных пароходов, буксиров, яхт и прогулочных катеров. Метались и кричали чайки, занятые бесконечными поисками пищи, с Ла-Манша дул резкий, насыщенный запахом моря ветер.

Однако портовый город оказался грязным и мрачным: его темные тесные улочки наводняли толпы бедноты, истощенные пьяные мужчины спали в подворотнях, женщины с младенцами на руках сидели на перекрестках, прося прохожих подать им милостыню. Грязные и больные дети тоже попрошайничали. Этот адский уголок был, казалось, отгорожен от мира щитами, на которых рекламировались главные трансатлантические компании:

«Кунард», «Брунель», «Уайт стар», «Грейт истерн».

Колт отвел Джейд в самый приличный отель, который ему удалось найти, и там они благополучно дождались времени отплытия.

Их корабль назывался «Париж» и не был так великолепен,

как некоторые суда линии «Кунарда» или «Уайт стар». Судно принадлежало небольшой компании, которую постепенно вытесняли магнаты. Однако «Париж» оказался весьма комфортабельным, как Джейд и Колт смогли убедиться, когда взошли на борт судна.

Они знали, что с развитием новых технологий пересекать Атлантику стало менее опасно. На многих лайнерах предлагались все удобства первоклассных отелей. Наконец можно было отказаться от керосиновых ламп и повсюду сияли электрические огни, работавшие от генераторов. На корабле был даже ледник, вмещавший сорок тонн замерзшей воды, так что стало возможно запастись деликатесы, которые прежде отсутствовали во время плавания, занимавшего почти три недели.

Джейд и Колт прошли через уютные и удобные салоны, обставленные мягкой мебелью, обитой плюшем и парчой. На мраморных столешницах стояли вазы со свежими цветами. Зеркала в причудливых рамах, потрясающие гобелены и превосходная живопись украшали стены.

Элегантные пары прогуливались по салонам и палубам. Тут были мужчины в цилиндрах и фраках и дамы в украшенных страусовыми перьями шляпках и бархатных платьях с турнюрами, которые вызывающе покачивались при ходьбе.

Колт заметил:

– Глядя на все это, трудно поверить, что всего несколькими палубами ниже люди набились в трюмы, как сардины:

спят на голых дощатых полах, едят объедки со стола ресторана первого класса, пьют воду из ведер...

Потрясенная нарисованной им картиной, Джейд спросила:

– Ты не чувствуешь себя виноватым, что у нас так много всего, что мы путешествуем со всеми удобствами, а они вынуждены переносить такие лишения?

На минуту задумавшись, Колт ответил:

– С одной стороны – да. Мне неприятно думать о том, как страдают другие. Но с другой стороны, я напоминаю себе, что никто не может заработать столько денег, чтобы богатыми стали все. Неравенство будет существовать всегда, и, к счастью, мы принадлежим к классу имущих. Когда мы попадем в Америку, где сейчас финансовый кризис, то, наверное, нам придется часто вспоминать об этом.

Джейд кивнула:

– Я благодарна судьбе за то, что у нас есть. Увы, но мы не можем сделать благополучными всех. Но по крайней мере мы не снобы.

Потом она призналась:

– Наверное, именно поэтому меня так мало обрадовал титул, который мне пожаловал император. Честно говоря, меня никогда не трогала перспектива принадлежать к царственному семейству и не считаться простолюдинкой.

Колт негромко рассмеялся, глядя на нее с обожанием:

– Ну, милая моя миссис Колтрейн, боюсь, что именно та-

кое положение тебе придется занять, оказавшись в Нью-Йорке: ты будешь царственной особой среди простолюдинов.

Апартаменты молодоженов, расположенные на престижной прогулочной палубе, оказались удобными и просторными. В распоряжении Джейд и Колта были гостиная, спальня, туалетная комната и отдельная ванная. Убранство показалось Джейд очень красивым.

Корабль отплыл на закате, и Джейд с Колтом стояли на палубе, обняв друг друга за талию, и молча смотрели, как Франция становится все дальше и дальше от них. В конце концов со всех сторон их обступило море, сливавшееся на горизонте с темнеющим небом.

Плавание в Америку началось.

Негромко звякнули колокола, возвещая, что в салоне первого класса подан обед. Оба почувствовали, что страшно проголодались: весь день им пришлось обходиться только закусками, которые вместе с шампанским в большом количестве предлагали стюарды.

Когда они вернулись, чтобы переодеться к обеду, Колт начал ворчать. Он еще готов был примириться с новыми накладными манжетами, которые поддевались в рукав, словно браслеты, и даже с новым покроем вечернего костюма, короткого спереди, а сзади с длинными фалдами. Но вот ботинки вызвали его глубокое отвращение: приходилось нагибаться и серебряным крючком застегивать пуговицы, поднимавшиеся по щиколотке.

С улыбкой наблюдая за Колтом, Джейд не выдержала и поддразнила его:

– Но это же самая последняя мода, милый! Вспомни: ты сам сказал, что мы аристократы среди простолюдинов. А это значит, что нам и одеваться надо соответствующим образом! – Увидев, как он досадливо морщится, она насмешливо продолжала:

– И только подумай: сегодня обед даже не торжественный, потому что это первый день плавания. Вот завтра ты можешь нарядиться по-настоящему!

Колт заявил, что вообще хотел бы остаться в каюте: он предпочитал непринужденный стиль одежды, хоть и признавал, что Джейд права. А тут никаких тебе ковбойских сапог и джинсов – похоже, время удобной одежды прошло. Им предстояло войти в высшее общество Нью-Йорка со всем его блеском и шиком, так что, нравилось им это или нет, их одежда должна соответствовать их положению.

Джейд покрутилась перед зеркалом. На ней было платье из французского атласа золотистого цвета, от которого ее глаза казались еще более зелеными. Скромный вырез подчеркивал стройную шею. Длинные волосы, разделенные тонким пробором, были убраны в пучок.

– Никогда не отличался способностью поступать, как все, – мрачно заявил Колт, подходя к жене сзади и обхватывая ее тонкую талию. Чуть наклонившись, он жарко шепнул ей на ухо:

– А вот ты, моя милая супруга, как всегда, отличаешься красотой.

Она повернулась в его объятиях, кокетливо прошептав:

– Лестью, мой милый супруг, можно добиться абсолютно всего. Я непременно докажу тебе это чуть позже... в постели.

– Безобразница! – Он легонько шлепнул ее и указал на дверь:

– Убирайся, иначе я отнесу тебя на кровать и ужинать нам не придется.

И он сделал вид, что хочет ее схватить. Джейд испуганно ахнула и поспешно выскочила в коридор, налетев на проходившую мимо женщину.

– Смотрите перед собой, идиотка! – разъяренно прошипела незнакомка, с трудом удержавшись на ногах. – Вы чуть было не сбили меня с ног! И помяли мое платье! – язвительно добавила она, поправляя свой наряд.

Джейд в смущении отступила:

– Мне очень жаль – право, очень жаль.

– Ах, да не стойте у нас на дороге!

Незнакомка возмущенно вздернула подбородок.

Джейд показалось, что ей около сорока лет, но выглядела она значительно старше из-за неприятного выражения лица. На ней было дорогое платье синего цвета с высоким кружевным воротником. Перетянутая талия придавала ее фигуре модный силуэт песочных часов. На голове поверх туго стянутых в узел седеющих волос была надета крошечная шляп-

ка с бусинами и розовыми перьями. Заметив этот нелепый убор, Джейд с трудом удержалась от смеха.

Рассерженную даму сопровождала женщина, с виду казавшаяся почти ребенком. Ее одежда – бледно-розовое платье из тафты с длинными рукавами фонариком и широким поясом, украшенным лентами, – заставляла ее выглядеть настоящей девочкой, и к тому же было видно, что она чрезвычайно стеснительна.

Она только мельком взглянула на Джейд, а потом отвернулась и уставилась в пол, словно происшедшая сцена ее смущила и расстроила.

– Ну, – не унималась незнакомка, – вы намерены дать нам пройти? Или вы вообще не умеете вести себя? И вы уверены, что имеете право находиться на этой палубе? – ехидно добавила она. – Каюты третьего класса находятся гораздо ниже!

Джейд оставила эту грубость без ответа, молча посторонившись.

– Кто это был? – спросил Колт, выглянув за дверь и посмотрев вслед женщинам, которые удалялись по коридору.

Джейд нахмурилась:

– Одни из тех, на кого, я надеюсь, мы никогда не будем похожи.

Салон-ресторан для пассажиров первого класса располагался палубой ниже. К нему вела красивая, обшитая дорогим деревом лестница, которая расходилась в разные стороны изящным изгибом, а потом соединялась на небольшой

площадке под аркой с часами. Оттуда был виден зал, оформленный в стиле Людовика XVI.

Официанты в белых смокингах и черных брюках сновали между столиками, подавая великолепную еду. В воздухе витали дивные ароматы жареной утки, курятины и всевозможных блюд из говядины.

Колт сообщил метрдотелю свое имя, и тот, найдя его в списке, сделал знак следовать за ним к отведенному для них столику.

В этот момент Джейд заметила, что забыла надеть кольцо, которое подарила ей Китти. Повернувшись к Колту, она прошептала:

– Мое кольцо! То, которое мне подарила твоя мать. Я оставила его в каюте.

– Я схожу за ним, – предложил Колт.

Джейд покачала головой:

– Тебе придется его искать, а я знаю, где его оставила. Я сейчас вернусь.

И прежде чем он успел возразить, она поднялась по лестнице и, войдя к себе в каюту, надела кольцо. Через десять минут она уже была в ресторане. Метрдотель заметил ее и сделал знак рукой:

– Миссис Колтрейн, я уже усадил вашего мужа. Следуйте за мной.

Вскоре он уже выдвинул для нее стул, и Джейд, готовая усесться рядом с Колтом, вдруг замерла, увидев в его гла-

зах озорные огоньки: он явно с трудом сдерживался, чтобы громко не рассмеяться. В следующую секунду она поняла, в чем дело: за их столом сидела леди, позволившая себе усомниться в праве Джейд находиться в помещениях первого класса.

Колт вежливо встал и помог Джейд сесть.

– Дорогая, – в его голосе звучало нескрываемое веселье, – я хотел бы представить тебя дамам, с которыми нам предстоит сидеть за одним столиком во время всего плавания.

Джейд мысленно застонала: сердитая дама смотрела на нее с прежней враждебностью. Было ясно, что она не намерена забывать о происшествии, каким бы тривиальным оно ни было.

Колт наслаждался ситуацией. Он кивнул в сторону величественной матроны:

– Миссис Триеста Вордейн из Нью-Йорка, а это, – тут он улыбнулся юной девушке, которая робко сидела рядом с ней, – ее дочь, Лорена. Познакомьтесь с моей женой, Джейд Колтрейн.

Девушка, которую звали Лореной, чуть было не улыбнулась, но, испуганно взглянув на мать, только кивнула и устремила взгляд на салат, который лежал на ее тарелке.

Колт расстелил на коленях салфетку и сообщил Джейд, что миссис Вордейн возвращается с дочерью в Нью-Йорк после недолгого пребывания во Франции.

– Я сказал ей, что мы тоже едем в Нью-Йорк, где я бу-

ду работать с Вандербильтами. Она хорошо с ними знакома и уверяет, что они обязательно должны мне понравиться, – ловко ввернул он.

Джейд так и подмывало заткнуть ему рот салфеткой. Ну и что с того, если она налетела на эту безмозглую особу? Она принесла ей свои извинения и не намерена в течение всего плавания пытаться загладить свою «вину». Вежливо кивнув соседкам по столику, Джейд сосредоточила свое внимание на Колте и необычайно вкусных блюдах, которые им подавали, не обращая ни малейшего внимания на Триесту и ее дочь. Какая жалость, подумала она, эта неприятная особа может испортить всю их прекрасную поездку, которую ей хотелось бы сохранить в памяти!

Джейд как раз говорила Колту о том, что именно советовала Китти посмотреть в Нью-Йорке, когда Триеста Вордейн вдруг перебила ее, обратившись к Колту:

– Вы сказали, что ваша фамилия – Колтрейн. – Тут она подобострастно улыбнулась. – Ваш отец, случайно, не Тревис Колтрейн? Я как-то раз видела в газете его фотографию, и вы на него похожи. Я никогда не забываю лиц интересных мужчин, – добавила она, томно прикрыв ресницы.

Джейд закашлялась, чуть не подавившись кусочком помидора. Колт легонько толкнул ее под столом ногой.

– О да, мэм, – ответил он с нарочито южным выговором. – Мне посчастливилось быть сыном Тревиса Колтрейна.

Его собеседница кинула на Джейд быстрый пренебрежи-

тельный взгляд, а потом снова принялась обхаживать Колта.

– Мне следовало бы сразу догадаться, что вы принадлежите к знатной семье. Вы обладаете тем неподражаемым изяществом и обаянием, которые дает только хорошее происхождение.

Джейд была поражена тем, что эта женщина могла вспылать к ней такой враждебностью из-за простого столкновения в коридоре. Господи, да она просто ненормальная! И тут Джейд заметила, какой взгляд устремила на Колта Лорена: словно он был настоящим божеством. Впрочем, Джейд это не слишком удивило. Колт был удивительно красивым мужчиной, и она знала, что женщины смотрят на него с нескрываемым интересом.

Колт едва подавил смешок.

– О, спасибо вам, мэм, но если вы хотите видеть подлинное изящество и обаяние, то я советую вам обратить внимание на мою жену. Она – прима-балерина и...

Джейд больно ударила его ногой под столом. Яростно сверкая изумрудными глазами, она взглядом приказала ему замолчать.

Лорена Вордейн впервые нарушила молчание, устремив на Джейд благоговейный взгляд:

– О, как чудесно! Настоящая балерина!

Триеста так громко втянула в себя воздух, что сидящие за соседними столиками люди обернулись, чтобы посмотреть, откуда происходит такой странный звук.

– Помолчи, Лорена. Танцовщица не предмет для восхищения.

– Извините, – пробормотала девушка, снова опуская глаза.

Триеста быстро поменяла тему разговора и принялась забрасывать Колта множеством вопросов относительно его отца.

Джейд не обращала на них внимания, а только молча ела, изредка бросая сочувственные взгляды на Лорену... Такая робкая крошка, и настолько забита своей мамашей, что хочет стать как можно незаметнее, чтобы не навлечь на себя ее гнева, презрения или насмешки. Глаза у девушки были тускло-карими, и Джейд невольно попыталась представить себе, могли ли они сиять счастьем. Ее волосы, чудесного золотистого цвета, были гладко зачесаны, открывая тонкое личико, формой напоминавшее сердечко.

На ней не было ни румян, ни помады. Джейд решила, что при иных обстоятельствах Лорена могла бы быть по-настоящему красивой.

Джейд была рада, когда обед наконец закончился. Как только они с Колтом оказались одни, она горячо заговорила:

– Нам надо поменять столик! Трех недель в обществе этой женщины я просто не вынесу. Какой снобизм! Она только и пыталась продемонстрировать тебе, насколько она богата. Большой особняк на Гудзоне, фамилия Вордейнов значится в списке общества... Господи! – Она с отвращением вскину-

ла руки. – Я еще никогда не встречала такой глупой и высокомерной особы!

Колт пожал плечами, соглашаясь с ней в том, что Триеста Вордейн – особа неприятная, но извиняющимся тоном добавил:

– Свободных мест нет. Мы даже не примем пассажиров в Саутгемптоне – только груз. Извини, принцесса. Придется потерпеть.

Джейд застонала.

Да, плавание окажется долгим... и не таким приятным, как она надеялась.

Глава 7

На следующее утро завтрака в обществе Триесты Вордейн удалось избежать: Джейд и Колт предпочли провести это время на палубе, наблюдая за суматохой, царившей на причалах английского города Плимута. Днем они воспользовались возможностью сойти на берег и немного осмотреть город и ленч съели в приятном кафе на набережной. Но когда подошел час обеда, корабль уже отчалил от берега, и им волей-неволей пришлось идти в салон-ресторан.

Надеясь, что за день произошло какое-нибудь чудо, Джейд еще раз спросила:

– Ты уверен, что метрдотель не может найти нам другой столик?

– Мне очень жаль, – ответил Колт унылым голосом. – Это судно значительно меньше тех, что обычно пересекают Атлантику, и в салоне первого класса довольно мало мест. Он, конечно, может узнать, не согласится ли кто-нибудь поменяться с нами местами, но, по-моему, это было бы не очень хорошо с нашей стороны.

Джейд согласилась с ним, хотя и добавила, что миссис Вордейн заслужила такое к себе отношение.

– Наверное, остается только терпеть. Постараемся есть быстро, – кисло добавила она.

Колт рассмеялся, понимая, что ее предложение всего

лишь шутка. Обед обычно длился не менее двух часов. И не в их власти было сократить это время. Одно блюдо сменялось другим, в перерывах подавалось вино. И вся эта неспешная трапеза заканчивалась маленькой чашечкой кофе или рюмкой бренди.

– Мы будем уходить на десерт в один из салонов-гостиных, и, может быть, это немного уменьшит наши страдания, – предложил он.

На этот раз Джейд выбрала платье из белого бархата, отделанное горностаем: оно было одним из ее самых любимых придворных нарядов. Колт отправился к корабельному эконому и достал из сейфа ее тиару с изумрудами и бриллиантами, а она тем временем завила волосы принесенными стюардом горячими щипцами.

Когда Колт и Джейд спускались по изящной лестнице в ресторан, взгляды всех присутствующих были устремлены на них. Они представляли собой ослепительную пару: Джейд в царском наряде, Колт – в элегантном белом фраке, красной шелковой рубашке с рюшами на манжетах и в галстук.

Пока они шли к столу, Джейд внутренне готовилась к очередному неприятному столкновению с миссис Вордейн, но, к ее глубокому изумлению, они были встречены широкой улыбкой.

– Дивно! – воскликнула Триеста Вордейн, хлопая в ладоши с детской радостью. – Что за красивая пара! Ты согласна, Лорена?

Тут она локтем пихнула дочь.

– Да, мама, – послушно кивнула девушка, не поднимая глаз.

Такая перемена в отношении одновременно и удивила, и обрадовала Джейд.

– Я позволила себе заказать нам на обед вино, – оживленно сообщила миссис Вордейн, пока Джейд и Колт усаживались за стол. – Конечно, оно будет записано на мой счет!

– Очень любезно с вашей стороны, миссис Вордейн, – пробормотал Колт. Он взял меню и начал его просматривать, рассеянно добавив:

– Вы сегодня очень мило выглядите, леди.

Джейн негромко с ним согласилась, взглянув на наряд миссис Вордейн: ярко-синее платье, густо усыпанное золотыми бусинами, резко контрастирующее с простым платьем Лорены, желтым с белым. На миссис Вордейн было огромное количество драгоценных украшений, а на ее дочери – ни одного.

– Зовите меня Триестой, пожалуйста. Давайте откажемся от формальностей, Колт. В конце концов, – тут она потянулась через стол и похлопала его по руке, – мы ведь будем дружить в Нью-Йорке. Будет так приятно представить вас и Джейд моим друзьям и познакомить вас с городом!

Она улыбнулась Джейд, показывая, что эти слова относятся и к ней тоже, но Джейд почувствовала ее неискренность. Глаза миссис Вордейн оставались холодными, а губы были

плотно сжаты.

Джейд сама не могла сказать с уверенностью, в чем дело, самые разные подозрения закрадывались в ее душу.

Пока они ели первую перемену блюд – крольчатину и компот с золотистыми сливами, – Триеста сделала себя центром внимания, принявшись снова хвастливо расписывать богатство Вордейнов, их происхождение, влияние в политике и обществе...

Во время второй перемены блюд (на этот раз им подали фаршированную телячью грудинку) Триеста принялась расспрашивать Колта о его будущей работе с Вандербильтами и где они с Джейд намерены остановиться по приезде в Нью-Йорк. Джейд заметила, что ее почему-то очень заинтересовал тот факт, что они решили остановиться в отеле, пока не подыщут себе особняк или не построят новый.

– Наверное, временное жилище – это самое разумное, Колт, – многозначительно заметила Триеста. – Ваша супруга может соскучиться по родине и вернуться домой. Тогда ведь вам не понадобится большой особняк, правда?

Она говорила так, словно Джейд с ними не было.

Джейд чуть было не рассмеялась, хотя в то же время в ней уже начал подниматься гнев. Теперь ей стало понятно, почему миссис Вордейн так заинтересовалась Колтом: она пытается заполучить его для своей мышки-дочери.

Колт почувствовал настроение Джейд, да и сам он начал раздражаться, так что только холодно сказал:

– Пока Джейд со мной, она по дому не соскучится.

Миссис Вордейн театрально закатила глаза:

– Ах, как это мило звучит! – Тут она легко прикоснулась к плечу дочери. – Правда, до чего чудесно, что мистер Колтрейн так говорит? Может быть, в один прекрасный день какой-нибудь мужчина полюбит тебя так же сильно... если тебе повезет.

Джейд заметила, что Лорена вдруг отчаянно заморгала, словно пытаясь справиться со слезами. Однако девушка промолчала.

Джейд чувствовала, что Колту скучно, как и ей, но, поскольку миссис Вордейн к кофе заказала бутылку очень редкого и дорогого коньяка, им было нельзя уйти: вежливость требовала, чтобы они разделили с ней угощение. Однако Джейд все больше склонялась к мысли, что они вовсе не обязаны уважать чувства соседки по столику.

За кофе Джейд вдруг стала объектом пристального внимания миссис Вордейн.

– Скажите мне, милочка, – начала допытываться та, ловко вертя в пальцах крошечную кофейную чашечку, – почему вы называете своей родиной Россию, хотя вы явно ирландка?

Джейд парировала ее вопрос своим собственным:

– С чего вы взяли, что я ирландка?

Триеста беззаботно рассмеялась:

– Ирландские глаза, милочка. И в речи вашей слышен легкий акцент – ирландский акцент. При жизни мужа мы с ним

немало поездили и встречались с самыми разными людьми. Так что отличить одну национальность от другой я могу всегда!

Джейд ничего не ответила и продолжала пить кофе. Она не собиралась поддерживать разговор с Триестой Вордейн. Да и вообще у нее не было желания говорить о прошлом и отвечать на вопросы незнакомых людей.

Когда миссис Вордейн поняла, что не добьется от Джейд ни слова, она напустила на себя притворное сочувствие.

– Ах, ну конечно, вам не хочется говорить на эту тему, бедная вы девочка! Простите меня! Да вы ведь, наверное, уже страшно тоскуете по дому? – Тут она погрозила Колту пальцем. – Вот что случается с американскими юношами, когда они женятся на иностранках. Держитесь людей своего круга! Жена, проливающая слезы по родине, – это неподходящая спутница жизни.

Джейд напряглась, стараясь сдержаться и не повысить голоса. Она не хотела доставить этой ужасной женщине удовольствие видеть, что та смогла вывести ее из себя.

– К вашему сведению, миссис Вордейн, я ничуть не тоскую по родине. И не собираюсь делать это и в будущем. Мое место – рядом с мужем, где бы он ни пожелал жить. И мне кажется, что никого не касается, женился ли он на иностранке или на американке.

Миссис Вордейн, громко ахнула, а Джейд быстро добавила:

– А что касается вас, миссис Вордейн, то я бы посоветовала вам заглянуть в собственную родословную – и если вы не обнаружите среди ваших предков по обеим линиям большого количества индейцев, то можно будет утверждать, что вы и, сама в некотором смысле чужая на земле Америки.

Колт промокнул губы салфеткой и закашлялся, пытаясь не расхохотаться. У Триесты Вордейн был такой вид, словно ей в лицо плеснули холодной воды. Даже ее дочь осмелилась улыбнуться.

Джейд встала.

Колт тоже поднялся.

– Извините, – коротко бросила Джейд и, высоко держа голову, вышла из зала.

Она поднялась наверх, в каюту. Там уже побывал стюард, чтобы выполнить свои вечерние обязанности: на столике в гостиной стояла ваза со свежими фруктами, постель в спальне была разобрана.

Раздевшись, Джейд надела халат, а потом принялась беспокойно ходить по каюте, заново переживая этот ужасный обед и жалея бедняжку Лорену Вордейн: как тяжело, наверное, иметь такую мать! Неудивительно, что девушка все время молчит и смотрит в тарелку, боясь поднять глаза.

А потом Джейд принялась мысленно ругать Колта за то, что он не ушел следом за ней. Он довольно неплохо выдержал натиск бесцеремонных расспросов Триесты, которая не стеснялась касаться самых личных сторон его жизни. Он

уходил от ответа, переводил разговор на другие темы и ухитрялся сохранять вежливость, в то время как Джейд буквально скрипела зубами от злости.

Наконец Колт появился и немедленно заключил ее в объятия.

– Извини, что тебе пришлось терпеть такое, – прошептал он. – Я снова разговаривал с метрдотелем, но он абсолютно ничем не может нам помочь – если только мы не готовы искать тех, кто согласился бы с нами поменяться. – Рассмеявшись, он добавил:

– Только не думаю, чтобы она еще раз попыталась тебя задеть после того, как ты показала ей, что не дашь себя в обиду. Твои слова насчет индейцев ее просто потрясли.

Он ухмыльнулся и покачал головой.

На следующее утро, когда Джейд, проснувшись, посмотрела в иллюминатор, ей показалось, что волны стали намного выше.

Она знала, что воды Атлантики редко бывают спокойными, и сегодня барашки казались более пенными. Она высказала Колту свою тревогу по поводу возможного шторма, но он сонно заметил, что пароход у них хороший, так что бояться нечего. Она снова стала наблюдать за вздымающимися и перекатывающимися волнами и прижала ладонь к животу. Там тоже началось немалое волнение. Ее самочувствие начало ухудшаться.

Колт нежился в постели, не пожелав вставать к завтраку.

Надеясь, что прогулка поможет ей немного взбодриться, Джейд надела теплое шерстяное платье и меховую накидку и вышла на палубу.

Ее встретил сильный порыв холодного ветра. Небо было затянуто серыми тучами, и Джейд почувствовала, как в лицо ей ударили капли воды. Был ли это дождь или брызги кипящего пеной моря?

Мимо нее прошел матрос.

– Палуба очень скользкая, мадам, – предостерег он ее. – Сегодня неподходящий для прогулок день. Возвращайтесь в каюту!

Джейд вынуждена была с ним согласиться: корабль внезапно сильно качнуло, так что она едва не упала, вовремя схватившись за поручни. Джейд вошла в ближайшую дверь, из которой доносился дразнящий аппетит запах свежесваренного кофе. Она оказалась в одном из салонов, где в вечернее время собирались мужчины, игравшие в карты. Сейчас тут было пусто, если не считать стюарда, который стоял у большого серебряного кофейника. Джейд поспешно подошла к нему.

– Ужасная погода на улице, – сказал он, наливая ей чашку горячего кофе. – Но к сожалению, плавание через Атлантику редко бывает солнечным...

Джейд кивнула в сторону иллюминатора, за которым серое небо встречалось у горизонта с мрачным морем.

– Кажется, штормит.

– Да, в это время года нередко бывает и настоящий шквал.
Джейд невольно встревожилась:

– И что вы тогда делаете? Это очень страшно?

Стюард улыбнулся – ему хотелось бы верить, что улыбка получилась убедительной.

– Не волнуйтесь. Капитан Мейерс – прекрасный моряк, лучшего не найти. И когда ему кажется, что бороться с волнами слишком трудно, он бросает якорь, и мы просто остаемся на месте, пока волнение не уляжется. Пережидаем шторм, вот что мы делаем. Экипаж заdraивает люки, пассажиры остаются в каютах. Стюарды разносят сэндвичи, чтобы можно было поесть на месте.

Джейд содрогнулась:

– Надеюсь, нам удастся избежать таких испытаний!

Стюард указал на столик у стены:

– Садитесь, пейте кофе и ни о чем не тревожьтесь. Вы завтракали? Я могу сходить на камбуз и принести вам свежую выпечку.

Джейд с благодарностью приняла его любезное предложение и прошла за столик, откуда не видно было мрачной картины разбушевавшегося моря.

Несколько мгновений спустя Джейд услышала скрип двери, но не стала оборачиваться, решив, что это вернулся стюард.

Однако когда рядом с ней тихий голосок нерешительно произнес ее имя, она обернулась и с изумлением увидела Ло-

рену Вордейн.

– Миссис Колтрейн, можно мне немного с вами поговорить?

Испытывая одновременно и удивление, и любопытство, Джейд любезно пригласила ее сесть напротив.

Лорена уселась. Ее нижняя губа дрожала, глаза были полны слез. Хотя в салоне они были одни, она заговорила шепотом:

– Я вынуждена попросить прощения за бестактность моей матери. По-моему, это просто ужасно – и я хочу, чтобы вы знали, что мне очень и очень стыдно.

Джейд моментально почувствовала сострадание к этой несчастной девушке и, протянув руки через стол, крепко сжала ее пальцы:

– Вам нет нужды извиняться, Лорена. Я не такая хрупкая, как может показаться. По крайней мере мне нравится так думать.

Лорена кивнула, робко улыбаясь:

– Я рада. Право, я очень рада. Может быть, после того как вы вчера поставили ее на место, она оставит вас в покое.

Боюсь, она просто вымещала на вас свое недовольство мной.

Джейд невольно изумилась. Трудно было поверить, что это бессловесное, послушное создание могло кого-то рассердить.

– Что же вы такое натворили, Лорена?

Девушка покачала головой. По ее бледной щеке медленно скатилась слезинка.

– Я убежала из дому... с мужчиной.

Тут Джейд уже по-настоящему заинтересовалась своей юной собеседницей.

– Продолжайте, пожалуйста, – мягко попросила она.

Лорена начала свой рассказ с того, как два года назад, когда ей было пятнадцать, умер ее отец.

– Незадолго до его смерти я стала собираться в Швейцарию, где жила моя тетка, надеясь закончить там свое образование. Отец дал согласие на эту поездку, а вот моя мать возражала.

Она человек нелегкий, и отец догадывался, какой несчастной я себя чувствовала дома. Этот мамин снобизм, непонятно откуда взявшийся... – Помолчав, она усмехнулась и добавила:

– Мама выросла в очень бедной семье. Это мой отец родом из богатой аристократической семьи. – Дав волю своей досаде и обиде, девушка торопливо продолжила:

– В общем, когда отец умер, она меня не отпустила в Швейцарию. А потом принялась демонстрировать мне и всем остальным, что хоть она и овдовела, но по-прежнему богата и принадлежит к высшему обществу. Она даже пыталась выдать меня замуж за сыновей своих приятельниц, говоря, что хочет, чтобы я вышла замуж за «человека своего круга». Но у нее ничего не получилось!

Лорена горько рассмеялась.

– Почему? – удивилась Джейд. – Вы ведь очень недурны собой, Лорена!

– Вы скоро увидите сами, миссис Колтрейн, что в Нью-Йорке множество красивых молодых девушек из семей, которые гораздо богаче нашей. И, имея выбор, никто не хочет породниться с моей матерью. Ее не любят. Да и я не испытываю к ней особой привязанности: мать постоянно помыкает мной и совершенно меня подавляет. Это настоящее тюремное заключение! Я не могу самостоятельно принять ни одного решения. Она контролирует каждый мой шаг и пытается управлять даже моими мыслями!

Несчастливая девушка закрыла глаза и замолчала. Джейд ждала, понимая, какую боль доставляет Лорене этот разговор.

Наконец Лорена Вордейн открыла глаза, печально посмотрела на Джейд и, глубоко вздохнув, продолжила:

– И тут я встретила Мэндла. Он был моряком, французом и, приплыв в Штаты, взял увольнение на берег, чтобы повидать дядю. Мы встретились как-то днем, когда мне удалось вырваться из дому, чтобы погулять. Его дядя работал сторожем в поместье, расположенном недалеко от нас. Мы разговорились и стали встречаться. Я полюбила Мэндла с первой минуты и начала все чаще отлучаться из дому.

Лорена рассказала, как разъярилась ее мать, когда в конце концов узнала о ее тайном романе.

– Она избила меня и заперла в моей комнате Но Мэндл помог мне убежать. Мы сели на корабль и уплыли во Францию, собираясь пожениться. – Лорена вытерла слезы тыльной стороной ладони, судорожно сглотнула и, давясь слезами, поведала конец своей печальной истории:

– Дядя Мэндла сообщил матери, где мы. Не сомневаюсь, что он получил за это щедрое вознаграждение. Мать наняла двух головорезов и отправилась за нами. Она нашла нас там, где и обещал дядя Мэндла. Мамины люди ужасно избили Мэндла. Теперь они отдыхают где-то в Европе, пропивают те деньги, которые она заплатила им за это.

Тут ее голос сорвался. Уткнувшись лицом в ладони, она отчаянно зарыдала, больше не пытаясь сдерживаться.

Джейд поспешно вскочила и подбежала к девушке, пытается как-то ее утешить, но первое же ее прикосновение заставило Лорену опомниться. Она почти гневно оттолкнула Джейд и стремительно встала, с грохотом опрокинув стул.

– Оставьте меня в покое! – крикнула она, торопливо направляясь к двери. – Мне не следовало вам все это рассказывать! Мне надо поскорее уйти, пока она, не начала меня разыскивать. Если она застанет меня за разговором с вами...

Лорена выбежала из салона. Джейд устремилась было за ней, но решила, что этого делать не следует. Лорена рассказала ей все, что хотела. И пусть ее история действительно очень печальна, помочь ей никак нельзя. Оставалось только молиться, чтобы бедняжка когда-нибудь нашла счастье.

По мере того как усиливалась качка, Джейд чувствовала себя все хуже и хуже. Вернувшись в каюту, она разделась и легла в постель рядом с Колтом, который заключил ее в свои теплые и надежные объятия.

Глава 8

За легким ленчем, состоявшим из фруктов и вина, который стюард принес им в каюту, Джейд рассказала Колту печальную историю Лорены. Он выслушал ее молча, широко раскрыв глаза от изумления.

– Просто невероятно! – сказал он. – Если бы я услышал все это не от тебя, то ни за что бы этому не поверил. О, я не сомневаюсь, что мог бы найти мужчину, которому она понравилась. Я хочу сказать – внешность у нее неплохая, и если бы ее привести в божеский вид и оторвать от маменьки, она, наверное, могла бы быть даже хорошенькой. Но сейчас она просто дурнушка, скучное ничто. Представить себе, чтобы она тайком уходила на свидание с женщиной, не говоря уже о том, чтобы сбежать, да еще во Францию... – Он недоверчиво покачал головой, рассмеялся и, поймав на себе осуждающий взгляд Джейд, виновато добавил:

– Ну, признайся, это ведь очень смешно!

Но Джейд сейчас было не до смеха: она с каждой минутой чувствовала себя все хуже. Голова кружилась, и ее подташнивало. Когда после ленча Джейд стало совсем плохо, Колт встревожился и послал за судовым врачом.

Доктор Морли напомнил Джейд норвежского тролля: низенький, с коротенькими ручками и ножками, с лысиной, обрамленной седыми волосами, и огромным крючковатым но-

сом с бородавкой на самом кончике. Но он был очень добрым и внимательным.

– У вас морская болезнь, милая леди. Классические симптомы.

Корабль то нырял вниз, то карабкался вверх по волнам, одновременно раскачиваясь из стороны в сторону и скрипя, как разошедшаяся половица.

Джейд стонала, ее мучило с еще большей силой, и Колт предусмотрительно поставил ведро у ее кровати.

– Ну, и как долго это продлится? – нетерпеливо спросил он врача. – Вы не можете дать ей какое-нибудь лекарство?

– Увы, – с сожалением сказал седовласый эскулап, – боюсь, что морскую болезнь вылечить нельзя, постепенно она пройдет сама. Но судя по тому, как падает барометр, вашей жене не скоро будет легче – впереди еще сильная качка.

А что до лекарств, – продолжал он, копаясь в потертом кожаном чемоданчике, – та у меня есть молотый имбирь. Я отнесу его в камбуз и попрошу смешать с каким-нибудь соком, который пришлют вам. Пусть она его выпьет. А потом немного теплого бульона. Это успокоит желудок. Завтра проследите, чтобы она съела крутое яйцо. И может быть, тосты.

Джейд снова застонала. Все мышцы ее живота болели от постоянных спазмов. Она сказала, что ее знобит, как в лихорадке.

Но и это не удивило доктора Морли. Он лишь заметил:

– Морская болезнь иногда сопровождается ознобом. Ле-

жите в постели. Укрывайтесь потеплее. Больше я ничем вам помочь не могу, миссис Колтрейн, но, если вас это утешит, знайте: у меня еще несколько пассажиров страдают от морской болезни.

С этим он ушел, а Колт бережно укрыл Джейд и, придвинув к кровати стул, сел рядом с ней и взял ее за руку.

– Попробуй заснуть, моя принцесса, – сказал он. – Я буду рядом. Когда выпьешь сока с имбирем, тебе станет легче.

Он отвел прядь волос, упавшую ей на лоб, и почувствовал, что кожа ее покрылась холодным потом.

– Мне тоже тяжело, принцесса, – потому что тяжело тебе. Я так сильно тебя люблю! Поверь, если бы я мог поменяться с тобой местами и страдать вместо тебя, я бы с радостью сделал это!

Она дрожащими пальцами дотронулась до его губ и слабо улыбнулась:

– Ах, Колт, если бы ты только знал, как Я тебя люблю...

Он поцеловал ее и объявил:

– Если ты любишь меня хоть вполовину того, как я тебя, то мне этого хватит на всю жизнь.

Джейд почувствовала слезы на глазах.

– Если с тобой что-нибудь случится, я не захочу больше жить.

– Ничего со мной не случится. И с тобой тоже. Изволь спать, – с шутливой серьезностью произнес он и поддразнил ее:

– иначе мне придется уйти, чтобы тебе не мешать, и тогда ты останешься одна. И защищать тебя будет никому.

– Защищать от чего? – иронически осведомилась она, стараясь говорить весело, несмотря на отвратительное самочувствие. – Это только третий день плавания, и, похоже, остаток пути мне придется провести в постели, больной.

– Ну, не надо думать о настоящем. Сосредоточься на будущем, на том, как чудесно мы заживем в Нью-Йорке. Я целыми днями буду работать, а ты можешь ходить по магазинам и тратить мои деньги.

Она презрительно фыркнула:

– Твои деньги? Разве ты забыл, что настоял на том, чтобы мы открыли счета в разных банках? Так что я буду тратить собственные деньги.

– Послушай, Джейд, я разделил счета не потому, что боялся, что ты будешь тратить мои деньги, – серьезно напомнил он ей. – Мне хотелось, чтобы ты не осталась без гроша, если я вдруг неудачно распорядюсь своим состоянием. Тем более что со мной это уже один раз было.

Джейд знала, о чем сейчас вспомнил Колт, и поспешила поменять тему разговора:

– Я не из тех пустоголовых дам, которые все свое время тратят на покупки, чаепития с подругами и торжественные обеды.

– Конечно, нет, – согласился он, а потом с наигранным неудовольствием добавил:

– Предупреждаю тебя в последний раз: если ты не замолчишь и не постарайшься задремать, то я уйду и проиграю все наши деньги или найду какую-нибудь красотку и напьюсь с ней. Или то и другое вместе.

Джейд состроила ему гримасу, но все же послушно закрыла глаза.

День тянулся медленно. С каждым часом качка становилась все сильнее, и каждый раз, когда корабль подбрасывало вверх или кидало из стороны в сторону, Джейд просыпалась. Невозможно было определить, что именно хлещет в стекла иллюминаторов: дождь или яростные волны. Жалобные звуки, которые издавало судно, были поистине пугающими и наводили на тревожные мысли. Колт сходил к капитану, который поспешил уверить его, что на данный момент оснований для тревоги нет. В это время года Атлантический океан часто бывал беспокойным.

Бросать якорь не было необходимости... пока. Всем следовало оставаться в каютах и ни в коем случае не выходить на палубу.

Когда наступило время обеда, Джейд спала. Колт сильно проголодался и отправился в салон-ресторан. Некоторое время спустя он вернулся с чашкой теплого бульона и известием о том, что половина пассажиров лежат по каютам в таком же состоянии, что и Джейд.

– Даже миссис Вордейн, – прибавил он не без ехидства. – Кстати, теперь твоя история о ее дочери не Кажется мне та-

кой уж невероятной.

– Почему ты так говоришь? – с любопытством спросила Джейд и с помощью Колта села в подушках, чтобы удобнее было пить бульон. – Она рассказала тебе ту же историю, что и мне?

Он покачал головой и поднес чашку к ее губам, чтобы она могла сделать глоток.

– Знаешь, у меня было впечатление, будто я обедаю с незнакомкой. И, заметь, с очень привлекательной незнакомкой.

Нет, Лорена выглядела все так же – бледная, неинтересная и плохо одетая, как и раньше, но в ней появился какой-то огонь.

Она смеялась, шутила, разговаривала, буквально искрилась весельем. Я, право, даже получил удовольствие от ее общества. А когда мы поели, она пригласила меня в бальный салон, где те пассажиры, кому не было плохо, веселились, пытаясь забыть о шторме. Надеюсь, ты не обидишься, что я согласился пойти с ней: мне было ее жаль.

Джейд не обиделась на то, что он развлек Лорену, – она не почувствовала ревности, но ей снова стало хуже: ее желудок явно возмутился вторжением бульона. Она соскользнула с подушек и легла, чувствуя уже знакомые спазмы.

– Кажется, я здесь умру, – простонала она. – Прямо на этой постели!

Колт понимал, что она преувеличивает.

– Нет, не умрешь. Как только шторм пройдет, тебе станет лучше.

– Расскажи мне еще о том, как ты провел вечер с Лореной, – попросила она, надеясь хоть немного отвлечься от своего самочувствия.

Колт ответил, что уже почти все рассказал.

– Я подумал, что она станет мне откровенно обо всем рассказывать, как уже рассказала тебе, но, наверное, с мужчинами таким не делятся. Так что мы пили шампанское и сумели протанцевать один вальс, пока оркестр не отказался играть из-за качки. В конце концов пришел один из офицеров и сказал, что капитану было бы спокойнее, если бы все разошлись на ночь по своим каютам. Он боится, как бы кого-нибудь не смыло за борт.

– Твоя молодая жена лежит тут в постели и умирает, а ты танцуешь и пьешь с другой! – поддразнила его Джейд. – Стыд и позор, Колт Колтрейн. Оказывается, я вышла замуж за настоящего ловеласа!

– А я женился на зеленолицей женщине! – Он рассмеялся. – У тебя вид сказочного человечка из ирландских сказок.

Джейд буквально задыхалась от тошноты, но постаралась поддержать шутку и с преувеличенным ирландским выговором ответила:

– Гром и молния, паренек... Подавай-ка ведро. Твоему человечку очень плохо...

Однако Колт не успел: бульон стремительно расстался с

ее больным желудком, так что ей пришлось уткнуться лицом в полотенце, которое она держала как раз на такой случай.

У нее снова начался озноб, на этот раз гораздо более сильный. Проснувшись ночью рядом с Джейд, Колт услышал, как она стонет, и почувствовал, как горит в лихорадке ее тело. Он попытался вызвать звонком стюарда, чтобы тот принес хинину, но не удивился, когда на его вызов никто не ответил: корабль постоянно бросало вниз и вверх на сильных волнах. Наверняка все оставались в своих каютах.

Он встал и, подойдя к иллюминатору, посмотрел в черную пропасть. Было бы самоубийством выйти сейчас на палубу. Колт решил дожидаться рассвета. Единственное, что он мог сделать, это укрыть Джейд потеплее, чтобы ее не так сильно бил озноб.

Наконец ему показалось, что Джейд немного успокоилась.

Ее стоны стихли, и теперь она лежала молча. Жар, похоже, стал спадать. И даже качка казалась не такой сильной. Колт позволил себе заснуть.

Громкий стук в выходящую в коридор дверь вывел его из тяжелого сна. Он оделся в полутьме и взгляделся в лицо Джейд в туманном свете, который пробивался сквозь иллюминатор: она все еще мирно спала.

Открыв дверь, он увидел на пороге Лорену Вордейн. Вид у нее был испуганный. Она проговорила со слезами в голосе: – Мистер Колтрейн, вы должны пойти со мной!

Колт потрянул головой, стараясь прийти в себя. Ему пока-

залось, что он все еще спит.

– Пожалуйста! – взмолилась девушка. – Вы должны пойти со мной. Моя мама в ярости и...

Тут корабль сильно подбросило на волне, и Лорена ударилась о противоположную стену, громко вскрикнув от боли. Ухватившись за поручень, который шел вдоль стены, она зарыдала в голос:

– Пожалуйста, мистер Колтрейн! Вы должны пойти со мной! Вы не представляете себе, какая она. Она просто сходит с ума, когда я провожу время в обществе мужчины. В мое отсутствие она проснулась и, как только я вошла в каюту, принялась на меня кричать, обвиняя в самых ужасных вещах. Я попыталась сказать ей, что танцевала с вами, но она совсем обезумела от ярости. Она уже несколько часов не отстает от меня, считая, что мы... – Ее голос замер и она в смущении отвернулась. – Вы должны пойти со мной и сказать ей, где мы были и что мы были не одни...

– О чем вы говорите? – нетерпеливо прошипел Колт, который все еще толком не проснулся и никак не мог понять, как попал в столь нелепую ситуацию. А потом он увидел, что одна щека Лорены странно горит, а на плече у нее глубокие царапины. Он снова протянул к ней руку:

– Зайдите в каюту, пожалуйста. Не надо стоять в коридоре.

– Нет, нет, нет! – Она отчаянно замотала головой, так что светлые волосы в беспорядке упали на плечи девушки. – Вы

должны пойти со мной! Если вы не придете, она будет меня бить. Она сейчас ждет с ремнем в руке, и если я не приведу вас, чтобы вы подтвердили ей, что мы не оставались наедине и не делали ничего плохого, то мне не избежать побоев!..

Колт видел, что девушка близка к истерике. Господи, ее мать – настоящая сумасшедшая, возмущенно решил он, и снова обернулся, желая убедиться, что Джейд по-прежнему крепко спит.

– Хорошо, – сказал он наконец, испытывая гнев и отвращение, – пойдете и поскорее покончим с этим.

Он вышел в узкий коридор, закрыв за собой дверь.

Корабль резко зарылся носом в воду, а потом накренился, с силой шлепнув по воде корпусом. Закрепленный у стены стул сорвался и отлетел к противоположной стене.

От раздавшегося удара Джейд проснулась и испуганно села на постели. Где Колт? И сколько сейчас времени? Пытаясь удержаться на слабых ногах, она осторожно, стараясь не упасть, пробралась к иллюминатору. За ним едва можно было различить гигантские серые волны, украшенные белой пеной. Они яростно вздымались к небу, протестуя против робкого рассвета.

Кто-то пронзительно вскрикнул: корабль буквально взлетел вверх, и в следующий момент в него ударила с ужасающей силой волна. По каюте покатились вырвавшаяся из креплений мебель.

Где-то послышался звук разбившегося стекла. Вдали сно-

ва раздались крики, перекрывавшие шум урагана: пассажиры пришли в ужас от обезумевшей стихии.

Джейд упала на пол. Она попыталась было выпрямиться, но в это время крен корабля резко изменился на противоположный, и она покатилась в обратном направлении. Ей надо во что бы то ни стало выбраться из каюты, пронеслось у нее в голове, добраться до шлюпок, иначе она останется тут, когда корабль пойдет ко дну.

В сером полумраке она начала пробираться к двери, ведущей из каюты. Нащупав ручку, она изо всех сил ухватилась за нее обеими руками. Дверь распахнулась как раз в тот момент, когда волна подняла корабль, а потом резко опустила вниз. Джейд снова покатилась, на этот раз из двери каюты на палубу. Врезавшись в ограждение, она вцепилась в него изо всех сил. Ее испуганные крики о помощи тонули в какофонии шторма.

Тем временем Колт с трудом пробирался по коридору к своей каюте и с ужасом увидел, что дверь, ведущая на прогулочную палубу, распахнута и стучит на ветру... а Джейд нигде нет.

– Боже, Джейд! Где ты?

Он изо всех сил боролся с качкой, стараясь добраться до противоположной двери.

...Руки Джейд слабели. Внезапно, как раз в тот момент, когда она услышала крик Колта, корабль опять резко подбросило вверх. В следующую секунду судно столь же резко

полетело вниз и ударилось о воду. Неожиданно от стены отделился ящик, в котором хранились шезлонги для отдыха пассажиров, и, словно пушечное ядро, полетел по палубе к ограждению, за которое отчаянно цеплялась Джейд.

...Колт добрался до наружной двери и ухватился за нее, пытаясь не потерять равновесие, но поскользнулся и упал. Джейд с ужасом увидела, как летящий навстречу тяжелый ящик ударил его по голове, так что из раны брызнула кровь. Ящик полетел дальше и с силой врезался в ограждение, за которое она цеплялась. Ограждение сломалось, и Джейд следом за ящиком полетела вниз, в бушующие волны.

Она скрылась под кипящей пенной водой, чувствуя, что проваливается в темную и холодную пропасть, которая увлекает ее все глубже и глубже. Было бы так легко смириться, безвольно отдать себя на волю стихии, которая с силой крутила и бросала ее тело, словно игрушку.

Это было бы легко, так легко уступить морю свою жизнь. Но она не хочет умирать!

Соленая вода обжигала ей горло, щипала ноздри. Джейд чувствовала, что задыхается. Ее ловкие и сильные ноги балерины начали упрямо двигаться. Голова болела, грудь, казалось, вот-вот готова разорваться... Она собралась с последними силами и начала стремительно подниматься к поверхности.

Вынырнув из воды, Джейд закашлялась, выплюнула соленую воду, глотнула свежего воздуха и получила от новой вол-

ны пощечину, которая снова заставила ее погрузиться под воду. Море не желало так легко отказаться от своей добычи.

Джейд продолжала бороться. Ей удалось на секунду увидеть корабль, который нырял поодаль, словно игрушка в ванночке у озорного малыша. Судно уходило все дальше и дальше! Она попробовала закричать, моля о помощи, но ее крик, как она и предполагала, потерялся в шуме ветра и волн. Сколько ей удастся удерживаться на поверхности? И зачем ей пытаться это делать? С корабля ее никто не увидит – и за ней никто не приплывет. В конце концов она все равно утонет. Она пропала.

Почему бы просто не сдаться и не покончить с муками – не дать морю овладеть ею?

Что-то ударило ее по плечу, и Джейд вскрикнула от боли, погружаясь под воду. Когда она вновь вынырнула на поверхность, то увидела пляшущие по воде шезлонги и с негодованием поняла, что удар ей нанес тот самый ящик, который сбросил ее с палубы и убил Колта.

Теперь ящик плыл в сторону от нее, и Джейд устремилась следом за ним. Но ее усилия были безрезультатны. Море наслаждалось своей жестокой игрой. Каждый раз, когда Джейд оказывалась совсем рядом с качающимся на волнах ящиком, на нее обрушивалась очередная волна, унося в сторону и снова погружая в холодные бурные глубины, чтобы она могла еще раз взглянуть на ожидавшую ее смерть.

А потом словно невидимая рука подняла Джейд на такую

огромную волну, каких еще не поднималось из глубин океана.

Ящик тоже оказался во власти вздымающейся к небу воды. Джейд показалось, что еще немного – и ужас погасит в ее леденеющем сердце последнюю искру жизни.

И тут Джейд стала замечать, что ярость водной стихии постепенно слабеет. Она смогла наконец-то вздохнуть полной грудью и, сделав усилие, дотянулась до качавшегося на поверхности воды ящика. Ею овладела истерика, и она начала бить его кулаками и громко кричать:

– Будь ты проклят, проклят, проклят!

Вид крови, которая начала сочиться из потрескавшейся кожи рук, заставил ее опомниться. Рыдающая, измученная, она собрала остатки сил и залезла на ящик.

От все еще пенящейся воды поднимался серый туман, который погрузил Джейд в благословенное забытье после пережитого кошмара...

На палубе корабля тело Колта безжизненно перекачивалось взад и вперед в луже соленой воды, перемешанной с кровью.

Увидев эту картину, Лорена издала пронзительный вопль.

Проходивший по коридору матрос услышал ее крик и поспешил ей на помощь. Заглянув в открытую палубную дверь, он сразу понял причину ее ужаса. Оттолкнув девушку к кровати, он приказал схватиться за нее покрепче, чтобы не оказаться за бортом.

С трудом добравшись до Колта, матрос втощил его обратно в каюту и закрыл дверь, немного заглушив шум бури.

Затем он наклонился к неподвижно лежавшему Колту, рассматривая его кровоточащую рану на голове.

Лорена наблюдала за матросом, кусая губы до крови и с такой силой сжимая кулаки, что ногти врезались в ладони. Чувствуя тошнотворный ужас, она ждала приговора.

Наконец тот поднял голову и безрадостно посмотрел на нее:

– Извините, сударыня... Но кажется, ваш муж мертв.

Глава 9

Над горизонтом поднялось золотое солнце. Небо было ослепительно голубым, и на нем не видно было ни облачка. Над Гольфстримом резвился легкий ветерок. Прекрасный день – такой, какие, по мнению поэтов, царят только в раю.

Брайан Стивенс стоял на носу своей яхты «Марни», большого судна, имевшего девяносто четыре фута в длину и двадцать шесть с половиной в ширину. Это был один из лучших кораблей своего класса, роскошно отделанный: именно таким должен был владеть и на таком плавать представитель богатого и влиятельного семейства Стивенсов (именем одного из них, пусть и дальнего родственника, был назван Стивенсовский технологический институт). Еще в начале девятнадцатого века Джон К. Стивенс и его брат Эдвин А. Стивенс были первыми богатыми яхтсменами в окрестностях Нью-Йорка.

«Марни» была оборудована современным двигателем внутреннего сгорания, который еще только-только начал появляться на судах. Однако Брайан никогда не боялся плыть из Нью-Йорка к своему собственному острову, расположенному рядом с Бермудскими островами. В конце концов он ведь считался опытным яхтсменом и участвовал в трансатлантических гонках из Сэнди-Хука в Нью-Джерси до Англии в 1886 году. Это было семь лет назад, когда Брайану

исполнилось двадцать восемь.

Отец Брайана, Лоренс Стивенс, был влиятельнейшим бизнесменом Нью-Йорка и занимался недвижимостью. Ему принадлежали дорогостоящие участки в Нью-Йорке и немало земель в престижных районах вдоль Гудзона. Вложив средства в золото, серебро, железные дороги, скот и, конечно же, судоходную компанию, Лоренс оставил своему единственному сыну весьма внушительное состояние. Преданные и опытные служащие стояли на страже семейных интересов, а Брайану оставалось только наслаждаться жизнью, удовлетворяя свою любовь к кораблям, морю... и к рыжеволосому и зеленоглазому ангелочку, в честь которого и была названа его яхта, – к Марни.

Брайан встретился с Марни, когда та начала работать в доме его семьи в качестве прислуги. Она была дочерью ирландских иммигрантов, и ее отец был сторожем в поместье Стивенсов. Марни была прекрасна и покорила Брайана при первой же встрече, в то лето, когда ему было девятнадцать, а она была еще пятнадцатилетней девчушкой. Его родители, в особенности мать, неодобрительно отнеслись к его увлечению простой служанкой, но Брайан не обращал никакого внимания на их недовольство.

Через год после своей первой встречи они сбежали и обвенчались и с тех пор не знали ни одной печальной минуты и не обменялись ни единым недобрим словом. Все, кто знал молодую чету, считали, что их брак воплощает в себе поис-

тине христианский идеал взаимной любви, который и был задуман тогда, когда Господь сотворил мужчину и женщину.

Они самозабвенно любили друг друга и не могли представить себе более счастливой жизни – до того дня, пока на свет не появился Брайан Патрик Стивенс, с золотыми, как у отца, волосами и с надеждой на то, что глаза у него будут зелеными в ирландку-мать. С той минуты Брайан-старший каждое утро спрашивал себя, не снится ли ему эта счастливая жизнь, а каждый вечер благодарил Бога за то, что это реальность.

Но сейчас он смотрел на ясный день конца лета и не видел ни океана, ни неба, не ощущал ни солнечного тепла, ни дуновения ветерка. В его глазах погасла радость жизни. Они были тусклыми, мертвыми, такими же, как и его сердце.

Марни всем только и твердила о том, что считает Брайана Стивенса самым красивым мужчиной на всем белом свете. Он был высок, строен и широкоплеч. У него были густые русые кудри и яркие глаза, голубизна которых могла соперничать с небесной лазурью. Мужественный подбородок, гладкая кожа и красивый нос с горбинкой делали его необычайно привлекательным для женщин.

Однако в этот день и этот час Брайан был сломлен, лишен воли и желания жить.

Он смотрел на зеленовато-синюю воду (океан здесь всегда казался довольно бурным) и думал о том, как хорошо было бы погрузиться на самое дно. Возможно, там ему удалось бы спрятаться от того кошмара, в который превратилась его

жизнь. Но надо было повременить. Момент был неподходящий.

На корме яхты двое членов экипажа, состоявшего из четырех человек, сворачивали канаты в бухты и наблюдали за своим шкипером. Один из матросов, Уолт Гиббоне, был уже сед: он плавал еще с отцом Брайана, а самого Брайана знал с самого рождения. Он обеспокоенно сказал своему товарищу:

– Хозяин что-то задумал. Я это просто нутром чую. Он ни слова не промолвил – ни словечка! – с той минуты, как мы и отплыли из Нью-Йорка, а это, считай, было два дня назад.

Стоит целыми днями и просто смотрит на волны, а потом спускается вниз, пьет и плачет.

Монро Бертон с наслаждением жевал табак. Смачно сплюнув, он недоверчиво переспросил:

– Плачет? Говоришь, он по-настоящему плачет? Как баба?

Уолт серьезно кивнул:

– Ага. И, скажу я тебе, тут ничего удивительного нет.

Брайан Стивенс больше не мужчина – он тень того, что было.

Монро покачал головой, жалея беднягу:

– Ну, я понимаю, что это трагедия и все такое прочее, но не хотел бы я настолько влюбиться, чтобы захотеть помереть вместе с ней!

Уолт вздохнул:

– Ты просто никогда не видел таких чудесных женщин, какой была Марни. Даже родители Брайана в конце концов ее полюбили, а они были против того, чтобы он женился на служанке, когда за ним гонялись дочки из самых лучших семей. А потом, не забывай, что он потерял и мальчика тоже. Такое человеку вынести трудно: одновременно потерять и жену, и единственного ребенка.

Монро грубовато заявил:

– Ну, я и говорю: это, конечно, очень плохо, но не думаю, чтобы плавание на остров ему помогло. Если он будет сидеть без дела да пить, то только даром потратит свое время – и наше тоже.

Такая жестокая логика заставила Уолта ошетиниться.

– Послушай, мистер, ты за свое время деньги получаешь, так что никому не интересно, считаешь ты его потраченным даром или нет. Еще и двух месяцев не прошло с тех пор, как Брайан похоронил весь свой мир, и он правильно поступил, решив съездить на остров. Он хочет погоревать в одиночестве, а потом начнет жить снова.

Монро только мрачно посмотрел на него и погрузился в недовольное молчание.

Но верный слуга Брайана Стивенса Уолт не знал, что Брайан отправился в это плавание не для того, чтобы, «погоревав», начать новую жизнь. Он решил покончить со своим безрадостным существованием. Остров идеально подходил для этого.

Именно на нем он со своей возлюбленной Марни провел медовый месяц, там они отдыхали при каждой удобной возможности, и именно там теплой летней ночью, примерно десять лет назад, был зачат Патрик – когда они уже расстались с надеждой иметь детей.

Брайан заранее все продумал. Площадь острова составляла всего две квадратные мили. Симпатичный домик, который он построил, располагался на невысоком холме в самой середине и был окружен постоянно раскачивавшимися на ветру пальмами.

Вокруг дома тянулись превосходные ровные и белые песчаные пляжи, где Марни обычно собирала разнообразные многоцветные раковины, которые выносили на берег высокие приливы.

Была там и небольшая уединенная бухточка, где они находили романтическое уединение во время отливов. Именно здесь он напьется до бесчувствия во время отлива и даст океану унести себя к месту упокоения.

Уолт Гиббоне снова пристально посмотрел на Брайана, а потом повернулся, чтобы спуститься в трюм. Ему невыносимо было видеть отчаяние своего господина.

Брайан чертыхнулся и сощурил глаза от яркого солнца. Он смертельно устал от бесов, не дававших ему покоя и терзавших его видениями, в которых постоянно присутствовала Марни. Вот и сейчас вдали он увидел ее сверкающие рыжие волосы, которые качались на высоких волнах. Иллюзия.

Мираж. Однако он все равно будет впивать в себя это зрелище, то появляющееся на гребне волн, то снова исчезающее. Она плывет. Марни плывет на чем-то посреди Гольфстрима. Еще одна сатанинская шутка, но на этот раз он на нее не поймается, не сделает того, что делал уже много раз, когда, одурманив себя спиртным, с криком пытался дотянуться до своего видения и, схватив лишь воздух, падал на колени, отчаянно рыдая. Он будет ждать, пока видение не исчезнет само собой... Тогда дьявол и его приспешники поймут, что их обман не удался.

Он перегнулся через ограждение, вглядываясь в приближающийся призрак. О, на этот раз дьявольская шутка была особенно хороша, потому что видение казалось удивительно реальным.

Марни лежала лицом вниз на каком-то ящике и спала, одежда на ней была изорвана в клочья. Брайан нахмурился. Прежде его туманные призраки всегда были радостными и счастливыми: они смеялись, танцевали, кружились, облаченные в прозрачные многоцветные одежды, и всегда их сопровождала музыка, звук серебряных колокольчиков, раскачивающихся в ночном ветерке...

А потом, когда он произносил имя Марни и протягивал к ней руки, призрак исчезал. Но на этот раз казалось, что ей плохо, что она страдает...

Брайан стиснул руки на поручне, искренне сожалея о том, что начал день с того, что осушил огромный бокал виски:

будь он сейчас трезв, он смог бы отмахнуться от очередного призрака.

Но видение казалось настолько реальным, что он готов был сдаться, поверив в него.

– Уходи, – хрипло прошептал он, и смешанный с мукой гнев заставил его сильнее перегнуться через фальшборт. – Изыди от меня, сатана! Уходи, говорю тебе! Ты и так скоро меня получишь. Дай мне доплыть до острова, прекрати эту пытку...

Брайан застыл, чувствуя, что волосы шевелятся на голове: он понял, что перед ним не видение. Это была действительно Марни!

Он перекинул одну ногу через ограждение и крикнул изо всех сил:

– Помогите, кто-нибудь! Там, внизу, Марни! Это она!

Кидайте спасательный круг! Бросайте его мне!

Монро Бертон оторвался от своих дел и ахнул, увидев, что шкипер готов прыгнуть за борт: похоже, он окончательно потерял рассудок. Бросившись к люку, ведущему в трюм, Монро заорал, обращаясь к тем, кто находился внизу:

– Эй! Пусть кто-нибудь поднимется сюда и поможет мне справиться с этим психом! Он хочет прыгнуть за борт!

В следующую секунду он уже бежал по палубе, перепрыгивая через такелаж и крича:

– Мистер Стивенс! Шкипер! Не надо!.. Подождите, пожалуйста!..

Но было уже поздно.

Брайан перелез через фальшборт, на секунду задержался на узеньком деревянном карнизе, а потом кинулся вниз головой прямо в морскую пучину. Вынырнув на поверхность, он сильными бросками поплыл вперед, стараясь поскорее добраться до плясавшего на гребнях волн ящика.

Услышав отчаянные крики Монро, Уолт Гиббоне выскочил на палубу как раз в тот момент, когда Брайан бросился за борт.

Не медля ни секунды, он подбежал к спасательному кругу, прикрепленному к палубе длинной и прочной веревкой. Подскочив к тому месту, откуда прыгнул Брайан, он бросил круг и заорал:

– Держите, шкипер! Хватайтесь за круг...

Но его крик внезапно замолк: он увидел плывущий ящик, на котором лежала, судя по всему, женщина.

Остальные члены экипажа в панике подбежали к Уолту.

Показывая на ящик, он хрипло заявил:

– Шкипер не рехнулся. Там действительно женщина. Спускайте плот и помогите ему. Быстро!

И он с силой подтолкнул того, кто стоял ближе к нему.

Матросы отреагировали мгновенно, и к тому моменту когда Брайан доплыл до ящика, они уже успели спустить плот и гребли в его сторону.

Прыжок в воду и борьба с крутыми, упрямыми волнами, мешавшими ему приблизиться к ящику, вывели Брайана из

оцепенения, вызванного виски и горем. Цепляясь за край ящика, он понимал, что девушка, которая без сознания лежала на ящике, не его возлюбленная Марии. Но, Бог свидетель, глядя на нее, легко можно было подумать, что это и правда Марни: та же хрупкая фигурка, тот же оттенок золотисто-рыжих волос. Может быть, и глаза у нее зеленые? Господи... Брайан встряхнул головой и жадно втянул воздух в ноющие легкие: от непривычных усилий он сильно запыхался.

Услышав крики своих матросов, которые подгребали к нему на спасательном плоту, Брайан приказал им поторапливаться: задерживаться в этих опасных, населенных акулами водах не следует.

Протянув руку, он дотронулся до девушки, проверяя, жива ли она. Тело ее оказалось теплым. По правде говоря, оно было даже горячим: он заметил, что та часть ее кожи, которая была открыта солнцу, обгорела. Сколько она вот так проплыла? Несомненно, где-то произошло кораблекрушение... Но где? Они находились на полпути между Нью-Йорком и Бермудскими островами, в Гольфстриме. Трансатлантический рейс? Это было возможно. Он знал, что несколько дней назад был сильный шторм – об этом ему рассказал шкипер шхуны, которой удалось уйти от штормовой погоды. Но о пропавшем корабле никто не слышал.

Плот стукнулся о ящик, и Брайан с помощью матросов перенес девушку на плот.

Кто-то изумленно проговорил:

– Господи, ну до чего же она обгорела! Посмотрите-ка на ее губы: распухли и потрескались. Как это она вообще жива – просто чудо, да и только!

Второй его поддержал:

– Давайте поскорее отвезем ее на корабль. – Он повернулся к Брайану:

– Хотите, чтобы мы привязали к ящику веревку и отбуксировали и его тоже?

Брайан покачал головой. Кому нужен пустой ящик? Но тут его внимание привлекла надпись на нем: «Париж». Это было название корабля, на котором плыла девушка, в этом Брайан не сомневался. Неожиданно он повернул ящик так, чтобы матросы не смогли прочесть эту надпись. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, с какого корабля к ним попало это прекрасное создание, – ведь эта девушка, несмотря на солнечные ожоги, отеки и растрескавшиеся губы, так сильно походила на Марни, что его сердце мучительно сжалось. Он сидел, держа незнакомку на руках. Она не шевелилась, лишь ее грудь едва заметно вздымалась от неглубоких вздохов.

– Быстрее, – отрывисто приказал Брайан тем, кто сидел на веслах. – Ради Бога, поспешите!

Уолт уже дожидался их с одеялом, в которое принял девушку из рук Брайана. Он направился с ней вниз, Брайан шел следом, приказав, чтобы принесли виски.

– Нам надо поддержать ее. Она в плохом состоянии. – Тут

он посмотрел на ее обожженное тело и снова крикнул:

– И нутряного сала! Принесите сала из камбуза. Нам надо ее чем-нибудь намазать.

Девушку внесли в просторную каюту Брайана, где Уолт начал устраивать поудобнее сокровище, которое подарило им море: сам шкипер был слишком зачарован и ошеломлен, чтобы быть ему полезным. Брайану казалось, что это прекрасное существо даровано ему для того, чтобы залечить его разбитое сердце, заполнить ноющую пустоту, из-за которой он готов был покончить с собой. Теперь у него появился стимул к жизни. Дьявол потерял свою силу над ним, так и не сумев овладеть его душой.

Добро победило.

Уолт осторожно снял с бедняжки превратившуюся в лохмотья одежду и стал намазывать ее нутряным салом. Брайан восхищенно рассматривал идеально выточенные формы. Незнакомка была так же прекрасна, как и Марни.

Уолт заметил отсутствующий взгляд Брайана и решил, что шкиперу нелегко дался его подвиг. Прервав его размышления, он спросил:

– У вас найдется что-нибудь из одежды, желательно без рукавов, чтобы не раздражало обожженную кожу? У нее так сильно обгорели руки...

Брайан встряхнул головой, прогоняя восторженное оцепенение.

– Конечно, конечно!

Он поспешно подошел к стенному шкафу, которым когда-то пользовалась Марни во время плавания к их острову. Там они часто принимали у себя важных персон с Бермудских островов, но, даже когда они были одни, Марни всегда переодевалась к обеду. Это было так для нее характерно – желать, чтобы все и всегда было красиво и хорошо!

Выдвинув один из узеньких ящичков в нижней части шкафа, Брайан достал оттуда ночную рубашку из тончайшего шелка, как и просил Уолт, без рукавов: это тонкое и нежное одеяние должно было прикрыть тело, не раздражая кожи. До этой минуты он не осмеливался дотронуться ни до одной из вещей, принадлежавших Марни, запретив даже прислуге прикасаться к ним. Все оставалось так, как было до ее смерти. Однако теперь в его действиях не ощущалось ни колебаний, ни неуверенности: он знал, что этой девушке суждено получить то, что принадлежало его жене.

Он передал ночную рубашку Уолту:

– Надень на нее вот это. – Подождав, пока это было сделано, он осмелился задать вопрос, который жег ему сердце:

– Скажи, Уолт, насколько серьезно ее состояние?

Уолт сделал глубокий вдох, а потом протяжно выдохнул и ответил:

– Трудно сказать, шкипер. Я в жизни видел немало солнечных ожогов. Судя по ее коже, она плыла не больше одного дня. Если бы она дрейфовала дольше, то просто поджарилась бы.

Брайан заставил себя говорить ровно и сдержанно: он не мог допустить и мысли, что на его следующий вопрос будет дан отрицательный ответ:

– Значит, она будет жить?

– Думаю, да. – Уолт повернулся на тихий стук в дверь:

Монро Бертон принес бутылку виски. – Надо постараться влить ей немного. А потом я смажу ожоги салом и попробую привести ее в сознание.

Уолт смочил носовой платок виски и вложил его девушке в рот, чтобы жидкость постепенно попадала ей в горло. Брайан немного понаблюдал за его действиями, а потом направился на палубу, испытывая потребность остаться одному.

Брайан Стивенс никогда не был особенно набожным человеком, но он верил в существование высших сил. Он знал, что всемогущий Бог дал ему полную радости жизнь, любимую жену и драгоценного сына... И этот же всемогущий Бог забрал обратно все свои дары. Но вот теперь Господь послал ему новую радость. И если он сделал что-то дурное, чем-то оскорбил Творца, в наказание за что и был лишен Марни и сына, то теперь он не хочет повторить эту ошибку. Он будет примерным христианином, достойным посланной ему радости.

Брайан упал на колени, сложил перед собой руки, поднял лицо к небу... и стал молиться.

Глава 10

Его руки крепко обнимали ее. Их губы слились в страстном поцелуе, и соприкосновение языков пробудило в глубине ее тела необузданные, первобытные желания. Его руки скользнули вдоль ее спины вниз, сначала нежно обхватили талию, а потом легли на крепкие круглые ягодицы. Она ощутила полную страсти мужскую плоть, которая вскоре бросит ей вызов и ворвется в нее, превратив их в одно существо, в одну любовь.

Голова Джейд упала на подушку, тело выгнулось... Его губы скользили все ниже. Вот его язык обжег ей грудь... Он осторожно взял сосок в рот, а она запустила дрожащие пальцы в его волосы, ласково прижимая его голову к себе.

– Я люблю тебя, – прошептала она тихо, хрипло. – Ах, Колт, я так сильно тебя люблю! Пожалуйста... пожалуйста, дорогой... возьми меня... скорее, скорее!

Она раздвинула ноги, чтобы принять его, и с ее губ сорвался тихий стон предвкушения.

И тут чей-то голос вырвал ее из мира грез:

– Выпейте вот это, пожалуйста.

Джейд дернула головой, ощутив мучительную боль от прикосновения к растрескавшимся и кровоточащим губам.

– Пожалуйста, постарайтесь, – настаивал мужской голос. – Это необходимо.

Она приоткрыла опухшие веки, пытаясь сквозь туманную дымку разглядеть лицо, которому принадлежал незнакомый голос.

– Пожалуйста! – Голос одновременно молил и предостерегал. – Если вы не выпьете, то умрете.

Джейд казалось, что ее руки обжигает огонь: ее кожа была воспалена. Горло пересохло. Она чувствовала себя слабой, измученной – почему? Что происходит? И кто с ней говорит? Она первый раз слышит этот голос.

Джейд почувствовала, как к ее плечу осторожно прикасается чья-то рука.

– Вы меня слышите, мисс? Можете меня видеть?

Туман начал рассеиваться, и Джейд разглядела склонившееся над ней лицо – золотистые волосы, голубые глаза, полные глубокой тревоги и заботы. Но кто этот человек?

Незнакомец наклонился ниже, и Джейд невольно отметила, что он необычайно хорош собой. Он спросил:

– Как вас зовут? Вы можете сказать мне ваше имя?

Джейд попыталась ответить, но не смогла: у нее настолько сильно пересохло в горле, что она не в состоянии была издать ни звука.

Незнакомец снова предложил ей воды:

– Ваше тело слишком обезвожено, мисс. Вам надо выпить воды. Позвольте вам помочь.

Джейд послушалась. Прохладная влага была просто дивной, и ее пересохшему до боли горлу стало немного лучше.

Джейд начала с жадностью пить.

Незнакомец отнял стакан от ее губ:

– Пока хватит. Иначе вам будет плохо.

Джейд закрыла глаза, пытаясь справиться с вихрем мыслей в голове. Где она находится? Что случилось и как она сюда попала? Она помнила отплытие из Франции, и первый день плавания, и как они с Колтом любили друг друга в уютной каюте. Последующие события окутывал туман. Чувство беспомощного недоумения не покидало Джейд.

– Вы не попробуете заговорить и сказать мне, как вас зовут? – мягко повторил незнакомец.

Она сделала новую попытку, и на этот раз смогла едва слышно прошептать:

– Джейд...

– Джейд! – торжествуяще повторил он. – Какое прекрасное имя. – Он наклонился ближе и улыбнулся. – И глаза у вас зеленые, ирландские. Готов спорить, что вы ирландка!

Джейд почувствовала, что какая-то неведомая сила заставляет ее вновь погрузиться в черную бездну беспомысленности, но она не хотела ей уступить. Пока не хотела. Ей необходимо было узнать, что же все-таки с ней произошло. И где Колт? Почему его нет здесь, рядом с ней?

Тихо, глухо она произнесла его имя.

– Колт? – мгновенно откликнулся ее незнакомый спутник. – Кто такой Колт?

Она попыталась ответить, но голос снова отказался ей по-

виноваться. Незнакомец дал еще воды, и тогда она наконец пробормотала:

– Мой муж. Пожалуйста, приведите его, скажите ему, что я хочу, чтобы он был со мной...

Она услышала, как мужчина вздохнул, словно от жалости, и внезапно в ней поднялось дурное предчувствие, смешанное с ужасом, причины которых она не знала. Она попыталась сесть, но незнакомец помешал ей. Она вскрикнула:

– Где он? Я хочу его видеть! Кто вы? Что со мной происходит?

Он отвел взгляд, и Джейд сразу же поняла, что случилось нечто ужасное. Ее глаза округлились, мышцы тела напряглись.

Она приподняла голову и посмотрела на незнакомца, а потом сквозь него, в склеп своих воспоминаний, которые с поразительной легкостью теперь вспыхнули в ее измученном сознании. Она вспомнила шторм, гигантские волны, безумную качку, звук разбивающегося стекла, ужасающую уверенность в том, что они тонут, попытку выбраться на палубу... Она цеплялась за ограждение, и на палубе появился Колт, он звал ее, пытался добраться до нее и...

Ящик!

Проклятый ящик!

Мучительный крик страдания вырвался из ее горла:

– Он погиб! Погиб! Я видела, как он упал... как ящик ударил его по голове... И кровь, много крови... О Боже, Бо-

же... нет!

Брайан Стивенс сразу же понял, что она вспоминает разыгравшуюся в море трагедию. Он удержал ее на постели, пытаясь успокоить.

– Послушайте меня. Все позади. Вы в безопасности. Вы со мной, на моей яхте, и ничего плохого с вами не случится, клянусь вам!

Она продолжала кричать и биться, колотила его кулаками.

Он с силой вдавил ее в подушки и громко позвал на помощь Уолта. Но тот и так уже бежал к ним с палубы, откуда услышал отчаянные крики. Через секунду он ворвался в каюту:

– Иисус, Иосиф и Мария, что тут, к дьяволу, творится?!

Остальные матросы столпились в дверях, с любопытством глядя на происходящее. Брайан велел Уолту принести виски и влить ей в рот, чтобы она немного успокоилась: он был уверен, что ей вредны сильные переживания. Монро посоветовал им просто дать ей хорошую затрещину – это хорошо помогает в таких случаях. Брайан ответил презрительным взглядом и приказал ему убираться к дьяволу и заниматься своими обязанностями и заодно забрать с собой остальных матросов. Они с Уолтом могут справиться без их помощи.

Когда в рот Джейд влили виски, она поперхнулась и закашлялась, а потом, временно сдавшись, тихо зарыдала. Ей казалось, что сердце у нее разрывается на части, что жизнь покидает ее.

Они продолжали насильно вливать ей в рот обжигающую жидкость, и постепенно ее рыдания начали стихать. Джейд стала дышать ровнее, хотя комната вдруг принялась как-то странно кружиться в ее глазах. Сквозь туман она услышала, как голубоглазый мужчина сказал второму, что тот может уходить, что он останется с ней, потому что она уже засыпает. Он обо всем позаботится сам. О чем это он собирается позаботиться? – с горькой беспомощностью подумала она. Что можно сделать? Все кончено. Колт мертв. А она – здесь, в незнакомом ей месте, и ее это несколько не волнует. Жизнь потеряла всякий смысл. Ах, зачем только Бог послал ей спасение – она предпочла бы и дальше плыть на этом ящике... на тот свет, Джейд проспала несколько часов, сама того не заметив. Уже знакомый ей голос прервал драгоценный сон, в котором рядом с ней был Колт.

– Вы меня слышите, Джейд? Пора проснуться и что-нибудь съесть. Как вы теперь себя чувствуете?

– Она открыла глаза и сквозь розовое облако различила все то же лицо незнакомца. Ей понравились его глаза. Голубые. У Драгомира тоже были голубые глаза. Глаза у Колта были серо-стальные, как и у его отца. Ей больше нравились серо-стальные, но голубые глаза – это мило. А еще у него были светлые волосы. Густые и кудрявые. С трудом подняв отяжелевшую руку, она попыталась прикоснуться к его лицу, а он поймал кончики ее пальцев, прижал их к губам и поцеловал. Джейд удивилась тому, что его голубые глаза вдруг

наполнились слезами. Все еще не оправившись от крепкого виски, она заплетающимся языком спросила:

– Почему вы плачете?

Он продолжал прижимать ее руку к губам.

– Потому что я счастлив, что вы поправитесь. Было бы нехорошо, если бы мир лишился еще одной красавицы.

Джейд плохо поняла его слова, но решила, что сейчас это не имеет значения – тем более когда она чувствует себя настолько несчастной. Рыдания снова стали подступать к горлу, но Джейд попыталась с ними справиться, сосредоточившись на своих физических ощущениях, которые оказались достаточно болезненными. У нее отчаянно болела голова, кожа горела, а ее желудок...

Боже правый, когда она в последний раз ела? Словно угадав ее мысли, незнакомец спросил ее об этом, и она сказала, что еще до шторма у нее началась морская болезнь и она пила только сок с имбирем да еще немного бульона.

Он сразу же заявил, что прикажет Уолту приготовить для нее немного супа, но, приостановившись в дверях, попросил у нее прощения:

– Извините, что мы заставили вас выпить такое количество виски, Джейд, но после всего пережитого вам необходимо было расслабиться. Отдыхайте, я вернусь через минуту.

Он ушел, а Джейд осмотрелась: она находилась в уютной каюте. Обратив внимание на балдахин над кроватью, больше подходящий для женского будуара, Джейд несколько удиви-

лась.

Остальная же обстановка была более скромной: два кресла, бюро, небольшой стол с деревянными стульями. На стенах висело несколько чудесных картин, написанных маслом и акварелью, и Джейд снова ощутила присутствие женщины. Тогда почему до сих пор до нее доносились только мужские голоса?

Но неожиданно ее сердце болезненно сжалось от леденящей мысли о смерти Колта.

– Колт!!! Нет... Боже, ну пожалуйста... Только не Колт... Боже...

Брайан, вошедший в комнату с подносом в руках, услышал ее стоны. Он быстро поставил еду на столик и, обняв Джейд, крепко прижал ее к себе. На этот раз он не пытался успокоить ее с помощью виски. Вместо этого он глуховато сказал:

– Давайте, деточка, выплачтесь! Я знаю, каково вам. Я это тоже пережил.

Он крепко прижимал ее к себе и покачивал в своих объятиях, словно ребенка, и Джейд не протестовала, не вырывалась, а, сотрясаясь в рыданиях, дала волю слезам. Когда приступ прошел и Джейд затихла, Брайан уложил ее на подушки. Она смотрела на него потухшим, горестным взглядом.

Берясь за плошку с супом, Брайан заставил себя напряженно улыбнуться.

– Позвольте помочь вам поесть. Вам станет лучше, даю

слово.

Джейд послушно разрешила накормить себя теплым супом: повиноваться было легче, чем сопротивляться.

Джейд съела половину плоски, после чего отвернулась, почувствовав приближение спасительного сна. Как хорошо хоть ненадолго уйти от реальности, в которой уже нет Колта!

Она проспала всю оставшуюся часть дня и почти всю ночь, и только в предрассветные часы к ней вернулся кошмар: ей предстал неподвижно лежащий Колт, из головы которого лилась кровь. Это было последнее, что она увидела перед тем, как упасть в темный, холодный, бушующий океан.

Девушка проснулась с громким криком.

Незнакомец сразу же очутился рядом с ней и обнял ее. Его ласковые прикосновения успокоили ее. Когда Джейд затихла, он ненадолго вышел и вернулся с подносом в руках, на котором стояли кофейник, полный дымящегося кофе, и тарелка с яичницей и беконом.

– Думаю, – сказал неизвестный спаситель, поправляя у нее за спиной подушки, – что нам пора познакомиться и немного поговорить.

Он развернул салфетку, положил ей на колени и собрался было снова заговорить, но Джейд, чувствовавшая себя несколько неловко в полупрозрачной рубашке без рукавов, осторожно его перебила:

– Нельзя ли мне попросить у вас халат?

Ни секунды не колеблясь, Брайан подошел к шкафу и до-

стал оттуда нежно-голубой бархатный халат, который Марни очень любила. Он помог Джейд одеться:

– Я рад, что он вам впору. Похоже, у вас с Марии один размер.

Он устроил поднос ей на коленях и начал наливать кофе.

Джейд с наслаждением втянула в себя пьянящий аромат свежесваренного напитка. Несмотря на гнетущую печаль, она охотно потянулась за чашкой. Колт наверняка захотел бы, чтобы она продолжала жить. Но одной мысли о нем оказалось достаточно, чтобы у нее на глазах снова выступили слезы. Не в силах удержать чашку дрожащими пальцами, Джейд поставила ее обратно на поднос.

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, – тихо проговорил Брайан. – Но никакие мои слова вам не помогут. Через такое каждый должен пройти сам – так, как у него получается.

Если я вам буду нужен – я рядом.

Джейд вдруг почувствовала вспышку гнева, которая заставила ее на секунду забыть о горе. Посмотрев на незнакомца, она раздраженно спросила:

– Может, вы все-таки соизволите сказать мне, кто вы такой? И я имею право знать, где я и куда мы направляемся!

Ее ярость его не обидела.

– Я сказал бы вам и раньше, но возможности не было.

Меня зовут Брайан Стивенс. Я из Нью-Йорка. Это моя яхта «Марни». Названа в честь моей покойной жены.

Джейд тревожно посмотрела на него:

– И вы говорите, что нашли меня в море?

– Вчера утром. Вы знаете, сколько времени провели на воде? Мы решили, что скорее всего недолго, потому что солнечные ожоги оказались не слишком серьезными.

Гнев, который охватил перед этим Джейд, улегся. Она сказала, что, насколько может понять, упала за борт незадолго до восхода солнца. Вместе они решили, что она плыла весь день и всю ночь, и, к счастью, в начале следующего дня он ее увидел.

– Второго дня вы не пережили бы.

Джейд горько усмехнулась:

– И избавилась бы от всех последующих страданий!

Не ответив на эти слова, он поднес чашку с кофе к ее губам.

Она приняла ее слабой рукой. Брайан спросил, в состоянии ли она пересказать ему все, что помнит.

Джейд сказала, что постарается, и ей это удалось. Свой рассказ она завершила описанием неподвижно лежащего на палубе Колта с кровавой раной на голове. Ей даже удалось, не разрыдавшись, сказать, что она уверена в его смерти.

– Если бы он был жив, он бросился бы за мной. Я в этом уверена.

Джейд резко втянула в себя воздух, борясь с новым приступом рыданий, а потом медленно выдохнула.

– Куда мы плывем? – спросила она, желая сменить тему разговора.

– Мне принадлежит небольшой остров рядом с Бермудскими островами. Когда я вас нашел, я направлялся именно туда, сейчас мы продолжаем плыть в том же направлении. Вы можете оставаться там столько, сколько пожелаете.

Джейд внимательно посмотрела на своего спасителя. Он был не только красив внешне, но и вызывал симпатию. Почему-то она была уверена в том, что он говорит абсолютно искренне и что ей нечего бояться.

– Вы очень добры, – благодарно прошептала она. – Я обязана вам жизнью, хотя сейчас она потеряла для меня свою прелесть.

Его улыбка показалась ей странно печальной. Ласково проведя по ее щеке кончиками пальцев, он серьезно проговорил:

– Дайте мне шанс заставить вас снова полюбить жизнь, Джейд.

Глава 11

В оставшиеся сутки плавания Брайан перебрался из своей комфортабельной каюты в меньшую, которую ему пришлось делить с Уолтом. «Марии» могла бы достигнуть острова гораздо быстрее, как это первоначально и планировалось, но Брайан приказал двигаться на меньшей скорости, чтобы Джейд могла как можно лучше отдохнуть и немного успокоиться.

Благодаря заботам Уолта Джейд быстро поправлялась, но она не испытывала радости: какое все это, могло иметь теперь значение? Колт погиб. Может быть, его смыло за борт, как и ее, и никто на судне их не хватился. Всем пассажирам было приказано не выходить из кают, так что их исчезновение не могло быть обнаружено до окончания шторма. Кроме того, они были молодоженами, что легко объясняло их отсутствие.

Джейд много спала, и всякий раз, когда она открывала глаза, рядом оказывался Брайан, заботливый, внимательный, нежный.

Он расспрашивал Джейд о ее родственниках и родных Колта. Она отвечала равнодушно. Рано или поздно пароходство оповестит Колтрейнов, что их сын и его жена пропали в море, а те, в свою очередь, отправят известие в Россию. Там ее тоже сочтут погибшей – но что с того? Джейд погрузилась

в полную апатию, у нее не было ни малейшего желания возвращаться к холодной лицемерной жизни, которую она вела при дворе, где ее терпели, но не любили. Что обещало ей будущее? Она будет день за днем влачить свое жалкое существование, а если солнце однажды так и не взойдет для нее – ну что ж, ее это нисколько не опечалит. Она и так живет только в своих грезах, когда видит Колта и ощущает любовь и счастье, которые знала с ним.

В то утро, когда яхта подошла к острову, Брайан открыл дверцы шкафа и принялся перебирать десятки женских нарядов.

– Марни любила одеваться, – сказал он, – и держала тут запас нарядов, чтобы не тратить времени на сборы, если мы неожиданно решим отплыть на остров. Правда, такого никогда не происходило, – добавил он, рассмеявшись, – так что это был всего лишь предлог купить новую одежду.

Он достал хлопковое платье сочного зеленого цвета, пышная юбка которого была расшита белыми с желтым маргаритками.

– Идеально для острова. – Он выложил его на кровать. – К нему есть шаль на случай прохлады, но я уже выходил на палубу – день сегодня просто великолепный. Теплый и солнечный.

Джейд смотрела на платье. Она никогда не выбрала бы такой яркий наряд, но здесь был совсем другой мир, другая природа, и ничто не напоминало тот суровый и унылый край,

который она знала с детства.

– В доме у нее тоже была одежда. Вы можете пользоваться всем, что ей принадлежало.

Джейд спросила, сколько времени они пробудут на острове.

Брайан пожал плечами.

– Поскольку и у вас, и у меня нет причин стремиться куда-то еще, то давайте постараемся не задаваться лишними вопросами. Не сомневаюсь, вы найдете здешние места прекрасными. А там, возможно, сможете решить, что будете делать дальше.

Джейд медленно оделась, по-прежнему чувствуя себя слабой. Ее обгоревшая кожа начала лупиться, и она рассеянно подумала, что выглядит отвратительно, но и пальцем не пошевелила, чтобы хоть как-то исправить положение.

Слипшиеся волосы нужно было вымыть и уложить, но она лишь свернула их в тугий пучок. Затем надела шляпку с длинной атласной лентой того же цвета, что и само платье. Глядя на свое отражение в зеркале, она решила, что похожа на корзинку с фруктами. Наверное, Марии, которой нравилось так ярко одеваться, была очень жизнерадостной женщиной.

Джейд осторожно вышла из каюты на палубу. Увидев ее, пока она стояла и щурилась на яркое золото солнца, Брайан кинулся к ней и взял под руку. Прикрыв глаза ладонью, Джейд смотрела на ослепительно сверкавшую воду: такого

блеска ей еще не приходилось видеть.

Брайан помог ей спуститься по длинным сходням, которые были перекинуты на узкий причал, уходящий к сверкающему белым песком берегу.

– Позвольте помочь вам. Вы привыкли к качке, и, когда ступите на твердую почву, вам будет трудно двигаться.

Джейд мысленно признала, что это была правда: ей показалось, что деревянные доски сходней у нее под ногами раскачиваются. Она пошатнулась, тяжело оперевшись на Брайана.

Они вышли на причал. Брайан заботливо поддерживал ее.

Она заметила, что он тоже переоделся: на нем были белая куртка и ярко-синие брюки, а на голове лихо сидела белая хлопковая кепка.

Пока они шли, Брайан рассказывал, как строил дом в атом отдаленном месте:

– Первый раз я побывал здесь еще совсем маленьким мальчиком: меня привез дядя. Я влюбился в остров с первого взгляда. Эта часть Атлантики называется Бермудами, или, реже, островами Сомерса. Островов – крупных и совсем маленьких – тут, наверное, больше трехсот, но из-за прячущихся под водой коралловых рифов плавать тут опасно. Вот почему заселены только несколько самых крупных островов. Мне повезло: у моего островка с одной стороны есть глубокий проход между рифами. – Он указал ей на зелень, покрывавшую склоны холма, в сторону которого они

шли. – Дом стоит наверху, за этими бананами. Я решил построить причал с этой стороны, рядом с проходом, а дом повернул в другую сторону острова, чтобы вид на море ничем не нарушался. Погодите, скоро вы его увидите. У вас просто дух захватит!

Он взволнованно пожал ей руку и радостно улыбнулся.

– Мой дядя, – продолжил он свой рассказ, – влюбился в эти места во время Гражданской войны. Он был капитаном федерального быстроходного судна и охотился на суда, пытавшиеся нарушить блокаду Юга. Видите ли, южанам необходимо было отправлять свой хлопок, чтобы торговать с Англией, а Бермуды служили перевалочным пунктом.

Джейд вежливо слушала его, но мысли ее были далеко... с Колтом. Она незаметно смахнула слезы. Наступит ли такой момент, когда она проснется утром и не почувствует щемящей боли в сердце?

– Он весь как цветущий сад, – тем временем гордо говорил Брайан, широким жестом обводя заросли олеандров и ослепительно розовые кусты цикламенов. Они добрались до конца причала, и он указал на песок:

– Можно ли представить себе что-то более прекрасное? Он такой белый из-за крошечных осколков кораллов, измельченных ветром и волнами. Марни говорила, что он напоминает ей хорошо просеянную муку.

Джейд посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц, пытаясь представить себе, что когда-то сможет вот так

же легко произносить имя Колта.

Они прошли пологий подъем, миновали заросли банановых деревьев, листья которых потрескивали и шуршали на легком теплом ветерке, словно встречали радостными аплодисментами появление на острове хозяина и его спутницы. Показался дом – красивый, сказочный дворец. Брайан объяснил, что стены его сложены из розоватого ракушечника, а крыша покрыта черепицей, которую периодически мыли с известью – в целях санитарии, потому что воду для питья собирали во время дождя именно с крыши, отводя по водосточку в специальный резервуар.

– Обратите внимание на ступеньки, – сказал он. – Типичная островная архитектура. Видите: внизу они шире, чем наверху. Их называют «приветственное объятие».

Это, конечно, не тот величественный особняк, что я построил на Гудзоне в штате Нью-Йорк, – сказал он без всякого сожаления, когда они оказались на верхней ступени и должны были войти внутрь, – но он уютный и удобный. Марни очень его любила – и вы тоже полюбите.

В обращенной к ней улыбке читалась надежда.

Полная чернокожая женщина (аборигенка, решила Джейд) сделала им книксен и улыбнулась, сверкая невероятно белыми зубами.

– Марни приучила всех служанок делать книксен, – весело прошептал Брайан. – Познакомьтесь с Амелией: это наша домоправительница. Амелия, это мисс Джейд.

– Мисси Джейд! – радостно воскликнула женщина. – Она займет место миссис Марни?

Джейд напряглась: от нее не укрылась тень, промелькнувшая в глазах Брайана перед тем, как он сдержанно объяснил прислуге:

– Джейд – наша гостья, Амелия, но ты будешь ее слушаться и ухаживать за ней так, словно она хозяйка этого дома.

Понятно?

Женщина послушно и с готовностью кивнула, и Брайан повел Джейд в дом. Поднявшись на второй этаж, они вошли в просторную комнату, в окна которой можно было любоваться великолепным видом на океан.

В центре ее стояла громадная кровать с кружевным балдахинном, немного похожая на ту, что была на яхте.

– Это комната Марни, – объявил он тихо и торжественно. – Вы можете пользоваться всем, чем пожелаете.

С этими словами Брайан указал на туалетный столик с пенным кружевом розовой скатерти до пола и на огромный гардероб из красного дерева, за дверцами которого висели в ряд ослепительные разноцветные наряды.

Подойдя к застекленным дверям, выходящим в сад, Брайан потянул за бархатный шнур и раздвинул белые занавеси, так что потрясающий вид предстал перед ними во всем своем великолепии: синяя вода сверкала на солнце, ярко-зеленая лужайка уходила к чистейшему песку, вдоль дорожек стражами стояли кусты роз...

– Я пришла Амелию, чтобы она помогла вам принять ванну. За ширмой расположен альков, – кивком головы он указал в его сторону, – где находится ванна, подобной которой вы, я уверен, никогда не видели. Марни заказала ее одному из местных жителей. Она вырезана из коралла в форме морской раковины. Там же вы найдете ароматные соли и мыло, привезенное из Испании и Франции. – Направляясь к двери, он добавил:

– Помните: если вам что-то понадобится, вам стоит только попросить – и я отправлю яхту на главный остров. Отдыхайте. Мы увидимся вечером, за обедом.

Оставшись одна, Джейд остановилась у открытых дверей и стала смотреть на сверкающий океан, упиваясь сладким ароматом цветов. Она слышала негромкий шелест банановых листьев, щебетание птиц. Было до боли странно сознавать, что за этим манящим взгляд горизонтом кроется пустота. Никто ее не ждет.

Никому нет дела до того, где она и что с ней происходит. Здесь было красиво, и пока ода видела одну только доброту. Но в отсутствие Колта все это было совершенно не нужно ей!

Джейд отвернулась от окна и осмотрела комнату. Внезапно ее взгляд привлекла причудливой формы рамка, стоявшая на туалетном столике. Она подошла ближе и увидела, что это был портрет молодоженов. Женихом был Брайан, а невестой – потрясающе красивая молодая женщина в прекрасном свадебном наряде. Ее элегантно уложенные под по-

лупрозрачной фатой волосы были того же цвета, что и волосы Джейд, глаза сверкали – зеленые глаза, опущенные густыми темными ресницами. Лица счастливых молодоженов выражали уверенность в том, что их будущее будет светлым и радостным.

Так вот она какая, красавица Марни!

– Вы очень похожи на нее.

Джейд испуганно обернулась на голос аборигенки.

– О Амелия! Я не слышала, как вы вошли.

Отличавшаяся приятной округлостью форм домохозяйка начала виновато извиняться:

– Не хотела испугать. Пришла узнать, нужна ли вам. Мастер Брайан велел.

Джейд небрежно отмахнулась от ее извинений:

– Ничего. Я просто задумалась. – Она указала на портрет. – Это жена мастера Брайана, Марни?

Амелия печально кивнула:

– Была красивая леди. Как вы. Вы похожи. Такая милая. –

Она снова ослепительно улыбнулась и с надеждой спросила:

– Вы станете женой мастера Брайана?

Джейд ужаснулась такой мысли и быстро покачала головой:

– Нет-нет, ни в коем случае. Я просто гостя мастера Брайана, только и всего. Но скажите, – добавила она с любопытством, – что случилось с миссис Стивенс? Как она умерла?

У Амелии потухли глаза, она поспешно подошла к кровати и принялась снимать покрывало.

– Мастер сказал, вам надо отдыхать. Я принесу яичный суп, чай. Вы ешьте, пейте. Сначала я приготовлю ванну. Мастер сказал, вам надо ванну.

Джейд молча наблюдала за домоправительницей, решив, что не станет допытываться. Когда придет время, Брайан сам расскажет ей все, что сочтет нужным. И потом, надо было спросить себя, а интересно ли ей это вообще. Ее собственного, леденящего душу горя с нее более чем достаточно – ни к чему вникать еще и в чужое.

Она отказалась принять ванну, почувствовав себя страшно усталой.

– Сначала я ненадолго прилягу, – сонно проговорила она и вскоре погрузилась в глубокий сон.

Амелия неуверенно постояла у кровати, испытывая жалость к хорошенькой молодой женщине, которая лежала на кровати и тяжело вздыхала во сне. До нее донеслось тихое рыдание, а потом мольба:

– Вернись, Колт! Пожалуйста!

Чувствуя себя лишней, Амелия на цыпочках вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

Глава 12

Весь остаток дня Джейд спала. Мягкий ветерок приятно охлаждал ей кожу. Она проснулась, чувствуя себя достаточно окрепшей. Теперь она могла думать о гибели Колта, не испытывая ни отчаяния, ни боли. Ее не пугало то, что она оказалась в этом уединенном месте, среди совершенно незнакомых людей.

Все, кто ее знал, считают ее теперь погибшей, но эта мысль не вызывала в ней вообще никаких чувств.

Можно было подумать, что сон придал ей способность сопротивляться тревогам и заботам, помог примириться с мыслью, что больше ничто не может вызвать у нее отчаяния.

Она замкнулась и стала ко всему равнодушна.

Амелия пришла сказать ей, что настало время обеда, который будет подан на террасу, так что Джейд сможет полюбоваться закатом. Она подошла к шкафу, принадлежавшему ее бывшей госпоже, и достала для Джейд мягкий кашемировый халат, объяснив, что мастер Брайан решил, что на ее обгоревшую кожу платье надевать трудно. Джейд с благодарностью взяла одежду.

Амелия помогла ей расчесать волосы и заколоть их мягкими волнами, а потом предложила надеть жемчужное ожерелье из ониксовой шкатулки, принадлежавшей Марии Стивенс. К ожерелью были и серьги с жемчужными подвесками.

Приведя себя в порядок, Джейд раскрыла стеклянные двери и вышла на террасу, глубоко и с удовольствием вдохнув пьянящий аромат распустившегося к ночи жасмина. Солнце уже почти спряталось за горизонтом, раскрасив бирюзовую воду сочными коралловыми и розовыми бликами. Поднимался яркий месяц.

Тропический бриз плавно раскачивал широкие листья бананов.

Вечернюю тишину нарушали лишь резкие крики ара и более мелких попугаев.

– Правда, более прекрасное зрелище просто представить себе невозможно?

Она не вздрогнула от звука голоса Брайана, потому что ей по-прежнему казалось, что она стала бесчувственна. Она могла бы ответить ему, что самым прекрасном зрелищем был Колт, который вручал ей бриллиантовое кольцо с предложением стать его женой на глазах зрителей Мариинского театра. Но вместо этого покорно кивнула:

– Да, наверное. Вы должны гордиться тем, что создали такой уголок.

Он протянул ей бокал вина, который она с благодарностью приняла.

– Это было не мое личное творение, – объяснил Брайан. – Оно было наше – мое и Марии. Мы создавали его вместе, и теперь оно стало для меня памятником нашего счастливого прошлого.

Джейд снова поразило то, насколько легко он произносит имя женщины, которую явно обожал. А к удивлению примешивалась немалая доля зависти. Не желая думать об этом, она указала на халат, который был на ней:

– Спасибо вам. Это была удачная мысль: мне в нем гораздо удобнее, чем в платье. Но думаю, к завтрашнему дню все уже почти пройдет.

– Давайте сначала насладимся обедом. А потом, если у вас будут силы, мы можем прогуляться вдоль берега. Вечер будет чудесный.

Брайан подвел Джейд к круглому столику, покрытому бледно-розовой льняной скатертью и сервированному на двоих. Хрустальные бокалы, тончайший фарфор, серебряные приборы, старинная вазочка с дикими орхидеями – все было очень изящно. Брайан выдвинул стул, и Джейд села, думая, что не сможет проглотить ни кусочка, но когда стали подавать еду, у нее вдруг появился аппетит.

– Это пирог из маниоки, – объяснил Брайан, обрадовавшись, что Джейд согласилась взять вторую порцию. – По правде говоря, на Бермудах это традиционное рождественское блюдо, но я попросил Паули и Амелию приготовить его сегодня, потому что подумал, вам оно должно понравиться.

– Очень вкусно, – сказала Джейд, удивляясь тому, что испытывает голод. И еда, и вся атмосфера способствовали приятному расположению духа.

Пока они ели, Брайан коротко «познакомил ее с историей

Бермудских островов.

– Эти острова были названы в честь человека по имени Хуан де Бермудес: говорят, что он потерпел кораблекрушение где-то в этом районе примерно в 1503 году. Острова были занесены на карту, датированную 1511 годом, где названы «Ла Бермуда». Но заселять их начали в начале семнадцатого века, когда сэр Джордж Сомерс, британский адмирал, направлявшийся на своем корабле «Си Венчур» в Виргинию, сошел с курса из-за штормового ветра. Его корабль попал на рифы и застрял между ними в вертикальном положении. Команда и почти двести пассажиров построили из имевшегося на судне материала два небольших корабля и спустя год отплыли в то место, которое теперь называется Джеймстауном, в штате Виргиния. – Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Высадившись на берег, они обнаружили, что местное население голодает. Адмирал вернулся на острова, чтобы добыть продуктов. К несчастью, здесь он и умер. С того времени матросы стали называть эти места островами Сомерса, в память о нем. Сюда были посланы колонисты, которые основали город Сент-Джордж, впоследствии проданный Бермудской компании. Однако к концу семнадцатого века король Англии аннулировал прежнюю хартию и провозгласил Бермуды королевской колонией. С тех пор они сохраняют именно этот статус.

– А как вам удалось купить этот остров? – поинтересова-

лась Джейд.

Брайан объяснил, что заключил соглашение с британской торговой компанией, которая имела право владения после первоначальной покупки. Британская монархия своих прав на этот остров не заявляла.

– Он слишком маленький, чтобы кому-то понадобиться, так что они рады были его продать. На то, чтобы построить дом, ушло несколько лет, но мы с Марни получали от этого огромное удовольствие.

– Марни... – задумчиво произнесла Джейд. – Необычное имя. Оно что-то означает?

– Как это ни забавно, – с удовольствием ответил он, – это значит «морская девушка». И она поистине была ею. Она очень любила плавать, так же как и я. По-моему, в этом и заключался секрет нашего счастья: мы были очень похожи.

Джейд улыбнулась с некоторой долей горечи:

– А мы с Колтом – нет. Я – ирландка по отцу, а по матери – русская, принадлежу к царствующей фамилии. Я была балериной, а Колт – американским ковбоем, которого жизнь занесла во Францию. Мы были полной противоположностью, но я полюбила его с первой встречи.

Брайан вопросами помогал Джейд рассказывать о том, что случилось, и за приправленным бренди кофе и бананами, которые надо было обмакивать в соус из поджаренного кокоса и хереса, она начала свою историю. Поначалу это было трудно, но вскоре ею целиком овладело это новое чувство полной

апатии, и слова полились легко. Брайан смеялся, слушая, как Драгомир планировал воспользоваться ее помощью для того, чтобы заставить Колта понять, что не все женщины одинаковы, и нежно и понимающе кивнул, когда она рассказывала, как к ней пришла любовь.

В свою очередь, и он поведал ей о романе с Марии и о том, как поначалу возражали его родные и как потом они были покорены ее обаянием, грацией и красотой.

Воспоминания о счастье, которое закончилось трагедией, сблизили их. Между Брайаном и Джейд возникла симпатия. Они одновременно встали из-за стола, словно безмолвно приняли общее решение, и покинули террасу. Пока они спускались по каменным ступенькам к зеленому ковру лужайки, за которой начинался белый прибрежный песок, Брайан непринужденно взял ее за руку, и, погруженная в мысли о том, что им обоим пришлось пережить, Джейд рассеянно приняла его прикосновение, а возможно, даже и не заметила его.

Когда они оказались у берега, Джейд сняла атласные туфельки, чтобы ощутить прохладное прикосновение воды. Брайан начал задавать ей новые вопросы, и она без труда описала ему свою жизнь в Ирландии и России, но, заговорив о своей любви к балету и мечте открыть в Америке балетную школу, вдруг замолчала на середине фразы и с ужасом спросила себя, почему рассказывает ему все это. Почему она делится с этим человеком своими самыми сокровенными мыс-

лями? Всего четыре дня назад она мечтала о будущем в объятиях своего мужа, и вот теперь находится на далеком острове с незнакомцем, а сама она... сама она стала вдовой!

Она вырвала у Брайана свою руку, прижала ладони к лицу и постаралась дышать глубже.

Брайан не пытался к ней прикоснуться. Они дошли до бухточки, где он был так счастлив с Марни, – и теперь он пустился по сложной, запутанной тропинке своего собственного ада.

Он говорил тихо, так что его слова почти заглушались шумом волн и мелодичными песнями вечерних птиц.

Он закончил свой рассказ, мрачно признавшись:

– Я приехал сюда, чтобы утопиться.

Она резко вскинула голову и посмотрела на него, а он безнадежно добавил:

– Я не рассказывал вам, как потерял Марни и нашего сына. Они переехали в небольшую гостиницу в городе на то время, пока наш особняк на Гудзоне заново отделялся. Однажды вечером в мое отсутствие случился пожар. Они сгорели.

Он содрогнулся, резко втянул воздух и выдохнул, дожидаясь, чтобы утихла резкая боль.

– Я похоронил их вместе с моим сердцем и сказал себе, что жизнь для меня закончена. Я стал ежедневно напиваться, стараясь заглушить невыносимую боль. Я не мог смириться со случившимся и возроптал на Бога. Я готов был отдать

свою душу дьяволу и уже был близок к безумию, но вовремя остановился, поняв, что дальше так не может продолжаться. Я решил приехать сюда, где мы были так счастливы, где зародилась жизнь нашего сына, и тут напиться до беспамятства и дать приливу унести меня в океан...

Впервые с начала своего откровенного монолога он посмотрел на нее. Даже сейчас Джейд не могла не признать, что он очень привлекателен, не могла не оценить его доброты и чуткости и сочувствовала его горю.

– А потом я нашел вас. Когда я только заметил вас в воде, то подумал, что вы – Марии. – Он замолчал, затем резко и горько засмеялся. – Такое со мной случалось множество раз, потому что я все время был пьян, а когда человек пьян, дьявол легко играет его воображением. Он являл мне Марни в самых разных образах, но она всегда смеялась, всегда манила и всегда ускользала от меня, когда я протягивал руки и пытался до нее дотронуться. Поняв, что это было видение, я плакал, снова принимался пить, и все повторялось сначала.

Джейд молчала, понимая, что ее слова были бы неуместными. Брайану необходимо было выговориться.

Он покачал головой, презирая себя за собственную слабость, а потом посмотрел на нее горящими глазами:

– Я решил, что вы – манна небесная, дар Бога, искупляющий гибель Марни. Мне казалось, что вы принадлежите мне, что мы предназначены друг другу, что я привезу вас сюда и оставлю тут навсегда – и вы превратитесь для меня в Марни.

Но, находясь рядом с вами, заботясь о вас... – Брайан взял ее руку и пристально посмотрел ей в глаза, моля о понимании, – я понял, что все мои мысли неверны. Впервые после гибели Марии мое сознание начало работать без виски.

Вы прекрасная женщина, Джейд, но вы – не Марни и не дар от Бога. Я просто оказался рядом в тот момент, когда вы нуждались в моей помощи, – вот и все!

Джейд недоуменно заморгала. Рядом с ней стоял умный, умудренный жизнью, отвечающий за свои поступки и слова человек. Это был мужчина, на которого она могла опереться, если понадобится... и которому могла доверять.

– Оказалось, – продолжил он, – что кто-то может нуждаться во мне так, как когда-то нуждались во мне моя жена и сын. И это чертовски приятно осознавать! Теперь у меня есть стимул жить дальше – если не для вас, то для других людей.

Джейд ничего не сказала. Она была потрясена признанием этого человека, восхищена его самообладанием.

Они стояли рядом в бухте, и в свете серебряного света луны, лившегося сквозь листву мягко покачивающихся пальм, это место казалось почти священным. Прошло немало времени, но оба молчали, погружившись в собственные мысли. Наконец Брайан проговорил негромко:

– Как я уже сказал вам, вы можете оставаться здесь столько, сколько захотите, но когда пожелаете уехать, то просто скажите мне – и я доставлю вас на главный остров и помогу уехать в... – Тут он замолчал и с любопытством посмотрел

на нее:

– А куда вы поедете?

Джейд неуверенно пожала плечами:

– Наверное, я все-таки поеду в Нью-Йорк. Там у меня счет в банке. Колт хотел позаботиться о том, чтобы мое состояние осталось целиком под моим контролем. Его деньги, вероятно, вернутся его семье – но мне они и не нужны. У его родных достаточно своих проблем, мне лучше не сообщать им, что я осталась жива. Кроме того, когда мы уезжали, здоровье мистера Колтрейна было в таком плохом состоянии, что, боюсь, он не выдержит потрясения, вызванного гибелью Колта.

Помолчав, она спросила, что намерен делать теперь сам Брайан.

Он сардонически усмехнулся:

– Теперь? Вы хотите сказать, после того, как я отказался от идеи самоубийства? – При мысли о собственной слабости он с досадой покачал головой. – Пока побуду здесь. Моими делами в Штатах занимаются компетентные люди. Думаю, мне полезны будут длинные каникулы – и потом, на острове у меня есть все, что мне надо. Я могу плавать на яхте, купаться, ловить рыбу. А если мне станет одиноко, то я навещу друзей на главном острове: их у меня много.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– Вы тоже можете задержаться здесь. Наверное, вы уже поняли, что вам можно меня не бояться. Я буду счастлив, если вы разрешите мне заботиться о вас, Джейд!

Джейд решила быть с ним искренней.

– Не знаю, Брайан. Я действительно не знаю, что буду делать.

Он вдруг сжал ее плечи, заставив посмотреть ему в лицо, и веско произнес:

– Оставайтесь. Вам не нужно сразу же уезжать. Здесь вам деньги не понадобятся. У меня их достаточно для нас обоих.

Просто оставайтесь... будьте моим другом...

Его взгляд искал в ее глазах хоть какой-то намек на живое чувство, но в тусклых зеленых глубинах нашел только смятение и тревогу.

– Не знаю, – повторила она, поворачивая лицо к морю, туда, где были похоронены ее любовь и счастье, которое она испытала в объятиях Колта. – Мне нужно время.

– Конечно.

Брайан в молчании проводил ее до дома, не мешая ее печальным мыслям. У стеклянных дверей ее спальни он шепотом пожелал ей доброй ночи, а потом ушел.

Джейд вошла в комнату и ничком упала на кровать, надеясь выплакаться, однако глаза ее оставались сухими. Она не могла плакать и лежала в полном оцепенении, испытывая лишь одно желание – повернуть время вспять и вернуться к тому, что было, и к тому, что еще только могло быть...

Наконец Джейд встала и подошла к окну: лунный свет, падавший на коралловый песок, делал его нежно-серебристым.

Она увидела Брайана, стоявшего на краю террасы и смот-

ревшего на пустынный океан, который, казалось, уходил в бесконечность. Он показался ей воплощением отчаяния. Разбитый горем человек во власти воспоминаний. И все же он нашел в себе силы удержаться на краю бездны. Он сказал, что нужен ей. Теперь, снова обретя способность чувствовать, Джейд подумала, что это она нужна ему и что у нее тоже появилась надежда на будущее.

Оба познали глубокую любовь, и оба ее потеряли. Они были нужны друг другу.

Джейд решила, что пока останется на острове, не будет заглядывать далеко вперед и смирится с тем, что оставил ей Бог: одиночеством, тоской... Она никогда не забудет Колта и всегда будет его любить – но должна же существовать причина, по которой она осталась в живых!

Может быть, когда-нибудь она узнает, почему ей была уготована столь жестокая судьба.

Глава 13

Джейд часто плакала, но прежде чем первые слезинки успевали упасть на подушку, Брайан всегда оказывался рядом. Он брал ее на руки и говорил, чтобы она не пыталась сдерживаться, советовал выплакаться, дать слезам выход – и только тогда начнется выздоровление.

Джейд почти все дни проводила у себя в комнате, лежа в постели и глядя в потолок или стоя у застекленных дверей и печально взирая на сверкающий под лучами солнца океан. За обедом она из вежливости пыталась поддерживать светскую беседу с хозяином дома, но потом снова пряталась в свою комнату, ставшую ее прибежищем, где можно было запереться и попытаться разобраться в водовороте самых противоречивых чувств, которые не давали ей покоя.

Брайан был очень внимателен и постоянно спрашивал, не нуждается ли она в чем-нибудь, но до поры до времени уступал ее желанию быть в одиночестве.

Наконец как-то утром, после двух недель ее добровольного затворничества, к великому изумлению Джейд, она была разбужена не Амелией, а Брайаном, который вошел к ней в спальню с завтраком на подносе.

– Итак, миледи, – торжественно начал он, – сегодня настал день, когда вы начнете знакомиться с островом. Выберите себе платье покрасивее, и через час я вас жду у причала.

Джейд села в постели, сонно протирая глаза. Когда он раздвинул занавеси на окнах, впустив в комнату яркий солнечный свет, она заморгала и неуверенно спросила:

– Куда мы поедем?

Ее вовсе не привлекала перспектива снова оказаться на людях.

– Любоваться окрестностями. Я подумал, что вы получите удовольствие от прогулки до главного острова и, может быть, захотите что-нибудь купить. Так что поторопитесь.

Он повернулся, чтобы выйти, но ее голос остановил его:

– Брайан, спасибо вам, но я еще не готова. Мне надо побыть одной и...

– Нет! – Впервые он говорил с ней суровым тоном, и его голубые глаза потемнели. – Я не дам вам повторить мою ошибку, Джейд. Вы не будете больше предаваться жалости к себе.

Ваш муж умер. Как и моя жена. Нам необходимо жить дальше.

Так что извольте прийти через час к причалу, иначе, Бог свидетель, я вытащу вас на улицу в ночной рубашке и халате!

Он вышел, громко хлопнув дверью. Джейд изумленно смотрела ему вслед. Прежде он был неизменно нежным, добрым и мягким – а теперь вдруг принялся приказывать и повышать голос! Это несправедливо. Она еще не готова вернуться к жизни... Конечно, этот дом принадлежит ему, а она – его гостья.

Несомненно, ее постоянное горестное затворничество выбивает его из колеи – как и само ее присутствие. Сколько времени прошло с того дня, как он потерял Марни? Меньше четырех месяцев? Она покачала головой. С момента ее трагической потери прошло всего две недели – так как же он может ожидать, «то она согласится отправиться на прогулку? Но он сказал, что не допустит, чтобы она повторила его ошибку, погрузившись в отчаяние и жалость к себе. Возможно, она именно это и делает.

Может быть, ей действительно пора попытаться вернуться к жизни?!

Она быстро позавтракала, оделась и меньше чем через час уже шла к причалу.

Брайан с улыбкой помог ей подняться по трапу. Она обменялась вежливыми приветствиями с его матросами, а потом встала рядом с Брайаном на палубе, глядя, как яхта плывет через пролив в рифах, направляясь к столице Бермудских островов – городу Гамильтону.

Бело-голубая яхта решительно разрезала лазоревые волны, а Брайан объяснял Джейд, что благодаря огромным лагунам здешние места стали просто раем для яхтсменов, несмотря на скрытые под водой рифы, о которых он ей уже рассказывал.

– Здесь нет рек и озер, – сказал он, – вот почему для питья мы собираем дождевую воду. А благодаря англичанину по имени Гарри Уотлингтон у нас достаточно воды для хо-

зыйственных нужд. Он был возведен в рыцарское звание за то, что обнаружил скрытые источники воды. Мы так и зовем ее «водой Уотлингтона».

На Джейд эрудиция Брайана произвела большое впечатление, о чем она ему откровенно и сказала. Он скромно ответил, что ему интересно было как можно больше знать об этих местах, так что он много времени проводил над старыми архивами и записями.

– Можете списать это на скуку богатого бездельника, если хотите, – сказал он, рассмеявшись.

Языком островов был английский, превратившийся в особый бермудский диалект, но Брайан сказал, что встречал потомков португальцев, которые по-прежнему пользовались своим родным языком. Большинство из них были фермеры, не вели дел в городах, так что наличие языкового барьера их не тревожило.

Яхта подошла к Гамильтону. В порту кипела жизнь: туда для торговли заходили крупные корабли со всего света. Джейд печально посмотрела на один, напомнивший ей «Париж», и подумала о Колтрейнах. Получили ли они известие о трагедии?

Как перенес удар Тревис? И как себя чувствует бедная Дани?

Да благословит ее Бог! Скоро должен родиться ребенок, и Джейд остается только молить Бога о том, чтобы ему не потребовались новые родители.

Брайан показал ей Дом заседаний с высокой башней и курантами, в котором происходили заседания Верховного суда и Палаты ассамблей. Они остановились, чтобы понаблюдать за строительством гигантского готического кафедрального собора в честь Пресвятой Троицы: его воздвигали из камня, привезенного из пяти стран мира. Освящение должно было состояться через год.

Брайан нанял небольшой экипаж с глубоким кожаным сиденьем и высокими козлами, на которых расположился кучер. Они проехали по узеньким улицам, вымощенным булыжниками, до самого Испанского мыса, где Брайан, озорно блеснув глазами, показал ей деревянный стул, установленный на крыше беседки.

– Вот куда я вас отправлю, прекрасная леди, если когда-нибудь поймаю на сплетнях. Это место называется «стул для окунания». В начале семнадцатого века к нему привязывали слишком рьяных сплетниц и окунали их в море, а все смотрели и смеялись.

Джейд фыркнула с притворным возмущением и язвительно заметила:

– Всем известно, что мужчины гораздо большие сплетники, чем женщины.

И тут она вдруг с радостью осознала, что к ней вернулась способность шутить, а это значит, что она справилась со своим горем. Она мысленно признала, что ей полезно снова увидеть мир, оказаться среди людей, чем-то заняться... Ее род-

ные ужаснулись бы, если бы узнали, что она нарушила положенный приличиями год траура, во время которого требовалось носить только черное и не появляться на людях. Однако Джейд не чувствовала себя виноватой. Она следовала собственным убеждениям, а не общепризнанным положениям.

На Испанской скале Джейд с Брайаном прочли надпись, датированную 1543 годом, которая доказывала, что испанцы действительно высаживались на Бермудах прежде, чем эти острова открыл сэр Джордж Сомерс.

Ближе к полудню они добрались до небольшого городка Сент-Джорджес с необычными названиями узких улочек и переулков: переулок Пуховиков, переулок Нитки с иглой, переулок Лодыжки, аллея Нижних юбок, аллея Старой девы, аллея Пистолета... Вдоль них стояли аккуратные домики, выкрашенные в пастельные тона.

– А вот мой самый любимый ресторан на Бермудах, – объявил Брайан, приказывая кучеру свернуть в аллею Пистолета.

Они остановились перед небольшим каменным домом, который с виду ничуть не походил на место, где можно поесть.

Испытывая любопытство, Джейд послушно пошла за Брайаном по узкой дорожке, обсаженной пионами и маргаритками. Они оказались перед резной чугунной калиткой, за которой был виден уютный садик со столами под зонтиками, расставленными среди цветов. Брайан заказал вино и креве-

точный салат. Джейд признала, что место оказалось удивительно приятным, а еда просто превосходной.

Прежде чем вернуться на свой остров, Брайан повел Джейд в парк Сомерса, где находилось странное таинственное кладбище под густой сенью деревьев. Джейд нахмурилась: у нее не было желания оказаться в таком месте, но Брайан настаивал, озорно поблескивая глазами.

– Пойдемте! Мне надо кое-что вам показать. – Он подвел ее к небольшой табличке, на которой было написано, что в этом месте похоронено сердце сэра Джорджа Сомерса. – Его сердце закопали здесь, а тело увезли обратно в Англию, положив в бочку с ромом. Наверное, я хотел бы того же: чтобы мое сердце похоронили на моем острове, а тело увезли в Нью-Йорк и положили рядом с остальными родными.

Джейд содрогнулась, но согласилась, что идея действительно необычная, хоть и довольно мрачная.

– Нам всем придется умереть, – тихо сказал он, бережно обнимая ее за плечи. – Может быть, если бы мы чаще думали и говорили об этом, то смерть не казалась бы нам такой ужасной, а стала бы естественной частью жизни.

Джейд готова была признать, что это так, но у нее не было сейчас настроения предаваться таким рассуждениям.

– Я устала. Может быть, мы вернемся домой? – с надеждой спросила она.

– Конечно.

Они вернулись к ожидавшему их экипажу.

– Знаете, иногда вы бываете так похожи на Марни, что мне становится не по себе. Когда я впервые привел ее на это кладбище, она отреагировала точно так же: ей эта мысль тоже не слишком понравилась. Но потом, когда к нам из Нью-Йорка приезжали друзья, она говорила, что хочет, чтобы они увидели, где похоронено Сердце Сомерса.

Внезапно Джейд резко остановилась и, посмотрев Брайану прямо в лицо, задала вопрос, который уже давно не давал ей покоя:

– Как вам удастся так свободно говорить о Марни, Брайан? Вы произносите ее имя ласково, легко и непринужденно. В вашем голосе не чувствуется и намека на печаль и горе – на то, что испытываю я, когда говорю о Колте.

Брайан пристально взглянул на нее, пытаясь подыскать самые точные слова, а потом со вздохом сказал:

– Честно признаюсь, Джейд: это игра. Мне по-прежнему ужасно больно. В душе. Но я начал притворяться ради вас. И проглатывал ком, который вставал у меня в горле, и говорил себе, что если вам будет казаться, что я уже начинаю успокаиваться после такой же, как у вас, потери, то у вас прибавится сил. Это было дьявольски трудно, и я незаметно смахивал слезы, которые надо было от вас прятать. Но потом стало легче. – Он грустно улыбнулся и нежно провел пальцами по ее щеке. – Я помогу вам сделать то же... если вы мне позволите.

Джейд ничего не ответила, но в тот день она сделала

первую попытку вернуться к реальной жизни. Потом были и другие прогулки по окрестностям: в Сомерсет, к западу от Гамильтона, где она увидела знаменитые Соборные скалы, результат работы ветра и моря, создавших коралловые арки, напоминавшие своды готических соборов. Побывали они и в Пороховых пещерах, чьи залы и переходы занимали почти тридцать тысяч футов.

Но прогулки по окрестностям с целью знакомства с достопримечательностями Бермудских островов были не единственным развлечением, которое Брайан устраивал для Джейд. Он начал уговаривать ее съездить к многочисленным друзьям, которых приобрели они с Марни во время своих частых визитов на свой остров. Эти люди – местные сановники, представители британского правительства, дипломаты – оказались гостеприимными и вежливыми, но Джейд не могла не заметить того, что во многих домах на нее смотрели с некоторым удивлением. Они с Брайаном заранее решили, что во избежание лишних вопросов не стоит никому рассказывать о том, как именно Джейд оказалась на острове. Кроме того, всем было известно, что Брайан недавно стал вдовцом и видеть его в обществе прелестной молодой леди было бы довольно странно и вызвало бы ненужные разговоры. Поэтому Брайан сказал, что Джейд – его дальняя родственница. Вряд ли ему кто-то поверил, но Брайана, похоже, это нисколько не волновало.

Они проводили время и порознь. Иногда Джейд не сопро-

вождала Брайана на главный остров, а оставалась дома, пользуясь огромной библиотекой Брайана или ковыряясь на грядках с душистыми травами, которые он поручил ее заботам, предварительно показав, что надо делать. Были и такие минуты, когда она ускользала из дома и сидела в тихой бухте, наблюдая за тем, как волны мягко лижут коралловый песок, и слушая голоса тропических птиц.

Дни незаметно превращались в недели, недели тоже бежали одна за другой, и однажды Джейд, взглянув на календарь, с изумлением поняла, что провела на острове почти два месяца.

– Куда ушло время? – сказала она Брайану. – Мне казалось, оно стоит на месте, а оно просто летело!

Он обнял ее – тепло, почти по-отцовски. Она привыкла к этой ласке.

– Это потому, что вы были слишком заняты счастливой жизнью, чтобы замечать ход времени. Именно это и делают острова: дарят счастье. Я приехал сюда, чтобы покончить с жизнью – и теперь мне кажется, будто я заново родился. Господи... – Он удивленно покачал головой. – Наверное, мне никогда не захочется возвращаться в Нью-Йорк. Останусь тут навсегда.

– А вам в конце концов придется вернуться? – заинтересованно спросила Джейд. Ей казалось странным, что такой богатый человек может отойти от всех своих дел и даже не оглянуться.

– Моим бизнесом заняты компетентные люди, – напомнил он ей. – Но мне надо время от времени возвращаться и проверять, как обстоят дела, но пока в этом нет нужды. Я слишком счастлив здесь, с вами.

Когда он начинал говорить так, у Джейд появлялось очень странное чувство. Она знала, что для Брайана она не просто друг. Ее женское чутье не позволяло ей в этом сомневаться. Но, задавая себе вопрос о том, как она сама относится к Брайану, она вынуждена была признаться, что не знает. Ей было гораздо легче просто вбирать в себя красоту и умиротворенность островов и не задумываться над такими сложными вопросами. Брайан был чудесным человеком, она очень к нему привязалась и даже находила привлекательным, но чувствовала, что не должна впускать в свое сердце другого. Иногда она с болью спрашивала себя, наступит ли когда-нибудь такое время, когда она сможет снова полюбить.

Как-то вечером Брайан объявил, что у него есть для Джейд сюрприз.

– Мы отправимся туда, где еще никогда не бывали.

Порывшись у Марни в шкафу, он вытащил то, что на первый взгляд было похоже на большой квадрат из шелковой материи. Разложив его на постели, Джейд принялась изумленно рассматривать яркую ткань – красную, синюю, зеленую и желтую.

– Похоже на местный костюм, – неуверенно проговорила она.

– Так оно и есть.

Она дотронулась до наряда, наслаждаясь прекрасной материей.

– Местные девушки носят хлопок или муслин. Это привозной материал.

– Это наряд Марии, – небрежно заметил Брайан. – Она любила все необычное. Ей нравилось ходить на местные праздники, но одевалась она всегда по-своему. Когда она увидела эту материю во время нашей поездки в Нассау, то сразу ее купила. Амелия вам покажет, как в нее надо заворачиваться. И волосы тоже надо убрать по-особому.

Джейд была искренне заинтересована.

– Но куда мы собираемся?

Он подмигнул:

– Скоро узнаете.

Когда Амелия явилась, чтобы помочь Джейд обернуть великолепную яркую материю вокруг тела, она тоже ничего не стала рассказывать. Не отвечая на расспросы Джейд, она приказала ей встать посередине комнаты, разведя руки в стороны, и умело «сделала» ее наряд. Потом она устроила ей на голове нечто вроде тюрбана и, отступив на шаг, восхищенно объявила:

– Прекрасно. Леди даже красивее той, что надевала этот наряд раньше.

Джейд оставила эти слова без ответа. Она привыкла к тому, что Амелия постоянно напоминает ей о своем безогово-

рочном одобрении того, что она заменила собой ее прежнюю госпожу.

Подойдя к зеркалу, Джейд посмотрела на себя и расхохоталась. Амелия явно обиделась и спросила, что она сделала не так.

Джейд поспешно успокоила ее:

– Я просто привыкла видеть себя в балетных костюмах или нарядных туалетах, платьях до пола. Боюсь, что мне просто ужасно смешно смотреть на себя в... в саронге!

Шея, плечи и руки были обнажены: материя проходила под мышками, закручивалась на груди и спускалась вниз. Однако Джейд признала, что выглядит хоть и странно, но хорошо.

Внизу ее дожидался Брайан, также одетый в местный костюм, при виде которого Джейд расхохоталась. Ничуть не смутившись тем, что ее так развеселили его яркие мешковатые штаны в цветочек и голая грудь, он протянул ей бокал с каким-то необычайно вкусным коктейлем на основе рома, и они поплыли в абрикосового цвета закат, к новому приключению на островах.

Они спустились к причалу, и Джейд обратила внимание на небольшую яхту, привязанную рядом, и заинтересовалась ею, поскольку прежде ее не видела.

– Мои люди отправляются в Мексику, чтобы кое-что мне привезти, – довольно таинственно ответил Брайан, отказавшись пояснить свои слова. – Я велел Уолту привести это суд-

но с главного острова, чтобы на время их отсутствия мы не были привязаны к одному месту.

Он упорно не соглашался рассказать Джейд, куда они направляются. Яхта вышла по проходу между рифами, обогнула остров с северо-востока и повернула в сторону Сомерсета. Когда яхта вошла в узкий залив, Джейд услышала рокот барабанов – эти звуки показались ей зажигательными. Ночь была темная, безветренная, но берег сиял ярко-розовым светом: там было зажжено множество свечей, прикрепленных к палкам. Цветы, казалось, были повсюду. Джейд разглядела на берегу даже небольшую деревянную лодку, которая тоже была убрана всевозможными цветами, – и тут поняла, по какому случаю должен состояться праздник.

– Свадьба! – радостно воскликнула Джейд, и Брайан в подтверждение энергично кивнул ей. – Как чудесно! – прошептала она.

Он почти с гордостью объяснил, что невеста – племянница Амелии, и недоуменно покачал головой:

– Роза раньше работала у нас в доме: помогала Марни в саду. Не могу поверить, что она уже совсем взрослая.

Местные жители явно ждали их и теперь радостно приветствовали. Тут же присутствовала и Амелия, требовавшая у всех подтверждения того, что Джейд точь-в-точь похожа на миссис Марии, только красивее. Джейд искоса посмотрела на Брайана, проверяя, не тяжело ли ему это слышать, но он улыбался и махал рукой, здороваясь со старыми друзьями.

Казалось, его теперь ничто не могло огорчить, если не считать тех минут, когда она плакала. Только тогда по его лицу пробегала тень.

Брайан рассказывал ей, что местные жители были потомками рабов, завезенных из Африки и брошенных на островах либо по недосмотру, либо из-за невозможности продолжить плавание к южным штатам Америки. Предоставленные сами себе, рабы оставались на островах.

– Здесь не так много людей с черной кожей, но те, что есть, счастливы. Иногда, – печально добавил он, – мне кажется, что Бермудские острова – это родина счастья и благополучия, нечто вроде Ноева ковчега в мире страданий и зла.

Свадебная церемония состояла из танцев и пения, после чего пастор из Гамильтона совершил обряд бракосочетания Джейд приказала себе не поддаваться грусти, которую могли бы вызвать воспоминания о ее собственной свадьбе. Вместо этого она гордо подняла голову и заставила себя разделить радостное настроение, царившее вокруг Брайан стоял совсем близко, время от времени чуть сжимая ее пальцы, которые не выпускал из своих.

После обряда началось бурное празднество, и из огромного деревянного котла разливали ромовый пунш. Гостям подали жареного молочного поросенка, пироги из маниоки и множество разных блюд, приготовленных из бананов. Джейд с интересом отметила, что свадебных тортов было два. Торт жениха был украшен золотой фольгой, символизирующей,

как объяснил ей Брайан, цветение, а торт невесты был фруктовый и украшен серебряной фольгой. На самом верху было необычное украшение – крошечное кедровое дерево. Его позже торжественно пересаживают на лужайку перед домом молодоженов.

Звуки музыки заставили Джейд азартно притопывать ногой и чуть покачиваться. До этого вечера она не замечала, насколько ей не хватает танца, хотя странные телодвижения местных жителей мало напоминали балет.

Когда празднество было прервано для того, чтобы молодожены и их родители могли совершить церемонию посадки кедрового дерева, Джейд с Брайаном направились к берегу. Оба долго молчали, идя по полосе прибоя и наслаждаясь ласковым прикосновением волн к босым ногам. Неожиданно Брайан обернулся и с силой притянул Джейд к себе. На секунду их взгляды встретились. В глазах Джейд отразились испуг и смятение, а в глазах Брайана пылало желание, которое он сдерживал все эти долгие недели. Он медленно приблизил свои губы к губам Джейд, а она застыла, не в силах сопротивляться, да и не желая этого, хотя внутренний голос шептал ей, что не следует давать себе воли.

Его поцелуй заставил ее затрепетать. Он крепко прижимал ее к себе, нежно водил руками по обнаженной спине. Его язык проник между ее губ и коснулся ее языка... Джейд вздрогнула и вырвалась из его объятий.

– Дьявольщина, Джейд! Я так давно хотел это сделать! –

признался он. – Если я тебя оскорбил, то прошу прощения. Но за свои чувства я извиняться не собираюсь!

Джейд наклонила голову в задумчивости, пытаюсь найти такие слова, которые не испортили бы этой минуты нежности.

Боже, в ней проснулось желание, но произошло это слишком рано! Но она – женщина, и как показала любовь Колта, страстная женщина. И она не должна винить себя за то, что отдалась вполне естественным и нормальным чувствам. Но ей было страшно, она не была готова к подобным отношениям с Брайаном.

Сделав глубокий, прерывистый вдох, она заставила себя встретиться с обжигающим взглядом Брайана.

– Не сейчас, Брайан, – прошептала она. – А может быть, и никогда. Я не могу ничего обещать. Мне нужно время, чтобы разобраться в своих чувствах. Я знаю только одно: не сейчас.

Он слегка усмехнулся – к нему вдруг вернулось озорное расположение духа, которое она в нем так любила.

– Время? Леди просит, чтобы я дал ей время? Ты забыла, принцесса: на островах времени бесконечно много, как моря и песка. Так что можешь смело просить о времени: уверяю тебя, ты получишь его столько, сколько тебе угодно. А я буду рядом, буду ждать. А теперь вернемся к празднующим.

Держась за руки, поглощенные новыми радостными и в то же время мучительными чувствами, они медленно удалялись от кромки воды. Теперь все изменилось в их отноше-

НИЯХ.

Глава 14

После того дня Брайан и Джейд стали смотреть друг на друга по-новому.

Джейд больше не могла видеть в Брайане только друга и спасителя: после того как он поцеловал ее, разбудив дремавшую в ней страсть, она стала видеть в нем мужчину. Это создало напряженность в их отношениях и породило самые противоречивые чувства. Разве не слишком рано в ней проснулось влечение к Брайану? Разве в этом не было неуважения к памяти Колта?

Джейд пыталась защититься от укоров совести, убеждая себя в том, что страсть и желание не принимают во внимание правил этикета и приличия. А еще Джейд пыталась разобраться в том, не является ли ее чувство к Брайану исключительно плотским влечением. Может ли она испытывать к нему любовь? О, она понимала, что к ней никогда не вернется та мощная и всепоглощающая страсть, которую внушил ей Колт, но в ее сердце поселилось какое-то новое чувство, помимо благодарности и дружеского расположения. Она хотела понять, не цепляется ли она за Брайана чисто инстинктивно, как цеплялась за тот ящик в океане, не превратила ли она его в спасательный круг в своем собственном море смятения.

Над этими вопросами Джейд размышляла постоянно, по

ночам ей снился один и тот же сон. Она видела себя в объятиях мужчины, лицо которого все время менялось: это был то Брайан, то Колт, то снова Брайан... Казалось, подсознание говорило ей, что она должна сделать выбор. Но почему? Колт умер, потерян навсегда, и, значит, у нее нет выбора... И тем не менее ее душевная буря не утихала.

Поначалу Брайан говорил себе, что чувствует к Джейд привязанность только потому, что понимает, какую боль она переживает. Но он не мог не замечать ее необычайной, волнующей красоты. А потом, когда они стали проводить вместе все больше и больше времени, их узы стали крепнуть, а вместе с этим стало нарастать желание. В конце концов он вынужден был признаться, что испытывает к ней настоящую страсть, любит ее... и не допустит, чтобы что-то помешало ему сделать ее навсегда своей.

Однако для того, чтобы этого добиться, ему необходимо было победить невероятно сильного противника: призрак Колта Колтрейна.

Напряженность между ними не исчезала, но внешне все казалось нормальным. Они продолжали проводить дни вместе, плавая на яхте, читая, работая в саду, – словом, наслаждались жизнью на своем острове удовольствий.

Однажды утром Брайан предложил Джейд отправиться на пикник. Амелия приготовила для них корзинку с хрустящими картофельными лепешками, свежеиспеченный банановый хлеб, фрукты и бутылку вина. Они с Джейд взяли ях-

ту: дул легкий ветер, и погода идеально подходила для плавания под парусами.

Когда они вышли из прохода между рифами, Брайан не без тревоги посмотрел на белую пену на гребнях волн. Утром небо обещало хорошую погоду, но сейчас у него появились сомнения.

– Возможно, будет шторм, – сказал он, глядя на серые основания кучевых облаков. – Может, нам лучше вернуться?

– Нет-нет, не надо! – запротестовала Джейд, тоже глядя на небо. Она не увидела в нем ничего угрожающего. – Если уж даже мне не страшно, то тебе и вовсе бояться не следует! Тем более что мы будем держаться близко от берега.

Он неохотно согласился. В конце концов, они действительно не будут слишком далеко отплывать, и если вдруг начнется шторм, то успеют высадиться на берег.

Яхта была совсем небольшой: в ней хватало места только для двоих. Они жадно впивали сладкий воздух, подставляя лица прохладному ветру. Джейд, вспомнив, что уже октябрь, спросила Брайана, какими бывают зимы на Бермудских островах.

– Какие зимы? Лето длится с апреля до середины ноября, а самые теплые месяцы – это июль, август и первая половина сентября. Потом температура может немного понизиться, но холоднее пятнадцати градусов не бывает.

– Как это не похоже на Россию! – задумчиво проговорила она, а потом с любопытством спросила:

– А какие зимы в Нью-Йорке?

– А вот там совсем другое дело. Снег, температура ниже нуля. Я предпочитаю Бермуды. Это одна из причин, почему я хочу жить здесь: погода гораздо лучше, плюс спокойствие и тишина.

Джейд задумалась о том, хочется ли ей навсегда остаться в таком раю. В последнее время она все чаще и чаще ловила себя на том, что ей не хватает общества и той деятельности, которая обычно доступна людям в цивилизованном обществе. Но больше всего она скучала по танцам. Не раз она пыталась делать упражнения, чтобы не потерять форму, но тут не было перекладины и многого другого, необходимого для полноценных занятий. Джейд понимала, что если не будет серьезно работать, то потеряет все, что приобрела в предшествующие годы, и тогда ей вряд ли удастся открыть хорошую балетную школу. Она не высказывала своих опасений Брайану. Если бы он узнал о ее желании, то во что бы то ни стало раздобыл перекладину и устроил комнату с зеркальными стенами для того, чтобы она могла упражняться, заказал бы во Франции лучшие пуанты и костюмы... Но какой в этом был бы смысл? Если она останется на острове, то больше никогда не сможет выступать в балете. И другая мысль не давала ей покоя: если она останется на острове, то это будет означать, что рано или поздно она вступит в интимную связь с Брайаном. Она посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц. Он был воплощением всего, что только может же-

лать женщина, – но будет ли она когда-нибудь готова связать себя новыми обязательствами?

Брайан поймал на себе ее взгляд и ласково спросил:

– О чем ты думаешь, принцесса?

Джейд давно перестала ощущать боль, когда он называл ее так же, как Колт. Теперь она могла искренне улыбнуться в ответ и сказать:

– Просто задумалась. Подходящий день для того, чтобы помечтать.

Он обхватил ее рукой за плечи и притянул ближе – и Джейд показалось вполне естественным наклонить голову и положить ее ему на плечо. Симпатия была. Влечение было очевидным. Только внутреннее смятение мешало им сделать следующий шаг в их отношениях. Они словно достигли некой вершины, но не могли продвигаться дальше.

– Смотри! – Брайан радостно выпрямился и указал на небольшой остров, показавшийся вдали. – Я чуть было про него не забыл. Мы с Марни бывали здесь, когда ей хотелось найти какую-нибудь особенно необычную раковину для ее коллекции. Там есть небольшой залив среди кораллов, и иногда волны приносят туда раковины, такие, каких больше нигде не найдешь.

Захваченная энтузиазмом Брайана, Джейд стала помогать ему править белый парус к показавшемуся острову. Как и на остальных Бермудских островах, песок там состоял главным образом из мельчайших осколков кораллов. Увенчан-

ный пальмовыми и банановыми деревьями, этот кусочек земли казался еще одним райским уголком.

Яхта легко скользнула к берегу – словно перышко по стеклу. Брайан закатал брюки и спрыгнул в воду, стараясь провести судно так, чтобы его дно не задело об острые камни у берега.

Он помог Джейд вылезти, и они отправились искать подходящее место для пикника. Джейд осмотрелась и заметила такое количество раковин, которых прежде не видела. Она сразу же захотела захватить с собой хоть несколько самых красивых. Брайан пообещал ей, что они наполнят ими корзину, когда она опустеет.

Устроившись в тени пальмы, они расстелили розовую скатерть, которую вместе с тарелочками и бокалами приготовила для них Амелия.

– Она обо всем подумала! – воскликнула довольная Джейд, выкладывая аппетитную еду.

Брайан открыл бутылку вина, разлил по бокалам и предложил тост за чудесный день.

– И за нас, – добавил Брайан, многозначительно глядя на Джейд.

Она ответила ему тем же:

– За нас.

Невольно она подумала: неужели ее собственное желание читается так же ясно, как его?

Пока они ели, ветер начал усиливаться, и Брайан обеспо-

коенно сказал, что им следует поторопиться и отплыть домой.

– Мы наберем тебе раковин в следующий раз.

Джейд готова была согласиться с ним. Облака стали тяжелее и темнее. Начала опускаться густая дымка. Внезапно ветер стих и все замерло. В эту же секунду Брайан встал.

– Думаю, рисковать и возвращаться нельзя, – объявил он. – Похоже, может налететь шторм, который опасен для небольшого судна. Я вытащу яхту на берег, опущу парус и постараюсь его закрепить.

Он побежал к воде, а Джейд начала поспешно собирать вещи и складывать их обратно в корзинку. К тому моменту когда она закончила сборы, снова поднялся ветер, который начал пронзительно завывать, так что у нее по спине побежали мурашки. Брайан вернулся, крепко взял ее за руку и крикнул, стараясь перекрыть шум ветра:

– Здесь неподалеку есть пещера. Там мы будем в безопасности!

Едва они успели добежать до укрытия, как небеса разверзлись и на землю хлынули потоки дождя.

Джейд и Брайан сидели, прижавшись друг к другу. Вскоре, под шум бушующей на острове стихии, они почувствовали, что внутри их убежища назревает своя буря: буря страсти. Они вдруг одновременно повернулись навстречу друг другу, и их взгляды сказали о желании, которое крепло вместе с ураганным ветром и раскатами грома. Они слились, в

объятии так же естественно, как прилив встречается с берегом, и их губы соприкоснулись в обжигающем поцелуе. Вспыхнула страсть, и оба безмолвно признали, что дороги назад не будет.

Брайан осторожно уложил Джейд на прохладный песок. Его руки блуждали по ее телу, медленно исследуя каждый изгиб и впадинку, наслаждаясь всем тем, о чем он уже так давно мечтал.

Джейд охотно наслаждалась ласками Брайана. Она прижалась к нему еще теснее, без слов говоря о том, что больше не боится и не сомневается. Он ловко расстегнул ее платье и раздвинул корсаж, чтобы обнажить грудь. Когда его язык коснулся розового бутона соска, пальцы Джейд судорожно сжались в густых золотистых кудрях у него на затылке. Она застонала, трепеща под его страстным натиском.

Его рука начала опускаться ниже и, раздвинув стройные бедра, проникла в теплое влажное лоно. Огонь разлился по телу Джейд, и она уже не скрывала своего нетерпения.

Он оторвался от ее груди, чтобы снова жадно припасть к губам. Джейд обнимала его, впиваясь ногтями ему в плечи. Его одежда была единственной преградой между ними – нестерпимым барьером. Ловкими и нетерпеливыми пальцами она помогла ему раздеться. Оба тяжело и жарко дышали, а их тела изнывали в сладкой муке страсти. Наконец Брайан вытянулся рядом. Его желание было столь же сильным, как и ее собственное. Он уже не мог больше сдерживаться. Джейд

на секунду застыла, а потом с тихим стоном призывно приподнялась ему навстречу...

Вне пещеры буря начала стихать. Ветер и море успокаивались. Волны перестали гневно бросаться на берег, а лишь мягко ласкали коралловый песок, рассыпаясь кружевами белой пены.

Внутри коралловой пещеры буря страсти тоже начала успокаиваться. Джейд и Брайан вместе достигли вершины наслаждения, а потом медленно и тихо спустились вниз. Брайан перекатился на бок, не выпуская Джейд из своих объятий и властно и крепко прижимая ее к своей груди.

– Я люблю тебя! – послышался его хриплый, прерывающийся шепот. – Я полюбил тебя с первого взгляда» Нас с тобой свела судьба!

Джейд прижалась щекой к его влажному от пота плечу, но ничего не ответила. В эту секунду она не способна была говорить. Она была слишком смущена происшедшим.

– Стань моей женой!

Это был почти приказ: он прозвучал настолько резко, что Джейд мгновенно вернулась к реальности и с удивлением взглянула ему в лицо.

– Я подарю тебе такое счастье, о каком ты даже не подозреваешь! – взволнованно продолжал он. – Я построю для тебя новый дом – дворец. Если хочешь, можешь придумать его сама. Ближе к людям. В Гамильтоне, если хочешь. На острове.

Ты будешь жить, как королева. Я клянусь тебе!

Он приблизил к ней лицо, намереваясь скрепить их союз поцелуем, но она отвернулась. Ей не хотелось, чтобы он ее целовал. Не сейчас. Страсть улеглась, жажда была утолена, и водоворот нетерпеливого наслаждения сменился чувством опустошенности, сомнениями и неуверенностью.

– Джейд, ты меня боишься? – тихо спросил Брайан. – Ты же знаешь, что я никогда не сделаю ничего, что принесло бы тебе боль. Всю свою оставшуюся жизнь я посвящу тому, чтобы сделать тебя счастливой. Мы потеряли тех, кого любили, но теперь нашли друг друга и у нас есть возможность новой любви и новой жизни. Тебе надо только перестать держаться за прошлое и не мешать будущему.

– Время... – Джейд прошептала это слово, уткнувшись лицом в его голое плечо, пока он любовно гладил ее золотисто-рыжие волосы. – Не торопи меня, Брайан. Пожалуйста, дай мне время!

Он судорожно вздохнул, но потом медленно и неохотно сказал, что все в порядке, что он понимает ее или по крайней мере будет делать вид, что понимает.

– Только скажи, что ты меня любишь! – настоятельно попросил он. – Скажи, что я тебе дорог, это даст мне силы ждать, пока ты не расстанешься со своим призраком.

Джейд заглянула в себя и без долгих размышлений решила, что Брайан действительно ей дорог. Она сказала ему об этом, добавив:

– Но я не уверена, что этого достаточно. Я не уверена, смогу ли кого-нибудь полюбить так, как я любила Колта.

Он сразу же взял ее за подбородок, заставив встретиться с его обжигающим взглядом.

– Выслушай меня! – проговорил он хрипло и яростно. – Я не прошу, чтобы ты любила меня так же, как любила Колта.

Ведь и я никогда не буду любить тебя точно так же, как любил Марни. Обрати внимание: я сказал «точно так же», но это не значит «так же сильно». Марни и Колт – другие люди и жили в другое время. Я прошу только, чтобы ты любила меня по-особому – так, как я люблю тебя. Давай создадим для нас с тобой новые воспоминания, Джейд. Не будем пытаться жить прежними.

Она дрожала в кольце его рук. Она и правда любит его по-особому, но достаточно ли этого для того, чтобы давать брачные обеты?

– Время! – вновь прошептала она. – Дай мне время на то, чтобы лучше узнать, что у меня в сердце, Брайан. Пожалуйста!

Он медленно кивнул, а потом встал и начал одеваться. Оставив Джейд поправлять свое платье, он отправился проверить яхту. Вскоре Брайан вернулся – и лицо его было мрачным.

– Мне очень неприятно тебе это говорить, – сказал он, протягивая руку, чтобы помочь ей спуститься с уступа, – но шторм унес яхту в море. Я едва могу разглядеть ее на гори-

зонте.

Джейд не почувствовала страха: она решила, что если они не вернутся к ночи, то Паули и Амелия встревожатся и организуют их поиски. Отсюда был даже виден остров.

Выйдя из пещеры, они почувствовали особую свежесть воздуха, которая обычно бывает после внезапного и сильного шторма. Сейчас, в свете ленивого послеполуденного солнца, океан казался спокойным и безобидным. Остатки грозовых облаков скрывались за горизонтом.

Брайан потянулся, чтобы взять ее за руку, и она ответно сжала его пальцы. Они некоторое время стояли, молча глядя вдаль: яхта казалась игрушечным корабликом.

– Тут все мокрое – даже сесть негде, – устало сказал Брайан, беспомощно осматриваясь.

– У нас есть пещера, – напомнила ему Джейд.

– Тогда возвращайся, а я останусь здесь, чтобы дать сигнал какой-нибудь проходящей мимо лодке. Хорошо?

Джейд колебалась. Ей показалось, что это было бы несправедливо, но не успела она сказать, что готова остаться и помогать ему, как Брайан негромко заметил, что, может быть, им обоим было бы лучше ненадолго расстаться. Джейд была вынуждена согласиться и молча направилась в пещеру.

Там она улеглась на сухом уступе, подложив руки под голову, и закрыла глаза. Джейд хотела еще раз попытаться разобраться в своих чувствах, но полный событий день ее утомил, и незаметно для себя она заснула. И ей приснился

странный сон.

Джейд снова оказалась на корабле во время шторма и отчаянно цеплялась за ограждение, повиснув над черной кипящей бездной. В дверях каюты она увидела Колта. Он звал ее, пытался добраться до нее, протягивая к ней руки. А потом он поскользнулся, упал – и на него полетел ящик. Когда его ударило по голове, Джейд пронзительно вскрикнула, увидев брызнувшую кровь и отразившиеся в широко раскрытых глазах Колта боль и ужас. А потом его накрыла огромная волна, а ящик врезался в ограждение и сбросил ее в жадную бездну. Колт закричал, стал протягивать к ней руки, но всякий раз, когда кончики их пальцев уже готовы были встретиться, какая-то невидимая сила отбрасывала их друг от друга.

Она проснулась от собственного крика и резко села как раз в тот момент, когда Брайан поднялся к ней на уступ. Зарывшись лицом в ладони, она отчаянно зарыдала. Боже правый, видение было таким ярким! Она видела лицо любимого, видела в его серых глазах верную и непреходящую любовь... чувствовала на своей коже его теплое дыхание. Ей впервые приснилось, что он жив, – и это ее глубоко потрясло.

Она позволила, чтобы Брайан ее обнял, сознавая, что в эту минуту отчаяния она приняла бы объятия любого, предложившего ей утешение.

– Господи, Джейд! Что случилось? – Брайан осторожно потряхнул ее за плечи, чуть отстранив от себя. Он еще не видел ее в таком состоянии. – Расскажи мне, что произошло?

Она покачала головой и высвободилась из его рук:

– Страшный сон. Вот и все. Обычный мой кошмар. Ничего страшного. Извини...

– Забудь о нем. Ты проснулась, ты со мной. Все прошло. – Он подал ей руку:

– Пойдем. Нам повезло. Когда началась гроза, Паули встревожился и отправился на берег. Когда он увидел, что яхту уносит в море, он догадался, что случилось, и даже понял, где нас искать: вспомнил, что Марни любила здесь бывать.

Джейд постаралась стряхнуть с себя остатки дурного сна и радостно выдохнула:

– Он нас нашел!

– Он ждет нас на берегу. Он дал сигнал о Помощи.

Брайан обхватил ее за плечи и, прижимая к себе, вывел из пещеры.

– Что бы тебя ни расстроило, это был всего лишь сон, принцесса. Не забывай об этом. То, что было между нами... было реальностью – и чудесной реальностью. Думай об этом, и хорошие мысли заслонят дурные.

Он нежно поцеловал ее.

Джейд приняла его поцелуй, но потом отвернулась. То, что сказал Брайан, было разумно, однако с одним она никак не могла согласиться: мысль о том, что Колт на самом деле жив, трудно было назвать дурной мыслью.

Глава 15

На острове, принадлежавшем Брайану Стивенсу, был холм, высившийся над океаном, – самая высокая точка на местности.

Склон, обращенный внутрь острова, был покрыт множеством диких растений, которые цвели практически круглый год. На стороне, выходившей к океану, видны были коралловые уступы, светившиеся в пенной бирюзовой воде, словно куски пойманного солнца.

Джейд это место казалось самым красивым на всем острове – даже более привлекательным, чем уединенная бухта, которую предпочитал Брайан. Именно сюда она начала совершать паломничество дважды в день. На рассвете, с появлением первых нежно-розовых лучей солнца, она могла смотреть в сторону Европы, предаваясь воспоминаниям, и приятным, и печальным. На закате, когда небо начинало вспыхивать ослепительными, роскошными оттенками алого, оранжевого, лилового и вишневого, она смотрела в сторону Америки, на которой сосредоточились ее надежды и мечты...

Прошло почти две недели с того памятного пикника, и теперь Колт являлся к ней во сне каждую ночь. Эти грезы были такими яркими, такими сладостными! Она прикасалась к нему, обнимала, целовала, а потом, просыпаясь, плакала, что сон закончился. Днем она была счастлива с Брайаном,

но наступала ночь, а вместе с ней тоска по Колту.

Ее отношения с Брайаном после тех интимных минут не стали напряженными. Она не испытывала вины или сожаления из-за того, что насладилась разделенной с ним страстью. Когда на следующий вечер он пришел к ней в комнату, она охотно приняла его объятия, и они оставались вместе почти до рассвета.

Потом он вернулся к себе, чтобы, когда Паули принесет ему утренний кофе, его постель не оказалась бы пустой. Они не хотели рисковать и вызывать подозрение прислуги: на главном острове их отношения и без того служили поводом для пересудов. Если бы стало известно о том, что они спят в одной постели, то их перестали бы принимать в обществе.

Брайан проявлял терпение и понимание и не настаивал на том, чтобы Джейд приняла его предложение, – но сколько времени он будет так ждать? Каждый раз, держа ее в объятиях, он клялся, что его единственное желание – это стать ее мужем.

– Я люблю тебя, – повторял он ей снова и снова. – И мечтаю о том времени, когда ты будешь целиком принадлежать мне.

Джейд продолжала спрашивать себя, можно ли считать ее чувство к Брайану любовью, глубокой и постоянной. С одной стороны, она была к нему настолько сильно привязана, что ей хотелось оставаться подле него и лелеять их отношения, пока она не убедится в том, что они действительно мо-

гут стать основой брака. С другой стороны, в ее душе поселилось сомнение в том, что Колт погиб. Ее сон, в котором Колт был жив и взывал к ней откуда-то издалека, но не из потустороннего мира, не выходил у нее из головы.

Джейд понимала и то, что, если она не выйдет за Брайана замуж, ей придется покинуть остров. Нельзя же злоупотреблять гостеприимством хозяина! Так или иначе она должна принять какое-то решение.

У нее не было сомнений в том, что, если она станет его женой, он будет заботливым и внимательным мужем. А она, конечно, была намерена постараться быть хорошей супругой. То, что она никогда не полюбит его так, как любила Колта, особого значения не имело. Они построят свои отношения на основе симпатии и взаимного уважения. Рано или поздно у них будут дети – и эта мысль казалась ей очень привлекательной. И в то же время всякий раз, когда она начинала склоняться к тому, чтобы дать ему согласие, ее начинал мучить один и тот же вопрос: а что, если Колт жив? Господи, о каком тогда союзе может идти речь, если существует хоть малейшая надежда на чудесное спасение Колта?!

Нерешительность и мучительные раздумья не прекращались, а тут еще и Брайан начал вести себя по-другому. С ним по-прежнему приятно было проводить время, но он перестал приходить ночью к ней в спальню. Он ничего не объяснял, а Джейд из гордости не спрашивала. Его обращение днем стало более официальным, и все чаще и чаще, проснувшись,

она узнавала от Амелии или Паули, что Брайан уехал на целый день на главный остров. Можно было подумать, что он ее избегает.

И примерно в это же время, заметила Джейд, вернулась его яхта.

Эта странная и таинственная перемена заставила Джейд понять, что ей пора принять решение относительно будущего.

А потом произошел эпизод, после которого у нее не осталось выбора.

Ей снова приснилось, что Колт жив, но на этот раз с ним происходило что-то ужасное. Он с отчаянием звал ее и, спотыкаясь, брел в густом сером тумане, из-за которого ей трудно было его видеть. Но вот удалось разглядеть его лицо, и то, что она увидела, заставило Джейд содрогнуться: у него не было глаз! Он ощупью искал ее, а она кричала ему, что она рядом, что поможет ему, будет его глазами... Но Колт ее не слышал и продолжал неуверенно двигаться среди поднимающегося вокруг него тумана. Джейд пыталась прорваться к нему, но каждый раз, когда она оказывалась совсем близко от него, невидимая рука подхватывала Колта и уносила прочь, и всякий раз, как это случалось, раздавался стон тоски и отчаяния. Когда Колта наконец унесло так далеко, что она потеряла его из виду, ветер принес ей слова, потрясшие ее до глубины души: «Если я еще жив, Господи, то поспеши убить меня!»

Джейд закричала. На крик прибежал Брайан и обнял ее, но она продолжала кричать и вырваться. Он резко встряхнул ее, уверяя, что это просто очередной кошмар.

В конце концов Джейд удалось вырваться из адских глубин подсознания – и она уставилась на Брайана широко раскрытыми глазами, в которых затаился искренний ужас.

– Я должна убедиться, что он умер!

Брайан закрыл глаза, моля Бога, чтобы ему это только слышалось. Заглянув в лицо Джейд, на котором отразился пережитый ею кошмар, он срывающимся голосом прошептал:

– Джейд, Колт погиб. Тебя преследует призрак. Ты любишь призрака. Пожалуйста, пожалуйста, выйди за меня замуж и расстанься с прошлым, иначе оно тебя погубит.

Он нежно прижался щекой к ее щеке.

– Ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю. Мне казалось, что я не смогу полюбить другую женщину так же сильно, как я любил Марни, но тебя я люблю несравненно сильнее. Я никогда не испытывал подобного. Да простит меня Бог, но мое чувство настолько сильно, что я даже рад, что Марии пришлось умереть, чтобы судьба могла свести нас вместе...

– Нет! – Джейд поспешно прижала кончики пальцев к его губам, чтобы заставить его замолчать. – Никогда больше не говори ничего подобного, Брайан. Это нехорошо. Это... это ужасные слова. Ты же сам понимаешь, что на самом деле это

не так!

– Но я тебя люблю! – Он пытался поцеловать ее, но она отвернулась. Он выпрямился и резко, почти гневно, воскликнул:

– Я не могу поверить, что ты ко мне равнодушна, после всего что между нами было!

– Брайан, ты же знаешь, что ты мне дорог, – ответила она, – но...

– Я не приходил к тебе все эти ночи, потому что надеялся, что тебе будет меня не хватать, – отрывисто сообщил он ей. – Я хотел, чтобы без меня тебе было настолько плохо, что ты поняла бы: мы всегда должны быть вместе. И тогда ты согласилась бы выйти за меня замуж. – Не скрывая раздражения, он добавил:

– На тебя это, к сожалению, не подействовало!

У Джейд дрожали губы и трепетало сердце. Она медленно покачала головой:

– Ты просто не понимаешь, Брайан. Ты действительно мне дорог. Кажется, я тебя люблю, но я не могу выйти за тебя замуж, пока не буду знать наверняка, что Колт мертв.

Он решительно сжал зубы, так что у него на щеках заиграли желваки, и повернул лицо к первым лучам золотисто-персикового рассвета, которые проникали в спальню сквозь стеклянные двери. Только тогда он сумел заставить себя задать вопрос, ответа на который так боялся.

– Хорошо, Джейд. Скажи мне, чего ты хочешь?

– Я точно не знаю, – чуть слышно сказала она.

Хотя в ее душе уже созрело решение.

– Ты хочешь со мной расстаться? Уехать с острова? Вернуться в Россию?

Джейд серьезно покачала головой и наконец облекла свое тайное желание в слова:

– Я собираюсь поехать в Нью-Йорк, чтобы выяснить, жив ли Колт.

Услышав это, Брайан изумленно посмотрел на нее:

– Ты шутишь!

Очень тихо, но решительно она ответила ему, что и не думала шутить.

– И если ты сможешь мне забронировать место на корабле, идущем в Нью-Йорк, я буду тебе очень благодарна... – Резко сев на постели, она схватила его за плечи и с мольбой посмотрела ему в глаза:

– Ах, Брайан, пойми: мне это необходимо, иначе я никогда не буду знать покоя! – Не дожидаясь его ответа, она торопливо продолжала:

– Эти сны, которые я все время вижу – эти кошмары, – они стали другими. Мне снится, что Колт жив. А только что мне привиделось, что он в какой-то беде, что он откуда-то меня зовет. Я никогда не смогу перестать о нем думать, пока не буду знать наверняка, что он действительно умер в ту ночь.

– Джейд, пожалуйста, не надо...

– Ты же сам говорил, что все будут думать, что я утонула,

что я мертва, – но это ведь не так! И то же самое могло случиться с Колтом. Я ведь не видела своими глазами, что он умер. Разве ты не понимаешь? Колт может быть жив – так же как жива я!

Она вглядывалась в его лицо, надеясь встретить хоть искру понимания.

Брайан вздохнул и понурился:

– Хорошо, тогда скажи мне вот что. Как ты собираешься выяснить, жив ли он? Разве не проще было бы написать, его родным?

Джейд моментально отвергла такую Мысль:

– Нет, я не смею расстраивать его отца! Если его официально известили о том, что мы с Колтом погибли, то сообщение о том, что я жива, может его убить. Я не могу рисковать этим – и не стану. Я собираюсь в Нью-Йорк. Я знаю, что Колт должен был работать на довольно влиятельных людей – на Вандербильтов. Их найти будет несложно. А еще я помню название банка, в который он вложил свои деньги; там будут знать, что стало с его счетом.

– Джейд, здесь мы обрели покой и Счастье. Но если мы вернемся в большой мир, то рискуем потерять их. Мы будем искушать судьбу, и, возможно, в наказание она лишит нас всего.

Джейд положила голову ему на плечо, моля Бога, чтобы он понял ее чувства.

– Если я этого не сделаю, то твой рай обернется для меня

адам!

Брайан неподвижно сидел на краю кровати. Он больше не прижимал ее к себе.

– А если я откажусь тебе помогать?

Подняв голову, она недоверчиво посмотрела на него:

– Но ты же так не сделаешь!

– А мог бы! – хладнокровно сказал он. – Я тебя люблю и не остановлюсь ни перед чем, чтобы заставить и тебя полюбить меня. Я был бы глупцом, если бы стал помогать тебе меня оставить.

Холодея от ужаса, Джейд воскликнула:

– Это все равно что сделать меня пленницей!

– Пленницей любви.

Его вызывающая улыбка пугала.

– Кончится тем, что я тебя возненавижу. – Она оттолкнула его, с трудом поднялась на ноги и потянулась за халатом. Ей вдруг стала ненавистна одежда его покойной жены. Поймав себя на этом, она поняла, что уже начинает испытывать неприязнь к нему. Резко обернувшись, она бросила ему в лицо:

– Мне не нужна твоя помощь. Отвези меня на главный остров, а там я сама о себе позабочусь.

Его взгляд был полон жалости.

– У тебя нет денег.

Она вызывающе вздернула подбородок:

– У меня в Нью-Йорке денег более чем достаточно!

– А что, если Романовы уже их забрали?

– На это нужно время. Не прошло еще и трех месяцев.

Думаю, я успею попасть туда прежде, чем это произойдет.

– Но у тебя нет уверенности.

– Я готова рискнуть Долгие секунды они напряженно смотрели друг на друга и молчали. Наконец Брайан уступил:

– Хорошо. Я отпущу тебя. Но сначала я хочу кое-что тебе показать. Если, увидев это, ты по-прежнему захочешь оставить меня, мою любовь и все то, что я могу тебе предложить, то, наверное, было бы глупо пытаться тебя удержать.

Джейд посмотрела на него с подозрением:

– Но что это?

Он улыбнулся – но на этот раз улыбкой, которая не будила страха, – и протянул ей руку:

– Пойдем со мной.

Джейд дала ему руку и позволила вывести себя на террасу. Оттуда они прошли по расстилавшейся перед домом зеленой лужайке, и вскоре Джейд поняла, что они направляются к ее любимому месту. Она вдруг прищурилась. Что-то здесь изменилось. Вершина холма перестала быть гладкой. На ней находился какой-то крупный предмет, похожий на камень. Но почему он здесь и как сюда попал? Она спросила об этом у Брайана, но тот не ответил, а только крепче сжал ее руку и быстрее пошел вперед.

Они подошли поближе, и Джейд увидела, что это действительно большой камень, футов пять или шесть в диаметре.

Он был помещен на самую вершину холма, словно некий памятник.

Цвет у него оказался очень странным: изумрудно-зеленый, с черным блеском внутри.

Голос Брайана звучал гордо, когда он сказал:

– Его пока не отполировали. После полировки зеленый цвет становится еще ярче, и с моря его будет видно издалека.

Ни один проплывающий мимо корабль не сможет не заметить его ослепительного блеска под лучами солнца.

Они подошли к камню. Джейд протянула руку и прикоснулась к нему кончиками пальцев, почувствовав прохладную зернистую поверхность. Ее не переставал изумлять стеклянно-зеленый блеск камня.

Брайан встал позади нее и, нежно глядя ее плечи, негромко сказал:

– Это жадеит. Из Мексики. Я заглянул в книги и узнал, что Мексика – одно из немногих мест, где можно найти этот необычайный камень под цвет твоих глаз. Вот почему я отправил туда яхту, дав моим людям указание не останавливаться перед расходами и обязательно найти такой крупный камень и привезти на остров. Я знал, что это твой любимый уголок, и распорядился поместить камень именно здесь.

Джейд повернулась, недоуменно глядя на него:

– Но зачем?

Брайан обнял ее – и она не сопротивлялась.

– Неужели не понимаешь? – Его улыбка была полна обо-

жания, а в глазах светилась искренняя любовь к ней. – Я назвал свою яхту именем женщины, которая была моей первой любовью. А теперь я называю мой остров именем женщины, которую буду любить до самой смерти. Это будет остров Джейд.

Я сделал это, надеясь, что ты наконец поймешь, как сильно я тебя люблю.

Он прижался губами к ее лбу в благоговейном поцелуе – и она приняла его с теплой благодарностью, но потом решительно высвободилась из его объятий.

– Для меня это честь, Брайан. Но мне необходимо знать, свободна ли я и могу ли поступать по своему усмотрению.

Он закрыл глаза, словно пытаясь смириться с мыслью о том, что может ее потерять, а потом, печально улыбнувшись, уступил:»

– Хорошо. Я отвезу тебя в Нью-Йорк.

Она протестующе покачала головой:

– Нет, я не могу позволить, чтобы ты пошел на это. Просто отвези меня на главный остров, и...

– Будет по-моему! – упрямо возразил Брайан. – Ты должна позволить мне отвезти тебя в Нью-Йорк и заботиться о тебе до тех пор, пока не найдешь ответа на свой вопрос.

Джейд поняла, что он непреклонен, и интуитивно почувствовала, что если станет возражать, то это может сильно осложнить ее отъезд. Брайан не был готов отпустить ее без борьбы.

– Хорошо, – согласилась она. – Думаю, у меня нет выбора.
Довольный, он откровенно признал:

– Да, выбора у тебя нет.

Он снова поцеловал ее – и Джейд опять не стала сопротивляться, но ее сердце и мысли были не с ним. Она почти не замечала его поцелуя, настойчивого прикосновения его языка...

Она была далеко от острова, который носил ее имя.

Джейд мысленно устремилась вперед, в будущее – в Америку, в Нью-Йорк.

Глава 16

Пока «Марии» проходила через пролив Те-Нарроуз, Джейд стояла на носу рядом с Брайаном, и тот показывал ей достопримечательности гавани. Справа им была видна низкая плоская местность, которую занимал собственно город Нью-Йорк, с его зданиями и верфями, расположенными во-круг порта, где мачты кораблей высились, словно бесконечный ряд часовых. Слева находились старинные, осыпающиеся от времени стены форта Уодсворт, а дальше – снова корабли, стоящие на якорях. Их количество, наверное, исчислялось сотнями.

– А вот там, – указал Брайан, – находится остров Статен.

Джейд увидела скалы, каменистые уступы которых были припорошены снегом, и зябко поежилась, несмотря на длинную норковую шубу, в которую куталась. Уже приближался декабрь.

Плавание с Бермудских островов прошло без всяких событий, но каждый раз, когда она осмеливалась показываться на палубе, холодный и резкий ветер быстро прогонял ее обратно в каюту.

Она почти все время проводила там, но любопытство заставило ее выйти посмотреть на крупнейший город, к которому они приближались.

Яхта подошла ближе к берегу, и им слышны стали голоса,

далеко разносившиеся над водой. Между крупными кораблями, стоявшими на якорях, сновали пароходики и лодки. На борту этих суденышек находились торговцы самого различного товара: одежды, хлеба, молока и фруктов.

Брайан продолжал рассказывать Джейд обо всем, что могло бы ее заинтересовать, но она едва его слушала. У нее голова шла кругом от обилия красок, звуков и запахов, окружавших ее.

Брайан предупредил Джейд, что ей предстоит пройти через службу иммиграции, и поскольку могут возникнуть сложности – ведь при ней нет никаких бумаг, удостоверяющих ее личность, – переговоры она должна предоставить ему.

Их яхта подошла к причалу, и Брайан помог ей выйти на переполненную людьми набережную. Джейд непонятно было, зачем им нужно соблюдать таможенные формальности.

– А мне кажется, что можно было бы просто пройти мимо. Кто нас заметит в такой сутолоке?

Брайан рассмеялся:

– Было бы очень кстати, если бы нам это сошло с рук. Но дело в том, что мы находимся не на острове и тут есть охрана. Нам не позволят уехать, пока мы не пройдем через вон то здание.

С этими словами он указал на большой дом с плоской крышей.

Джейд застонала: перед домом стояли три очереди, а в

каждой – человек по сто. Люди выглядели усталыми и измученными. Вокруг них громоздились горы багажа, которые приходилось время от времени двигать вместе с очередью.

– Все это так грустно, – сочувственно прошептала Джейд.

Брайан кивнул и с сожалением сказал, что ей предстоит увидеть немало подобных зрелищ.

– Большинство из этих людей, к сожалению, ничего не имеют. Они стекаются сюда со всего мира в надежде найти счастье на этой земле. Боюсь, что очень скоро они разочаруются. Страна находится в состоянии депрессии, люди голодают. Иммиграции следовало бы прекратить прием новых поселенцев, пока жизнь не наладится, но администрация не желает этого делать.

Он провел ее мимо несчастных иммигрантов, а потом повернул и, обогнув здание, оказался у двери с надписью «Только для служащих. Входа нет». Ни минуты не колеблясь, он вошел.

Джейд ожидала, что на них сразу же закричат и потребуют, чтобы они убирались, но вместо этого все, мимо кого они проходили, приветливо улыбались и окликали Брайана по имени – с уважением, как она отметила про себя.

Они поднялись на третий этаж и нашли дверь, на которой висела табличка «Начальник иммиграционной службы». На этот раз Брайан постучал и был приветливо встречен добродушной женщиной в белой строгой блузке и юбке колокол. Джейд обратила внимание на ее тончайшую талию:

незнакомка была затянута в немислимо узкий корсет. Джейд была рада, что талия у нее от природы тонкая, так что ей не нужно было подвергать себя такой пытке ради того, чтобы ее фигура соответствовала требованиям моды.

Казалось, женщина искренне счастлива встрече с Брайаном.

– Ах, мистер Стивенс, какая радость снова вас видеть!

Мы так по вас скучали... – На секунду замолчав, она опустила глаза и прошептала:

– Я не имела возможности сказать вам, как мне было горько услышать о вашей потере.

Брайан спокойно и любезно ответил:

– Это – прошлое, мисс Столлингс. Жизнь продолжается. – Тут он указал на Джейд. – Я хотел бы, чтобы вы познакомились с мисс Джейд О'Бэннон. – И, уже обращаясь к Джейд, сказал:

– Это мисс Ванесса Столлингс, секретарь начальника иммиграционной службы. Мы с ней старые друзья.

Джейд внешне спокойно слушала объяснения Брайана, но на самом деле ей с огромным трудом удалось сдержать возглас изумления. Он непринужденно рассказывал, что Джейд – дальняя родственница Марии и что он привез ее в Америку из Ирландии. На обратном пути они попали в довольно сильный шторм, и Джейд потеряла сумочку, в которой находились все ее личные бумаги.

– Боюсь, – сказал он, беспомощно разводя руками, – что

если Бен не сделает для нее исключения, ей придется очень надолго застрять у вас!

Мисс Столлингс была любезна и полна сочувствия.

– Ну, этого мы допустить не можем, – сказала она и прошла через комнату к двери со стеклянной вставкой. – Я посмотрю, свободен ли мистер Роберте.

Пока она находилась в соседней комнате, Джейд прошептала:

– Не верится, что ты можешь так легко лгать. Теперь я никогда не буду верить ничему, что ты говоришь!

Озорно блестя глазами, он парировал:

– Тогда я могу говорить все, что мне заблагорассудится, правильно? Например, что я начну страстно ласкать тебя, как только мы останемся вдвоем.

– А вот этому я верю, – насмешливо ответила она.

Вернувшись, мисс Столлингс немедленно провела их в кабинет мистера Бена Робертса. Симпатичный толстенький человечек сразу понравился Джейду. У него были милые карие глаза и тоненькая ниточка усов, загибавшихся вверх над уголками рта. И надетый на нем серый блейзер ей тоже понравился.

Он схватил Брайана за руку и энергично ее потряс:

– Добро пожаловать домой! Вас слишком долго не было. Мы в яхт-клубе по вас соскучились. Был как-то вечером на большом обеде и несколько раз слышал ваше имя. Очень многие гадали, когда же вы наконец вернетесь. – Он повер-

нулся к Джейд, и его улыбка стала еще шире. – Так вот она, кухня Марни! Да, семейное сходство очень заметно. Добро пожаловать в Америку, юная леди. Ну-ну, вы такая же красавица, как и ваша сестра! , Джейд скромно поблагодарила его, а потом Брайан снова рассказал историю о потерянных документах, закончив ее просьбой:

– Так что если бы вы могли выдать ей какие-нибудь бумаги, поручающие ее, так сказать, моим заботам, то мы были бы вам очень благодарны!

Джейд затаила дыхание, чувствуя, что Брайан тоже напрягся. Бен Роберте осмотрел ее с ног до головы, задумчиво сжал губы, а потом пожал плечами и сказал:

– А почему бы и нет? Кому нужна такая власть, которой нельзя хоть изредка воспользоваться?!

Он подмигнул, похлопал Брайана по плечу, а потом окликнул мисс Столлингс и попросил принести все бланки, которые нужно было заполнить.

Пока выполнялись предписанные правилами формальности – Джейд была зарегистрирована как незамужняя иммигрантка из Ирландии, – Бен сообщил Брайану, что только что, после отчаянной борьбы в конгрессе, был отменен шермановский акт о продаже серебра.

– Но золотой резерв продолжает уменьшаться, – озабоченно сказал он. – Мы в депрессии, это определено.

Когда они вышли из здания иммиграционной службы, Джейд посмотрела на Брайана с невольным почтением:

– Если бы у тебя не прошел твой номер, то мне пришлось бы провести на островах Эллис несколько месяцев!

Он подмигнул и быстро ее обнял:

– Я все время говорю тебе, какой я необыкновенный, а ты мне не веришь!

Она невольно рассмеялась. Если их поиски подтвердят то, что Колт умер (а она втайне думала именно так), и она в конце концов решится выйти замуж за Брайана, то у них наверняка будет немало счастливых и радостных минут.; По правде говоря, все время, которое она с ним проводила, оставляло у нее только хорошие воспоминания. Он обладал превосходным чувством юмора, был склонен относиться к жизни разумно, не усложняя ее.

После того как Брайан отдал распоряжение своим матросам, которым предстояло привести в порядок яхту перед тем, как ехать домой, он нанял кучера и их отвезли на железнодорожный вокзал. Оттуда они отправились в поместье Стивенсов, которое находилось к северу от Манхэттена, на берегу Гудзона.

По дороге Джейд жадно впитывала новые впечатления, наслаждаясь радостным волнением: она впервые видела Америку!

Брайан сказал, что его страна, видимо, очень не похожа на Россию, и она кивком подтвердила это. Потом он устроился поудобнее и открыл газету, чтобы узнать обо всем, что успело измениться за время его отсутствия, предоставив Джейд

увлеченно наблюдать за сменяющимися за окном видами.

Она изумлялась сонной темной воде Гудзона: река вилась по причудливому руслу, которое пробила себе в скалистых горах северной части штата Нью-Йорк. Брайан сказал, что ей следовало бы увидеть все это весной, потому что сейчас деревья были голыми, а пейзаж – серо-коричневым, скучным. Но Джейд он все равно казался прекрасным: он был новый, не похожий ни на что... и он был частью той мечты, которой они когда-то увлеклись с Колтом.

Джейд с Брайаном вышли из поезда на станции Ньюберг, откуда еще один кучер провез их несколько миль, пока наконец не свернул на подъездную аллею, усыпанную гравием. Особняк Стивенсов располагался на высоком склоне над рекой и выглядел весьма внушительно. Это был трехэтажный дом из кирпича, выкрашенного в белый цвет. Его окружала широкая веранда, а некоторые комнаты верхних этажей имели балконы с витыми решетками и коническими крышами, выложенными дранкой. Кусты и деревья вокруг дома были высажены очень живописно, но с приближением зимы трава пожелтела. Голые ветки деревьев тянулись к небу, словно костлявые пальцы скелетов. Только вечнозеленые растения были редкими пятнами Зелени.

Брайан расплатился с извозчиком, а потом, повернувшись к Джейд, торжественно объявил:

– Это твой новый дом. Можешь считать себя его полноправной хозяйкой и жить в нем сколько захочешь.

Он шагнул вперед и протянул руку, чтобы открыть дверь, но приостановился и, извиняясь, сказал:

– Боюсь, что тут будет очень холодно и пыльно. Вот уже несколько месяцев дом пустует...

Его извинения были прерваны стремительно распахнувшейся дверью: на крыльцо выскочила полненькая улыбающаяся женщина, приветственно протягивающая руки:

– Мистер Брайан! Слава Богу, вы вернулись! Добро пожаловать!

Она горячо его обняла, и Брайан охотно ответил на ее объятия, недоуменно спрашивая:

– Мина, что ты тут делаешь? Я ведь сказал тебе закрыть дом и подыскать новую работу!

Она отступила на шаг и самодовольно покачала головой.

Уперев руки в широкие бедра, она вызывающе спросила:

– И вы думали, что я послушаюсь, – это после того, как я столько лет работала в вашем доме?! Нет, сэр! Вы очень щедро заплатили мне – намного больше, чем мне причиталось, – и я решила не закрывать дом и топить камин. Вы увидите, что все осталось таким, как было, когда вы уезжали, потому что я знала: когда-нибудь вы вернетесь домой!

Тут она впервые заметила Джейд и страшно смутилась.

– Ох, сэр... извините, – «пролепетала она. – Я была так рада вас видеть, что не заметила вашей гостьи!

Брайан представил Джейд мисс Мине Доббинс и сказал, что она была главной домоправительницей в его семье с

незапамятных времен.

– Мисс О'Бэннон, – вежливо сообщил он Мине, – будет гостить у нас столько, сколько пожелает, и вы можете считать ее хозяйкой дома.

Мина сделала книксен И посторонилась, пропуская их в дом.

– Конечно. Если вам что-то понадобится, мисс О'Бэннон, вы только скажите.

Брайан нежно взял Джейд за руку и Провел по лестнице, застланной золотистым ковром.

– Потом я покажу тебе весь дом, но сейчас нам необходимо освежиться и немного отдохнуть. Я скажу, чтобы Мина принесла тебе чаю и сэндвич.

Джейд мельком увидела богатую обстановку и поняла, что на всем лежал отпечаток вкуса Марии. Почувствовав какой-то странный укол, она вдруг поняла, что испытывает чувство некоторой ревности. Если она останется, если они с Брайаном поженятся, ей, несомненно, будет дано право изменить обстановку дома в соответствии с ее собственным вкусом... или же она на этом настаит!

Брайан провел ее по длинному коридору, отделанному красным деревом, к двойным дверям в самом его конце. Они вошли в большую гостиную. Диван и два удобных на вид кресла по обе стороны беломраморного камина. На столиках расставлены чудесные безделушки. Все выдержано в бело-розовой гамме, и Джейд мысленно сравнила комнату

с огромным свадебным тортом. Опять присутствие Марии! Указав на одну из дверей, Брайан сказал, что там его спальня.

– А твоя напротив. – И он распахнул в нее дверь.

Джейд осмотрела комнату, где вся обстановка была различных оттенков розового цвета, и на этот раз ей показалось, что ее засунули в миску с клубнично-сливочным мороженым. На розовых шелковых обоях были крошечные букетики белого клевера и бледно-зеленые выюнки, на четырех высоких стеклянных дверях, выходявших на широкий балкон с потрясающим видом на Гудзон, висели розовые портьеры. Чуть ли не половину комнаты занимала кровать с балдахинном. Пол был застелен ковром с розовыми и белыми розами. Комната была, несомненно, прелестной, но Джейд показалось, что она задыхается во всех этих оборочках и воланчиках.

Брайан почувствовал ее состояние.

– Марни тут никогда не спала, – объяснил он. – Она погибла как раз в тот момент, когда в доме меняли обстановку.

Он даже сам удивился тому, насколько спокойно упомянул об этом.

Не в силах сдержать глубокого отвращения, которое вызвало в ней оформление комнаты, Джейд сказала:

– Зачем столько розового? Извини, Брайан, но меня от него тошнит, словно я объелась дешевой карамелью.

Он понимающе кивнул:

– Знаю. Когда я увидел окончательный результат, у меня было точно такое же чувство. Ремонт и перемена обстановки были почти закончены, когда случился пожар. Мне ни до чего не было дела, поэтому я не стал вмешиваться и предоставил рабочим закончить все так, как хотела Марни.

Она сказала, – смущенно добавил он, – что такое количество розового цвета должно принести нам удачу, поможет нам родить дочку. Ей хотелось еще одного ребенка, и...

– Я в этой комнате спать не буду! – Джейд резко повернулась и вышла.

Брайан пошел следом за ней, пытаясь возражать:

– Но она как раз напротив моей спальни, и мы были бы рядом...

Джейд ответила ему вызывающим взглядом. В ее изумрудных глазах горела решимость.

– Здесь ведь есть комнаты для гостей? Я займу их или остановлюсь в отеле. Может, для тебя это и будет неожиданностью, Брайан, но я устала жить с призраком Марии не меньше, Чем ты – с призраком Колта!

С этими словами она ушла, гордо вскинув голову. Брайан был в восторге. Он решил, что эта вспышка была вызвана ревностью Джейд к его воспоминаниям о Марни, а это, – конечно, говорило о том, что он ей не безразличен.

Он провел ее в противоположную часть дома, где оказалась огромная комната – одновременно и гостиная, и спальня. В ней тоже был балкон, откуда можно было любоваться

рекой.

Показав Джейд, где что находится, Брайан поцеловал ее и немного робко спросил:

– Ты, наверное, не захочешь пользоваться вещами Марни?

– Решительно нет, – сразу же ответила она. – Завтра я намерена найти тот банк, в который Колт вложил мои деньги, а потом отправлюсь за покупками и позабочусь о собственном гардеробе.

Брайан опять был доволен тем, что услышал. Чуть отстранившись от нее, он прошептал:

– Я пока с тобой расстанусь. Помни: я тебя люблю и выполняю любое твоё желание.

Он повернулся, собираясь уйти, но Джейд окликнула его: – В таком случае позаботься о том, чтобы завтра было сделано то, что ты мне обещал.

Брайан кивнул. Он собирался обратиться в частную сыскную контору, чтобы начать поиски Колта. Пока Джейд не будет убеждена в том, что Колт мертв, ее сердце не будет свободно, это Брайан знал наверняка.

На следующее утро они отправились на поезде в Манхэттен. Джейд настояла на том, чтобы пойти в банк одной, а Брайан дожидался ее; внизу, в наемном экипаже.

Она осмотрелась, пытаясь сориентироваться в непривычной обстановке: прежде ей не приходилось бывать в банках, просто не было необходимости. Какой-то проходивший ми-

мо служащий заметил ее нерешительность и приостановился узнать, не может ли он быть ей чем-то полезен. Она объяснила, что ей надо осведомиться у кого-то относительно своего вклада, и он указал ей на мужчину, который сидел напротив за письменным столом.

Когда Джейд подошла к нему, он встал, пригласил ее присесть на стул рядом со своим столом и представился:

– Мэллори Кертин, вице-президент. Чем я могу быть вам полезен, мисс?

Джейд он показался человеком симпатичным и услужливым, и она сразу же почувствовала себя спокойнее. Она назвала ему свое имя – Джейд О'Баннон Колтрейн – и объяснила:

– Мой муж поместил в этот банк деньги на мое имя. Я хочу узнать, лежат ли они по-прежнему здесь.

Он рассмеялся:

– Ну а почему они могли вдруг исчезнуть? Насколько я знаю, у нас еще не было случаев ограбления. Дайте мне кое-какие дополнительные сведения, и я попробую все выяснить.

Джейд невольно испытывала волнение – ведь если бы средства были затребованы Романовыми, узнавшими о ее «гибели», мистер Кертин принял бы ее за самозванку, которая пытается присвоить деньги умершей женщины, и мог бы вызвать полицию.

Однако очень скоро выяснилось, что все ее страхи были напрасными. Джейд заполнила анкету, с которой мистер

Кертин исчез за дверью в задней части помещения банка. Он отсутствовал примерно пять минут, а потом вернулся, почтительно улыбаясь. По блеску его глаз было видно, что сумма ее вклада произвела на него глубокое впечатление. Пробежав глазами небольшую бумагу, Джейд тоже изумилась внушительной сумме, обозначенной на ней.

– Немалая сумма для молодой леди. Может, вы хотели бы обсудить со мной планирование ваших финансов? – предложил мистер Кертин.

– Позже, – пробормотала она, вставая.

Джейд вдруг перестала чувствовать неуверенность и волнение. Увидев обозначенную черным по белому сумму своего состояния, она преисполнилась новой решимости и энергии.

Поблагодарив вице-президента, Джейд сказала, что хотела бы получить небольшую сумму наличными.

Узнав, что деньги дожидались Джейд на вкладе, Брайан обрадовался за нее, но добавил:

– Ты не думаешь, что Романовы изумятся, когда попытаются получить их обратно и узнают, что ты и не думала умирать?

– Я собираюсь им написать и сообщить, что это было всего лишь ужасное недоразумение, – поспешила ответить Джейд. – Они, конечно, удивятся, но будут рады. А еще я попрошу их ничего не сообщать Колтрейнам.

– А почему не сообщить об этом и Колтрейнам тоже?

Она невесело покачала головой:

– Я их очень люблю, но пусть они лучше думают, что я погибла вместе с Колтом. Я уже говорила тебе, что мистер Колтрейн может не выдержать известия о том, что я осталась жива.

Да и вообще, я скорее всего больше никогда никого из них не увижу.

Они разошлись по своим делам: Джейд – делать покупки, Брайан – в свою контору.

В последующие дни Джейд все больше и больше влюблялась в шумный многомиллионный Нью-Йорк. У Брайана оказалось очень много проблем, решение которых требовало его личного присутствия, но он старался выкроить время, чтобы показать ей город.

На острове Манхэттен шло создание быстрой системы перевозки пассажиров из других районов города. Железная дорога Гудзон-ривер, тянувшаяся по высокой насыпи, уже приближалась к полному жизни городу, минуя его самые страшные трущобы. Пыхтящие паровозы сыпали сажей и горячими угольками, иногда поджигая гниющую дранку на жалких лачугах, лепящихся вдоль трассы.

Джейд решила, что в своем техническом прогрессе Нью-Йорк опередил даже крупнейшие столицы европейских стран.

Он был освещен не только газом, но и электричеством, и к тому же появилось новое чудо – телефон! Сообщали да-

же, что человек по имени Генри Форд начал строить нечто, называющееся безлошадным экипажем, который якобы мог передвигаться с поразительной скоростью – двадцать миль в час!

Мода диктовала высокую пышную грудь, подчеркнутые бедра и сильно утянутые талии для женщин, фигуры которых приобретали неестественную форму песочных часов. Было модно носить строгие, пригнанные по фигуре костюмы, а под ними – изящное кружевное белье. На макушку надевались крошечные шляпки, украшенные перьями экзотических птиц. Волосы должны были быть длинными, и их укладывали пышными волнами, обрамлявшими лицо.

Мужчины носили цилиндры и котелки. Спортивный стиль требовал ярких блейзеров и фуражек, а кроме них можно было надевать и соломенные шляпы и пиджаки, застегивавшиеся до самого ворота. Почти все состоятельные мужчины носили тяжелые золотые цепочки для часов или черные ленты, украшенные печатками с драгоценными камнями.

Поведение человека в обществе определялось строгими правилами. Джейд была рада, что Мина жила в доме, где у домоправительницы были свои комнаты, – в противном случае ее пребывание в доме Брайана без дуэньи было бы ужасающим нарушением приличий. Ее страшно изумило, что всего через три дня после их приезда к ним с визитом приехали две кислотицы дамы, прихожанки церкви, которую по-

сещал Брайан, и одна из них открыто спросила, ночует ли домоправительница в доме.

Джейд едва сдержалась, чтобы не спросить, какое им до этого дело, но все-таки сумела дать им спокойный ответ, который был встречен одобрительными кивками.

Как-то вечером Брайан повел ее на выступление исполнителей негритянских песен. Джейд изумилась, увидев, что это белые люди, загримировавшиеся жженой пробкой под негров.

Одетые в элегантные костюмы мужчины пели мелодичные баллады, исполняли странные танцы и сопровождали все это шутками.

Джейд была в восторге от Нью-Йорка и радовалась тому, что живет в такое интересное время, но ни на секунду не могла забыть о том, что именно привело ее сюда. В конце концов посредине очередного похода по магазинам она вдруг решила, что пора положить конец неопределенности, и отправилась в контору к Брайану, намереваясь сказать ему, что если нанятые им сыщики до сих пор не смогли выяснить правды, то она намерена самостоятельно отправиться к Вандербильтам, где бы ни находились их конторы, и провести собственное расследование.

Секретарши Брайана на месте не оказалось, поэтому Джейд постучала в двери его личного кабинета. Не получив ответа, она нерешительно приоткрыла дверь и увидела Брайана сидящим за столом. Он был настолько погружен в бума-

ги, которые лежали перед ним, что даже не услышал, как она вошла.

Джейд негромко окликнула его:

– Брайан? Извини, если я тебе помешала...

Он медленно оторвался от бумаг и посмотрел на нее невидящим взором. Но уже в следующую секунду он резко встряхнул головой:

– Джейд! Извини, я не слышал, как ты вошла!

Он закрыл папку и жестом предложил ей сесть.

Его улыбка показалась ей натянутой, вымученной, и голос звучал как-то неестественно.

– Так ты решила осчастливить меня неожиданным визитом? Я могу отметить это приглашением на ленч?

Джейд сделала глубокий вдох, потом медленно выдохнула, пытаясь успокоиться.

– От твоих сыщиков, Брайан, нет никакой пользы. Я собираюсь отправиться к Вандербильтам и попробовать что-нибудь узнать сама.

Он поднялся с кресла и подошел к узкому окну, заложив руки за спину. Там он остановился и несколько секунд молча смотрел на раскинувшийся внизу город. Начал падать мягкий снег, покрывший все призрачным белым покрывалом, чуть мерцавшим в вечернем свете.

Джейд напряглась. Что-то было не так.

– Я пришла не вовремя? – встревоженно спросила она.

Брайан повернулся к ней. Он смотрел на нее так странно,

что она почувствовала, что вот-вот закричит от тревоги и недоумения. Наконец он очень серьезно проговорил:

– Тебе не нужно идти к Вандербильтам, Джейд.

Она непонимающе заморгала глазами. Когда до нее наконец начал доходить смысл этой фразы, он добавил, кивая в сторону закрытой папки:

– Это доклад сыскного агентства, в которое я обратился.

Голос его звучал так леденяще и страшно, что казалось, он доносится из склепа.

– Похоже, наши поиски подошли к концу.

Глава 17

У Джейд закружилась голова, и, покачнувшись, она ухватилась дрожащей рукой за спинку кожаного кресла, стоявшего перед письменным столом Брайана, чтобы не упасть. Его слова снова и снова звучали в ее ослепленном сознании:

«Наши поиски подошли к концу... к концу... к концу...»

Она пыталась заговорить, но из ее сведенного судорогой горла вырывались только тихие всхлипы. Ох, почему он так ее терзает? Почему заставляет переносить эту нестерпимую муку?

Почему не скажет, жив Колт или умер? Брайан был одним из самых добрых и чутких людей на свете – для него так нехарактерно сознательно заставлять других страдать! Так почему же он делает это? Дрожащими губами она пыталась выговорить хоть какие-то слова, которые заставили бы его прервать эту пытку. С усилием она протянула к нему дрожащую руку, словно нищенка, просящая милостыню, но Брайан ничего не замечал: он снова отвернулся к окну и смотрел на город.

Наконец он повернулся и встретил ее отчаянный взгляд.

Она увидела, что его глаза полны печали и грусти, разглядела там и другие чувства: беспокойство, страх, а также любовь и нежность, которые он питал к ней и в которых она никогда не сомневалась.

Брайан на секунду прикрыл глаза, словно для того, чтобы уйти от страшного мгновения истины, а потом произнес, не в силах скрыть сожаления:

– Он жив.

Джейд сама не знала, как ей удалось пройти вокруг кресла и упасть в него, прежде чем ноги окончательно отказались ее держать. Прижав руку к груди, она прошептала:

– Не могу поверить! О Боже, пусть это будет правда!..

– О, это правда, – отрывисто подтвердил Брайан. Он вернулся за стол, сел и мрачно кивнул в сторону папки:

– Я воспользовался услугами самого хорошего агентства, Джейд, – «Пинкертон». У меня нет оснований сомневаться в том, что они мне сообщили, и могу уверить тебя, что они сохраняли полную конфиденциальность. Колт ни о чем не подозревает.

Теперь Джейд уже совсем ничего не понимала. Что все это значило? И почему Брайан так таинствен? Ее совершенно не интересовали подробности – ей важно было только знать, что Колт жив. Теперь ей надо выяснить, где он, и поспешить к нему в объятия и больше никогда, никогда с ним не расставаться. Что же до ее отношений с Брайаном, то она словно оказалась рядом с совершенно чужим человеком. Пусть она знала о его глубокой и преданной любви к ней, пусть помнила о том, что много ночей провела в его объятиях, когда он умерял ее горе, облекая его в бархатную одежду страсти и желания. Эти воспоминания отошли на задний план перед

только что услышанной новостью...

Грезы одержали верх над кошмарами, потому что Колт, слава Всевышнему, оказался жив.

Внезапно Брайан резко тряхнул головой, словно отгоняя чувства, которые пытались умалить ответственность этой минуты. Еще секунду помолчав, он сказал:

— Джейд, прежде всего я хочу, чтобы ты знала: я намерен рассказать тебе все, что удалось узнать сыщикам агентства. Я не стану опускать ничего...

— Но это не имеет значения, — возразила она, отмахиваясь. — Мне важно только знать: Колт жив. — Она увидела, что Брайан нахмурился, и поспешила сказать слова утешения:

— Брайан, я знаю, что ты меня любишь, и у меня к тебе тоже есть особая любовь, но задумайся на секунду: что бы ты почувствовал, если бы вдруг обнаружил, что благодаря какому-то странному чуду Марни осталась жива! Тебе пришлось бы прогнать все твои чувства ко мне, правда ведь? Тебе пришлось бы постараться забыть всю страсть и все эмоции...

Неожиданно она замолчала, поняв, что Брайан смотрит на нее с нескрываемой жалостью.

Ощувив внезапный страх, она резко спросила:

— Что с тобой, Брайан? Почему ты так на меня смотришь? Он тяжело вздохнул и прижал кончики пальцев к вискам. Как это ни больно, ему придется сказать ей.

— Колт женат.

Джейд недоверчиво заморгала, а потом расхохоталась:

– Ах, Брайан, перестань надо мной подшучивать! Я понимаю, что тебе хотелось бы, чтобы все сложилось иначе, но, как я уже сказала, подумай о том, что бы ты почувствовал, если бы Марни...

– Марни мертва, – прервал он ее, а потом мрачно добавил.

– И Колта с тем же успехом можно считать мертвым.

Джейд отпрянула от него при этих словах, как будто почувствовала резкий удар. Леденящее чувство ужаса наполнило ее душу.

– Я не понимаю... Что ты хочешь мне сказать? Знаешь... – Тут у нее сорвался голос. – ..перестань меня мучить, Брайан, и скажи, где найти Колта. Я бы хотела увидеть его как можно скорее.

Ее глаза наполнились слезами радостного ожидания. Он жив... жив... А Брайан, несмотря на всю свою доброту, находится во власти разочарования и поэтому намеренно мучит ее. Это совершенно на него не похоже – и может быть, именно поэтому она сейчас ощущает этот жуткий, непонятный страх.

Внезапно потеряв над собой власть, Брайан с силой ударил кулаком по столу, так что Джейд испуганно вздрогнула: это было совсем не в его характере!

– К черту! – закричал он, и в его глазах вспыхнули досада и гнев. – Неужели ты думаешь, что я способен шутить в такую минуту? Я не собираюсь лицемерить и делать вид, что счастлив. Правда, мне было бы лучше, если бы они обнару-

жили, что он действительно погиб. Может быть, тогда ты похоронила бы свой призрак: я ведь прекрасно понимаю, что не завоюю твоего сердца, пока ты этого не сделаешь! – Помолчав секунду, он горько улыбнулся и добавил:

– Только этого не получилось, так ведь? Теперь призрак продолжает жить. А человек – нет.

Джейд в ужасе смотрела на него не в силах произнести ни слова. Она лишь ошеломленно следила глазами, как Брайан снова встал и повернулся к окну.

– Я знал, что, как только ты услышишь, что он жив, ты захочешь броситься к нему. Вот почему я ничего не говорил тебе, пока не узнал всех подробностей.

Джейд возмущенно выпрямилась:

– Ты хочешь сказать, что уже давно знал, что он жив?! И ничего мне не сказал?

Брайан повернулся и серьезно посмотрел на нее, заложив руки за спину.

– Да, – признал он без тени смущения. – И скажи спасибо, что я не дал тебе сделать глупость, потому что ты ринулась бы к нему только затем, чтобы получить настоящую пощечину: ты узнала бы, что он уже женат на другой.

Джейд снова решительно покачала головой:

– Этого не может быть. Конечно, он должен думать, что я погибла, но это случилось так недавно! Он не женился бы так скоро!

Брайан иронически приподнял бровь:

– Неужели? А что, если он встретил женщину, которую полюбил, несмотря на свое горе? – Он помолчал, а потом насмешливо добавил:

– Так, как, судя по твоим словам, ты полюбила меня? Что тогда? Будь честной перед собой, Джейд, и не лги мне. Если бы я сегодня сказал тебе, что у меня есть неопровержимые доказательства того, что Колт погиб, сколько времени ты выжидала бы, прежде чем согласиться стать моей женой?

Уверен, что не слишком много.

Он посмотрел на нее взглядом, полным страсти.

– Ах, Джейд, любимая моя, ты можешь лгать себе и мне словами, но когда я заключаю тебя в объятия и чувствую твою страсть... От этой истины, моя дорогая, никуда не уйти.

– Нечестно говорить об этих вещах сейчас, Брайан, – с укором бросила она.

Но он словно не слышал ее слов.

– Мы не признаем условностей, и ты это знаешь. Ты же не видишь на мне предписанного приличиями траура – даже нарукавной повязки. А когда ты покупала себе новый гардероб, ты не приобрела ни одного платья из черного бомбазина, полагающегося вдове! – не удержался он от саркастического укола.

Джейд не ответила на него, пытаясь объяснить и оправдать поступок Колта, хотя и понимала, что ее слова не убеждают даже ее саму.

– Если это правда, то он женился снова только потому, что

был настолько убит горем, что не понимал, что делает. Он считал меня погибшей, и...

– Но ты не можешь уйти от того, что он не пытался убедиться в твоей гибели, как это настойчиво хотела сделать ты.

– Ну, он...

Джейд замолчала под насмешливой улыбкой Брайана. Она понимала, что он не пытается сознательно причинить ей боль, что он тоже испытывает страшные душевные муки. Поэтому она не могла сомневаться в том, что в его словах заключалась правда.

Ее голова бессильно поникла – но только на секунду. Решительно подняв подбородок, сверкая изумрудными глазами, Джейд приготовилась к битве.

– Хорошо. Я тебе поверю. Ведь ты должен знать, что если солжешь мне, то рано или поздно я об этом узнаю и возненавижу тебя за ложь. Я уверена, что когда Колт услышит о том, что я жива, он немедленно попытается исправить положение. – Она торжествующе улыбнулась. – А теперь изволь сказать мне, где его можно найти. Или, мне надо нанять собственных сыщиков?

Она встала и потянулась за папкой, но Брайан поспешно выхватил ее у нее из рук:

– Нет! Ты только причинишь себе лишнюю боль – так же как и Колту и его новой... – Он помолчал, чтобы она почувствовала все значение этого последнего слова. – ..жене.

Щеки Джейд вспыхнули.

– Она ему не жена! Я его настоящая жена. И она не имеет права...

– А как насчет ребенка, которого она ждет? Ребенка Колта?

Это известие потрясло Джейд. Она беззвучно повторила последние слова, словно не могла вникнуть в их смысл.

– Это правда, – подтвердил Брайан, вставая из-за стола и подходя к ней. – Когда сыщики подали мне свой первый доклад – а им достаточно легко было узнать, что Колт жив-здоров, – то они Оказали, что, похоже, у негр и его жены должен родиться ребенок. Я велел им добыть точные сведения на этот счет, а до тех пор решил ничего тебе не говорить.

Он взял папку в руки.

– Я получил окончательный доклад за несколько минут до твоего прихода.

Взгляд Джейд был безнадежным, пустым. Она покачала головой, отказываясь верить услышанному: , – Нет... нет... это невозможно! Я не верю! Ведь прошло так мало времени. Колт не мог успеть жениться и уже ждать ребенка, если только...

Ее слова оборвались: она не нашла в себе сил продолжить свою мысль.

– Если только, – решительно договорил за нее Брайан, – они не поженились сразу же после того, как Колт приехал в Нью-Йорк!

Джейд с ужасом смотрела на него – хоть это и звучало же-

стоко, но могло быть единственным объяснением случившегося. Слезы, которые она больше не могла сдерживать, заструились по ее побелевшим как мел щекам.

Его сердце было преисполнено боли, ибо он понимал, как сильно она страдает. Он поднял ее с кресла, крепко обнял и прижал к своей груди. Уткнувшись подбородком в ее макушку, он прижался губами к ее шелковистым рыжим волосам.

– Я чувствую твою боль, – прошептал он. – Но поверь мне: я ее прогоню. Я приложу все свои силы, чтобы ты полюбила меня и забыла о его существовании!

Джейд резко вырвалась из его объятий и стала смотреть ему в лицо, словно хотела найти в нем подтверждение своим безумным надеждам. Она перестала плакать, в ней снова пробудилась решимость.

– Поклянись мне, Брайан, – сказала она угрожающим шепотом, – поклянись, что все, что ты сказал мне, – правда!

Он ответил мгновенно, задетый тем, что она могла усомниться в нем:

– Конечно! Каждое слово! Я же говорил тебе: сыскное агентство «Пинкертон» – лучшее. Они никогда не делают доклада, пока во всем не удостоверятся. – Секунду помолчав, он продолжил:

– Поверь мне: похоже на то, что Колт женился, не теряя времени. Сыщики сказали, что не могли найти адреса, по которому он остановился бы сразу же по приезде в Нью-Йорк,

не считая того, по которому он живет сейчас. А это значит...

– Это значит, – холодно прервала его Джейд, – что ОН женился на ком-то, с кем познакомился на корабле, потому что в Нью-Йорке у него не было знакомых женщин. Будь он проклят!

Она повернулась, давая выход яростному бессилию.

– Как он мог? – вскричала она. – Ни недели траура!

Ничего! Да он, наверное, женился еще на корабле!

Брайан неохотно произнес первые слова лжи:

– Нет, как мне сообщили, вскоре после приезда в Нью-Йорк.

Джейд прикусила нижнюю губу и сощурила глаза, погружившись в злобное раздумье.

– Как зовут его жену?

– Это имеет значение?

– Наверное, нет.

Он солгал во второй раз:

– В докладе этого нет. – Он снова протянул руки, чтобы обнять ее, но Джейд уклонилась. Его руки бессильно упали.

Пытаясь выразить взглядом все свое обожание, он взмолился:

– Джейд, тебе надо о нем забыть. У Колта теперь новая жена, у нее будет его ребенок. Забудь обо всем. Неужели ты не понимаешь, – он сжал ее плечи, несмотря на ее сопротивление, – что Колт жив, но ваша любовь умерла. Теперь тебе нет пути назад. – Он попытался воззвать к ее гордости:

– И разве ты захотела бы вернуться? Зная, что он не пожелал подождать хотя бы немного времени, чтобы соблюсти приличия? Как ни больно тебе это осознавать и как ни неприятно мне это говорить, но его любовь к тебе не могла быть глубокой, иначе он не действовал бы настолько поспешно. Он бы спрятал свое горе – так, как прятал его я. Господи, ведь, когда я нашел тебя, я плыл на мой остров, чтобы покончить с собой! Вот насколько сильно я был ранен смертью Марии. Подумай об этом, Джейд. Колт никогда не любил тебя по-настоящему. Он не мог любить тебя, раз он..

– Замолчи! – вскрикнула она, вырываясь из его рук и зажимая уши ладонями. – Замолчи! Я не хочу больше слушать!

В эту минуту в дверь постучали, и секретарша Брайана заглянула в кабинет, виновато сказав:

– Извините, что я прерываю вас, сэр, но мистер Дебнем пришел на назначенную ему встречу.

Брайан раздраженно сжал кулаки.

– Пусть ждет. Я занят.

Секретарша в нерешительности пролепетала:

– Но... но он говорит, что у него нет времени, потому что он завтра уезжает в Европу, а на сегодня у него назначено еще несколько встреч, и...

Брайан пришел в ярость:

– Черт возьми! Я же сказал, что не могу сегодня его принять!

Тут вмешалась Джейд:

– Извини. Я помешала тебе работать.

Она пробежала через кабинет и проскочила в дверь мимо ошеломленной секретарши.

Брайан кинулся следом за ней, крича, чтобы она остановилась, но неожиданно дорогу ему преградил очень рослый и очень злой мужчина, который резко заявил ему:

– Вы меня сегодня примете, Стивенс! Ваша компания допустила в моем деле крупный промах, и я требую, чтобы он был устранен немедленно, до моего отъезда.

Он втолкнул Брайана обратно в кабинет и громко захлопнул дверь.

Подхватив подол длинного бархатного платья, Джейд поспешно спустилась по узкой лестнице. Она остановилась в дверях, с трудом переводя дыхание, но задержалась только на секунду, чтобы покрепче завязать ленты на шляпке и плотнее закутаться в меховую накидку, чтобы уберечься от холода. Выйдя из солидного здания, где располагалась контора Брайана, она прошла к так называемому «Утюгу» – знаменитому месту в Нью-Йорке на пересечении Бродвея, Пятой авеню и Двадцать третьей улицы. Здесь, неподалеку от главных магазинов, всегда былолюдно, особенно в этот час, когда валил густой снег и люди спешили домой, в тепло и уют. Джейд не знала, куда идет, – сейчас ее это не интересовало. Снег не вызывал у нее беспокойства: она привыкла к высоким сугробам и яростным метелям России.

Она бесцельно шла по Пятой авеню. В голове у нее звенели слова: «Колт женат... женат... женат...» Они отдавались у нее в голове, словно удары похоронного марша. Боже, одна только мысль о том, что он спал с другой женщиной, любил ее, как свою жену, что у нее под сердцем его ребенок, сводила ее с ума.

Она чувствовала мучительную боль, словно ее душу резал раскаленный добела клинок.

Что она может предпринять?

И хочет ли она что-нибудь предпринимать?

Она не может пойти к Колту в надежде, что, узнав о том, что она жива, он оставит ту, другую, женщину – кто бы она ни была – и вернется к ней. Что-то мешало ей даже думать о таком: гордость? Эгоизм?

Тогда что же будет теперь?

Она может превратить пламя когда-то ярко пылавшей любви, которая для Колта оказалась всего лишь увлечением, в пепел скорби и ярости.

Если она сможет его возненавидеть, ей легче будет перенести гибель всех ее грез и надежд. Она твердо решила, что заставит себя возненавидеть Колта и те яркие и счастливые воспоминания, которые прежде она так лелеяла. Но как дальше будет складываться ее жизнь, ей было неизвестно.

Джейд твердо знала лишь одно: в Россию она не вернется. Ее будущее здесь, в Америке.

Сердце подсказывало ей, что в этом будущем большую

роль может сыграть Брайан. Хочет ли она этого? Пока она не могла дать окончательный ответ. Она испытала слишком сильное потрясение. Ей необходимо было время, чтобы как-то свыкнуться с тем, что произошло, и залечить сердечные раны.

Джейд приостановилась на углу: мимо пронесся пожарный экипаж. Лошади мчались галопом, земля дрожала. Бригадир с непокрытой головой наклонялся вперед, вытянув руки, крепко сжимающие вожжи. Позади него были длинные фургоны с лестницами, за которые держались пожарники. Их куртки развевались на ледяном ветру. За ними, чуть дальше, бежала толпа мальчишек, которые старались поспеть за пожарной командой, втайне мечтая, что наступит день, когда они тоже окажутся в числе храбрецов, разъезжающих на пожарных фургонах.

Джейд пересекла улицу, рассеянно заметив, что начинает темнеть. Но ее ничуть не волновало то, что за серыми облаками со снегом на город скоро опустится ночь. Если бы она не поменяла свои планы, то встретила бы с Брайаном в его конторе позже, после закрытия магазинов. Тогда они взяли бы кучера до его клуба неподалеку от Центрального парка, где они собирались пообедать, прежде чем возвратиться домой на позднем поезде. Теперь Джейд жалела, что идет снег: ей хотелось бы взять кучера и бесцельно ездить по Пятой авеню, пытаясь справиться со своим смятением. Стоимость экипажа была до смешного мала: пятьдесят центов за два-

дцать кварталов. Но погода все портилась, и Джейд подумала, что ей надо укрыться от снега и холода.

Наверное, ей не следовало так поспешно убежать из конторы Брайана. В конце концов, он ведь был ее единственным другом здесь, в Америке, и помог ей тогда, когда она так нуждалась в человеческом тепле и помощи! Господи, да что бы с ней стало, если бы не он? Ей было страшно даже подумать об этом. Он не просто спас ей жизнь, когда чудом нашел ее дрейфующей в океане, он вернул ее жизни смысл!

Эти мысли пробудили в ней теплые, полные благодарности воспоминания – и ей вдруг захотелось, чтобы он оказался рядом, протянул бы ей руку, за которую она могла бы ухватиться как за спасительную соломинку в водовороте своей жизни.

И внезапно ее желание исполнилось: Брайан оказался рядом.

Джейд почувствовала, как он решительно сжал ее руку, и, обернувшись, встретила с его встревоженными голубыми глазами.

– Никогда больше не смей так убегать, – сказал он, и в его голосе прозвучали одновременно облегчение и негодование. – Я носился по городу как безумный, пытаюсь тебя найти.

Она благодарно стиснула ему руку и почувствовала прилив раскаяния из-за того, что заставила его так сильно волноваться.

– Извини.

Улыбка у нее получилась печальной, но она зародилась в глубине ее души, там, где привязанность к нему пыталась пробиться сквозь пепел ее любви к Колту.

– Мне просто надо было побыть одной и обо всем подумывать. Я пережила настоящее потрясение, Брайан.

Он сразу же стал нежным, заботливым:

– Ну конечно! Видит Бог, как мне не хотелось говорить тебе об этом, но я не мог скрывать от тебя такое. Мы оба знали, что между нами стоит призрак, но... – Он замолчал и, виновато улыбаясь, откровенно признался:

– Сказать по правде, я хотел бы, чтобы нам сообщили, что он умер.

Джейд долго смотрела на него, словно обдумывая его откровенное признание, и в конце концов кивнула.

– Именно это нам и сообщили, Брайан, – прошептала она. – Для меня Колт действительно умер.

Он поднял брови, не скрывая вспыхнувшей в нем надежды:

– Ты постараешься его забыть?

– У меня нет выбора, – подтвердила она, пожимая плечами. – Я не собираюсь бежать туда, где он живет, и унижать себя. Наверное, он и не бросил бы ради меня свою жену и ребенка – и, честно говоря, мне не хотелось бы, чтобы он их бросил. Совершенно ясно, – с горечью прибавила она, – что его чувство ко мне не было по-настоящему сильным.

Несмотря на ее печаль, Брайан не сдержал радостного возгласа. Он стиснул ее в объятиях:

– Ты даже не представляешь себе, как ты осчастливила меня этими словами! – Он отпустил ее, чтобы остановить проезжавшего кучера. – Поехали. До того как все это началось, я приготовил тебе сюрприз, и сейчас пришло время его показать!

Он отказался отвечать на ее вопросы, приказав кучеру ехать на Риверсайд-драйв, и не стал обращать внимания на ее уверения, что ей не до визитов.

– Ты будешь в восторге, – таинственно уверял он ее. – Успокойся и смотри внимательно.

В конце концов экипаж остановился перед большими и потрясающе красивыми чугунными узорчатыми воротами. За ними, в конце подъездной аллеи, вымощенной булыжником, оказался огромный двухэтажный дом, построенный из грубо отесанного камня. Даже с улицы Джейд была поражена великолепными парадными дверями, украшенными стеклянными вставками – непременной принадлежностью богатых домов Нью-Йорка. Несмотря на мучительное горе, она не удержалась от вопроса:

– Кто здесь живет?

Брайан широко улыбнулся, красивым жестом открыл дверцу экипажа и гордо объявил:

– Здесь живешь ты, дорогая! Добро пожаловать домой!

Джейд ошеломленно заморгала глазами, глядя, как Брай-

ан расплачивается с кучером. Тут огромные парадные двери открылись, словно ее с Брайаном уже ожидали, и навстречу им с уважительными приветствиями вышли домоправительница в белом и дворецкий в черном.

Наслаждаясь произведенным впечатлением, Брайан подал Джейд руку. Та машинально оперлась на нее, и они неспешно двинулись к дому.

– Я купил этот дом, потому что мне показалось, что тебе хотелось бы иметь собственный, где не было бы воспоминаний о Марни, – ласково объяснил Брайан. – А еще я подумал, что тебе понравится жить в городе, в центре событий. В Гудзон-Вэлли ездить слишком долго.

Джейд была потрясена: еще не входя в дом, она была уверена в том, что он окажется великолепным, в нем будет все, что только можно купить за деньги. Глядя на Брайана с благодарным удивлением, она спросила:

– Но почему?

Он поцеловал кончик ее носа и улыбнулся:

– Потому что это первый шаг к исполнению моего обещания, принцесса. Я же обещал сделать так, что ты полюбишь меня настолько сильно, что забудешь о Колте Колтрейне.

Она зажмурилась под наплывом мучительных мыслей, но быстро открыла глаза и, сверкнув ими, лукаво объявила:

– Ну, мистер Стивенс, даже если у тебя это не получится, то по крайней мере твои попытки доставят нам обоим удовольствие.

Он с радостью принял ее шутку. На его лице отразились любовь и желание, и чуть хриплым голосом он ответил:

– О, но у меня это получится, дорогая. Можешь не сомневаться.

Они осмотрели дом: огромный зал для приемов, две гостиные на первом этаже, библиотека, столовая, бальная зала, кухня, кладовые, застекленная веранда... Потом они поднялись по изогнутой лестнице красного дерева, которая заканчивалась широкой площадкой, откуда можно было попасть в три отдельных крыла дома. В каждом крыле были собственные кладовые, так что гости могли завтракать или пить чай у себя в комнатах, где были к тому же небольшие музыкальные салоны и комнаты для чтения.

В крыле, смотревшем на реку, в самом конце коридора оказалось две спальни – большие, просторные, соединявшиеся через гостиную, в которой внимание сразу же притягивал огромный каменный камин.

– Это будут наши комнаты, – торжественно объявил Брайан, когда они остановились в середине гостиной, держась за руки. Он повернулся, одарив Джейд горящим взглядом. – Но обе спальни нам не понадобятся, дорогая, – прошептал он. – Одной хватит. Я ни одной ночи не хочу провести без тебя!

Джейд попыталась было высвободиться из его рук – она не была готова к его ласкам, но Брайан еще сильнее прижал ее к себе.

– Черт побери, Джейд, прекрати убегать от реальности! –

приказал он. – Признайся, что ты меня любишь! Скажи мне это!

Ее голова бессильно запрокинулась под натиском его жадных, дразнящих поцелуев.

– Не могу! – с трудом выдохнула Джейд. – Не так, как тебе хотелось бы!

Она попыталась отрицательно покачать головой, чтобы усилить смысл своих слов, но он поднял руку и словно тисками сжал ее шею.

– Подумай о тех часах, которые мы провели в объятиях друг друга. – Его губы касались ее виска. – Вспомни, как нам было хорошо!.. Как обнаженная плоть загоралась от плоти, как каждый нерв в нашем теле пылал желанием! Ты не похожа ни на одну женщину на свете! Ты даешь мне все, что только можно пожелать: на людях ты дарственная принцесса, в моей постели – бесстыдная девка...

– Брайан, нет... – Она пыталась вырваться: его слова, его поцелуи, его теплое дыхание на ее теле – все это вызывало знакомый прилив чувства... чувства, которому она в эту минуту не хотела уступать. Слишком много мучительных переживаний испытала она только что... – Отпусти меня, пожалуйста...

Он рассмеялся, коротко, почти безумно, и повторил за ней:

– Отпустить тебя? Никогда, Джейд! Неужели ты этого не понимаешь?

Брайан вдруг стал серьезен, глаза его сузились в злые щелки, пальцы, лежавшие на ее шее, угрожающе сжались. Дрожащим от переполнявших его чувств голосом он поклялся:

– Теперь, когда я тебя нашел и полюбил больше жизни, я убью любого, кто попытается отнять тебя у меня.

– Брайан, мне больно! – вскрикнула Джейд, испугавшись. Она еще никогда не видела его таким непреклонным, таким властным. А в его холодных глазах сверкало злобное торжество... Это было поистине пугающее зрелище.

Брайан сразу же разжал руки, и выражение его лица изменилось.

– Прости, Джейд! Ты заставляешь меня делать странные вещи. Когда мне кажется, что я могу тебя потерять...

Джейд подумала, что Брайан ей по-настоящему дорог. И то, что он сказал, было правдой: они действительно делили чудесные, волшебные часы страсти. Он, несомненно, был таким же превосходным любовником, как и Колт, и дарил ей массу наслаждения. Ей вдруг стало страшно: что она будет делать, если он вдруг уйдет из ее жизни? Она станет абсолютно одинокой – но не эта мысль наполнила ее такой печалью. Она женщина самостоятельная, сильная, она сможет справиться... Но мысль о том, что Брайан не будет делить с ней ее надежды, мечты и – да, печаль, которую иногда приносит жизнь... Нет, об этом ей даже думать не хотелось!

– Ты станешь моей женой, Джейд?

Она задумчиво посмотрела на Брайана. От его присут-

ствия у нее теплело на сердце.

– Если я хоть немного тебе дорог, мне этого достаточно. – Он ласково встряхнул ее за плечи. – Похорони этот чертов призрак, Джейд, пока он навсегда не разрушил все наши надежды на счастье!

Она закрыла глаза и чуть пошатнулась, потрясенная удивительной минутой. Ей вдруг стало понятно, что если бы она вместо Колта встретила Брайана, то он стал бы средоточием всех ее грез о любви и счастье. Она не сомневалась в том, что в нем воплощалось все, чего только можно искать в мужчине.

Тогда почему же ей не уступить внезапному желанию ответить на его любовь? Зачем сдерживать себя?

Джейд вздохнула и улыбнулась ему. Все тело дрожало от переполнявших ее чувств, которые она собиралась облечь в слова.

– Да, Брайан, я стану твоей женой. Только не торопи меня, дай мне время подумать, привыкнуть к этой мысли... – Сделав короткую паузу, она со смехом добавила:

– ..и обставить этот огромный и великолепный дом так, чтобы он стал еще более внушительным и великолепным!

– О, конечно! – воскликнул он и, подхватив ее на руки, радостно закружил. – Ты получишь это – и все, что только пожелаешь. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной в мире, клянусь тебе в этом!

Брайан осторожно поставил ее на пол и посмотрел на нее

глазами, полными благоговения и восторга. Его поцелуй обещал многое. И Джейд ответила со всей страстью и решимостью.

Она сказала себе, что призрак прошлого похоронен навсегда, но в то же время в ее сердце словно впивались тысячи колючек. Несмотря на крепкие объятия Брайана и жаркое прикосновение его губ, перед ней по-прежнему стояло лицо Колта... Оно осталось в тайниках ее грез.

Глава 18

С первого взгляда могло показаться, что Джейд выдержала жестокий, болезненный удар, который нанесла ей судьба. Однако в ее душе шла мучительная борьба между чувством и долгом.

Брайан не мог понять ее нежелания назначить день свадьбы.

Она просила, чтобы он дал ей время, которое необходимо для того, чтобы справиться с тысячью противоречивых эмоций, терзавших ее. В ответ он возражал, что, не желая обращаться к будущему, она просто оттягивает окончательное расставание с прошлым.

Джейд сомневалась в законности нового брака, на что Брайан возражал, что никто не узнает о ее предыдущем браке. В конце концов, церемония ведь произошла в другой стране. Она не пользуется своим именем по мужу, а представлена всем как мисс Джейд О'Бэннон. Все считают, что она приехала в Америку прямо из Ирландии, что она дальняя родственница его первой жены. Он уверял ее, что им не о чем беспокоиться, и открыто предложил:

– Никто не узнает, что ты когда-то встречалась с Колтом Колтрейном и была его женой.

Джейд молча согласилась с этим, но в то же время понимала, что никогда не сможет полностью забыть свою первую

любовь.

Они пришли к решению, что Брайан по-прежнему будет представлять ее всем как дальнюю родственницу Марии, чтобы никто не удивлялся тому, что они так много времени проводят вместе, и чтобы, когда они в конце концов поженились, окружающие не изумлялись бы.

Джейд справилась с ударом, который нанес ей Колт, убедив себя в том, что прошлое было всего лишь ярким сном. Воспоминания – и хорошие, и дурные – приносили только муку, поэтому всякий раз, когда у нее начинало ныть сердце, она приказывала себе не думать о происшедшем, а думать только о своей нынешней жизни и о своем будущем... и о человеке, который прилагает столько усилий к тому, чтобы сделать ее счастливой.

Хотя Джейд не хотелось строить определенные планы, они решили, что, когда день будет наконец назначен, церемония пройдет тихо, без всякой помпы. Обоим нравился американский обычай объявлять о заключении брака очень коротко, обращая больше внимания на положение мужа, а не жены.

– Нужно во всем соблюсти правила хорошего тона, – напомнил ей как-то Брайан. – В конце концов, найдутся люди, которые скажут, что я слишком поспешил жениться во второй раз. Но, – саркастически добавил он, – велика вероятность, что все вообще забудут о том, что я был женат, если ты и дальше будешь так тянуть.

Джейд привыкла к тому, что Брайан иногда говорил до-

вольню едко: она считала, что для него это только способ заставить ее прислушаться к нему. Как всегда, она не отреагировала на это и перевела разговор на другую тему – на этот раз на тему их финансов.

Она знала, что среди людей их круга было неслыханным делом, чтобы у женщины было состояние, отдельное от мужа.

Однако она считала это вполне справедливым, и хотела, чтобы было заранее договорено: когда они все-таки поженятся, она сохранит свою финансовую независимость. Брайан был на это согласен. Он даже вызвался подобрать для нее различные способы вложения денег, чтобы у нее был выбор из нескольких вариантов. Он считал не правильным, чтобы такая крупная сумма просто оставалась бы лежать в банке.

Зная перспективы их взаимоотношений и решив, что они поженятся (по словам Джейд, «когда настанет подходящий момент»), она всю свою энергию посвятила переезду в новый дом.

Это было делом утомительным и хлопотным, поскольку она была намерена делать все покупки самостоятельно. Брайан уговаривал ее нанять специалиста по интерьерам, но она отказалась под тем предлогом, что ей хочется заниматься этим самой: это поможет ей окончательно избавиться от призраков прошлого. После такой постановки вопроса Брайан возражать уже не мог.

Ради сохранения приличий было решено, что она будет

жить в отеле, пока дом не приведен в порядок, и подыщет себе женщину, которая будет ей одновременно секретаршей, компаньонкой и дуэньей. Выбранная для этого молодая женщина. Лита Тулейн, приехала вместе со своими родными из Франции. У нее был небольшой опыт подобной работы, и она казалась хорошо воспитанной и умной молодой особой.

Они с Джейд сразу поладили. Лита всегда была рада сопровождать Джейд в ее почти ежедневных походах по магазинам.

Джейд игнорировала популярный район с модными магазинами от Восьмой до Двадцать третьей улицы на Бродвее. Вместо этого она стала завсегдатаем магазинов и лавок в районе между Шестой авеню и Тридцать четвертой улицей. Там она нашла прекрасный выбор импортной мебели, антикварных вещей, безделушек, произведений живописи и декоративных мелочей.

Расходы ее не пугали. Джейд даже не трудилась узнавать цены. Мрамор, позолота, хрусталь, картины, скульптуры.

Она подозревала, что чрезмерно увлечена роскошью, но ее это не останавливало. Она была полна решимости иметь один из самых великолепных домов в Нью-Йорке – а может, и самый великолепный.

Лита была родом из обедневшей семьи и ужасалась такому транжирству. В тот день когда Джейд купила четыре хрустальные люстры с четырьмя светильниками, рассчитанными на электрические лампочки, Лита осмелилась посмотреть

на ценники и была настолько потрясена, что попятилась и чуть было не налетела на бюст тосканского мрамора, изображавший Иоанна Крестителя в младенческом возрасте. Бюст стоил в четыре раза дороже люстр, и он свалился бы на пол, если бы Джейд не успела вовремя поймать Литу за руку и задержать ее отступление.

– Простите меня! – начала извиняться Лита. – Я привыкла жить очень экономно, и у меня просто голова кругом идет от ваших трат!

Джейд уверила Литу, что ей незачем оправдываться, и постаралась объяснить ей свое отношение к деньгам:

– Видите ли, Лита, я росла в богатой семье и привыкла иметь все, что мне хочется. Но я не поэтому трачу столько денег на обстановку моего дома. Мне трудно вам объяснить, но дело в том, что я поняла: материальные блага не делают человека счастливее. Именно поэтому мне не жалко транжирить деньги. Они больше меня не волнуют.

Лита посмотрела на Джейд как-то странно, но кивнула в знак того, что понимает, хоть Джейд и видела, что на самом деле ее компаньонка ничего не поняла. Однако она не считала нужным объясняться дальше. Да и как она могла бы объяснить свое отношение к жизни? Как она могла сказать, что когда ты теряешь нечто такое, что нельзя купить ни за какие деньги – и заменить тоже нельзя – или когда это нечто у тебя отнимают...

Так вот когда это происходит, деньги теряют свою значи-

мость.

Впрочем, когда страдаешь, почти все теряет смысл.

Да, несмотря на все попытки Джейд убежать от воспоминаний, они по-прежнему преследовали ее, особенно по ночам, в ее снах, когда Джейд была бессильна бороться с ними. Во время бодрствования она научилась управлять своими мыслями, но сон делал ее беззащитной перед призраком, который жил в ее сердце.

Она так сильно дорожила Брайаном отчасти именно потому, что он очень чутко улавливал все ее настроения. Очень часто она чувствовала, что снова горюет, – только теперь она оплакивала не смерть мужа, а гибель грез, которую, возможно, перенести было еще труднее.

К счастью для нее, жизнь ее вдруг стала настолько полна забот, что у нее почти не оставалось времени на то, чтобы задерживаться на своих страданиях. И конечно, рядом был Брайан: казалось, с каждым днем она любила его все сильнее. Он во многом очень походил на Колта – и в то же время был самобытной личностью. Его манеры были безупречны, мысли оригинальны. Жизнь Нью-Йорка была полна событий, она увлекала и требовала немалых усилий. Брайан убедил Джейд сопровождать его на различные «серьезные» мероприятия (например, на благотворительные вечера), где его присутствие не рассматривалось как неуважение к памяти жены, и Джейд начала получать приглашения на различные приемы. Поначалу она старалась избегать многолюдных

собраний, но когда ей стали наносить визиты дамы из общества, она вдруг обнаружила, что ей нравится роль хозяйки дома, принимающей гостей.

Брайан был в восторге от того, что Джейд пользуется популярностью, и преподнес ей роскошный серебряный поднос. Он объяснил, что его следует поставить на комод в мавританском стиле, находившийся в небольшой прихожей ее номера в отеле.

– Визитные карточки твоих гостей все накапливаются, а хранить их положено именно так.

Джейд несколько секунд недоумевающе смотрела на него, а потом спросила:

– Но зачем мне их хранить? Я велела Лите их выбросить, только она все забывает это сделать.

– Думаю, дело не в забывчивости. Она раньше уже работала в богатых семьях и, несомненно, знает, что карточки положено класть на поднос и оставлять на виду, чтобы остальные могли их видеть. Это – свидетельство того, насколько тебя знают и уважают в обществе.

Джейд хотела было сказать ему, что ей до этого нет дела, но вовремя остановилась и, поблагодарив Брайана за подарок, призналась, что находит многие местные обычаи достаточно нелепыми.

– Я это знаю, – посочувствовал он ей, – и с тобой согласен, но, нравится тебе это или нет, мы составляем часть этого общества: я – по рождению, ты – по обстоятельствам.

Честно говоря, я горжусь тем, что всем влиятельным дамам ты так понравилась. Это значит, что, когда мы поженимся, нас будут приглашать на все важные приемы. И я уверен, что ты станешь хозяйкой одного из самых известных домов Нью-Йорка.

Но на Джейд это все равно не произвело впечатления.

– Но разве в этом есть необходимость? В России я была членом императорского двора, но с большим удовольствием проводила время в обществе друзей, которые к нему не принадлежали.

Он посмеялся над ее наивностью.

– Так то было в России, милая моя Джейд! А это Нью-Йорк. И уверяю тебя: признание общества здесь просто необходимо для счастья.

Джейд не согласилась с ним, но промолчала.

Как-то вечером Брайан поднялся в номер Джейд, чтобы отвести ее пообедать, и пришел в восторг при виде приглашения от миссис Аристы Астор Каммингс на «вечеринку с вафлями» в ее доме, выходящем на Центральный парк. Размахивая карточкой с золотым обрезом и радостно сверкая глазами, он воскликнул:

– Просто не верю своим глазам! Ты хоть знаешь, сколько человек мечтают получить приглашение к ней в дом? Я даже не подозревал, что ты с ней знакома. Когда ты успела с ней встретиться?

Джейд секунду подумала, потом порылась в горке визит-

ных карточек на серебряном подносе. В конце концов, достав одну, она небрежно заметила:

– Кажется, это было две недели назад. Она была здесь в обществе двух дам. – Ее брови чуть сдвинулись. – Я, это помню, потому что мы с Литой собирались идти в магазины, и Лита вошла сказать, что ко мне пришли гости. Я просила ее передать мои сожаления и попросить их прийти в другое время, потому что у меня на этот день были планы, но она пришла в ужас и сказала, что так поступать неприлично!

Брайан, поспешил встать на защиту Литы:

– Дамы приезжают с визитом без приглашения и не предупреждая об этом заранее, Джейд! Таков обычай в городе. И хорошая хозяйка дома всегда готова их принять. Слава Богу, что Лита это знала!

Джейд в ужасе уставилась на него:

– Господи! Но не могу же я каждую минуту угощать всех чаем и сдобой? Итак, когда они явились, мне пришлось отправить Литу вниз, в ресторан, и попросить доставить поднос угощением!

Он посмотрел на нее с явным укором:

– Ну, больше тебе не придется этого делать. Я распоряжусь, чтобы тебе завтра же утром доставили чайный сервиз, и договорюсь, чтобы в ресторане всегда было готово все, что тебе может понадобиться: чай, кофе, сливки, выпечка...

– Брайан, право... – запротестовала она, но он отмахнулся от ее возражений.

Тогда Джейд сказала, что не понимает, почему его так обрадовало приглашение к миссис Каммингс, а потом с надеждой спросила:

– Это значит, что ты пойдешь со мной? Это ведь не благодетельное мероприятие, а мы пока появлялись только на таких.

– Что касается меня, то мое время траура истекло, – твердо заявил он. – Прошел уже почти год... это достаточный срок. Мне пора подумать об устройстве своей личной жизни. – Озорно подмигнув ей, он добавил:

– И потом, я же не могу позволить, чтобы дальняя родственница моей покойной жены разгуливала по Нью-Йорку без сопровождения, правильно?

– Конечно, не можешь» – с улыбкой согласилась она, а потом попросила:

– Расскажи мне, что такое «вечеринка с вафлями».

Он объяснил, что это именно то, о чем говорится в названии. Подают особую сладкую выпечку, которую готовят в специальных сковородках и поливают фруктовым или шоколадным соусом. А потом играют во всякие игры вроде шар-рад.

По правде говоря, Джейд предпочитала более спокойные развлечения или уютные обеды в небольшой компании остроумных собеседников. К великой своей досаде, она быстро убедилась в том, что в моде большие и замысловатые обеды, где число приглашенных достигало чуть ли не сотни. Она

решила, что, когда придет время ей самой давать обеды, она наймет какую-нибудь фирму, которая специализируется на этом. Правда, Брайан как-то сказал, что, когда они переедут в новый особняк, ей надо будет нанять десять человек прислуги, а возможно, и того больше: чтобы обслуживать такой огромный дом.

Услышав рассказ Брайана о вечерах у миссис Каммингс, она зевнула для вящей выразительности и сказала:

– Звучит ужасно скучно. А почему людям хочется на них бывать?

– Потому что быть приглашенными – это честь. Она – аристократка. Занимает видное место в обществе. Она из семьи Асторов, а в Нью-Йорке знакомство с ними открывает все двери. Она может устроить такой вечер, какой ей только вздумается, и люди на него придут. Не важно, что «вечеринки с вафлями» вышли из моды еще в середине века. Ей все сойдет с рук. По правде говоря, – добавил он с иронией, – по моему, она их устраивает для того, чтобы выставить напоказ чуть ли не дюжину странных столов для вафель из красного дерева: она получила их в наследство от самого Джона Джейкоба Астора.

– Ну, мне все устройство нью-йоркского общества кажется ужасно сложным, – со вздохом сказала Джейд. – Чем больше у человека денег, тем большим уважением он пользуется. Как миссис Каммингс. Раз она богата, все хотят бывать у нее в доме, хотя знают заранее, что будут умирать от скуки. –

Рассмеявшись, она добавила:

– А я-то считала, что тон в общественной жизни должны задавать европейские монаршие семьи! А получается, что в Европе правят аристократы, а здесь – плутократы!

– Это не совсем верно, Джейд, – возразил Брайан. – На самом деле устройство общества в Нью-Йорке – вопрос довольно сложный. Уж мне ли не знать! – с иронией добавил он. – По-моему, моя мать всю жизнь его изучала. После Гражданской войны сюда стали приезжать люди со всех концов страны. Наживались огромные состояния, и неожиданно тон в обществе начали задавать те люди, которые только недавно разбогатели. До тех пор все было очень консервативно и существовали неписанные законы относительно того, что считать позволительным, а что нет.

Джейд заморожено слушала рассказ Брайана о том, как изумлены были прежние столпы общества поведением новых богатых. Нувориши из всех штатов и самого разного происхождения переехали в Нью-Йорк и стали задавать тон в общественной жизни, вводя в моду роскошь и богатство и перевернув все существовавшие представления о том, что хорошо и что плохо.

До того времени считалось верхом вульгарности сорить деньгами и стремиться произвести впечатление на окружающих, вызывая их зависть. Тогда во всех домах царило радушное гостеприимство, а хозяев дома ценили за ум и образованность, а не за размер банковских счетов. Но все это резко из-

менилось. Знания, образованность, хорошее воспитание перестали быть необходимыми условиями лидерства среди богатей: самыми популярными стали те хозяйки домов, которые тратили на прием гостей больше денег. Нувориши Нью-Йорка были рады это делать, поскольку единственное, чем они могли похвастаться, – это деньги. У них не было ни хорошего происхождения, ни семейных традиций...

Когда Брайан закончил рассказ, Джейд продолжала сидеть молча, задумавшись.

– Что случилось? – спросил он ее. – Мы можем войти в высшее общество. Нас примут все влиятельные семейства Нью-Йорка, и люди будут добиваться приглашений на наши приемы.

Почему у тебя такой несчастный вид?

Джейд пожалала плечами, она думала сейчас о другом. В конце концов, ее неохотно терпели аристократические родственники – Романовы, так что, наверное, ей следовало бы привыкнуть к тому, что никого не интересуют она сама, ее сердце и мысли.

Пытаясь не показать обиды, она сказала:

– Миссис Каммингс пригласила меня только потому, что узнала о том, что я училась в России.

– Ну, и что из этого? – нетерпеливо осведомился Брайан.

Она невесело засмеялась:

– Для нее русское происхождение означает умение танцевать вальс. Видишь ли, – поспешно добавила она, – я вспом-

нила, что она спросила, умею ли я вальсировать, а когда я ответила, что, конечно же, умею, она вдруг очень мной заинтересовалась и рассказала, как некий молодой русский при представительстве России в Вашингтоне показал некоторым дамам Нью-Йорка вальс, и теперь он стал самым модным танцем, заменив чинный менуэт.

Она наверняка устроила этот вечер не только для того, чтобы продемонстрировать асторовские столы для вафель из красного дерева, но в еще большей степени для того, чтобы заставить меня учить ее чопорных приятельниц новому танцу, который завоевал страну.

– А ты можешь это сделать? – спросил он с некоторым вызовом в голосе.

Она смирила его презрительным взглядом:

– Еще бы! В Европе нет таких танцев, которые я не танцевала бы!

Его улыбка превратилась в усмешку.

– Тогда почему ты хочешь открыть школу только для обучения балету? Продемонстрируй свои таланты на вечеринке у миссис Каммингс, и все дамы будут стекаться к тебе, чтобы ты научила их вальсу и всем остальным танцам, которые ты знаешь!

Джейд задумчиво прищурилась. Идея Брайана понравилась ей. Обвив руками его шею, она с радостной благодарностью обняла его:

– Ах, Брайан, какая удачная мысль! Я тебя просто обо-

жаю!

Он нежно разжал руки Джейд, чтобы самому заключить ее в объятия, и глухо прошептал:

– У тебя еще будет много поводов для обожания меня, поверь, принцесса! И один из них я хочу продемонстрировать тебе сию минуту.

Джейд не сопротивлялась, когда он подхватил ее на руки и унес из гостиной в спальню.

Глава 19

Собираясь к миссис Каммингс, Джейд надела свое любимое платье из зеленого и белого французского атласа, фасон которого придумала сама. Сшила его чудесная портниха, которую Джейд обнаружила в крошечной мастерской на Пятой авеню. Скромный вырез платья был отделан ручным бельгийским кружевом, а верхняя часть лифа из полупрозрачного шифона расшита мелкими жемчужинами в обрамлении зеленых вышитых лепестков. Талия была узкой – и Джейд очень гордилась тем, что ей нет нужды надевать тугой корсет из китового уса. Поясом служила широкая лента зеленого бархата, завязанная сзади большим бантом, концы которого доходили до самого пола. Юбка, на которую ушло двадцать ярдов материи, спускалась несколькими ярусами разных оттенков зеленого цвета, причем каждый был отделан тем же драгоценным кружевом, что и вырез лифа.

Волосы она уложила в пышную прическу с падавшими вдоль лица локонами. Ей нравились прически, выполненные по последней моде, но она считала их недостаточно нарядными для вечерних туалетов, поэтому переплела свои золотисто-рыжие пряди жемчужной лентой.

Брайан, надевший темно-синий фрак, белые брюки и блестящие ботинки на пуговицах, при виде Джейд пришел в бурный восторг:

– Ты прекрасна, Джейд! Господи, ты и правда настоящая принцесса. – Он поцеловал ее руку и немного огорченно добавил:

– Жаль, что мы не можем всем рассказать, кто ты на самом деле: Романова, прямо от императорского двора русского царя! Может быть, после того как мы поженимся, мы это сделаем.

Атмосфера радости, окружавшая Джейда подобно сиянию, мгновенно испарилась. Брайан все чаще и чаще говорил подобные вещи, и это начало ее раздражать.

– С какой стати нам об этом рассказывать? – спросила она, и в ее голосе прозвучало раздражение. – Ты сам говорил, что я всем понравилась, а это значит, что я нравлюсь всем независимо от своего происхождения и состояния. Давай так все и оставим.

Глаза Брайана потемнели, и в его голосе послышалось напряжение.

– В чем дело, Джейд? Такая чувствительность для тебя нехарактерна.

Джейд отвернулась от него к зеркалу, рассеянно поправляя кружево платья.

– Не знаю. Может, я начинаю уставать от того, что все время стараюсь произвести на кого-то впечатление. Я хочу быть собой, такой, какая я на самом деле, не притворяться и не делать того, чего мне делать не хочется, только потому, что так... – Она помолчала, состроила ему в зеркале рожицу и

договорила:

– ..так принято!

Он ответил недоверчиво-возмущенным взглядом, – Ох, Бога ради! Получить приглашение к миссис Каммингс – это большая честь. Ты хочешь сказать, что тебе не хочется к ней идти? У меня такое чувство, что в последнее время единственное, что тебе хочется делать, – это заниматься благоустройством дома, а для дамы это недопустимо!

– Что? – Потрясенная услышанным, она резко обернулась к нему:

– Что ты сказал? Недопустимо? Заниматься собственным домом?

Он запальчиво ответил:

– Выбрать стиль убранства – да, конечно. Но Лита сказала мне, что вчера ты по-настоящему работала: клеила обои!

Господи! – Он с отвращением вздохнул и холодно-обвиняюще бросил:

– Она сказала, что ты надела мужскую одежду!

Тут Джейд взорвалась:

– Вот что я тебе скажу, Брайан Стивенс! Во-первых, я не обязана оправдываться в том, что делаю: ни перед тобой, ни еще перед кем-то! И попрошу Литу прекратить ябедничать, иначе, Бог свидетель, ей придется искать себе новое место!

Брайан изумленно уставился на нее: он еще никогда не видел ее настолько разгневанной.

– Да, черт подери, я действительно работала в моем до-

ме! – возмущенно заявила она. – Я показала мастеру, как надо расположить узор обоев в алькове, потому что я хотела добиться там особого эффекта. И для этого я одолжила у его помощника комбинезон! И знаешь что, Брайан? – В зеленых глазах Джейд горели красные и золотые искры ярости. – Мне этот комбинезон понравился. Этим утром я пошла в магазин мужского платья и заказала несколько пар! И я буду работать в доме всякий раз, когда мне это заблагорассудится! Вот так!

Она вызывающе посмотрела на него, уперев руки в бока и расставив ноги, словно готовилась вступить в бой.

На секунду изумленный Брайан потерял дар речи; а потом, немного опомнившись, презрительно кивнул головой:

– Наверное, нам следует сегодня просто остаться дома. Я не уверен, что тебя можно в таком настроении брать в гости.

– Меня! В таком настроении!!! – эхом откликнулась она, заикаясь от злости. – А как насчет твоего настроения? И кто ты, по-твоему, такой, чтобы говорить, можно меня брать в гости или нельзя? Это меня пригласили на вечеринку. А не тебя. И только потому, что я не желаю, чтобы ты выставлял меня напоказ словно... словно фарфоровую куклу, ты начинаешь критиковать меня за то, что я занимаюсь тем, что мне нравится. Клею обои. Господи, в моем собственном доме! И...

– Этот дом купил я, – ледяным тоном проговорил он. – Полагаю, это дает мне право выражать свои чувства.

Джейд почувствовала, как ее захлестнула волна гнева, и

мгновенно повернулась к бюро, в котором держала свою чековую книжку.

– Мне следовало бы предвидеть, что рано или поздно ты напомнишь об этом. Ну, так мы позаботимся об этом прямо сейчас. Я выпишу тебе чек на всю сумму, и если мне вздумается лезть на крышу и приколачивать дранку, то тебя это касаться не будет.

– Джейд, прекрати! – Брайан схватил ее и изо всей силы сжал в объятиях. – Я не хочу, чтобы между нами было так, – и ты этого тоже не хочешь. Давай оба успокоимся, пока не наговорили такого, о чем потом будем жалеть.

Она попыталась вырваться, но он крепко удерживал ее.

– Ты уже сказал такое, о чем тебе следует жалеть, Брайан.

Он вдруг разжал руки.

– Может, ты и права, – отрывисто признал он. – Может, это я в дурном настроении. Но мне трудно быть милым и обаятельным, ожидая, пока ты надумаешь выйти за меня замуж.

Ты сводишь меня с ума, Джейд, и ты это знаешь, – гневно добавил он.

– Это несправедливо. Ты знаешь, что для меня повторный брак – дело непростое, и мне надо время, чтобы решиться на это.

– Неужели? – Он приподнял бровь и иронично улыбнулся. – А мне это видится иначе.

– Ну а на самом деле это именно так. – Она быстро вышла

из гостиной и прошла к себе в спальню, откуда вскоре вернулась с белой меховой накидкой, которую протянула ему, чтобы он набросил ее ей на плечи. – Делай что хочешь, а я еду в гости.

Он мрачно отозвался:

– Без меня ты не поедешь!

Пока кучер вез их к дому миссис Каммингс – внушительному особняку с витой чугунной оградой, выходящему на Центральный парк, – оба молчали. Дворецкий открыл им двери, и, когда они ступили на сверкающий паркетный пол холла, Брайан поймал Джейд за руку.

– Джейд, прости меня, – прошептал он. – Давай хорошо проведем вечер, а о происшедшем поговорим потом, ладно?

Джейд показалось, что он говорит искренне. Посмотрев на него, она решила, что, возможно, он действительно раскаивается в своих словах. Улыбнувшись, она пожала ему руку.

– Хорошо. У нас еще будет время как следует поссориться.

– Ссориться вообще не нужно, – прошептал он ей на ухо, глядя, как к ним приближается миссис Каммингс. – Просто назначь дату свадьбы, и все будет прекрасно. Никаких дурных настроений. Обещаю.

Джейд рассмеялась: таким она Брайана просто обожала. Она собиралась сказать ему, что больше не сердится, но тут ими завладела миссис Каммингс. На ней было элегантное платье из серебряной парчи, расшитое жемчугом и неболь-

шими бриллиантами, тонувшими в кружеве и кисее: стоимость этого наряда явно равнялась небольшому состоянию. Даже ее волосы были украшены крупными драгоценными камнями и нитями дорогого жемчуга.

– Милочка! – воскликнула она, сжимая плечи Джейд и целуя ее в обе щеки. – Ах, я просто в восторге, что вы смогли прийти! Вы просто дуновение свежего ветерка среди нас, старух, мисс О'Бэннон!

– Зовите меня Джейд, пожалуйста, – попросила она, а потом повернулась к Брайану:

– Вы, наверное, знакомы с моим спутником, Брайаном Стивенсом?

– О да, я имела удовольствие с ним встречаться. – Миссис Каммингс улыбнулась Брайану:

– Так приятно снова видеть вас в свете. Надеюсь, вы знаете, что мы все разделили ваше горе, и...

– Да-да, – нетерпеливо прервал он ее. – Я помню, что вы прислали очень теплое письмо. А теперь нельзя ли нам осмотреть ваш чудесный дом? И поздороваться с остальными гостями?

Джейд кивала дамам, с которыми уже была знакома, вежливо жала руки, знакомясь с их мужьями, но гораздо больший интерес у нее вызвал дом миссис Каммингс. Ее не удивило то, что та оказалась типичной богатой викторианской матроной, которые терпеть не могли, чтобы в их домах оставалось хоть немного свободного пространства. Все комна-

ты от пола до потолка были набиты коллекциями плетеных кресел-качалок, ламп, напольных подушек, вешалок, горок, подставок для зонтов, гипсовых бюстов и бесконечных безделушек.

Джейд большинство украшений показали слишком старомодными, но она невольно залюбовалась драгоценным обюссонским ковром и напольными часами с инкрустацией по дереву.

Когда они проходили через третью гостиную, где были расставлены ряды крошечных квадратных столиков из красного дерева, миссис Каммингс заметила интерес Джейд и спросила:

– Вы тоже собираете антикварные вещи или вам просто нравится на них смотреть?

– И то и другое, – ответила Джейд, мысленно улыбаясь при виде статуи, покрытой тканью. Она знала, что «благовоспитанные леди» завешивают обнаженные статуэтки, когда принимают гостей, чтобы оберегать чувства тех, кого могло бы оскорбить изображение нагого тела. Джейд и сама купила несколько обнаженных фигур, но не имела ни малейшего намерения их прикрывать.

В голосе миссис Каммингс зазвучала особая гордость: указав на столики, она сказала:

– Тогда вам будет интересно услышать историю моих столов для вафель. Они принадлежали моему родственнику, самому Джону Джейкобу Астору!

Брайан и Джейд молча переглянулись, но вежливо выслушали хозяйку дома и изобразили должное восхищение. Потом их подвели к одному из столиков и усадили напротив незнакомой пары.

Женщина протянула ей руку и энергично сказала:

– Хэлло, я миссис Дженис Стоукс, а это мой муж Эдгар.

О Брайан! – Она кивнула ему, как хорошему знакомому.

Джейд уселась, мысленно застонав. Сладкая лицемерная улыбка женщины и прищуренные злобные глазки кого-то ей напоминали, но кого именно, Джейд не могла сообразить.

Эдгар Стоукс сидел у стола боком и дымил довольно противно пахнувшей сигарой. Когда его представили, он только хмыкнул и снова стал слушать разговор за соседним столиком.

Официант поставил перед ними тарелку, и Джейд впервые в жизни увидела вафлю: поджаристое изделие из теста в форме сердца, на котором были небольшие квадратные вмятинки. На вид это было необычайно аппетитно, и она потянулась за серебряным сосудом с малиновым соусом, краем глаза заметив, как Брайан щедро зачерпнул себе вишневого варенья.

Дженис Стоукс небрежно заметила:

– Ариста лично следит, чтобы каждое лето закупались самые отборные фрукты и ягоды для варенья и сиропов. Теперь уже никто этим не занимается, – добавила она, презрительно захихикав.

Джейд сразу же ответила:

– Ну, насколько я могу судить, ее труды не пропадают даром! – Она как раз откусила первый кусочек. – Необычайно вкусно. Приятное разнообразие после всех этих сухих печений и пышек, которые подают в других домах.

Дженис Стоукс, преданная поклонница печений и пышек, негодуя выпрямилась.

– Ну, «вечеринки с вафлями» – это старо, – обиженно выдавила она. – А вот печенье и пышки – нет.

– И очень жаль.

Джейд ответила на ее ледяной взгляд точно таким же, мысленно укоряя себя за то, что невзлюбила эту даму с первого взгляда. Кого же она ей напомнила? Джейд ломала голову, но никак не могла сообразить.

Дженис положила вилочку, сделала крошечный глоток чая, а потом уперла свой острый подбородок в переплетенные пальцы, унизанные бриллиантовыми кольцами, и принялась допрашивать Джейд.

– Я слышала, что вы дальняя родственница покойной жены Брайана. – Тут Брайан резко поднял голову. – А в каком именно вы родстве?

Брайан ответил за Джейд:

– В очень далеком. Мы познакомились, когда я был в Ирландии, куда отправился во время траура, чтобы навестить родных Марни.

– Как мило, – пробормотала Дженис таким тоном, кото-

рый ясно сказал, что она так не думает. – И она приехала, чтобы помочь вам пережить горе? Очень душевно. Но разве у вас там не осталось близких, по которым вы скучаете, милочка?

Джейд покачала головой. Вафли ей понравились, а вот разговор – нет, так что она решила не произносить больше ни слова. Однако она была изумлена, когда услышала, что миссис Стоукс известно, что она наняла Литу.

– Насколько я знаю, у нее очень хорошая репутация. Раньше она работала у одной моей приятельницы.

От Джейд не укрылся довольный блеск глаз ее собеседницы, и она мысленно обещала себе поговорить с Литой относительно ее склонности сплетничать. Несомненно, у нее есть приятельницы среди прислуги в других домах Нью-Йорка, и Джейд несколько не хотелось, чтобы они слышали интересные новости о ней.

Кто-то подошел к их столику и заговорил с Эдгаром. Дженнис присоединилась к их разговору. Джейд заметила, что у Брайана вид не очень довольный. Не съев и половину своей вафли, он встал и шепотом сказал ей, что намерен присоединиться к мужчинам, которые вышли из дома, чтобы подышать воздухом и выпить любимого напитка американцев – пива. Миссис Каммингс не допускала, чтобы в ее доме подавали спиртное, так что было негласно принято, чтобы мужчины выходили на улицу, если им хотелось выпить.

– Возвращайся скорее, – сказала она, взглядом давая ему

ясно понять, что ей неприятно оставаться одной с несимпатичной миссис Стоукс. Он кивнул и улыбкой показал, что понял ее.

Джейд собиралась уже извиниться и встать из-за стола под тем предлогом, что ей хочется поговорить с дамой за соседним столиком, но в эту минуту человек, с которым разговаривали Стоуксы, ушел, и Дженис возобновила разговор, прежде чем Джейд успела вырваться на; свободу.

– Бедному Брайану пришлось пережить такую трагедию!

Потерять сына! Как мило, что вы могли оставить свою страну и приехать сюда, чтобы помочь ему начать новую жизнь!

– Трагедия была двойная, – поправила ее Джейд, почувствовав, что имя Марни было намеренно опущено из разговора.

– Ну конечно, – неохотно согласилась ее собеседница, презрительно улыбаясь. – Но вы, наверное, знаете, что они не были так счастливы, как считали все окружающие.

Джейд удивилась: ей показалось, что она ослышалась.

– Почему вы так говорите? Брайан очень сильно любил Марни. И они были счастливы вместе.

– О, я говорила не об этом. – Дженис небрежно взмахнула рукой. – Я не сомневаюсь в том, что они любили друг друга.

Но вы должны понимать, что, когда они поженились, Брайана негласно вычеркнули из списка представителей высшего общества, ведь у Марни не было должного происхождения.

дения и ее так и не приняли в высшее общество.

На этот раз Джейд уже откровенно выразила свое недоверие.

– Что вы сказали? – переспросила она, изумленно поднимая брови.

Дженис засмеялась – нервно, резко и неестественно.

– Ну, милочка, вы же с ней в родстве, так что не сомневаюсь, что вам известно: ее отец служил в поместье Стивенсов сторожем! Конечно, все, кто видел Брайана и Марни вместе, чувствовали, что они очень влюблены друг в друга, но друзья родителей Брайана знали, как те были шокированы этим неравным браком. Брайан никогда в этом не признавался, но всем было известно, как он расстроился, узнав, что исключен из числа самых лучших семейств Нью-Йорка.

Джейд подумала, что если Дженис Стоукс говорит правду, то тогда понятно, почему Брайан все время настаивает на том, чтобы она сама старалась войти в высшие круги Нью-Йорка.

Ему не хватало приглашений на самые крупные и значительные общественные мероприятия, и он хотел снова на них присутствовать – вместе с ней.

Дженис напустила на себя выражение глубокого сочувствия и сожаления и, прижав руку к груди, прошептала:

– Ах, милочка, надеюсь, что я не ранила ваши чувства!

Конечно, напоминая вам о том, что Марии Стивенс по происхождению простолюдинка, я косвенно сказала то же

самое и о вас, а этого я не хотела.

– Да, наверное, не хотели. – Джейд сумела ответить одновременно и сладко, и ехидно. – В конце концов, нас ведь обеих пригласили сегодня сюда, не так ли? Насколько я поняла, на «вечеринки с вафлями» к миссис Каммингс приглашаются только сливки общества!

Дженис широко раскрыла глаза – ее попытка поставить Джейд на место явно не удалась.

– Наверное, это правда, – нервно пролепетала она, – но я и не хотела сказать...

– О, я понимаю, что вы не хотели быть невежливой, миссис Стоукс, – перебила ее Джейд тоном, который ясно говорил о том, что на самом деле она так не думает. – И я, конечно же, понимаю, что консервативное общество Нью-Йорка не может принять меня безоговорочно. Но позвольте вас уверить, что меня это мало волнует. Те люди, с которыми я уже познакомилась, были милы со мной, и не думаю, чтобы их тревожили мои родственники. Похоже, что я понравилась им такой, какая я есть, и я этим очень счастлива.

Она переплела пальцы, опустила на них подбородок, повторяя позу миссис Стоукс, и захлопала ресницами.

– Но знаете, – добавила она, – о чем я подумала? Как обидно вам тратить ваше время на хождение по всем этим «вечеринкам с вафлями». Вы же сами сказали, что они ужасно старомодные. Может, мне следует передать ваши слова миссис Каммингс, тогда в следующий раз у нее освободятся два

места для какой-нибудь пары, которая может получить удовольствие от этого лакомства.

Дженис Стоукс разинула рот: она могла только молча и с ужасом смотреть на Джейд.

Воспользовавшись удобным моментом, Джейд пробормотала слова извинения и встала из-за стола.

Она собиралась отыскать Брайана и предложить, чтобы они ушли, но Ариста Каммингс окликнула ее:

– Джейд, вот и вы! Я ждала, пока вы поедите.

Она подошла поближе и сказала, что в главной гостиной уже все поели и комнату освободили от столиков. Там устраивается струнный ансамбль.

– Так что мы готовы получить от вас урок вальса!

Не успела Джейд ответить, как миссис Каммингс повернулась и театрально захлопала в ладоши. Когда внимание всех было устремлено на нее, она торжественно объявила:

– Я хочу, чтобы все вы знали, как я счастлива тем, что сегодня у меня в доме особая гостья: мисс Джейд О'Бэннон из Ирландии.

Раздались аплодисменты, но миссис Каммингс нахмурилась: она не любила, когда ее речь прерывали.

– Как вы, наверное, все знаете, мисс О'Бэннон – дальняя родственница... – тут торжествующие нотки в ее голосе исчезли, и она постепенно стала говорить более сдержанно, – ..дорогой усопшей супруги мистера Брайана Стивенса.

Джейд проследила за жестом руки хозяйки дома и ее кив-

ком, которые были направлены в сторону холла. Там стоял Брайан, так и сиявший от гордости, и Джейд снова вспомнила утверждение миссис Стоукс относительно тою, как тяжело он переживал свое изгнание из общества в результате неравного брака. Может быть, сейчас он кажется таким счастливым и гордым именно потому, что снова стал полноправным членом этого общества благодаря ей? Нет, Джейд инстинктивно понимала, что это не так. Брайан любит ее и просто радуется тому, что она нравится окружающим. Вот и все – другого и быть не может. Она не разрешит себе думать иначе.

Тем временем миссис Каммингс подвела Джейд к свободному пространству перед музыкантами и объявила, что сейчас всем желающим будет показан новейший танец – вальс. Кто-то из мужчин вежливо попросил:

– Мисс О'Бэннон, объясните нам сначала, пожалуйста, что это за танец. Многие из нас вообще никогда о нем не слышали.

Решив, что это будет прекрасным началом, Джейд коротко рассказала историю вальса.

– Молодежь, – объяснила она, – всегда идет в авангарде. И те молодые люди, которые пережили Французскую революцию, стали искать танец, способный выразить все их переживания. Движения вальса более энергичны и свободны, чем те, что допускались строгими правилами менуэта. – С улыбкой обведя взглядом своих замороженных слушателей,

она добавила:

– Вот так и родился вальс. Но, как это ни странно, родом он из Германии. Кстати, именно немецкий поэт Иоганн фон Гете в своем романе «История юного Вертера» писал об этом танце:

«Никогда я так легко не двигался. Я больше не был простым человеком... Сжимать в своих объятиях самое дивное существо и кружиться с ней, словно ветер, так что все окружающее исчезает...»

Присутствующие негромко и доброжелательно засмеялись.

Она спросила музыкантов, могут ли они сыграть «Серенаду для струнного оркестра» Чайковского, и была рада услышать утвердительный ответ.

– Прекрасно. Теперь, если мистер Стивенс будет настолько любезен, что согласится выступить в роли моего партнера, то я покажу вам основные движения.

Улыбающийся Брайан с готовностью шагнул вперед, и Джейд показала, как его правая рука должна обхватить ее талию. Ее левая рука легко прикоснулась к его плечу. Потом, приложив свою правую руку к его левой, она объяснила:

– В сущности, вальс, название которого происходит от немецкого слова «waken» – вращаться, состоит из шага, скользящего поворота и следующего шага, на счет три четверти.

Пожилая женщина с круглыми очками, которые сидели на

самом кончике ее носа, вдруг осуждающе фыркнула:

– Непристойно! Просто непристойно! Чтобы мужчина и женщина обнимали друг друга на людях – да это настоящий скандал!

Джейд изумленно заморгала глазами.

Брайан с трудом подавил смех.

Миссис Каммингс раздраженно воскликнула:

– Право, Констанс, вы иногда бываете просто нестерпимо отсталой! Сейчас уже конец девятнадцатого века! Надо чувствовать современность!

Пожилая дама, презрительно пожав плечами, направилась к двери, бросив через плечо:

– Я слишком много прожила, чтобы кто-то учил меня, что пристойно, а что нет. Я ухожу. Я не намерена стоять тут и смотреть на такое бесстыдство... Спасибо за гостеприимство!

Миссис Каммингс развела руками, не скрывая досады:

– Как угодно, Констанс.

Кивком она пригласила Джейд продолжать.

Джейд, в свою очередь, дала знак музыкантам начать вальс.

Под мягкую и плавную мелодию скрипок они с Брайаном начали танец. Поначалу Брайан чувствовал себя неуверенно и немного спотыкался, но вскоре легко заскользил по паркету.

Когда танец закончился, зрители дружно зааплодировали.

ли, и Джейд мгновенно окружили люди, просившие, чтобы она дала им частные уроки. Брайан с одобрительной улыбкой слушал, как она объясняла, что намерена открыть танцевальную студию, чтобы обучать там не только вальсу, но и балету.

Внезапно что-то заставило Джейд остановиться на полуслове и поднять голову: она обратила внимание на женщину, которая бочком, явно пытаясь остаться незамеченной, направлялась к выходу. Сама не зная почему, Джейд вдруг напряженно застыла. Эта женщина не только странно себя вела – она показалась ей знакомой... Но кто она? Такое же чувство Джейд испытала в начале вечера, когда встретила Дженис Стоукс.

А потом к ней вдруг пришло озарение – она все вспомнила.

Корабль.

Салон-ресторан.

Триеста Вордейн.

Джейд окликнула ее. Женщина обернулась, и на ее лице отразился подлинный ужас. Чуть не сбив с ног кого-то из гостей, она выскочила за дверь и исчезла в ночной темноте.

Джейд поспешила следом за ней и была уже почти у двери, когда почувствовала, что ее схватили за руку и заставили остановиться. Сквозь оглушительный рев, который начался у нее в ушах, она расслышала яростное шипение Брайана:

– Прекрати! Что ты делаешь?!

Джейд обернулась, пораженная его тоном, и пришла в еще большее недоумение, увидев гневное выражение его лица: сощуренные глаза, крепко сжатые губы.

– Да я ведь знаю ее, – изумленно проговорила она. – Эта дама была на корабле. Ее зовут Триеста Вордейн, и она со своей дочерью сидела за одним столиком с Колтом и со мной, и...

– Прекрати! – процедил он сквозь зубы. – Тебя могут услышать!

Она недоумевающе подняла на него глаза:

– Ну и что?

– Мы уезжаем. Иди на улицу. Я попрощаюсь за нас обоих.

Он почти грубо толкнул ее вперед, а сам направился обратно в гостиную.

Джейд поспешно вышла на улицу, радуясь возможности продолжить поиск миссис Вордейн, но не удивилась, не найдя ее. Когда Брайан вернулся, она хотела было выразить свое возмущение его поведением, но он резко оборвал ее:

– Помолчи, иначе кучер завтра же начнет распускать о нас сплетни.

Крепко держа ее за руку, словно она в любую минуту могла броситься бежать, он подвел ее к экипажу.

Когда они оказались в номере, Брайан снова предупредил ее о том, что им надо говорить тише, иначе Лита, которая спала в одной из спален, может проснуться и услышать их.

Джейд немного остыла: ей стало понятно, почему Брайан

так повел себя, но она по-прежнему кипела от возмущения.

– А тебе не приходило в голову, что рано или поздно я столкнусь с кем-то, кто был на том корабле? Мы за то недолгое время успели познакомиться с большим количеством людей, Брайан.

Он покачал головой:

– Ты должна делать вид, что не знаешь, кто они такие.

Если они тебя вспомнят, подойдут к тебе и обратятся, как к миссис Колтрейн, ты должна недоуменно посмотреть на них и сказать, что ты мисс О'Бэннон... Я надеюсь, что скоро ты сможешь говорить – «миссис Стивенс».

Тут он по-мальчишески усмехнулся. Обычно эта его усмешка мгновенно растапливала ее сердце, но на этот раз она такого эффекта не возымела.

– Так я должна лгать? – холодно спросила она.

Его улыбка погасла.

– Если не хочешь, чтобы все узнали о прошлом, – то да, должна.

– Иногда мне начинает казаться, что это не имеет значения.

– Может, и не имеет. Но если мы не хотим, чтобы все узнали, что на самом деле ты не родственница Марни и что ты замужем за человеком, который считает себя законно женатым на другой женщине, то... – тут он беспомощно развел руками, – ..мы должны лгать.

Весь этот обман вызывал немалые сомнения Джейд – он

не нравился ей с самого начала, но тогда ей казалось проще не возражать и не думать о прошлом. Теперь, однако, она чувствовала еще большую неуверенность. Она попыталась рассказать Брайану о Триесте:

– Эта женщина сидела за столом со мной и Колтом, и я уверена, что она меня узнала, но ее стремительное исчезновение для меня остается загадкой.

Брайан пожал плечами, но Джейд его недоумение показалось наигранным.

– Откуда мне знать? И какое нам до этого дело? Наверное, она просто странноватая старая курица, как та, что ушла потому, что сочла вальс непристойным.

Он коротко хохотнул, пытаясь немного разрядить атмосферу. Но Джейд не разделяла его веселья, и он сразу же замолчал. Внезапно она спросила его:

– А тебе не приходило в голову, что когда-нибудь я могу столкнуться с Колтом?

По его лицу мгновенно пробежала холодная, гневная тень.

– Нет, а почему это должно было прийти мне в голову?

Ты сама говорила, что Колт никогда не любил приемов и вечеров. Но если бы даже он и встретил тебя в обществе, то скорее всего сделал бы вид, что не знаком с тобой, чтобы не ставить тебя в неловкое положение. И тебе следовало бы поступить так же.

Брайан повернулся к буфету, в котором по его распоряжению всегда был богатый выбор напитков. Достав бутылку

бренди, он пробормотал:

– Хочется выпить.

Джейд была поглощена своими мыслями. Почему Брайан кажется таким сердитым? И таким неуверенным в себе? Может быть, пора честно поговорить обо всем. Она не сомневалась, что лучше открыто разорвать ее брак с Колтом, прежде чем заключать новый, с Брайаном, ведь его законность будет сомнительной!

Так она и сказала.

Он посмотрел на нее, как на безумную, и одним глотком осушил рюмку. Со стуком поставив ее на столик, он яростно накинулся на нее:

– Для тебя, может, и лучше, а для меня – нет! Это меня будут осуждать за то, что я вступил в связь с замужней женщиной, когда тело моей жены «два успело остыть! Тебя-то все будут жалеть!

Джейд только ахнула:

– Ас чего вдруг станут говорить, что у нас была связь?

Брайан, Бога ради, иногда мне кажется, что я тебя вообще не понимаю!

– А зачем еще мы бы стали лгать относительно того, кто ты такая? – возразил он.

Джейд постаралась справиться с возмущением, которое поднималось в ее душе, и стала его уговаривать.

– Мы не обязаны никого посвящать в наши личные дела, Брайан. Мы не обязаны никому ничего говорить. Нико-

му нет необходимости знать, что на самом деле я Марни не родственница, так же как и то, что я была замужем за кем-то еще. Я просто встречусь с Колтом, дам ему знать, что осталась жива, и скажу, что мы должны тихо развестись, чтобы его брак оказался законным, и его ребенок... – Она замолчала, с трудом проглотив вставший в горле ком, и закончила: – ..не был бы незаконнорожденным. И тогда, – со вздохом прибавила она, – мой брак с тобой, когда он состоится, тоже будет законным.

Брайан замер, резко выпрямившись. Казалось, с каждым произнесенным словом он становится все выше, нависая над ней с выпученными глазами и дрожащими от гнева губами.

– Ты хочешь сказать: если наш брак состоится. Правда? – негодуя бросил он. – Признайся! Ты хочешь заполучить его обратно! Говори правду. Наверное, я с самого начала это знал, только не разрешал себе в это поверить. Ты думаешь, что если он узнает, что ты жива, то бросит свою жену и кинется к тебе.

Боже, Джейд, где твоя гордость? – изумленно воскликнул он. – А как насчет ребенка, которого они ждут? А как насчет меня, того, кто за тобой ухаживал, о тебе заботился, любил тебя?

Неужели ты можешь думать только о себе?

– Нет, ты все не так понял, – поспешно возразила она. – Ты меня не слушаешь...

– О, я тебя слушаю! И вот что я тебе скажу, Джейд... –

Он судорожно сжал кулаки. – Если ты к нему пойдешь, то не рассчитывай потом на возвращение ко мне. У меня есть гордость в отличие от тебя! Как бы я тебя ни любил, но я не приму тебя обратно, если ты выставишь себя на посмешище перед всем Нью-Йорком!

Джейд ошеломленно смотрела на него, не веря, что он говорит серьезно. Отбросив гнев, который вызвала его попытка запугать ее, она еще раз попыталась объяснить:

– Я просто хочу с ним встретиться, Брайан, и поговорить.

Я вовсе не надеюсь на то, что он возьмет меня обратно... и отнюдь не желаю вернуться к нему сама! Ох, ну почему ты так себя ведешь? Это такое ребячество!

Глухо застонав, он протянул руки, схватил ее за плечи и с силой прижал к себе, пожирая ее своим взглядом – своими губами.

– Проклятие, женщина, неужели ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю? Ты надрываешь мне душу, и я просто больше не могу жить по-прежнему. Я слишком сильно тебя люблю, и мне необходимо знать, что ты принадлежишь мне, мне одному! – Он поцеловал ее, требовательно и грубо, а потом отстранился и заговорил дрожащим от отчаяния голосом:

– Никто не может любить тебя так, как люблю я! Ты моя жизнь, мой мир, смысл моего существования – но ты терзаешь меня своей нерешительностью, и я больше не могу этого вынести!

Он направился к двери. Джейд осталась стоять, беспомощно глядя ему вслед. Что она могла сказать? Он только что высказал свои требования, но она не может им подчиниться. Это исключено. Она приняла решение встретиться с Колтом, иначе она не сможет успокоиться. Она устала от лжи, от притворства.

У двери Брайан обернулся – никогда еще она не видела на его лице столько страдания и муки! Голос его прозвучал неестественно глухо, а губы скривились так, словно он сдерживал вопль боли.

– Ты знаешь, я впервые увидел тебя среди волн, когда плыл на остров для того, чтобы там покончить с собой, потому что жизнь для меня потеряла всякий смысл после смерти жены и сына. – Тут он замолчал, и на его глазах внезапно блеснули слезы. Печально засмеявшись, он добавил:

– Боже, тогда казалось, что ничего хуже уже быть не может! Но если ты меня покинешь, Джейд, меня уже ничто не удержит от рокового шага.

– Брайан, постой...

Он не ответил на ее оклик и ушел, решительно захлопнув за собой дверь.

Джейд почувствовала, как в ее душе поднимается буря: неужели он прав? Неужели она действительно втайне надеется, что когда Колт узнает, что она жива, он бросится к ней в объятия?

И именно поэтому она медлит назначить день свадьбы?

– В эту минуту в комнату вошла Лита, протирая заспанные глаза:

– Что тут происходит? Похоже, вы ссорились...

– Лита! – холодно оборвала ее Джейд. – Это вас не касается. А теперь – спокойной ночи, – коротко бросила она, отпуская ее.

Лита нахмурилась и отвернулась, бормоча себе под нос:

– Как скажете, только мистер Стивенс такой милый джентльмен... Не могу понять, как это вы позволили ему уйти в таком гневе.

Джейд ушла к себе в спальню и легла, хотя и знала, что сна в эту полную мук и боли ночь не будет. В ее мыслях и сердце бушевал вихрь сомнений.

Колт.

Брайан.

Она признавала, что любит обоих: по-разному, но одинаково сильно – и с тоской пыталась понять, кого бы выбрала, если бы у нее был выбор.

Внезапно ее взгляд упал на кольцо, которое Китти Колтрейн подарила ей в день свадьбы, – и сердце у нее сжалось, когда она поняла, каким был бы ее выбор.

Но было слишком поздно.

Глава 20

Когда гнев Джейд немного остыл, она поняла, что отсутствие решения можно было считать тоже неким решением. Возможно, это было трусостью, но она не намерена была допускать, чтобы мужчина манипулировал ею, пусть даже она и любила его.

Джейд подумала, не продать ли ей дом на Риверсайд-драйв с тем, чтобы вернуть Брайану его деньги. Теперь не было необходимости в этом доме. Она могла бы найти квартиру, но в городе было полмиллиона людей, нуждающихся в жилье, так что это должно было стать делом нелегким. Однако если бы ей удалось найти свободную квартиру в красивом восьмизэтажном доме «Наварро Флэтс», стоявшем у Центрального парка, то это было бы идеальным решением. А тем временем ситуация с Брайаном могла бы разрешиться. Если он не может понять, что ей необходимо время для того, чтобы принять решение относительно будущего, что же... Она приказала себе больше об этом не думать.

После «вечеринки с вафлями» Джейд оказалась буквально завалена просьбами об уроках танцев. Похоже, все хотели научиться вальсировать. Несколько мамаш, узнав о том, что она когда-то была прима-балериной, загорелись желанием обучать своих юных дочерей. Теперь Джейд сосредоточила все свое внимание на организации школы танца.

Ей удалось найти идеальное помещение на третьем этаже каменного дома совсем рядом с Бродвеем. У владельца не достало средств, и поэтому этаж не был поделен на кабинеты, а представлял собой одно большое пространство, которое прекрасно подходило для ее целей. Джейд моментально договорилась о найме, а потом занялась обустройством зала, который отвечал бы основным требованиям. Так, она распорядилась, чтобы стены были покрыты зеркалами, и нашла плотника, который установил вдоль стен перекладины.

Обучение детей было одним делом, занятия со взрослыми – совершенно другим. Возможно, ей даже удастся познакомиться с молодыми людьми вроде нее самой, интересы которых ей будут близки, и она приобретет друзей, которые подойдут ей больше, чем пожилые дамы, целиком поглощенные светской жизнью.

Ох, уж эти бесконечные рауты, сопровождающиеся бессмысленной болтовней и сплетнями, которым предавались десятки модно наряженных женщин. Казалось, больше всего их тревожило то, что если они совершат какую-нибудь оплошность, то будут исключены из высшего общества. Сидеть, делая крошечные глоточки чая или кофе и откусывая понемножку от приторных сладостей, было выше сил Джейд. Она предпочла бы, чтобы все ее дни были наполнены танцем, музыкой, творчеством. Она чувствовала, что если бы ее так не терзали душевные муки, Нью-Йорк показался бы ей самым прекрасным городом на свете.

Когда Джейд получила приглашение от своих ближайших соседей по Риверсайд-драйв, Виктора и Мариетты Уинслоу, она решила его принять: молодая пара нравилась ей. А Мариетта к тому же интересовалась возможностью уроков для своих детей, восьмилетних близнецов Хоуп и Чэрити.

Когда вечером того дня, который был назначен Уинслоу, карета свернула на Риверсайд-драйв, кучер крикнул Джейд, обернувшись через плечо:

– Леди, не знаю, смогу ли я подъехать! Посмотрите, какая толпа впереди!

Джейд вытянула шею. Проезда действительно не было: кругом теснились кареты, лошади и люди, и все они, казалось, собрались вокруг дома Уинслоу. Джейд расплатилась с кучером и сказала, что остаток пути пройдет пешком. Однако при мысли о том, что ожидается много гостей, у нее вдруг испортилось настроение.

Когда она подошла ближе, ей стала понятна причина зазора.

Все собрались, чтобы посмотреть на последнюю новинку – автомобиль. Встав на цыпочки, Джейд увидела, что странное устройство напоминает коляску без лошади. Ей бросились в глаза необычного вида колеса.

– Это «Бенц-Виктория», – гордо проговорил оказавшийся рядом с ней мужчина, щеголяя своей осведомленностью. – Он ездит на воздухе и керосине, и, говорят, сила у него, как у трех лошадей.

Заинтересовавшись, Джейд спросила, насколько быстро может ехать автомобиль.

– Говорят, он за час проходит расстояние в пятнадцать или даже двадцать миль. Можете себе представить?

– Нет, не могу! – со смехом отозвалась она. – Но скоро я вообще уже перестану удивляться. Я недавно прочла, что перед войной – Гражданской, как вы ее, кажется, называе-те – для того, чтобы вырастить акр пшеницы вручную, нужно было затратить примерно шестьдесят один час. А теперь нужно только нажать одну кнопку – и затратить всего три часа девятнадцать минут!

Он уставился на нее, широко открыв рот, и она вдруг поняла, что ее начитанность шокирует его. Джейд вспомнила, что большинство мужчин предпочитают, чтобы женщины молчали и только радовали их глаз. Очевидно, по его мнению, она перешла черту дозволенного.

– Я много читаю, – сказала она, пожимая плечами.

– Вижу, – холодно отозвался незнакомец.

Вызывающе подняв голову, она отошла от него и стала пробираться к дому, чувствуя на себе его недоброжелательный взгляд.

«Как это нелепо!» – мысленно возмущалась она.

Мариетта Уинслоу стояла на крыльце, наблюдая за толпой.

Обменявшись с Джейд приветствиями, она сказала:

– Заходите, пожалуйста! У меня приготовлены особые за-

куски из креветок и чудесный пунш. Но это только начало, так что не увлекайтесь, – шутливо предостерегла она. – Мои кухарки готовили весь день и почти всю прошлую ночь и приготовили двенадцать перемен блюд. А потом, раз погода такая хорошая и луна должна быть полной, мы будем пить шампанское с ягодами на террасе, которая выходит на реку.

Джейд оставила толпу зевак и прошла за Мариеттой в дом.

– Мистер Уинслоу сегодня задерживается на работе, – сказала Мариетта, называя своего мужа почтительно, как и положено добропорядочной жене, и жизнерадостно добавила:

– Может быть, он подвезет Брайана. Они работают в одном здании. Контора Стивенса находится как раз над банком, президентом которого является мистер Уинслоу.

Джейд состроила рожицу, которую, к счастью, не заметила ее хозяйка. Всем было известно, что Виктор Уинслоу – президент нью-йоркского коммерческого банка и фонда. Упомянуть об этом не было необходимости, но Мариетта этим так гордилась! Ну что ж.

– Брайан сегодня ко мне не присоединится, – негромко сообщила Джейд хозяйке дома.

Мариетта повернулась, и на ее нахмуренном лице отразились разочарование и досада.

– Да? Но ведь приглашение было для вас обоих. Я приготовила для него место.

Джейд не стала извиняться.

– Ну, я приняла приглашение только от своего имени. Мне очень жаль, если мы не поняли друг друга.

Мариетте Уинслоу до смерти хотелось узнать, почему Джейд не пригласила Брайана, но правила приличия не допускали расспросов. Невольно вздохнув, она прошла по холлу через двойные двери из красного дерева и ввела гостью в длинную и аляповатую столовую. Джейд похвалила красивые хрустальные с позолотой люстры, и Мариетта поблагодарила ее, добавив:

– Я знаю, что электричество – это новейшее изобретение и его следует иметь в доме, но мне все равно больше нравятся свечи: они намного романтичнее!

Джейд охотно согласилась: ей было приятно увидеть стоявшие на столе серебряные канделябры с чудесными розовыми свечами.

Пройдя к противоположной стороне стола из грушевого дерева, Мариетта убрала белую карточку, на которой изящным почерком было написано: «Мистер Брайан Стивенс, эсквайр».

Джейд не испытывала сожаления. В конце концов она ответила так, как полагалось, и не ее вина, если Мариетта не обратила внимания на то, как написан ее ответ. И вдруг ее взгляд упал на еще одну карточку, которая гласила: «Миссис Триеста Вордейн». Заставив себя говорить негромко и непринужденно, Джейд осведомилась:

– Вы давно знаете миссис Вордейн?

– Боже, да! Слишком давно! – Мариетта схватила карточку со стола. – И я забыла, что она не придет... Прислала извинения в последний момент. Ну, по крайней мере у нас за столом будет четное количество гостей – двадцать два человека. Она такая странная, – прибавила она со смешком.

Джейд трудно было по-прежнему изображать только слабый интерес:

– Правда? А что в ней странного?

Мариетта ненавидела сплетни, но когда кто-то спрашивал о человеке, который ей не нравился, она не уходила от ответа. Вот и сейчас она откровенно призналась:

– Во-первых, никому и никогда миссис Вордейн не нравилась. Она – злобная сплетница, полная снобизма. Хотя сама родом из очень бедной семьи, насколько я слышала. Ну, как бы то ни было, ее муж, мир его праху, был просто чудо. Все обожали Франклина Вордейна. Так что, естественно, ее всюду принимали – благодаря его положению в обществе.

«И очень жаль, – сардонически подумала Джейд, – что этого нельзя было сказать про Брайана и Марни».

– Мы время от времени посылаем ей приглашение, – продолжала объяснять Мариетта, приказав прислуге убрать приборы Брайана и Триесты. – Из уважения к памяти мистера Вордейна, конечно. Но, думаю, что это – мое последнее приглашение. Было ужасно невежливо с ее стороны отказаться в самый последний момент. Она имела нахальство прислать свою камеристку за списком приглашенных – можете пред-

ставить себе подобное? А потом горничная вернула список с ее извинениями. Даже не объяснила, почему отказывается! Никаких оправданий. Ну и хамка! Наверное, увидела в списке кого-то, кто ей не понравился, и решила не приходить. Вот это-то меня и разозлило. Не могу понять, против кого она могла бы возразить.

«А я могу», – с горечью подумала Джейд, но ничего не стала говорить. Теперь она была почти уверена в том, что Триеста узнала ее на «вечеринке с вафлями», а потом, увидев ее имя в списке гостей Мариетты, решила избегать встречи с ней. Но почему? Джейд ничего не могла понять. Может быть, ей пора заняться собственным расследованием.

– Мариетта Уинслоу!

Они обернулись на оклик и увидели в дверях женщину в строгом платье из серой шерсти и маленькой изящной шляпке всего с одним небольшим черным пером, прекрасно сочетавшимся с ее черными волосами. У нее были тяжеловатые челюсти, решительно сжатый рот со складками в уголках, а в глазах горели озорные искры, словно ей нравилось казаться такой суровой и неприступной.

– Неужели я вижу рюмки для вина?

Она осуждающе указала в сторону стола.

Джейд было забавно слушать, как Мариетта пытается улестить мисс Франсез Уиллард, пятидесятичетырехлетнюю основательницу Христианского женского союза трезвенности.

– Ну, Франсез, милочка, – жалобно проговорила она, –

ты же помнишь, что наш возлюбленный Христос превратил воду в вино. И в обществе принято и допустимо пить вино за торжественным обедом.

Мисс Уиллард мгновенно парировала:

– Нашему Господу не приходилось иметь дело с язычниками, которые рады любому предлогу, чтобы остаться язычниками.

И несколько глотков спиртного незаменимы в этом случае!

Джейд и Мариетта обменялись улыбками.

– Среди моих гостей язычников нет, Франсез, – возразила Мариетта, сумев придать своему голосу как можно больше серьезности.

– А, чушь! – пренебрежительно сказала мисс Уиллард. – Это мы еще посмотрим. Но я хочу, чтобы от моего прибора рюмку убрали, и не стану терпеть гадкого поведения от окружающих.

– Ну, я уверена, что ничего подобного и не будет. Так... – Мариетта попыталась переменить тему разговора. – А вы нашли место, чтобы поставить «Глэдис»? – Подмигнув Джейд, она с ухмылкой объяснила:

– «Глэдис» – это велосипед мисс Уиллард.

– Велосипед? – переспросила Джейд, загораясь любопытством.

Франсез Уиллард посмотрела на нее, на Мариетту, а потом рявкнула:

– Вы совсем забыли приличия! Вы даже не познакомили меня с этой молодой леди.

Мариетта поспешила это сделать, и, похоже, на мисс Уиллард новое знакомство произвело впечатление: она заметила, что уже слышала о Джейд самые прекрасные отзывы.

– Может, вы захотите вступить в Союз трезвенности?

– Для начала мне бы хотелось посмотреть на ваш велосипед, – уклончиво отозвалась Джейд. – Я подумываю, не купить ли такой себе. Было бы приятнее, если бы я могла ездить на нем из гостиницы в студию, а не искать каждый раз кучера.

Мисс Уиллард заметно удивилась:

– О, правда? Но, говорят, что вы и этот симпатичный вдовец, Брайан Стивенс, вскоре объявите о помолвке. Тогда к чему все эти разговоры о велосипедах и студиях? И что это за студия?

Джейд обреченно вздохнула, решив, что пришло время положить конец слухам.

– Не знаю, откуда у вас эти сведения, мисс Уиллард. Мы с мистером Стивенсом просто друзья.

Худошавая пожилая леди глубокомысленно поджала губы.

Глаза ее весело заискрились, словно она могла заглянуть в самое сердце Джейд.

– Ну, это было бы очень обидно, милочка, потому что вы с ним прекрасная пара, – сказала она наконец.

Джейд услышала пронзительный, дребезжащий звук, раздавшийся в дальней части дома. Мариетта вздрогнула и воскликнула:

– Ох, я никогда не привыкну к этой штуке! Стоит мне только отвернуться, как мистер Уинслоу устанавливает в доме очередное новое изобретение! Я все время со страхом жду, что случится.

В дверях появилась горничная и с вежливым книксеном сообщила, что позвонил мистер Уинслоу.

Раздосадованная Мариетта вышла следом за ней из комнаты, заламывая руки и бормоча, что мистер Уинслоу установил в доме телефон только для того, чтобы можно было позвонить и сообщить, что он опять задерживается на работе. Прежде он не смел опаздывать, потому что у него не было возможности дать ей об этом знать – не гонять же посыльного ради короткой задержки!

Вошел дворецкий с подносом закусок и бокалами охлажденного сверкающего шампанского. Мисс Уиллард высокомерно вышла из комнаты, заявив, что раз будут подавать спиртное, то ей здесь больше делать нечего. Джейд взяла бокал и вышла через распахнутые стеклянные двери на террасу.

Глядя на лениво текущий Гудзон, Джейд подумала, что в сгущающихся сумерках его вода напоминает жидкий шелк. Как хорошо, если бы можно было двигаться по жизни так же спокойно, как течет эта река, не беспокоясь о неожиданных

поворотах, твердо зная, что рано или поздно, несмотря на все препятствия, ты в конце концов достигнешь своей пели.

Она посмотрела через лужайку в сторону своего собственного дома. Каким он казался печальным и одиноким: словно невидимое облако отчаяния и безысходности опустилось на него, затмив все признаки жизни! Он понравился ей с первого взгляда, она с таким наслаждением занималась его переустройством и обстановкой, но теперь все это потеряло для нее интерес.

Где-то здесь, в кипящем жизнью Нью-Йорке, жил Колт.

Но теперь другая женщина разделяла его радости и печали, надежды и мечты... и знала блаженство его ласки.

На какое-то время у нее тоже появился мужчина. Который своей любовью заполнил ее душевную пустоту.

Но она его потеряла.

Из-за упрямства? Из-за гордости?

Мисс Уиллард невольно напомнила ей боль утраты, и теперь Джейд поняла, что, наверное, все это время она обманывала себя и что пришло время посмотреть в лицо реальности. Завтра, пообещала она себе, что пойдет к Брайану и поговорю с ним, скажет ему, что наконец перестала жить прошлым и...

– Джейд, милочка...

Она повернулась на голос Мариетты, пораженная тем, с какой печалью он прозвучал. Сердце Джейд сжалось от мрачного предчувствия: она увидела, что Мариетта плачет.

Позади нее собрались другие. Женщины прикладывали к глазам платочки, у мужчин вид был суровый и угрюмый. Джейд протянула дрожащую руку, чтобы ухватиться за каменную ограду террасы.

Мариетта шагнула к ней.

– Ох, Джейд, дорогая, мне так жаль! – всхлипнула она.

Джейд почувствовала, что из самой глубины ее души рвется крик отчаяния.

– Скажите мне! Что случилось? Почему вы так странно себя ведете и почему так на меня смотрите? Что происходит?!

Один из мужчин – Джейд узнала в нем недавнего собеседника, которого оскорбила своей осведомленностью, – бросился к ней и обхватил ее руками. Теперь он был очень обходителен и печален. Она не пыталась его оттолкнуть, инстинктивно чувствуя, что ей понадобится его поддержка.

Наконец Мариетта выдавила из себя слова:

– О Боже, как мне трудно говорить вам об этом... Начался пожар. в здании мистера Стивенса, и.

Ее голос прервался рыданием, и она закрыла лицо ладонями, не в силах продолжать.

Не сдержав крика отчаяния, Джейд стала умолять, чтобы кто-нибудь сказал ей, что происходит... и сквозь серый туман, опускавшийся на нее, чтобы унести в забвенье, услышала чей-то голос:

– Мистер Уинслоу сказал, что мистер Стивенс остался в

горящем здании.

Глава 21

Джейд призвала на помощь все силы, чтобы остановить бешено закружившийся перед ее глазами мир и не потерять сознания. Обведя взглядом море обеспокоенно уставившихся на нее глаз, она взмолилась:

– Не может ли кто-нибудь отвезти меня туда? Пожалуйста!

Молчание взорвалось протестующими возгласами, но она не дала себя отговорить. Когда на ее мольбу никто не откликнулся, она выбежала из дома, готовая идти пешком. На середине лужайки она ощутила у себя на плече чью-то руку и попробовала высвободиться, но услышала мягкий мужской голос:

– Подождите, мисс О'Бэннон. Я вас отвезу.

Она с благодарностью заглянула в полные сочувствия глаза племянника Мариетты Уинслоу, Роберта Пенроуза.

– Надеюсь, вы не побоитесь сесть в мой безлошадный экипаж? – нерешительно спросил он, словно она могла бояться нового изобретения!

Если бы положение было не столь трагическим, Джейд в ответ на такой вопрос только весело засмеялась бы. Вместо этого она схватила его руку и сказала:

– Не могу выразить, как я вам благодарна!

Не обращая внимания на испуганных лошадей, с гром-

ким ржанием шарахающихся в сторону от автомобиля, они проехали по улицам Нью-Йорка и, подъезжая к треугольной площади, где пересекались Бродвей, Пятая авеню и Двадцать третья улица, ощутили резкий запах дыма, наполнявшего воздух.

Джейд не в состоянии была говорить – она могла только смотреть на черную пелену, которая куполом поднималась в серебристо-голубое небо.

Внезапно они остановились. Полиция перекрыла улицу баррикадой. Кругом сновали полисмены, не давая любопытным приблизиться к пожару.

Джейд выскочила из автомобиля, зацепилась юбкой за дверцу и не задумываясь рванула ее, чтобы высвободиться. Роберт несколько раз окликнул ее, но она упорно пробивалась вперед, к пылающему зданию.

Кто-то из полисменов увидел, как она пробирается через баррикаду:

– Туда нельзя! Это опасно. Вернитесь обратно!

Не обращая внимания на крики, требовавшие, чтобы она повернула назад, Джейд бросилась прямо в дым, чувствуя, как он разъедает ей глаза и горло. Неожиданно чьи-то сильные руки схватили ее – перед ней возникла фигура огромного пожарного.

– Успокойтесь, леди. Вы подвергаете себя ненужной опасности. Оставайтесь на месте. Здание вот-вот может рухнуть.

– Пустите меня!

Джейд отчаянно вырывалась, но он крепко держал ее. Она видела, как впереди из всех окон валил дым, к небу рвались языки пламени. Воздух был полон гнетущего ужаса – и криков спасателей, и звона пожарных колоколов. Ей видны были пожарные экипажи с их насосами, работающими от парового двигателя, люди, направлявшие мощные струи воды в адское пламя. Была организована и традиционная цепочка людей, передававших друг другу ведра с водой.

– Мисс О'Бэннон! Мисс О'Бэннон!

Джейд повернулась на истерический крик и увидела мисс Пирсон, секретаршу Брайана.

– Отпустите меня, пожалуйста, – мне нужно поговорить с ней! – с мольбой в голосе попросила Джейд у пожарного.

Тот сурово отрезал:

– Я вас не выпущу, мисс. Вы не соображаете, что делаете, и я обязан не дать вам погибнуть.

В это мгновение мисс Пирсон добралась до них, с ужасом глядя то на вырывающуюся Джейд, то на пожарного, который ее держал.

– Где мистер Стивенс? – спросила Джейд.

Мисс Пирсон пошатнулась и на секунду прикрыла покрасневшие от дыма и слез глаза, словно вознося молитву, а потом указала на горящее здание. Прерывающимся голосом она прошептала:

– Там.

– Нет! – еле выговорила Джейд, давась комком рыданий. –

Нет... Не может... быть...

Ее голова бессильно опустилась на грудь.

– Он вышел, но потом вернулся обратно, – поспешно объяснила мисс Пирсон. Она задыхалась от рыданий. – О Боже, мисс О'Бэннон, ему ни за что не выбраться!

Джейд собрала последние силы и мощно рванулась, пытаюсь высвободиться. Когда ей это не удалось, она излила на пожарного всю свою бессильную досаду и муку:

– Отпустите меня, будьте вы прокляты! Отпустите и делайте свое дело! Вызволите его оттуда!

– Он погиб Слишком поздно. Пожалуйста, мэм, если вы не успокоитесь, мне придется вас связать, а я ужасно не люблю быть грубым с женщинами.

Тут рядом возник Роберт Пенроуз:

– Этого не понадобится, сэр. Я вас сменю.

Пожарный помедлил, но только на секунду, потому что у него были заботы поважнее, чем держать обезумевшую леди.

Передавая ее Пенроузу, он сказал с облегчением:

– Сделайте одолжение, мистер. Но предупреждаю вас: она сошла с ума, и если вы с ней не справитесь, она кинется прямо в огонь. Так что держите ее крепче.

И он поспешно исчез.

Пенроуз крепко сжимал Джейд, но она вдруг перестала вырываться, словно смирилась с судьбой Брайана и со своей собственной тоже.

– Зачем? – только простонала она, уткнувшись лицом в

плечо Роберта. – Зачем он пошел обратно?

Мисс Пирсон с немой жалостью покачала головой, а потом сказала, что они должны были работать допоздна, – и тут услышали крик, что дом горит. Они быстро выбежали на улицу и остановились на тротуаре, глядя, как подъезжают пожарные экипажи.

– И я только думала, – прорыдала она, – что бедный мистер Стивенс стоит и смотрит, как из окон рвется пламя, и, наверное, думает о своей жене и малыше, которые погибли в таком же пожаре. Вид у него был ужасный, просто ужасный, словно ему самому хотелось умереть. И тут мы услышали вопль.

И увидели в окне четвертого этажа женщину. Все стали кричать, чтобы она прыгала, но она только стояла там и кричала и умоляла, чтобы ее спасли. Я помню, как какой-то пожарный, стоявший рядом, сказал, что у нее надежды нет... внутрь нельзя попасть – и тут вдруг мистер Стивенс перебежал через улицу и бросился в дом. И никто не успел его остановить!

Джейд содрогнулась, представив себе Брайана среди пляшущих языков пламени.

Если бы...

Это слово бесчисленное количество раз повторялось у нее в голове.

Если бы они не поссорились. Тогда они были бы вместе, он не задержался бы в конторе... не попал бы в огонь...

Если бы она нашла в себе силы сделать последний прыжок из прошлого в будущее, они бы уже строили планы свадьбы... может быть, уже были бы женаты...

И Брайан был бы жив.

Она брела по улицам, не замечая едкого запаха, которым пропиталась ее одежда. Она думала о тех ночах, когда шла по этим же улицам рядом с Брайаном, держа его под руку, наслаждаясь романтическим сиянием газовых фонарей. Они говорили о своем будущем так, как будто оно уже было с ними, у них в руках. Рядом с Брайаном все казалось возможным. А что теперь? Мечты, надежды, планы – все рухнуло.

Джейд остановилась и едва успела уцепиться за фонарный столб: ноги ее вдруг ослабели и начали подгибаться.

Какое ужасное совпадение в том, что Брайан погиб так же, как его жена и сын! Может быть, он втайне мечтал, чтобы получилось именно так. Она плачет о том, что потеряла двух любимых, но то же самое делал и Брайан в последние дни своей жизни. Он сказал, что без нее у него нет смысла жить. Может, он бросился в огонь специально, желая умереть?!

Джейд содрогнулась, не в силах двинуться с места. Прохожие с любопытством смотрели на нее. Несколько человек спросили, не нужна ли ей помощь. Она отмахнулась от них: в первом оцепенении горя ей нужно было остаться одной.

Внезапно среди криков и возгласов раздался громкий треск, который быстро перекрыл все остальные звуки, нарастая до оглушительного взрыва. Стремительно обернувшись,

она открыла рот в беззвучном вопле ужаса: горящее здание рухнуло, поднимая тучи пепла и дыма.

Все кончилось.

Все.

Джейд почувствовала, как ее снова манит темная бездна забытья, – на этот раз она не стала сопротивляться, погружаясь в ее бесконечные глубины. Слезы текли по ее щекам, руки начали соскальзывать с фонарного столба...

Чувствуя, как уходит сознание, она вдруг ощутила прикосновение заботливых рук, которые поймали и удержали ее. Она вскрикнула:

– Нет, нет, отпустите меня, пожалуйста!..

– Никогда, принцесса. Я никогда тебя не отпущу.

Не веря своим ушам она ошеломленно открыла глаза и увидела почерневшее от сажи лицо Брайана.

– Я думал, что навсегда потерял тебя, – с мукой в голосе прошептал он, подхватил ее на руки и направился к пустынному парку на другой стороне улицы, где даже тени не посмели мешать первым минутам их встречи.

Брайан поставил ее на ноги, а она не могла вымолвить ни слова, только изумленно смотрела на него, не веря в чудо его появления.

Нежно целуя ее лицо, пожирая ее взглядом, он сказал:

– Я не хотел жить. Я бросился в огонь, чтобы умереть, потому что не мог жить без тебя, Джейд. Но Господь провел меня к той женщине сквозь дым и пламя, и когда я нашел

ее, потерявшую сознание от страха и дыма, и взял ее на руки, Господь показал мне дорогу назад, сквозь задымленную черную лестницу. Я благополучно вынес женщину из огня, а потом потерял сознание. Наверное, я долго не приходил в себя, а когда наконец опомнился и присоединился к толпе, увидел мисс Пирсон. Она сказала мне, что ты была здесь. Я бросился искать тебя... – С трудом улыбнувшись, он пригладил ее волосы. – И вот я снова нашел тебя и на этот раз ни за что не отпущу ни на шаг!

Джейд прижалась лицом к его продымленной рубашке.

– Никогда! – глухо прошептала она, пытаясь разглядеть его в темноте. – Сделай меня своей женой, Брайан, – горячо взмолилась она. – Сделай меня своей навсегда!

Глава 22

Между ними уже было решено, что они предпочтут скромную церемонию бракосочетания на яхте, после чего сразу же отплывут на остров.

Джейд рассказала ему, что во время недолгого периода их отчуждения она сняла помещения для студии танцев: ей важно было, чтобы Брайан знал, что, когда они вернутся, она будет заниматься своим делом. Он охотно согласился, но мягко предупредил ее:

– Не забывай: это только маленькое хобби, дорогая. Ты будешь поглощена нашей жизнью, и ты знаешь, что я хотел бы, чтобы у нас как можно скорее были дети.

Джейд нахмурилась, но ничего не сказала. Нет, она не знала, что Брайан намерен поскорее обзавестись детьми. Они собирались иметь детей, но о том, когда это произойдет, речи не было. Она просто решила, что это будет не сразу, – ей хотелось пожить в свое удовольствие, создать собственную школу.

Ну что ж, пока ей везло. Возможно, так будет и дальше. По крайней мере она по мере своих сил будет избегать беременности.

Брайан поделился их свадебными планами с мисс Пирсон, которая будет управлять его конторой так же умело, как она делала это, когда он уезжал после смерти Марии. Спро-

сив Джейд, проинструктировала ли она Лигу Тулейн относительно ее обязанностей, он с изумлением услышал о том, что она ее уволила – Но почему? Тебе нужна помощница по дому! Разве рабочие не будут продолжать переустройство? Лите надо будет за ними приглядывать!

– Я сочла за лучшее остановить работы на то время, пока нас не будет, – сказала ему Джейд. – Я хочу сама за всем наблюдать.

– Нет, дорогая, нет! – возразил Брайан. – Дом должен быть готов к нашему возвращению. А как же прием? Все будут ожидать, что мы его устроим. Это будет наш официальный дебют в нью-йоркском обществе в качестве супружеской пары. Ты ведь понимаешь, как это важно. И...

– У нас еще будет на это время, – прервала его она, не желая продолжать этот разговор. – Сейчас меня гораздо больше волнует студия. Я отправила часть рабочих туда. Мне бы хотелось открыть ее как можно скорее.

От нее не укрылось, что глаза его при этом потемнели, а губы сжались, она даже подумала, не надвигается ли новая ссора. Но это настроение быстро миновало, и он сдержанно ей улыбнулся:

– Как хочешь, милая. Но мне кажется, что было бы очень важно устроить прием как можно скорее после нашего возвращения.

– Посмотрим, – уступила она. – Может, мы устроим его в бальной зале одного из самых хороших отелей.

Брайану такая мысль не очень понравилась, но он промолчал, и они заговорили о другом.

Джейд устроила недолгую вылазку в магазины и купила себе новые туалеты – специально для острова. Но самым важным было свадебное платье. Она выбрала наряд из шифона цвета земляники, с воротником-стойкой, отделанным кружевом, и узкими, длинными рукавами: оно показалось ей прелестным и соответствующим событию.

Было начало июня. В день их свадьбы на ослепительно голубом небе танцевали крошечные белые облачка, и от дуновения легкого ветерка поверхность гавани сверкала, словно осыпанная тысячами бриллиантов.

Незнакомый Джейд пастор ожидал их на палубе с Библией в руках. Пока они поднимались по трапу, Брайан сообщил ей, что зовут его Малкольм Приджен и что он священник самой большой методистской церкви Нью-Йорка.

– Все наиболее влиятельные члены общества венчаются именно у преподобного Приджена, – прошептал он, прижимаясь губами к ее уху. – Я не согласился бы на кого-то другого.

– А тебя с Марни тоже венчал он? – спросила Джейд, не удержавшись.

– Нет, – неохотно ответил он. – Наше бракосочетание прошло в церкви, прихожанкой которой была она, в Гудзон-Вэлли. – Сжав ее пальцы и заставив себя говорить непринужденно, он добавил:

– Неужели нам нужно говорить о ней именно сегодня? Я ведь не расспрашиваю о твоём бракосочетании с Колтом.

– Извини. Я не хотела...

Тут на палубу поднялся Уолт Гиббоне. Заметив их, он бросился к ним, приветственно протягивая руки, явно переполненный радостью. Смущенно поцеловав Джейд в щеку, он воскликнул:

– Вы даже не можете себе представить, какой для меня это радостный день, мисс Джейд! Я с самого начала знал, что шкипер не успокоится, пока вы за него не выйдете, потому что вы вылитая его супруга, и...

– Гиббоне, перестань! – сердито оборвал его Брайан, а потом резко отвернулся, чтобы не сказать лишнего. Он отошел к борту и сжал ограждение так, что костяшки пальцев у него побелели.

Уолт огорчился и смутился:

– Ох, Господи, как это я! Извините, вечно сболтну что-то лишнее...

– Ничего, мистер Гиббоне, – сказала Джейд, похлопав его по плечу. – Просто оставьте нас. И не беспокойтесь относительно мистера Стивенса: он понимает, что вы не имели в виду ничего дурного.

Уолт ушел, пробираясь между такелажем, виновато сутулясь, а она сразу же направилась к Брайану:

– Пожалуйста, милый, не надо расстраиваться. Он хотел сказать нам приятное.

Брайан глубоко вздохнул, на секунду задержал дыхание, медленно выдохнул, а потом с обожанием посмотрел на Джейд:

– Я знаю, принцесса, знаю. Я слишком болезненно реагирую на пустяки. Но я так сильно тебя люблю, что мне не хочется, чтобы воспоминания о прошлом омрачали сегодняшний день.

Я слишком долго его ждал.

– Тогда давай поскорее начнем наш день, – жизнерадостно сказала она, – и нашу совместную жизнь.

Рука об руку они направились к преподобному Приджену, и Брайан все время не спускал с нее глаз.

В преддверии скорого будущего Джейд переживала настоящую бурю эмоций. Брайан ее обожает. Это она знала наверняка.

Он хороший человек, будет прекрасным мужем и отцом, но что-то не давало ей покоя, печалило ее. Впрочем, она знала, в чем дело. Выйти замуж за другого мужчину означало разорвать последнее звено той эмоциональной связи, которая существовала между ней и Колтом. И как она ни боролась с собой, у нее по-прежнему оставалось желание остановиться, ухватиться за прошлое. Пытаясь успокоить себя, Джейд верила, что, когда новый брак будет заключен и жизнь войдет в свою привычную колею, у нее пропадет всякое желание оглядываться назад.

Брайан прервал ее внутреннюю борьбу.

– Ты так прекрасна! – прошептал он, глядя на нее словно замороженный. – Солнце осыпало твои волосы золотой пудрой... А море, отражаясь в твоих глазах, заставляет их сиять, словно воды Карибского залива на рассвете!

Он поймал ее руки, поцеловал каждую. Все его тело дрожало от переполнявших его чувств.

Когда Джейд произносила слова брачного обряда, она огромным усилием заставила себя не вернуться мыслями к другому времени, другой свадьбе. Вновь и вновь она твердила себе, что Брайан ее любит и что это самое главное. Он любит ее, и они будут счастливы вместе.

После церемонии Брайан откупорил бутылку дорогого шампанского, и они втроем выпили в честь события, а потом осушили еще несколько бокалов, после чего преподобный Приджен пожелал им всего доброго и покинул яхту, предоставив молодоженам возможность отправиться в свадебное путешествие.

Яхта вышла из гавани, Джейд с удовольствием осталась бы на палубе полюбоваться силуэтами Нью-Йорка, но Брайану не терпелось оказаться с ней наедине.

Он закрыл дверь каюты, запер ее и начал развязывать галстук, жадно глядя на жену. Указывая на ее земляничного цвета платье, он приказал:

– Сними его, только не испорть. Я хочу, чтобы ты надела его на прием. Я хочу, чтобы ты была одета точно так же, как сейчас, чтобы все могли увидеть, какой красивой невестой

ты была.

Джейд отвернулась от него и неловко начала расстегивать платье, пытаясь понять, почему у нее на глаза навернулись слезы. И тут ее сердце восстало против решения не оглядываться назад: она вдруг вспомнила, как им с Колтом не было дела до того, что все присутствующие на приеме в честь их свадьбы сочтут их бесстыдными, распущенными, опьяненными страстью.

Они слишком любили друг друга, чтобы заботиться о том, что будут думать другие. А сейчас она испытывала странную неловкость, слишком смущалась тем, что матросы совершенно определенно знают, что именно происходит в каюте. Все должно было бы быть совсем не так, и, ненавидя себя за малодушные мысли, она все-таки ничего не могла с собой поделать.

Джейд все еще возилась с платьем, когда почувствовала, как ловкие пальцы Брайана отводят ее руки.

– Давай я помогу, – сказал он глухим от желания голосом. – Я не подозревал, что тебе так не терпится.

Джейд беспомощно застыла, предоставив ему самому снять с нее платье. Она пыталась напомнить себе, что они уже много раз любили друг друга и что она всегда радостно принимала его ласки. Тогда почему же сейчас она чувствует такой холод?

Брайан повернул ее лицом к себе и придвинулся к ней. Джейд почувствовала, что его плоть туго налилась страстью.

Не желая видеть происходящего, она закрыла глаза, но Брайан истолковал это по-своему. Он торопливо снял с нее кружевное белье.

Когда Джейд оказалась обнаженной, он крепко сжал ее плечи и притянул к себе, проникая языком в ее рот в страстном поцелуе.

– Посмотри на меня, Джейд. – Его слова были настойчивы, как приказ.

Она неохотно послушалась, чувствуя, как по телу ее пробегают холодная дрожь.

Его взгляд выражал нетерпение, дыхание стало неровным, прерывистым, руки скользили по ее телу, словно он был скульптором, любовно прослеживающим линии редчайшего и бесценного произведения искусства.

– Теперь ты принадлежишь мне, Джейд. Ты – моя жена.

Миссис Брайан Стивенс. И мы будем самой известной четой Нью-Йорка. Никто никогда не позволит по отношению к нам хоть малейшей доли пренебрежения!

Джейд внезапно почувствовала приступ отвращения к Брайану.

– И теперь, моя принцесса... – С этими словами он подхватил ее на руки и бережно и нежно уложил на постель.

А потом вдруг раздвинул ей ноги и без поцелуя, без ласки ворвался в нее с такой силой, что она вскрикнула. Только тогда он прижался к ее губам и привел себя к быстрому удовлетворению. После этого он перекатился на бок и со сме-

ХОМ извинился:

– Ох, Джейд, прости! Мне искренне жаль. Просто я так долго хотел любить тебя как жену, что, боюсь, потерял контроль над собой. Обещаю, что позже заглажу свой проступок.

Она только изумленно смотрела на него. Ей казалось, что ее изнасиловал незнакомец. Она не узнавала человека, который обнимал ее, чье золотое кольцо она теперь носила на пальце...

Куда делся обожающий, боготворящий ее мужчина?! Вместо него рядом с ней лежал чужак, для которого она была собственностью, вещью!

Брайан встал с постели, потянулся и зевнул, а потом надел халат. Джейд поспешно укрылась одеялом, вдруг почувствовав себя ужасно незащищенной.

– Я пойду и принесу тебе чего-нибудь поесть.

Он улыбнулся ей торжествующей, властной улыбкой, которая показалась ей оскорбительной.

У двери он задержался и подмигнул ей:

– А после того как ты поешь и мы немного поспим, я извинюсь перед тобой за свой эгоизм. – Тут он послал ей воздушный поцелуй. – Я тебя люблю.

Когда он ушел, Джейд уткнулась в подушку и дала волю слезам. При этом она пыталась убедить себя, что поведение Брайана, всегда такого нежного, такого доброго, – результат волнений, вызванных бракосочетанием. Вскоре их отноше-

ния станут прежними, теплыми и спокойными.

Но, утешая себя, она вдруг посмотрела на кольцо, которое подарила ей Китти Колтрейн в тот день, когда она вышла замуж за ее сына. Оно сверкало в пляшущих лучах солнца, и, когда она приглянулась к ярким граням, ей вдруг показалось, что она смотрит в книгу, где было запечатлено ее прошлое. Она видела Колта, слышала его, чувствовала его прикосновение... С каждым наклоном яхты, качавшейся на волнах, ее сердце пронзали болезненные воспоминания.

Джейд спрятала руку с кольцом под подушку. Она хранила подарок Китти лишь потому, что искренне любила эту чудесную женщину. Было несправедливо, что сувенир из прошлого пробудил в ней такие терзания! Сегодня – день ее свадьбы, и все ее мысли должны сосредоточиваться на ее новом муже, на ее новой жизни.

Джейд долго лежала неподвижно. Слезы высохли. Ее дыхание выровнялось. Она с удовлетворением решила, что владеет собой.

Только тогда она вынула руку из-под подушки и снова разрешила себе взглянуть на кольцо. Как это ни странно, она почувствовала, что это приносит успокоение.

Глава 23

Остров показался Джейд еще красивее, чем она его помнила. Стоя на носу яхты рядом с Брайаном, который властно ее обнимал, она невольно затрепетала при виде огромного зеленого камня на вершине холма.

Брайан был тронут не меньше нее.

– Остров твоего имени, – гордо сказал он. – Знает ли мир подобную дань любимой женщине?

Прислуга была рада их видеть, а при известии о свадьбе просто пришла в восторг. Новость распространилась стремительно, и вскоре друзья с главного острова начали устраивать пышные празднества в их честь.

Брайан с Джейд получали такое множество приглашений, что у них редко оставалось время на прогулки под луной, которые они совершали в свое прошлое пребывание на острове, однако по утрам им часто удавалось ходить по коралловым пляжам.

Остров утопал в цветах – красные бугенвиллеи, золотисто-желтые махонии, лимонные форзиции и нежные изящные серебряные колокольчики.

Джейд очень радовало прекрасное состояние душистых трав, за которыми она ухаживала во время своего первого визита: тимьян, мята, петрушка, чеснок, розмарин, шалфей – все пышно разрослось. А вокруг дома были розы всевоз-

можных цветов, клумбы с каллами, тигровыми лилиями и яркими анютиными глазками.

Однажды утром на рассвете Брайан разбудил ее поцелуем и настоял на том, чтобы она встала:

– Просто набрось халат. Нам надо поскорее попасть в наш заветный уголок, чтобы встретить там восход солнца!

Они взялись за руки и, смеясь, словно озорные ребяташки, побежали навстречу персиковому рассвету. Воздух был теплым и сладким, и Джейд жадно вдыхала ароматы тропических цветов.

Пораженная великолепием окружающего мира, она отпустила руку Брайана и, обхватив себя руками, закружилась по лавандовой лужайке, а потом, подняв руки над головой, словно вознося к небесам хвалу, воскликнула:

– Ох, Брайан, даже райские сады не могут сравниться с такой красотой!

– И Ева тоже... – прошептал он. Все его тело трепетало при мысли о том, как сильно он ее любит. Быстро подойдя к ней, он заключил ее в объятия и принялся целовать.

Жадно хватая ртами воздух, пронизанные радостью жизни, они поспешили к бухте по узкой тропинке, вокруг которой росли увитые орхидеями деревья с шелковистыми ярко-розовыми цветами. У них под ногами горели яркие звезды, вереска, пестрела таволга – белая, красная и розовая.

Они добрались до кораллового песка, и кристально-чистые волны начали лизать им ноги. На востоке небо стало

полупрозрачно-синим и лиловым, с серебристым оттенком, говорившим о приближении восхода солнца.

Брайан сбросил халат и побежал в море.

– Иди ко мне! – позвал он Джейд, которая смотрела на него и смеялась. – Давай поплывем к солнцу!

– Ты с ума сошел!

Она качала головой и улыбалась.

– Да! Я схожу с ума – от любви к тебе, я без тебя жить не могу!

Переполненная счастьем, она тоже скинула халат и ночную рубашку и окунулась в прохладную и чистую воду. Брайан протянул ей руку, и она ухватилась за нее. Вместе они заходили все глубже и глубже, пока вода не поднялась им до пояса. Тогда они поплыли, уверенно и сильно загребая руками, и всякий раз как их лица поднимались над водой, они обменивались взглядами, которые безмолвно говорили о любви. Наконец, в нескольких сотнях ярдов от берега, они легли на спину, подняв лица к встающему солнцу. Раскинув руки и ноги, они качались на невысоких волнах, подставив нагие тела ласковому утреннему ветерку.

Потом по молчаливому согласию они медленно поплыли к берегу. Там Брайан подхватил ее на руки и перенес через прибрежный песок на душистые шелковистые папоротники.

– О, как я тебя люблю! – прошептал он, ложась рядом.

Он стал покрывать поцелуями все ее тело, а кончики ее пальцев легко скользнули по его широкой мускулистой спи-

не. Вскоре Джейд уже выгибалась навстречу ему, чтобы прижаться к нему еще теснее.

В лихорадке желания она взмолилась:

– Брайан, пожалуйста!

И он начал входить в нее, осторожно и ритмично, так, чтобы покачивание ее бедер задавало темп его движениям.

Потом они лежали рядом, усталые, молчаливые, очарованные.

Перед тем как вернуться домой, они еще раз искупались.

– Я не думал, что смогу быть настолько счастлив, – сказал Брайан, когда они, держась за руки, выходили из бухточки.

Джейд поднесла его пальцы к губам. Но даже в эту секунду ее захлестнуло чувство вины из-за того, что сама она подобного сказать не может.

Дни летели незаметно, превращаясь в недели. Миновал месяц, и они поняли, что пора возвращаться в Нью-Йорк, к будничной жизни.

Когда жарким и влажным днем яхта вошла в нью-йоркскую гавань, Джейд мысленно перебирала все, что ей предстояло сделать. Она смотрела на приближающиеся силуэты высоких зданий, и сердце ее радостно билось: она думала о том, как приятно будет снова оказаться в студии.

– Джейд, милая... что-то не так?

Она почувствовала робкое прикосновение Брайана, который встал рядом с ней.

Джейд вздрогнула и ответила ему смущенной улыбкой:

она была в другом мире, мире танца, и забыла обо всем вокруг.

– Я уже пять минут зову тебя, а ты стоишь неподвижно, словно зачарованная.

– Извини. Я просто задумалась. Мы так разленились за этот месяц, а теперь вдруг станем работать, как пчелки! И...

– А, прием! – Он понимающе улыбнулся. – Ты думала о нем, да? Ну и я тоже. Я даже сделал кое-какие записи.

Тут он рассмеялся, словно ему было немного неловко в этом признаваться.

Джейд почувствовала глубокую жалость. Она совершенно не думала о большом приеме. По правде говоря, она сразу же забыла о нем после того достаточно напряженного разговора перед их свадьбой.

– Как только мы немного придем в себя, давай выберем и самый шикарный зал во всем Нью-Йорке, договоримся с лучшей фирмой об устройстве буфета и найдем самый хороший оркестр! – добродушно уступила она.

Он ничего не ответил, только молча обнял ее. Спустя мгновение она отстранилась и посмотрела на него: ее удивило таинственное, почти озорное выражение его лица. Она нерешительно спросила, в чем дело, но он только лениво улыбнулся, поблескивая глазами, и уверил ее в том, что все просто прекрасно.

Был уже почти полдень, когда яхта бросила якорь. Предоставив экипажу выгружать сундуки, за которыми можно бы-

ло прислать позже, Брайан быстро вывел Джейд на берег и усадил в первый же экипаж. Усевшись на гладкое кожаное сиденье, она поправила широкополую шляпу со спускающимися на плечо страусовыми перьями и приготовилась наслаждаться поездкой через Нью-Йорк до гостиницы. И тут она услышала, что Брайан дает их адрес на Риверсайд-драйв.

– Нет, милый, – поправила его она, – мы не можем ехать туда. Дом еще не готов, и я уже отправила в гостиницу все свои личные вещи – разве ты забыл? Когда мы уезжали, я оставила за нами номер, чтобы не надо было искать новый.

Брайан ничего не ответил, но она снова заметила на его лице то же странно-таинственное выражение.

Он дал знак ехать.

Джейд почувствовала досаду. Несмотря на радость, которую доставило ей возвращение домой, она чувствовала утомление, и ей очень не хотелось ходить по дому, в котором и прислуги-то не осталось, и проверять, как там обстоят дела.

Сейчас она мечтала оказаться в гостинице, принять теплую ванну, выпить чаю и всю остальную часть дня просто спать.

Тяжело вздохнув, она недовольно сказала:

– Нам нет необходимости туда ехать, Брайан. Пожалуйста, давай отправимся прямо в гостиницу.

Он снисходительно улыбнулся и похлопал ее по руке:

– Когда мы приедем, ты все поймешь, дорогая. А пока успокойся и наслаждайся поездкой. Нью-Йорк в это время

года просто очарователен, правда?

Он посмотрел мимо нее на набережную, которую прекрасно было видно с этого места, где начинался собственно город.

– Нет, не правда! – сердито огрызнулась она. Ей вовсе не нравились глупые шутки Брайана. Нашел время – Он раскаленный и грязный, и я тоже. И мне хочется отдохнуть, а не тащиться до Риверсайд-драйв, чтобы посмотреть на дом, малоприспособленный для жилья. Побойся Бога!

Он повернул голову к противоположному окну и, не говоря ни слова, стал смотреть туда. Джейд скрестила руки на груди и, раздраженно поджав губы, устремила взгляд прямо перед собой.

Когда экипаж остановился у парадного подъезда, Джейд не пошевелилась. Брайан вышел и подал ей руку, но она покачала головой и холодно сказала:

– Иди и смотри на то, ради чего ты сюда приехал. А я подожду здесь.

– Ох, Джейд, перестань ребячиться! – возмутился он и, схватив ее за талию, грубо выволок наружу.

Еще раз поправив шляпу и резко одернув полы своей короткой жакетки из голубого льна, она прошипела сквозь зубы:

– Брайан Стивенс, если ты не прекратишь вести себя как последний глупец, я найму собственного кучера и уеду в гостиницу, а ты можешь где угодно провести ночь!

Он рассмеялся:

– Ну, моя сердитая женушка, могу уверить тебя, что сегодня спать мы будем вместе. И спать мы будем здесь – у нас дома.

Она недоумевающе смотрела на него, пока он расплачивался с кучером. Потом он взял ее под руку и повел по ступенькам к двери, которые при их приближении распахнулись. Несколько голосов – видимо, прислуга – хором воскликнули:

– Добро пожаловать домой!

Джейд почувствовала холодок недоброго предчувствия. Происходило нечто странное, и она подозревала, что это ей совсем не понравится.

Ей недолго пришлось гадать, в чем дело. Как только она увидела стоящую на середине лестницы Литу Тулейн, лицо которой сияло самодовольной радостью, Джейд все поняла – даже раньше, чем ее взгляд скользнул по холлу, заметив незнакомые обои, картины, статуи и другие украшения, которых она никогда не видела и уж определенно не выбрала бы.

Ощущая устремленные на нее взгляды, Джейд вошла в главную гостиную, огромную, словно обычная бальная зала, и почувствовала, как в ней разгорается сильнейший гнев. Комната была полностью переоформлена: на стенах были обои с ярко-красными розами и бледно-зелеными листьями, совершенно не похожие на те, которые выбрала она. На тех

были крошечные белые лилии, переплетенные тонким узором плюща. На окнах висели портьеры из толстого бархата – тяжелые, уродливые. Она собиралась повесить на лето легкую, воздушную ткань, которая реагировала бы на легчайшее дуновение ветерка с реки, а осенью сменить ее на более тяжелую парчу. Посмотрев на пол, она увидела тебризский ковер, который покупала сама, и ужаснулась: эта чудесная вещь предназначалась для главной спальни, ей не место было в комнате, где будут много ходить!

Ее окружали предметы мебели, которых она никогда прежде не видела, – выбранные, конечно же, Литой Тулейн.

Она почувствовала прикосновение Брайана и содрогнулась, когда он прошептал ей на ухо:

– Это мой подарок тебе к возвращению, сокровище мое! – А потом громко добавил, всем своим видом показывая, как доволен результатом:

– Это все было тщательно запланировано в последние несколько дней перед нашей свадьбой и отъездом. Я снова нанял Лигу, потому что она согласилась взять на себя хлопоты по оформлению дома. Она же подготовила все для приема, который состоится в эту субботу. Тебе даже пальчиком шевелить не надо, дорогая: отдыхай и наслаждайся всем, как и подобает настоящей королеве!

– Все уже заказано – еда, вино, оркестр, цветы! – гордо объявила Литта. – Все наши сто двадцать пять приглашений приняты – они были разосланы вместе с извещениями о ва-

шей свадьбе. Пришлось много поработать, но я была рада вам услужить, – добавила она, напрашиваясь на похвалу.

– Вы получите соответствующее вознаграждение, – заверил ее Брайан. – И теперь, когда моя прекрасная молодая жена могла убедиться в том, насколько вы хорошо работаете, она ни за что с вами не расстанется. Вы просто чудо, мисс Тулейн!

Правда, дорогая? – обернулся он к Джейд, напоминая, что ей следует присоединиться к его похвалам.

Джейд продолжала стоять молча... И испытывала такой гнев, какого еще за всю свою жизнь не чувствовала.

Ощувив, что она вовсе не в восторге, Брайан поспешно сказал:

– Если тебе что-то не нравится, ты всегда можешь потом внести свои изменения. Главное – все приготовлено для приема.

Огромным усилием воли Джейд заставила себя высоко поднять голову, выйти из гостиной и подняться наверх. Она смотрела прямо перед собой, не желая видеть ничего вокруг себя. Зубы ее были сжаты настолько сильно, что заболели челюсти, по она была полна решимости не устраивать сцены перед Литой и слугами.

Брайан шел следом.

– Джейд, дорогая, что случилось? Разве ты не довольна моим сюрпризом? Лите пришлось очень много поработать, и я думал, что ты будешь довольна. Скажи мне, что не так?

Она добралась до главной спальни, бросила взгляд на аляповатые обои, выбранные Литой, и, как только Брайан вошел в комнату, захлопнула дверь с такой силой, что ваза, такая же уродливая, как и все вокруг, закачалась и чуть не упала на пол.

Сделав судорожный вдох, она уперла руки в бока, гневно сощурилась, презрительно посмотрела на него и прерывисто прошептала:

– Как ты мог?! Как ты мог устроить мне такое? Как ты мог у меня за спиной снова взять на работу Литу и дать ей полную волю оформлять мой дом? Брайан, я не думала, что ты можешь оказаться таким нечестным, таким... бесцеремонным!

Ее тирада заставила его немного побледнеть.

– Я... я подумал...

– Ни о чем ты не думал, кроме своего чертова приема! – бросила она ему, резко поворачиваясь и начиная нервно метаться по комнате. – Ты только посмотри на все это! Только посмотри на мебель, шторы, краску и обои! Просто глазам своим не верю!

Ее неблагодарность уже начала его злить, как и ее не слишком изящные выражения, так что он огрызнулся в ответ:

– Это не конец света! Ты можешь все переделать.

– До твоего драгоценного приема? – Она резко обернулась к нему. – За два дня можно успеть ободрать всю эту... эту

невероятную безвкусицу, чтобы люди не подумали, что все это устроила я.

– Это не настолько важно.

– Не важно? – недоверчиво переспросила она. – Мне странно слышать это от тебя, Брайан. Иногда мне кажется, что тебя одно только и волнует, что подумают люди. Разве не поэтому тебе хотелось закатить пышный прием сразу же, как мы вернемся?! А то ведь люди могут оскорбиться из-за того, что мы не устроили роскошную свадьбу и не позвали их на нее!

Брайан смотрел, как она прижалась лицом к оконному стеклу, глядя на реку. Чувствуя раскаяние, он подошел и обнял ее сзади:

– Мне очень жаль. Правда, Джейд, очень жаль. Наверное, я не подумал. Я считал, что делаю так, как лучше для нас обоих. Если это настолько для тебя важно, мы отложим прием, что бы ни думали окружающие, и ты можешь переделать все, как тебе хочется.

Джейд ничего не ответила.

Он прижался губами к ее щеке.

– Я так сильно тебя люблю! – огорченно сказал он. – Я скорее умер бы, чем огорчил тебя. Мне так жаль!

Джейд со вздохом повернулась к нему. Она заглянула ему в глаза и увидела, насколько искренне он расстроен. В конце концов она сказала:

– Я вижу, что у тебя были благие намерения, Брайан.

Ничего не поделаешь – придется обойтись тем, что есть.

Он сразу же ободрился:

– Значит, ты не сердишься?

– Давай скажем так: я больше не хочу об этом говорить. Но пожалуйста, больше никогда тайком от меня не делай ничего подобного.

Он облегченно вздохнул:

– Обещаю. – А потом многозначительно прошептал:

– Давай помиримся самым хорошим способом. – И принялся ее целовать.

– Нет! – вскрикнула она, отталкивая его. – У меня сейчас нет настроения заниматься любовью. Пожалуйста, дай мне побыть одной.

Брайан разгневанно посмотрел на нее. Откровенно говоря, он решил, что Джейд реагирует неоправданно остро. Он оказал ей большую услугу! Ну и что, если у них с Литой разные вкусы?

Главное, они могут сразу же поселиться в доме, устроить прием – а позже она переделает все, как захочет. Устраивать такой шум... это было несправедливо! Может быть, с неожиданной злобой подумал он, ей следует напомнить, как ей повезло с мужем...

Ведь то, что она сочла обманом, просто пустяк по сравнению с тем, что устроил ей ее драгоценный Колт. По ее мнению, устроил, злорадно сказал себе он.

Подойдя к двери и открыв ее, он сделал театральную па-

узу, а потом бросил через плечо с притворным сочувствием:

– Кстати, я ничего тебе не говорил, но, может быть, сейчас подходящий момент, раз ты усомнилась в моих чувствах к тебе...

Она посмотрела на него с холодной подозрительностью и раздраженно сказала:

– Ну, продолжай! Какие еще сюрпризы ты мне приготовил!

Он изобразил жалость и сочувствие:

– Как раз перед нашим отъездом сыщики сообщили мне, что жена Колта родила. Недоношенного, но здорового ребенка, судя по их словам. Думаю, тебе стоит поразмыслить над этим, пока ты на меня так сердишься, тогда ты поймешь, что такое настоящий обман.

Джейд пошатнулась, словно от удара. Она знала, что рано или поздно это произойдет, но тем не менее это известие произвело на нее ужасающее впечатление.

– Кто родился у Колта, Брайан?

Он пожал плечами:

– Какая разница? Сын. Она родила сына.

Он вышел, громко хлопнув дверью, оставив ее наедине с болью, – это позволит ей по достоинству оценить его самого и то чудесное будущее, которое он подарил ей, сделав своей женой.

Глава 24

Хотя гнев Джейд не погас, она решила, что продолжение ссоры ничего не даст. Брайан ошибался, полагая, что, оберегая ее от забот и волнений жизни, поступает как любящий муж.

Нет, он делал ее жизнь пустой и бессмысленной, и Джейд не хотела мириться с этим. В конце концов, она личность и хочет жить самостоятельной полноценной жизнью. Смогла же она в России, несмотря на свое богатство и высокое общественное положение, успешно сделать карьеру! Чем скорее Брайан поймет, что она не пустоголовая дурочка, тем лучше будет для них и для их брака.

Прием состоялся в намеченный день и прошел вполне пристойно. Джейд вынуждена была признать, что выбранные Литой еда и напитки оказались вполне приемлемыми, а оркестр – хорошим. Однако она отказалась открыть для гостей помещения, помимо главной гостиной и парадной столовой. Вместо этого она распахнула застекленные двери, которые выходили на широкую веранду с ее прекрасным видом на реку, и пригласила гостей туда.

Лита сделала вид, что просит у нее прощения, сказав, что только выполняла распоряжения мистера Стивенса. Джейд испытывала сильное желание снова ее уволить, но потом передумала. В конце концов, та свое дело знала, и достаточно

того, что Джейд не будет больше предоставлять ей подобную свободу действий.

Все шло гладко до понедельника, которым началась неделя после приема, когда Джейд ответила на вопрос Брайана о том, какие у нее планы на этот день. Она сказала, что собирается пойти в студию и посмотреть, как там продвинулась работа.

– И я жду этой минуты с большим нетерпением, – добавила она. – Из-за приема у меня еще не было возможности там побывать, а мне этого страшно хотелось!

Они сидели в застекленной комнате для завтрака, допивая утренний кофе и наслаждаясь видом на реку. Не успела Джейд договорить, как Брайан резко поставил чашку и на лице его появилось напряженное выражение, которое теперь уже было ей знакомо.

– Я вчера перебирал почту, – холодно заметил он, – и видел приглашение на чай к миссис Джакобе Хаффстедтер на два часа дня. Ты собираешься идти туда после студии?

Джейд отрицательно покачала головой, подливая себе кофе из кофейника в форме груши, изготовленного из тонкого английского фарфора. Она мысленно решила, что следует сказать кухарке, что эта хрупкая старинная посуда предназначена для особых случаев, а не на каждый день. Для этого она чересчур дорогая.

– И почему же нет?

Джейд резко подняла голову. Тема была слишком триви-

альной, чтобы на ней задерживаться, так что мысли ее уже улетели далеко, и ей пришлось сделать усилие, чтобы вернуться к разговору.

– Что? Извини, я думала о другом.

– Я спросил тебя, почему ты не собираешься идти на чай к миссис Хаффстедтер, – раздраженно повторил он. – Ее муж – мой важный клиент, а она имеет немалый вес в обществе. Я надеялся получить приглашение на рождественский бал, который она каждый год дает в яхт-клубе; но, если ты будешь игнорировать ее приглашения на чай, она наверняка вычеркнет нас из своих списков.

Джейд пожала плечами. Она никогда не поймет, почему Брайана настолько волнуют подобные вещи.

– Ну, тогда мне придется прибегнуть к невинной лжи и отправить Литу с извинениями. Пусть она скажет, что у меня головная боль.

– Тебя могут увидеть. Это слишком рискованно. Мне было бы приятно, если бы ты сделала над собой усилие и пошла, Джейд. В конце концов, я прошу тебя об этом! И раз уж мы заговорили о студии, то я вообще начинаю сомневаться, следует ли тебе ее открывать.

Джейд настолько изумилась, что чуть не лишилась дара речи.

– Ч-что?! Ты это серьезно? Да ведь танец – это моя жизнь! И я давно мечтала преподавать...

Она отодвинулась от стола и устремила на него взгляд,

изумляясь тому, что он смог усомниться в этом.

Он переплел пальцы, посмотрел в окно на уходящий к реке газон, на воду, а потом, ухмыльнувшись, осведомился:

– Как ты сможешь танцевать, когда будешь носить ребенка?

– Я не беременна, Брайан, и буду думать об этом тогда, когда придет время. Я надеялась, что ты понимаешь и разделяешь мои мечты!

Его улыбка стала снисходительной.

– Мечты обычно уступают место реальности, Джейд, а реальность заключается в том, что теперь ты моя жена и у тебя есть определенные обязанности. И одна из них – светская жизнь.

Я хочу, чтобы ты пошла на этот чай.

Джейд понимала, что для Брайана эти слова равносильны приказу – на более резкие он не пойдет, зная, насколько она ненавидит всякое насилие. И тем не менее она должна была признать, что его счастье тоже ей дорого, и, если это так много для него значило, она готова уступить.

– Хорошо, – сказала она наконец, смирившись. – Я там появлюсь, но не стану уточнять во сколько именно. Ты знаешь, что в городе не всегда удастся найти кучера.

Напряжение сразу же рассеялось, и он посмотрел на нее с благодарностью.

– Наверное, нам пора купить экипаж специально для тебя – может быть, один из новых, безлошадных? – предложил он.

– Ну, к этому я пока не готова! – рассмеялась она. – Мы подумаем об обычном, четырехном, хорошо?

Позже, днем, когда Джейд осмотрела свою студию, с радостью обнаружив, что там все идет хорошо, она шла по переулку у самого Бродвея, и тут ей на глаза попался новый магазин. Над дверью висел странный аппарат, в котором она признала родственника «Глэдис», велосипеда мисс Франсез Уиллард. Любопытствуя, она вошла внутрь, и из-за прилавка с гордым видом вышел коротышка, отвесивший ей глубокий поклон.

– Доброе утро, мисс. Добро пожаловать в «Велосипедный эмпориум» Бастера Рейнана. Мистер Рейнан – это я, но можете звать меня Бастером.

Владелец оказался таким симпатичным, что Джейд невольно рассмеялась.

– Я миссис Брайан Стивенс, – представилась она. – Моя студия танцев скоро откроется в нескольких кварталах отсюда.

Он понимающе кивнул:

– Тогда вам предстоит такое же трудное дело, как и мне, мэм: народ тут так же не привык к школам танцев, как и к моим велосипедам. – Он жестом пригласил ее идти за ним. – Буду говорить честно: учиться танцевать я не собираюсь, но все равно готов выгодно продать вам одну из моделей моих новых машин.

Все дамы от них просто в восторге, когда привыкают к

новому.

Вот возьмем, например, эту...

Он продемонстрировал ей модель, объяснив, что она самая новая. У машины были два одинаковых колеса среднего размера.

– Этот велосипед считается безопасным, потому что он устойчив и легко тормозит. Он гораздо лучше прежних велосипедов с большим передним колесом. У меня есть модели со сплошными резиновыми шинами, но у этого новые, так называемые пневматические. Их изобрели в Европе – ветеринар из Белфаста. Все говорят, что будущее за ними.

– Мне эта модель нравится. А научиться ездить трудно? – спросила Джейд.

– Пойдемте, я вам покажу!

Он просто сиял. Если люди увидят на его велосипеде такую очаровательную леди, то это будет очень хорошо для бизнеса!

На Джейд была блузка из бледно-голубого льна с небольшим рюшем под подбородком, длинная юбка и короткий облегающий жакет из темно-синей хлопковой ткани. Шляпка у нее была маленькая и плоская, как требовала новая мода, и украшена яркими искусственными анютиными глазками. Наряд дополняли белые перчатки и белые высокие ботинки на пуговичках. Она решила, что эта одежда достаточно непринужденная, чтобы зайти в ней в студию, но в то же время достаточно элегантная для чая у миссис Хаффстед-

тер, так что можно было идти прямо в гости, не заходя домой, чтобы переодеться. Велосипед выглядел очень соблазнительно, но Джейд была не уверена, что может рисковать своим нарядом.

– Ну, чего это вы ждете? – поторопил ее Бастер Рейнан. – Да он так и просит, чтобы на нем поехали! Могу спорить, что у вас прекрасно получится!

Соблазн оказался слишком велик. Джейд подобрала подол и перекинула ногу через раму. Она понимала, конечно, что некоторые пришли бы в ужас от того, что была видна ее лодыжка, но ее это нисколько не смутило. Сейчас важно было одно: точно следовать указаниям Бастера.

Он подошел к ней, чтобы поддержать велосипед, положив одну руку на середину руля, а вторую – позади нее, на крошечное кожаное седло в форме груши. Она начала поочередно толкать ногами небольшие прямоугольные педали, громко расхохотавшись, когда велосипед поехал. Бастер пошел рядом, по-прежнему поддерживая машину. Она начала двигать ногами быстрее, потом поймала ритм, а он вдруг отпустил ее» отошел назад и торжествующе заорал:

– О'кей, миссис Стивенс, вы едете сами! Держите равновесие, и все будет в порядке!

С нервным смехом Джейд вцепилась в руль, неловко вращая педали и стараясь снова найти некий ритм. А потом вдруг колесо вильнуло сначала вправо, потом влево – и она оказалась на земле.

Бастер подбежал ей помочь:

– Не ушиблись? О, у вас отлично получалось! Но падают все, пока не научатся... Главное, не ушибиться сильно.

Джейд позволила ему помочь ей встать, а потом легонько оттолкнула в сторону и расправила юбку, не обращая внимания на то, что та немного запачкана: она просто влюбилась в велосипед. Он означал свободу. Она может ездить на нем от дома до студии и обратно, по всему Нью-Йорку. Ей больше не придется беспокоиться насчет кучеров!

Сияя от радости, она благодарно пожала Бастеру Рейнану руку:

– Я в полном порядке, а вы только что продали велосипед, сэр!

Она заплатила ему ту сумму, которую он назвал, а он услужливо обучал ее на незастроенном участке по соседству еще чуть ли не час. Потом, почувствовав себя достаточно уверенно, она приветливо помахала ему рукой и поехала по переулку, который вел обратно на Бродвей, направляясь на чай к миссис Хаффстедтер.

Джейд видела, что прохожие глазуют на нее: лицо у нее расплывалось в счастливой улыбке. Она ликовала, чувствуя себя настолько свободно, настолько беззаботно! Пусть у нее видны лодыжки, пусть с головы унесло шляпку... Мистер Рейнан сказал, что у нее природный дар: она освоила езду на велосипеде мгновенно, как колибри осваивают искусство пить нектар из цветков! Ей нравилось, что ветер обдувает ей

лицо, ей казалось, что она почти летит! Но больше всего ей нравилась независимость, которую дарил велосипед.

Мистер Рейнан посоветовал Джейд быть поосторожнее среди лошадей, экипажей, пешеходов и других велосипедистов, так что она немного уменьшила скорость. В конце недели, пообещала себе Джейд, она попросит Брайана, чтобы он отвез эту чудесную машину в их поместье на реке Гудзон. Там можно ездить по сельским дорогам так быстро, как ей вздумается, не беспокоясь о том, как бы на кого-нибудь не налететь. А может быть, Брайан захочет купить велосипед и для себя, и они смогут кататься вместе! О, она испытывала такой восторг, что готова была громко кричать, но ограничивалась тем, что махала рукой прохожим.

Некоторые улыбались, но большинство были шокированы при виде молодой леди, едущей по городу, выставя напоказ лодыжки, и смотрели изумленно и осуждающе.

Ей понадобился почти час, чтобы добраться до элегантного дома миссис Хаффстедтер, расположенного в Ист-Сайде. Джейд немного устала, но была опьянена радостью, чтобы обращать на это внимание. Она опоздала, наверное, часа на два, и некоторые дамы уже начали уходить, однако она обещала Брайану, что зайдет на приглашение, и намерена была сдержать слово.

Гости редко задерживались: положено было неспешно выпить две чашки чая, сгрызть три печеньица и съесть кусочек глазурного торта – вприкуску с отборными сплетнями Джейд

узнала миссис Анабелл Дженкинс и ее тетку, мисс Софию Болдуин: они как раз спускались по ступеням крыльца. Обе, по ее мнению, были слишком чопорны, так что она была не прочь их шокировать.

– Приветствую вас, дамы, – окликнула она их, слезая с велосипеда и бережно прислоняя его к стене. Показывая на машину, она торжествующе объявила:

– Красота, правда? Мисс Уиллард назвала свой велосипед «Глэдис», а я для своего имя еще не подобрала. Может, вы что-нибудь посоветуете?

И Джейд сверкнула озорной улыбкой.

Мисс София нахмурилась и осуждающе фыркнула:

– Если вы меня спрашиваете, то, по-моему, это просто непристойно. Сама мысль... Чтобы леди вот так показывала свои ноги!

Улыбка Джейд не померкла.

– О, какие ужасные вещи вы говорите, мисс София! Я подумала, что если мисс Уиллард может это делать, то отчего бы не попробовать и мне!

Та в ответ только еще раз фыркнула.

Миссис Дженкинс присоединилась к своей тетке, хмуро заметив:

– Все знают, что мисс Уиллард чудаковата. От нее и не такого можно ожидать!

Взмахнув кружевными зонтиками, они быстро прошли мимо.

Джейд прижала к губам затянутые в перчатки кончики пальцев, стараясь не рассмеяться. Она поднялась по ступенькам и собиралась уже постучать, когда дверь вдруг резко распахнулась. Показались еще две женщины: одна из них была сама миссис Хаффстедтер, которая прощалась с гостьей... А гостьей, как поняла вдруг похолодевшая Джейд, оказалась миссис Триеста Вордейн!

Секунду Джейд стояла неподвижно, а затем вдруг выпалила:

– Миссис Вордейн! Господи, это действительно вы!

Триеста застыла, и в ее расширившихся глазах появилось выражение... чего? Страх? Неуверенности? Удивления? Джейд не смогла этого определить.

– Вы должны помнить меня по пароходу. Произошел несчастный случай, но я цела и невредима...

Триеста задрожала: сначала едва заметно, словно в ознобе, а потом ее начала сотрясать крупная дрожь. Ее губы безмолвно шевелились, словно она не в силах была издать ни звука, а пальцы отчаянно впились в чугунные перила. Наконец, обретя голос, Триеста Вордейн пробормотала:

– Нет-нет, я вас не знаю!

Миссис Хаффстедтер, с любопытством наблюдавшая за сценой, вдруг встревожилась тем, как странно ведет себя Триеста.

– Что случилось? Вы так побледнели! Разве вы не знаете миссис Стивенс? Она только что вернулась после медового

месяца, и...

– Конечно, она меня знает, но не как миссис Стивенс, преврала ее Джейд, а потом сказала Триесте:

– Вы должны меня помнить! На корабле! Мы сидели вместе: вы, ваша дочь, я и...

Тут ее голос дрогнул: она вдруг осознала последствия того, что она чуть было не сказала. Все считали, что она приехала в Нью-Йорк из Ирландии, где Брайан познакомился с ней, как с дальней родственницей Марни. Если она добавит еще что-то, то миссис Хаффстедтер, как и остальные дамы, появившиеся у нее за спиной, поймут, что все это была ложь и что на самом деле она не та, за кого себя выдает.

Быстро покачав головой, Джейд извинилась, надеясь, что ее ужас не заметен для окружающих:

– Простите, Я вас с кем-то спутала. Наверное, мы с вами действительно незнакомы!

– Да-да, незнакомы! – Триеста даже рассмеялась от чувства облегчения. Она попятилась по ступеням, несвязно бормоча:

– Приятно было познакомиться, миссис Стивенс, но мне, право, надо торопиться.

Спустившись с лестницы, она чуть ли не пустилась бежать: так ей хотелось поскорее удалиться.

Джейд озадаченно смотрела ей вслед. У нее самой, конечно, была веская причина скрывать свою тайну, но что могло двигать Триестой Вордейн? Возможно, ее дочь, Лорена,

рассказала ей, что поделилась с Джейд своими любовными похождениями, и теперь Триеста опасается, как бы Джейд не стала распускать коварные сплетни.

Такое предположение выглядело убедительно, и Джейд смогла на минуту забыть о случившемся и поздороваться с хозяйкой дома.

– Это ваша машина, милочка? – спросила миссис Хаффстедтер, указывая на новенький красный велосипед.

Джейд гордо посмотрела на свою покупку:

– Даже не можете себе представить, до чего это великолепно. Вот когда попробуете, то...

– Именно это я и собираюсь сделать! – С чисто детским восторгом Джакоба Хаффстедтер сбежала вниз по ступеням. – Можно, милочка? – громко спросила она и, не дожидаясь позволения, села на велосипед.

Обрадованная Джейд быстро объяснила ей, что надо делать. Несколько гостей вышли на улицу посмотреть и, если им разрешат, тоже попробовать. Джейд обратила внимание, что некоторые дамы держались в стороне, и их лица выражали холодное осуждение. Они скоро ушли, но те, кто остался, не стали обращать на это внимания.

Время летело настолько быстро, что никто не заметил, как домой с работы вернулся Хорее Хаффстедтер. Он просто ахнул, увидев, как обычно сухие и сдержанные приятельницы его жены подпрыгивают на месте, умоляя, чтобы им тоже дали прокатиться на странной двухколесной машине, которую

называют велосипедом. А еще больше он изумился, когда обнаружил, что первая среди них – его супруга.

– Что тут происходит? – крикнул он, и тут все моментально повернулись к нему, горя желанием поделиться своим новым открытием...

К тому моменту когда Джейд подкатила к дому, уже начало смеркаться. Она не удивилась, увидев, что Брайан стоит перед домом. Она знала, что он будет беспокоиться, и сожалела о том, что не позвонила ему. Но тут он увидел ее новый велосипед – и выражение облегчения на его лице мгновенно сменилось той же неподвижной маской упрека, которую она сегодня так часто видела у тех, кто ее осуждал.

– Что такое? – Он бросился к ней. – Джейд, ты что, с ума сошла? Твои ноги...

Он протянул руки и схватил ее за талию, надеясь поскорее утащить в дом, пока соседи не увидели, но Джейд крепко вцепилась в руль.

– Брайан, прекрати! – запротестовала она. – Отпусти меня! Не...

Тут она потеряла равновесие, и они рухнули на землю вместе с велосипедом. Когда Джейд поспешно встала и увидела погнутые спицы переднего колеса, она закричала:

– Ах, Брайан! Смотри, что ты наделал! Ты его испортил!

– Вот и хорошо! – Он поднялся и ударил велосипед ногой. – Не могу поверить, что ты сделала такую глупость! А теперь пойдем в дом, пока тебя никто не видел!

Она уперлась ногами и стала вырываться, не давая ему увлечь себя в дом. Глаза ее негодуяюще сощурились.

– Например, Джакоба Хаффстедтер?

– А? Что? – Он непонимающе моргнул, а потом кивнул:

– Да, конечно. Она сочтет это верхом непристойности!

Джейд вырвала у него руку и, отбежав обратно, опустилась на колени рядом со своим велосипедом, чтобы лучше разглядеть его повреждения. Брайан озадаченно смотрел в ее сторону.

Повернувшись, она гневно посмотрела на него и продолжила свою тираду:

– И Элайза Помрой? Клодия Уитфилд? Джеруша Ледбеттер? Ты ведь не хотел бы, чтобы все эти дамы видели меня на велосипеде, правда?

– Конечно. А теперь иди, пожалуйста, в дом.

Решив, что повреждения не такие серьезные, как ей показалось вначале, так что Бастер Рейнап сможет привести велосипед в нормальный вид, она встала, вытерла ладони о свою и без того грязную юбку и вызывающе повернулась к Брайану:

– Ну так вот что я тебе скажу: я сегодня днем научила всех этих дам кататься на велосипеде, а завтра с утра они идут покупать себе такие же. И мы решили устроить клуб.

С этими словами Джейд повернулась к нему спиной и направилась к дому, возмущенно топая ногами.

– И вот еще что! – ехидно добавила она, оборачиваясь. –

Советую тебе купить велосипед и для себя, потому что мы собираемся на следующий уик-энд с велосипедами в Гудзон-Вэлли, чтобы вместе покататься.

– Нелепость! – Он плелся за ней, упрямо качая головой. – Подобной глупости я еще не слышал.

Но Брайан больше не протестовал, потому что знал: если Джейд приняла какое-то решение, ее уже не заставишь его изменить.

Кроме того, решил он, невольно улыбаясь, она смотрит-ся на велосипеде очень даже мило. Может, даже и он купит себе такой же: несмотря на его консервативные понятия, он вынужден был признать, что иногда нонконформизм жены казался ему весьма привлекательным.

Глава 25

Брайан не пришел от велосипедов в такой восторг, как Джейд, но вынужден был признать, что этот вид транспорта как нельзя больше подходит ее свободолюбивому духу. Однако он призвал ее к умеренности.

– Тебе больше подошел бы маленький трехколесный, или мы могли бы купить четырехколесный и ездить вместе.

– Мне нравится мой двухколесный, – упрямо твердила она. – И если бы ты попробовал, тебе тоже понравилось бы.

Они вместе отправились в магазин Бастера Рейнана, чтобы отдать в починку велосипед Джейд, и, получив его заверения в том, что к концу недели велосипед будет как новый, она начала упрашивать Брайана, чтобы он купил такой же и себе.

Он сказал, что подумает.

– Но если ты его купишь к концу недели, мы сможем покататься вместе со всеми, – настаивала она. – Это же самая последняя мода, Брайан!

Она повернулась к Бастеру, ища поддержки:

– Скажите ему. Скажите, что теперь все ездят.

Владелец магазина был более чем счастлив ей помочь.

– Это факт, сэр. И благодаря этой маленькой леди у меня столько покупателей, что я едва справляюсь. Все хотят купить велосипед для этого дня в Вэлли.

– Ну пожалуйста, Брайан! – взмолилась Джейд, сжимая ему руки. – Закажи себе велосипед, и мы скажем, чтобы его отвезли в наше загородное поместье одновременно с моим. И тогда мы можем купить еще два, чтобы пользоваться ими в городе. Пожалуйста!

Он засмеялся, глядя на нее с нежностью, и кивнул Бастеру:

– Ладно. Подберите мне такой, какой считаете нужным, и отправьте за город. А еще два – в наш городской дом.

Он дал ему визитку, чтобы Рейнан знал, куда отправить велосипеды, оплатил по счету, после чего они с Джейд отправились за покупками для предстоящего уик-энда.

Празднество устраивали мистер и миссис Леланд Хейс, потому что к миссис Хейс из Голландии приехали родственники и это стало хорошим предлогом для того, чтобы позвать гостей.

Праздничный уик-энд должен был начаться в субботу утром с завтрака на берегу, к которому вниз по обрыву от дома шла длинная и узкая лестница. Днем планировались прогулки на яхтах, но, когда стала известна идея Джейд проехать по сельским дорогам на велосипедах, всем захотелось принять участие в этом приключении.

Однако самым главным событием должен был стать бал, назначенный на субботний вечер.

Джейд и Брайан планировали уехать рано утром в пятницу, но в четверг вечером Брайан сказал, что ей придется

ехать без него.

– Я сегодня узнал, что завтра в Нью-Йорк на пароходе приезжает наш важный клиент из Лондона, – с сожалением объяснил он. – Вежливость требует, чтобы я его встретил, угостил обедом и помог устроиться в гостинице. Это его первый приезд в Америку, так что неловко оставлять его одного – он совсем не знает Нью-Йорка. Я приеду в воскресенье, на один день. А ты отправляйся, как было задумано, а для компании возьми с собой на бал Литу.

Джейд не хотелось брать Литу, но мысль о том, чтобы ехать одной, ее тоже не привлекала, так что пришлось согласиться.

Джейд казалось, что Брайан навязывает ей общество Литы для того, чтобы та потом докладывала ему обо всем, что происходило. Однако езда на велосипеде была новой свободой, которую Джейд намерена была сохранить любой ценой.

Дом Хейсов был расположен на высоком берегу примерно в трех милях севернее поместья Стивенсов. Он был трехэтажный, каменный, с широкой верандой, выходившей на дорогу и реку.

Аккуратно подстриженные вечнозеленые кустарники шли вдоль подъездной аллеи, а за ними начинались яблоневые сады. Дальше располагалась живописная лужайка с кустами, подстриженными в форме разнообразных животных, фонтанами и несколькими бассейнами с золотыми рыбками.

Именно там в субботу были накрыты столы для ленча – на белых льняных скатертях были расставлены блюда с разнообразными холодными закусками из рыбы, говядины и индейки, а также свежие овощи и фрукты.

Предлагалось невероятное количество лимонада, шампанского и прекрасных вин.

Джейд распорядилась, чтобы кучер выгрузил ее велосипед на главной дороге: тогда она могла бы сама проехать по подъездной аллее. При ее приближении гости приветствовали ее возгласами и аплодисментами. Когда Джейд оказалась на месте пикника, ее окружили желающие кататься на велосипедах вместе с ней, и она была рада увидеть не менее тридцати пяти велосипедов, которые стояли у мраморных скамеек, кустов, деревьев или были осторожно положены прямо на траву.

Подошедшая к ней Корнелия Хейс обиженно заявила, что узнала о велосипедной прогулке чересчур поздно, так что не смогла послать за ним в Нью-Йорк.

– Мне так обидно! О вашей прогулке разговоров больше, чем о сегодняшнем бале.

День был теплый, золотое солнце ласково улыбалось с кристально-голубого неба. Велосипедисты радостно сели на свои машины и – кто уверенно, а кто и едва-едва – выехали следом за Джейд на сельскую дорогу.

Катя впереди всех, Джейд подставляла лицо навстречу сладкому ветерку, чувствуя себя бесконечно счастливой. Как

много ей пришлось пережить, с невольной грустью подумала она, прежде чем она обрела желанный покой. У нее есть все, чего только может желать женщина: обожающий ее муж, два красивых дома, богатство, уважение всех, кто с ней знаком, множество друзей...

А скоро у нее будет и собственная школа танцев! С радостной дрожью она призналась себе, что поистине счастлива. Прошлое больше не имеет над ней власти. Единственное, для чего ей приходится оглядываться назад, – это чтобы проверить, не отстали ли от нее другие счастливые путешественники. И Джейд мысленно поблагодарила Бога за его щедрость.

Они доехали до подножия гор Кэтскилл, и, несмотря на всеобщий энтузиазм, было решено не переутомлять себя крутыми дорогами и повернуть в сторону озер Фингер. Однако даже и эта дорога оказалась непростой, и некоторые начали поворачивать обратно. И в этот момент, приветствуемый радостными криками, появился мистер Хейс вместе с теми, кто вынужден был остаться, не имея велосипедов. А вместе с ними прибыл фургон, нагруженный кувшинами с прохладным лимонадом, сахарным печеньем и сандвичами с индейкой. Хотя времени после ленча прошло немного, все проголодались: мало кто привык к подобным физическим нагрузкам.

Некоторые велосипедисты попросились в фургон, бросив свои велосипеды, которые потом должны были собрать слуги

Хейсов, однако большинство, как Джейд, получали слишком большое удовольствие от прогулки, чтобы поддаться чувству усталости. Прошло довольно много времени, прежде чем все решило, что пора возвращаться и готовиться к торжественному балу, который должен был состояться вечером. Джейд оставила свой велосипед у Хейсов: она рада была уехать домой в экипаже, который вызвала заранее.

Лита встретила ее у парадной двери дома, осуждающе прищелкивая языком и стараясь скрыть зависть из-за того, что она не принимала участия в таком развлечении.

– Вы очень поздно возвращаетесь! Вам придется собираться второпях... И только посмотрите на ваши волосы! Ветер их ужасно высушил.

Джейд махнула рукой и направилась наверх, в главные апартаменты, которые наконец были переоборудованы в соответствии с ее пожеланиями. Ничто в них не напоминало обстановку, выбранную Литой.

Лита плелась позади, умоляя Джейд поторопиться. Ей предстояло ехать на бал в качестве дуэньи, и у нее дух захватывало от предвкушения вечера в обществе богатой элиты Нью-Йорка и Гудзон-Вэлли. Она сама купила себе платье, хотя Джейд по доброте душевной предложила ей одно из своих, поскольку размер у них был почти одинаковый. Лита отказалась, предпочитая нечто более консервативное.

Джейд приготовила для бала свое самое любимое платье. Оно было сшито из серебряного атласа, и юбки у него от-

личались необычайной пышностью. Оно было задумано так, что во время танца подол чуть развевался, так что среди пышного кружева нижних юбок можно было заметить розовую атласную подкладку. Вырез корсажа был низким, но не вызывающим, а по всей длине рукава тянулся кружевной рюш. Такое же кружево было на широком поясе с большим бантом на спине. Но главная прелесть наряда заключалась в изящном шитье на груди, выполненном из черного жемчуга и крошечных бриллиантов. Джейд это дорогое платье (а одна вышивка стоила чуть ли не целое состояние) казалось самым красивым нарядом на свете – не считая, конечно, ее русского свадебного... Но теперь все те воспоминания казались ей пустым миражом.

У нее еще было время, чтобы вымыть голову и просушить длинные золотисто-рыжие волосы на террасе, под ветерком, дувшим с реки. Потом она сама их уложила пышной волной надо лбом и закрепила пряди изящными заколками с бриллиантами и белым жемчугом.

После свадьбы Брайан вручил Джейд резной ларец из розового дерева с подушечками из белого атласа: там хранились дорогие украшения, которые принадлежали нескольким поколениям женщин из семьи Стивенсов. Джейд знала, что некоторые из них надевала Марни – а может быть, и все, – но она сказала себе, что это не имеет значения. Марни умерла, как и все остальные женщины, когда-то украшавшие себя драгоценностями из этого ларца. Для бала она выбра-

ла серьги с изумрудами и бриллиантами и такие же колъе и браслет.

Доставая украшения из шкатулки, Джейд увидела там кольцо с большим бриллиантом, окруженным рубинами и жемчугом.

Она достала его и уже собралась было надеть на палец, но передумала, глядя на кольцо Китти, которое она по-прежнему не снимала. Несмотря на ее нынешнее счастье и уверенность в том, что с прошлым все покончено, она почему-то не могла расстаться с этим кольцом.

Джейд поспешно закрыла крышку шкатулки – драгоценности исчезли, а следом за ними и печальные мысли.

Хотя Лите предстояло держаться в стороне, среди компаньенок, камеристок и дуэний дам, прибывших без спутников-мужчин, она все равно была в восторге и весь недолгий путь до дома Хейсов трещала не переставая. Джейд была рада расстаться с ней у дома, когда пошла к парадным дверям. Лите предстояло входить в дом через дверь для прислуги.

Прибыв на бал с таким опозданием, какое диктовалось модой, Джейд сразу же оказалась в кругу энтузиастов велосипеда, которым хотелось поболтать о приятно проведенном дне и спросить, на какое время будет назначена следующая поездка. Джейд обнаружила, что стала некой неофициальной предводительницей нового клуба, – и это ей нравилось. Ей только было жаль, что рядом нет Брайана: она не сомневалась, что, увидев всеобщее оживление, он тоже заразился

бы велосипедной лихорадкой.

В великолепном холле загородного особняка Хейсов мог поместиться среднего размера дом. Полы были из итальянского мрамора, к потолку уходили огромные колонны, которые этим вечером были увиты вьющимися розами. В центре помещения бил огромный фонтан, сверкая струями игристого шампанского.

Среди ярких пузырьков плавали ягоды земляники, вишни и голубики. Восхищенные гости то и дело подходили к нему, чтобы наполнить свои бокалы. Джейд присоединилась к ним, довольная тем, что друзья Хейсов не выступают против алкогольных напитков.

За холлом находилась главная бальная зала, тоже с мраморными полами и колоннами. У застекленных дверей, уходящих на террасу, сидел оркестр, так что его музыка была слышна и на улице.

Воздух был напоен ароматом самых различных цветов: тут были гардении, магнолии, лаванда, сирень, душистый горошек, гвоздики...

Величественные дамы в элегантных нарядах словно источали сияние: их ослепительные драгоценности сверкали и переливались под светом великолепных хрустальных люстр.

Собрание было просто восхитительным, и Джейд снова и снова жалела о том, что с ней нет Брайана, который смог бы разделить ее чувства: несмотря на то что ее окружали приятные люди, она чувствовала себя одинокой.

Корнелия Хейс не ограничилась тем, чтобы просто предложить гостям блюда со всевозможными яствами, как это было за завтраком и ленчем. Вечер требовал гораздо большей помпы, и по ее сигналу оркестр затих, и дробь барабанщика призвала всех гостей к вниманию. И тут вереница лакеев в ярких куртках из красного атласа начала входить в бальную залу. Каждый нес огромный круглый поднос, на котором были разложены самые вкусные блюда, приготовленные поварами, специально нанятыми для этого события.

Корнелия решила попотчевать своих гостей голландской кухней. Были поданы густой гороховый суп с острой колбасой, блюдо из рубленой говядины, тушеные овощи с мясом, а также копченые угри, жареный палтус и зеландские устрицы.

Для любителей сладких десертов были предложены чудесные пряники и фруктовые оладьи.

И конечно, дело не обошлось без столь любимого голландцами сыра. Каких только сортов здесь не было!

Когда угощение было выставлено полностью, официанты встали в один длинный ряд и одновременно отвесили глубокий поклон. Зал взорвался общими аплодисментами.

После ужина Корнелия отыскивала Джейд, чтобы уговорить ее дать урок вальса.

– Если вас не обидит моя просьба... – почти виновато сказала Корнелия. – То есть... у меня такое чувство, будто хозяйка приема – это вы: вы так много сделали для того, чтобы развлечь гостей. Не подумайте, что я злоупотребляю вашей

любезностью.

Джейд рассмеялась и заверила ее в том, что она получает огромное удовольствие в качестве ее гостыи.

Корнелия прошла с ней к оркестру.

– Я уверена, что вы все знаете миссис Стивенс... недавно вышедшую замуж Джейд О'Бэннон Стивенс, – добавила она с многозначительным смешком.

Раздались одобрителльные возгласы, и Джейд почувствовала, как на душе у нее потеплело. К ней хорошо относятся! Она знала это, и ей приятно было сознавать, что люди искренне тянутся к ней, даже ничего не зная о ее происхождении! А это для Джейд было крайне важно.

– ..и вам всем известны ее разнообразные таланты, – говорила тем временем Корнелия. – Джейд не только учит нас ездить на велосипедах... – она сделала паузу, чтобы насладиться добродушным смехом окружающих, – ..но и превосходно танцует. Очень скоро она собирается открыть в Нью-Йорке студию, и сегодня наша гостыя согласилась порадовать нас демонстрацией своего таланта.

Корнелия сделала жест в сторону Джейд, и снова раздались одобрителльные возгласы и аплодисменты, под звуки которых Джейд смущенно и гордо вышла вперед.

Она снова немного рассказала о вальсе, повторив то, что уже говорила на «вечеринке с вафлями», а потом попросила, чтобы кто-нибудь согласился стать ее партнером. Оркестр начал играть.

Настроение у всех было превосходное. Всякий раз, когда вальс заканчивался, появлялся новый жаждущий научиться популярному танцу. И все больше и больше пар присоединялось к ним.

В конце концов после почти часа непрерывного кружения Джейд сумела направить своего партнера к одной из дверей, ведущих на террасу, и когда музыка закончилась, незаметно выскользнула из бальной залы.

Ночь была теплая, и Джейд с наслаждением медленно прогуливалась по широкой террасе, откуда видна была река, шелковистые струи которой целовало сияние луны.

Неожиданно за ее спиной раздался чей-то негромкий кашель: какой-то мужчина вежливо давал ей знать о своем присутствии.

Она остановилась, не поворачиваясь, в надежде, что этот человек поймет намек, но в следующую секунду он заговорил:

– Миссис Стивенс.

Джейд слегка вздрогнула. В конце концов, она на балу и должна радоваться, что настолько популярна.

Джейд повернулась, весело шурша своим атласным платьем.

– Надеюсь, вы не хотите танцевать, потому что я так...

Она не договорила. В нескольких шагах от нее стоял Колт, и на лице его была странная, но приветливая улыбка.

Он шагнул было к ней, но остановился, заметив выраже-

ние ужаса у нее на лице.

– Я вас испугал, миссис Стивенс?

Джейд слегка прищурилась. Почему он обращается к ней так официально? Ну что ж, если он хочет, чтобы их первая встреча прошла именно так, она подыграет ему. Стараясь, чтобы голос не выдал ее волнения, Джейд резко ответила:

– Да, испугали.

Он склонил голову набок, словно был удивлен тем, что она говорит так гневно, почти с яростью.

– Извините, я этого не хотел. Я собирался сказать вам, какое огромное удовольствие получил от вашего танца. Миссис Хейс права. Вы очень талантливая леди. Но я вижу, что вам хочется побыть одной. Извините, что помешал.

Улыбка его погасла, и, коротко кивнув, он резко повернулся и вышел.

Джейд застыла на месте, не в силах поверить в то, что сейчас произошло.

– Колтрейн! – Какой-то мужчина добродушно окликнул Колта, когда тот оказался в дверях, ведущих с террасы в дом. – Как твой малыш и его мать?

Услышав нотки гордости в радостном ответе Колта, Джейд невольно поморщилась от боли.

– Прекрасно. Оба. Mamочка жалела, что пропустит сегодняшнее празднество, но...

Он вошел в дом, и музыка заглушила его дальнейшие слова.

По всему телу Джейд прошла судорога. Но это было даже к лучшему: она отвлекла ее от тошноты, которая начала было подступать к самому горлу.

«Господи, – беззвучно прошептала она, ощущая на губах вкус соленых слез, – как он мог притвориться, будто не знает меня?!»

И она вынуждена была признаться, что это был самый жестокий удар из всех, что ей уже пришлось вынести.

Глава 26

Остаток вечера прошел как в тумане. Наконец Джейд отыскала Литу, пожаловалась на головную боль и уехала с бала.

Ночь она провела без сна.

Джейд понимала, что рано или поздно она должна была встретиться с Колтом в обществе. Конечно, он никогда не любил светских увеселений, но, возможно, женился на женщине, которой они нравились, И, кроме того, он должен был работать с людьми, занимавшими в обществе видное место, – с Вандербильтами. Она заранее готовилась к возможной встрече с ним – обещала себе, что будет осторожной, холодной, недоступной. Однако она никак не ожидала, что Колт просто сделает вид, будто не знает ее. Тем более что они были совершенно одни на террасе и могли воспользоваться этим, чтобы откровенно поговорить, хотя бы обсудить те роли, которые будут играть в обществе, решить, как вести себя в случае неожиданных встреч. Так почему же Колт счел нужным так ранить ее? Она ничем не заслужила такого к себе отношения!

Рассвело, а Джейд так и не смогла заснуть. Посмотрев в зеркало, она убедилась в том, что выглядит просто отвратительно. Глаза опухли и покраснели, щеки были мертвенно-бледны, волосы спутались. Поскольку Брайан намеревал-

ся приехать рано, ей необходимо было срочно привести себя в порядок, иначе он начнет задавать вопросы, а она не хотела рассказывать ему о встрече с Колтом.

По крайней мере пока не хотела.

Сейчас надо было решить, что ей следует предпринять в ближайшем будущем, как вести себя. И чем больше она думала об этом, тем больший гнев испытывала.

Как он смел?!

Ну и что с того, что его любовь к ней не была такой глубокой, как она думала? Неужели ему нужно было ранить ее еще сильнее? Унижать ее?

К тому времени когда приехал Брайан – на домашний ленч, который она задумала только для них двоих на веранде, – Джейд уже приняла решение. Она проглотила горькую пилюлю, которую ей уготовила судьба, и решила действовать открыто и прямо. Она найдет Колта, поговорит с ним и спросит: что же, черт возьми, происходит?!

Брайан и не догадывался о том, какие страсти бушуют в душе его жены, – Джейд улыбалась и непринужденно болтала, рассказывая обо всем, что происходило на уик-энде.

У нее были свои планы... Правда, Джейд испытывала некоторую долю вины, так как ей приходилось невольно использовать Брайана в своих целях. Так, для того, чтобы лишний раз напомнить себе о том, что Колт ей абсолютно безразличен, она решительно увела Брайана в спальню, где он па несколько часов превратился в счастливого пленника: ее

страсть казалась просто ненасытной.

Когда рано утром следующего дня Брайан ушел в контору, которая теперь была в нескольких кварталах от дома, уничтоженного огнем, Джейд немедленно нашла адрес конторы Вандербильтов. Она была расположена на другом конце города, так, что добираться туда на велосипеде ей пришлось почти целый час, но только этот вид транспорта обеспечивал ей полную свободу от Литы. Она едва добралась до конторы Вандербильтов и, совершенно измученная, присела на скамейку под тенистым деревом, чтобы передохнуть, прежде чем зайти во внушительное здание.

Ее сердце отчаянно колотилось не столько от быстрой езды, сколько от волнения, вызванного скорой встречей с человеком, которого она когда-то любила и к которому теперь испытывала только холодное презрение.

Приемная была обставлена прекрасно: диваны с пестрой обивкой, изящные столики, в вазах свежесрезанные розы, хорошие картины на стенах. На окнах висели мягкие белые занавеси, и вся атмосфера была очень приятной.

Молодая женщина с ярко-синими глазами и приветливой улыбкой сидела за столом секретарши.

– Добрый день. Чем я могу вам помочь?

– Я бы хотела видеть мистера Колтрейна. У меня не назначена встреча, но...

– О, мистера Колтрейна нет, – жизнерадостно сообщила ей та. – Может, кто-то его заменит?

Джейд так решительно покачала головой, что девушка удивленно приподняла брови. Ее взгляд с любопытством скользнул по Джейд.

– Мистера Колтрейна здесь никогда не бывает. Он заходит изредка, но встреч для него я не назначаю. Он официально так и не начал здесь работать, и... – Ее голос замолк, а любопытство явно усилилось. – А какое именно дело привело вас в «Вандербильт энтерпрайзиз»?

Джейд почувствовала растущую настороженность своей собеседницы и поняла, что должна действовать продуманно, иначе ее попытка связаться с Колтом не даст результатов. Изобразив такую же любезную улыбку, какой ее встретила секретарша, она непринужденно сказала:

– О, я здесь вовсе не по делу. Видите ли, я была знакома с мистером Колтрейном в Европе. Мы дружны с его родителями, и, когда я поехала в Америку, они просили меня обязательно с ним повидаться.

Похоже было, что секретарша испытала немалое облегчение, услышав столь простое объяснение.

– О, понятно. Вы наверняка слышали о том несчастном случае, который с ним произошел? – спросила она, вдруг начав источать сострадание и сочувствие.

Джейд постаралась остаться спокойной.

– Да, но я считала, что сейчас он совершенно здоров.

Опасливо осмотревшись, не слышит ли кто-нибудь их разговора, молодая особа с явным удовольствием стала делить-

ся мыслями, которые ей приходилось держать при себе.

– Ну, только не говорите, что услышали это от меня, – сказала она приглушенным голосом. – Но мне вовсе не кажется, что он поправился, – и Вандербильтам тоже. Вот почему они советуют ему пока не начинать работу. Видите ли, у него бывают такие головные боли...

– Головные боли? – переспросила Джейд.

– Да. Насколько я слышала, во время шторма на корабле он получил сильный удар по голове. Знаете, какое-то время врачи даже считали, что ему не выжить.

– Нет, я ничего не знала. – Джейд покачала головой, еще сильнее раздув желание секретарши посплетничать. – Наверное, его родителям специально не стали сообщать подробностей, потому что те уже в годах. Его отец нездоров. Я понятия не имела, что все было настолько серьезно!

– О да, очень серьезно, – возбужденно подтвердила девушка. Ее глаза горели от радости, что это она первая рассказывает Джейд о случившемся. – Он был ранен на корабле, когда плыл сюда, и, говорят, получил очень сильный удар – долгое время лежал без сознания. И теперь у него все еще бывают сильные головные боли, так что Вандербильты хотят, чтобы он не приступал к работе, пока не поправится окончательно. Кроме того, он недавно стал отцом и теперь совсем не появляется в конторе. Да и вряд ли он начнет работать. Тем более что деньги ему не нужны.

Джейд смотрела на нее, не зная, что говорить дальше.

– А вы не знали про ребеночка? – торжествующе спросила секретарша. «

– Нет, – солгала Джейд. – Я давно не имела вестей от Колтрейнов. Я здесь всего несколько недель... и только сейчас решила связаться с их сыном... – Тут она решила воспользоваться явной расположенностью девицы и воскликнула:

– А почему бы мне не отправиться к нему домой? Куплю подарок ребенку, познакомлюсь со всеми его родными, – оживленно проговорила она. – Подскажите мне его адрес, и я сейчас же туда поеду!

Девушка не колебалась: ей казалось очень важным принять участие в устройстве встречи старых знакомых. Она нацарапала адрес на листочке бумаги и вручила его Джейд со словами:

– Обязательно передайте мистеру Колтрейну от меня привет. Он такой милый!

Джейд посмотрела на адрес: самый престижный район – район Центрального парка.

– Да, – ровным голосом проговорила она, холодея от отращения, – да, очень милый...

Джейд еще раз проехала по городу, не замечая ничего вокруг себя. Она могла думать только о том, что скоро окажется лицом к лицу с жалким подонком, который так ее одурачил.

Приблизившись к дому, расположенному в глубине участка и отделенному от улицы витыми чугунными решетками,

Джейд подумала с горькой иронией: сколько раз она проходила мимо этого самого дома, направляясь пить чай по соседству и возвращаясь домой, и не знала, что здесь живет Колт! Она должна была бы почувствовать действие каких-то сил: раскат грома или поднявшийся смерч, – которые свидетельствовали бы, что этот предатель находится неподалеку.

Прислонив велосипед к ограде, она тщательнее завязала ленты украшенной искусственными цветами соломенной шляпки и посмотрела на величественное здание с широким портиком, колонны которого были скрыты зарослями летних выюнков. В строгих башнях второго этажа по углам здания были витражные окна.

Джейд знала, что скорее всего столкнется с новой миссис Колтрейн, но что из этого? Пусть узнает правду. Пусть страдает, как страдал Брайан. Почему эту женщину нужно защищать от жестокой реальности? Почему она должна жить беззаботно и счастливо со своим обожаемым младенцем и нежно любящим мужем, тогда как Джейд будет терпеть холодное равнодушие со стороны человека, которому когда-то принадлежали ее тело и душа?!

Сделав глубокий вдох, она решительно прошла по выложенной кирпичом дорожке, взялась за кольцо дверного молотка и громко им ударила.

Ожидая, она смотрела на красивую садовую мебель перед домом: выполненные из чугуна и выкрашенные белой краской круглый столик, четыре стула и несколько скамеек. Ря-

дом стояли пальмы в кадках, резные деревянные качели...

Наконец за дверью послышался шум шагов и запыхавшийся голос с досадой проговорил:

– Да-да. Иду, иду!

Дверь открылась, и из-за нее выглянула полная пожилая женщина в длинном белом муслиновом платье и переднике. Она явно была недовольна тем, что ей помешали.

– Вам что-то надо, мэм? – спросила служанка.

– Мистера Колтрейна, – ответила Джейд скрипучим голосом, который сама не узнала. – Я хотела бы видеть мистера Колтрейна.

– Его нет, – ответила ей женщина. – Можете оставить визитную карточку.

Она приготовилась закрыть дверь.

Джейд ухватила за нее:

– Когда он вернется?

– Не знаю. – Служанка хмуро посмотрела на руку, не дававшую ей закрыть дверь. – Если не хотите оставлять карточку...

– Где я могу его найти?

– Он гостит в Вэлли. А теперь извините – у нас в доме маленький ребенок, и мы ужасно заняты, а я...

– Но мне надо его видеть! – Джейд не только не отпустила дверь, но и выставила ногу, не давая ее закрыть. – Просто скажите мне, у кого он гостит, и я отправлюсь туда.

«Если я зашла настолько далеко, – подумала она, – то не

отступлюсь, пока его не найду!»

Служанка сузила глаза.

– А как насчет того, чтобы повидать миссис Колтрейн? Я могу сказать ей, что вы здесь, если вы дадите мне свою визитную карточку, – подчеркнуто добавила она, намекая, что Джейд не знает, как надо себя вести.

– Нет, я не хочу ее видеть.

Внезапно в глубине дома раздался раздраженно-любопытствующий голос:

– Аннабель! Что там происходит? Кто там? Не держи дверь открытой, мухи налетят!

Дверь вдруг широко распахнулась, и Джейд оказалась лицом к лицу с Триестой Вордейн!

– Что... что вы тут делаете? – ахнула Триеста.

Джейд изумилась не менее ее Неужели ей дали неверный адрес? Нет. Конечно, нет! Служанка только что спросила ее, не хочет ли она поговорить с миссис Колтрейн. Тогда почему же здесь находится Триеста Вордейн и чувствует себя явно как дома? Джейд напряглась, в ее сознание закралось страшное подозрение – А что здесь делаете вы? – спросила она с вызовом.

Аннабель вдруг побелела от злости.

– Да кто вы такая, чтобы задавать такие вопросы? – рявкнула она. – Миссис Вордейн живет здесь! Грубиянка этакая, убирайтесь отсюда, пока я не позвала полицию!

– Достаточно, Аннабель. – Побледневшая Триеста поджа-

ла губы и легонько толкнула служанку в плечо. – Возвращайся на кухню. Я сама разберусь.

Джейд казалось, будто она стремительно листает в обратном порядке страницы хорошо известного ей романа. Она отчаянно пыталась разобраться в происшедшем. Колт женился на дочери Триесты! Лорена Вордейн не стала тратить времени даром она воспользовалась состоянием Колта, который должен был одновременно оправляться от опасной раны и сильного горя.

Она поспешно забеременела и связала его чувством ответственности Взгляды Джейд и Триесты схлестнулись, в них читались ярость и холодный вызов.

– Как вы меня нашли? – спросила Триеста, когда служанка неохотно скрылась в доме.

– А я вас и не искала, – гневно ответила Джейд. – Я искала Колта. Я видела его на прошлой неделе на балу, и он сделал вид, будто меня не знает. Я хотела выяснить, почему он так поступил, – и теперь знаю. Ему было стыдно!

– Убирайтесь! – угрожающе прошипела Триеста. – Убирайтесь отсюда и больше никогда здесь не появляйтесь. Иначе вы об этом пожалеете!

Джейд гордо подняла голову, сморгнув слезы возмущения.

Господи, она ожидала чего угодно, но только не этого!

– Я пришла не для того, чтобы устраивать скандалы, – ледяным тоном сообщила она. – Я пришла поговорить с Кол-

том и задать ему кое-какие вопросы, но теперь мне нет нужды это делать, потому что я уже получила ответы.

Она отступила на шаг, готовясь уйти.

– Получили, это точно! – отрезала Триеста; угрожающе сузив глаза. – И теперь я приказываю вам убираться! И не вздумайте открывать рот, тогда никому не будет плохо. Брайан Стивенс – прекрасный человек, и Колт счастлив, так что вам нечего совать сюда свой нос!

Джейд отвернулась. Теперь она понимала, почему Колт сделал вид, будто не знает ее. Так он дал ей знать, что иного пути у них нет. Не важно, что она осталась жива. Не важно, что когда-то они любили друг друга, были мужем и женой. У них обоих теперь новая жизнь, и самое разумное – это сделать вид, что они вообще не были знакомы. Возможно, подумала она, падая духом, так действительно лучше.

– Мама, что тут происходит?

Джейд уже спустилась со ступеней, но звук нового голоса заставил ее резко обернуться – она увидела бледное, изумленное лицо Лорены Вордейн, недоверчиво глядевшей на нее.

– О Боже, это она... – прошептала Лорена. – О нет... нет, этого не может быть. Она ведь умерла...

На глазах изумленной Джейд Триеста Вордейн схватила дочь за горло и с силой запихнула обратно в дом. Пока дверь не захлопнулась, Джейд успела услышать ее крик:

– Замолчи! Молчи, слышишь?!

Несколько мгновений Джейд в немом изумлении взирала на закрытую дверь. Краем глаза она заметила, что женщина из соседнего дома, привлеченная шумом, вышла на крыльцо и делает вид, будто поливает герань. Джейд медленно повернулась и, спотыкаясь, побрела по дорожке к тому месту, где оставила свой велосипед. При этом она ошеломленно думала о том, что Лорена, оказывается, не знала о том, что она жива. Ее мать ничего ей не сказала. И Колт тоже.

Но почему Лорена?

Почему Колт женился на ней? Лорена ведь ничуть его не привлекала: его только позабавил рассказ Джейд о том, как эта девица сбежала в Европу со своим молодым человеком, и о том, как она горюет из-за того, что мать заставила ее вернуться домой.

Тогда почему же в своем горе он обратился именно к Лорене Вордейн? И что еще более непонятно, как он мог согласиться жить в одном доме с Триестой Вордейн: ведь эта женщина не нравилась ему так же сильно, как и самой Джейд!

Джейд села на велосипед и немного отъехала, но в этот момент ее внимание опять привлекла любопытная соседка, спустившаяся с крыльца и приближающаяся к ней, делая при этом вид, будто выпалывает сорняки вдоль дорожки.

– Хэлло! – окликнула ее Джейд, ухитрившись говорить весело и жизнерадостно, несмотря на терзавшую ее муку. – Ваш двор выглядит просто чудесно!

Женщина лет около семидесяти посмотрела на нее с неко-

торым подозрением.

– Спасибо, – медленно отозвалась она, а потом откровенно спросила:

– Чего это Триеста на этот раз разоралась?

Джейд пожалала плечами, не подавая виду, что ей неприятно такое любопытство: она собиралась воспользоваться им в своих целях.

– Не знаю. Я просто спрашивала у нее дорогу. Я разыскиваю... – Она помолчала, пытаясь придумать какое-нибудь имя, незнакомое старухе. – ..Мисс Литу Тулейн. Вы не знакомы с этой семьей?

Женщина отрицательно покачала головой.

– Не с чего было Триесте на вас кричать. Наверное, она мало спит из-за новорожденного.

Она повернулась, чтобы идти обратно, явно разочарованная тем, что не услышала чего-то более интересного.

– А что, она всегда так легко выходит из себя? – невинно спросила Джейд.

Старуха обернулась и многозначительно кивнула:

– О да. Вредная она. Никому не нравится. Она десять лет со мной не разговаривает, а мне наплевать. Я только счастлива за ее дочку. Лорена всегда была милочка и наконец-то нашла себе приличного мужа. Кажется, хороший человек. Я изредка вижу его во дворе, и он всегда улыбается и машет рукой. Только им обоим было бы лучше жить своим домом. Быть рядом с Триестой Вордейн мало радости.

С отвращением покачав головой, она прошлепала по ступеням и исчезла у себя в доме.

Джейд задумалась. Действительно, почему Колт живет с Триестой в одном доме? Почему? О Господи, здесь было так много непонятного!

Чувствуя настоящую тошноту, она начала яростно крутить педали, желая как можно дальше уехать от этого дома.

Какая ей разница, на ком именно женился Колт, спрашивала она себя, или почему это произошло? Главное заключается в том, что он принадлежит другой женщине, так же как она – другому мужчине. У него есть ребенок, а у нее – обожающий ее муж. И если Колт способен смотреть ей прямо в глаза и притворяться, что не знает ее, прекрасно. Она это переживет.

Однако ее сердце мучительно сжалось: переживет ли?

Глава 27

Жизнь должна продолжаться, решила Джейд. И с каждым новым днем ей становилось все легче смотреть в будущее, а не в прошлое, и воспоминания о Колте ранили ее все меньше и меньше. В конце концов, у нее была новая жизнь – хорошая жизнь.

Очень скоро должен был наступить тот день, когда она сможет открыть студию и вернуться к танцу, который любила всю свою жизнь.

Брайану по-прежнему трудно было скрывать свое недовольство ее решением открыть студию. Ему казалось, что Джейд жертвует ради нее своими появлениями в обществе и в каком-то отношении даже их семейной жизнью.

– Когда я прихожу домой, тебя еще нет, – пожаловался как-то Брайан. – Тебе некогда звать гостей, некогда самой ходить в гости. Ну, скажи, когда ты в последний раз была у кого-то на чае?

Джейд этого не помнила, да и ей это было неинтересно. Она так и сказала об этом Брайану, рискуя вызвать его гнев. Так оно и случилось. Брайан сделал ей выговор, почти не скрывая своих чувств:

– Я знаю, что ты любишь танцевать, дорогая. Но ты должна помнить и то, что теперь ты – женщина замужняя, и у тебя есть обязанности, не только по отношению ко мне, но

и по отношению к нашим друзьям и к обществу в целом. Мне говорят, что ты уходишь из дому каждое утро, следом за мной, и целый день тебя нет. Ты якобы проводишь все это время в своей проклятой студии. – Он вздохнул и покачал головой. – Так не может продолжаться дальше. Ты должна составить свой распорядок дня так, чтобы в нем оставалось время и на другие вещи, Джейд. Ты меня очень огорчаешь.

– Я не хочу тебя огорчать, – честно заверила его она, – но ты должен понять, что я дорожу своей самостоятельностью, Брайан. И мне важны не чаи и приемы. По-моему, ты несправедлив, когда обвиняешь меня в том, что я пренебрегаю нашим браком. Да, бывает, что я опаздываю к обеду, но это продлится недолго: только до концерта. Мы все вечера проводим вместе, правда, ты всегда стремишься все испортить своим вечным брюзжанием, – довольно едко закончила она.

Брайан продолжал злиться, но Джейд не хотела отказываться от своей мечты. Каждый раз, когда он начинал возражать и жаловаться, она устало обещала ему, что скоро все уладится: она откроет студию и будет придерживаться определенного распорядка дня.

И вот наступил день, когда работы в студии были завершены: зеркала установлены на места, как и полированные перекладыны, полы приведены в превосходное состояние, уборные покрашены и оклеены новыми обоями, а их проемы завешаны тяжелыми портьерами. Высокие, сверкающие чи-

стотой окна впускали в помещение массу света. Стены были выкрашены в светло-абрикосовый цвет с бледно-зеленой каймой. Личный кабинет Джейд представлял собой альков, спрятанный за большим экраном и множеством пальм в кадках. Собственноручно написав чуть ли не пятьдесят приглашений, Джейд вручила самое первое Брайану, присоединив к нему свою личную просьбу прийти.

– Будут чай и танцы, – сказала она. – В два часа дня, в среду. Я уже заказала закуски и нашла скрипача, который будет мне аккомпанировать. Я намерена продемонстрировать студию и танцы, которым собираюсь учить, но главным образом буду исполнять балетные танцы, – с гордостью добавила она. – Ты еще никогда не видел, как я танцую, Брайан, и мне хотелось бы, чтобы ты пришел.

Несмотря на всепоглощающую любовь к Джейд, Брайан был совершенно равнодушен к ее увлечению танцем. Он испытывал нечто вроде ревности, наблюдая, с каким энтузиазмом Джейд обустроивала студию. Нет, он не желал видеть этого облака, омрачавшего чистое небо его счастья.

– У меня деловое свидание, – отрывисто и ядовито бросил он.

Джейд было больно, но она это скрыла. Она знала, что Брайан солгал, но не стала спорить. Рано или поздно он должен был понять, что балет и студия не представляют для него опасности, что без танца она не мыслит себе жизни.

Утром в среду Джейд не спустилась вниз к завтраку. Ко-

гда Брайан вставал с постели, она сделала вид, что спит. Она боялась, что не выдержит и снова станет просить, чтобы он пришел в студию, а это значило бы унижаться перед ним. Она его пригласила. Он отказался. И нечего беречь рану.

К открытию Джейд сама придумала себе костюм из розового атласа и кружев. Ее длинные золотисто-рыжие волосы были убраны в тугий узел, на голову она надела веночек из крошечных шелковых розеток, кружева и лент, который напоминал сказочную корону. Выписанное из Парижа трико было наконец доставлено, как и драгоценные туфельки-пуанты с длинными атласными лентами, которыми она умело обвила ноги до середины икр.

Она собиралась исполнить балетные номера из своих любимых постановок, требовавшие особого исполнительского мастерства, а затем сменить пуанты на простые туфельки и продемонстрировать вальс.

Лита, конечно, тоже должна была присутствовать: помогать подавать угощение и встречать гостей. Она не раз умоляла Джейд научить ее основным движениям, и ей было обещано, что она окажется в числе учениц, несмотря на ее возраст и отсутствие опыта.

Почти все приглашения были приняты, и спустя полчаса после назначенного часа Джейд с радостью увидела, что ее студия полна гостей. Она решила, что, даже если половина присутствующих запишут своих детей, ей придется нанять себе помощников – иначе у Брайана действительно появятся

основания жаловаться на то, что она уделяет ему слишком мало внимания.

Джейд с Литой стояли за экраном, закрывавшим вход в ее личный кабинет, когда Лита вдруг ахнула:

– О Боже, зачем вы ее-то пригласили?

Проследив за изумленным взглядом Литы, Джейд увидела миссис Дженис Стоукс.

– Я повсюду на нее натыкаюсь, – ответила она, пожимая плечами. – Было бы невежливо, если бы я не включила ее в число приглашенных.

– Но она злобная сплетница!

Джейд согласилась и добавила:

– Советую следить за тем, что вы при ней говорите. С такими, как она, иначе нельзя.

– Смотрите – еще цветы! – взвизгнула Лита.

Джейд увидела, что в двери вошел мальчик-посыльный, чуть ли не сгибающийся под тяжестью огромнейшей корзины с великолепными желтыми розами.

– Я розы не заказывала! – удивленно пробормотала она, и на ее губах появилась теплая улыбка благодарности. – Но мистер Стивенс, похоже, это сделал.

Она прошла через переполненный народом зал. Хоть ей и не хотелось раньше времени продемонстрировать свой костюм, но желание поскорее прочесть карточку от Брайана оказалось сильнее. Она показала посыльному, куда поставить цветы – у самой сцены, – и разорвала конверт. Рядом с ней Лита

восхищенно восклицала:

– Они роскошные, просто роскошные! Может быть, это означает, что он все-таки придет!

Джейд сморгнула с глаз слезы счастья и прошептала:

– Может быть.

Но уже в следующую минуту она, не веря глазам, смотрела на записку, сопровождавшую цветы. Это было невероятно!

«Дорогая миссис Стивенс... – Ее изумленный взгляд быстро скользил по строчкам. – Примите, пожалуйста, эти розы в качестве предварительного извинения за то, что я незваным приду к вам. Я услышал, что вы устраиваете чай с танцами, и не смог устоять. Заранее благодарю вас за ваше понимание и прощение. Искренне ваш, Джон Тревис Колтрейн».

Где-то – Джейд показалось, что очень далеко, – скрипка начала играть нежную и певучую музыку Чайковского.

Лита читала записку у нее через плечо.

– Кто это? Кто такой Джон Тревис Колтрейн? По-моему, я его не знаю... – Тут она вдруг прицелкнула пальцами. – О нет, знаю!

Она была настолько занята своими размышлениями, что не заметила, как пальцы Джейд задрожали и она выронила карточку на пол.

– Он женился на некрасивой дочке миссис Триесты Вордейн, когда они отдыхали в Европе, – поспешно продолжила Лита. – Теперь помню, как все удивились, когда они вер-

нулись и сообщили, что Лорена вышла замуж, да еще за такого интересного мужчину. Я хочу сказать: она не слишком хорошенькая, а миссис Вордейн и вовсе неприятная особа. Все были уверены, что Лорене суждено остаться старой де-вой. – Она захихикала, а потом, заметив, что Джейд уронила записку, нагнулась за ней и удивленно добавила:

– Интересно, а почему ему захотелось сюда прийти?

Джейд не обращала на нее внимания и тревожно осматривалась: ее нервы были в страшном напряжении. Боже правый, зачем Колту понадобилось делать такое? Почему он так ее терзает? Хочет сквитаться за то, что она появилась у него дома?

Ну что ж, она готова извиниться и пообещать впредь вести игру по правилам. Лишь бы он только оставил ее в покое.

– Милочка, разве вы не собираетесь нас развлечь?

Джейд вздрогнула и увидела, что за ней наблюдает миссис Стоукс, у которой странно загорелись глаза. Господи, наверное, у нее все отражается на лице: вот и Лита с любопытством смотрит, озадаченная ее поведением. Джейд украдкой огляделась Колта нигде не было видно. По правде говоря, среди присутствующих вообще почти не было мужчин. Она насчитала пятерых.

Миссис Стоукс прикоснулась к ее руке и подалась вперед, назойливо спрашивая:

– Что-то случилось, милочка? Я не могу вам чем-то помочь?

Джейд заставила себя сделать глубокий вдох, подняла голову и уверенным и ровным голосом ответила:

– Нет, все в порядке. Что могло случиться? Я собираюсь танцевать.

Она направилась к тому месту, которое отделила от зала лентами, превратив в некое подобие сцены. Про себя она решила, что это была подлая и жестокая выходка. Колт прислал ей цветы с запиской, чтобы ее расстроить – возможно, заставить растеряться и танцевать отвратительно. И все для того, чтобы наказать ее за то, что она посмела отыскать его дом! Прекрасно У него это почти получилось, но все-таки не совсем: грош ей цена, если она допустит, чтобы эмоции отразились на ее исполнении! Пусть Колт не беспокоится – она больше не станет тревожить ни его самого, ни его так называемую жену или отвратительную тещу. И потом, с удовольствием подумала она, Триеста в качестве тещи – это уже само по себе ужасное наказание!

Джейд встала посредине своей импровизированной сцены, и присутствующие вежливо замолчали. Музыканты заиграли, Джейд медленно подняла руки и начала танец.

Когда она закончила, зал взорвался аплодисментами, и Джейд сделала глубокий реверанс. После этого она объявила, что студия официально считается открытой и начинается запись учеников: в балетные классы – от шести до пятнадцати лет, а на обучение вальсу и другим бальным танцам – любого возраста.

Это сообщение тоже было встречено аплодисментами, и Джейд скрылась в небольшой уборной, где ее ожидала Лита с длинным бархатным халатом, чтобы накинуть его ей на плечи.

Стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее, Джейд задала Лите мучивший ее вопрос:

– Этот человек, который прислал розы... мистер Колтрейн... появлялся?

Секунду подумав. Лита покачала головой:

– По-моему, больше никто не входил.

Джейд облегченно вздохнула, отодвинула бархатную портьеру и вышла в зал, чтобы приветствовать своих гостей. Они окружили ее, спеша высказать свои поздравления и выразить восхищение. Потом, выпив чаю и откушав печенья и пирожных, они начали расходиться. Джейд поймала себя на том, что хочет, чтобы все поскорее ушли, и в то же время боится той минуты, когда останется одна. Она знала, что тогда к ней снова вернутся мучительные воспоминания.

– Миссис Стивенс... – раздался знакомый голос.

Джейд оцепенела. Она больше не слышала женщины, которая выражала желание записать в ее класс свою восьмилетнюю дочь: ее сердце бешено колотилось, И она не в состоянии была даже пошевелиться.

– Извините, я не хотел вам помешать.

Обойдя ее, Колт остановился рядом. Джейд смутно заметила, как он вежливо кивнул женщине, с которой она разго-

варивала, и вдруг почувствовала себя крайне ранимой, словно все ее чувства оказались выставленными на всеобщее обозрение.

– Ну, я еще свяжусь с вами относительно Абигейл.

Женщина отошла, чтобы взять еще одно пирожное.

– Надеюсь, вы не сочли меня слишком навязчивым.

Джейд недоверчиво посмотрела на него. Господи, что за садистскую шутку он придумал? Почему он так терзает ее? Сквозь душный туман, грозящий поглотить ее, она разглядела, что он все так же привлекателен, как и прежде. Теплые серые глаза, обрамленные темными ресницами, четкие правильные черты лица, знакомая складка в углах губ при улыбке – почти насмешливой.

Да простит ее Бог – она на секунду вспомнила, как эти чувственные губы целовали ее... Что с ней происходит? Она должна кричать, возмущаться, требовать объяснений – а вместо этого она охвачена воспоминаниями о прежней страсти...

Колт с любопытством смотрел на нее. Почему? Он ведь должен был бы знать, что она сейчас испытывает. А он стоит с выжидательно-невинным выражением лица!

Он приподнял бровь, чуть наклонил голову набок:

– Господи, да вы и вправду рассердились, да? Мне страшно жаль. Я не хотел вас обидеть. – Качая головой и изображая глубокое раскаяние, он поспешно добавил:

– Наверное, это действительно было чересчур самоуве-

ренно: прийти без приглашения, считая, что розы смягчат ваше недовольство.

Джейд едва могла говорить, но все-таки выдавила из себя:

– Зачем? Зачем ты сюда пришел? Разве тебе мало того, что ты уже со мной сделал?

Он заморгал, нервно засмеялся и пробормотал:

– Я не понимаю, о чем вы говорите?

– Простый раз... – Она оглянулась, чтобы убедиться, что ее никто не слышит. – На балу у Хейсов. Ты подошел ко мне на террасе и притворился, будто не знаешь меня...

– Что? – переспросил он, снова рассмеявшись, словно не веря тому, что слышит. – Миссис Стивенс, мне очень жаль. Он бессильно развел руками. – Я должен признаться, что иногда совершаю странные поступки. Я понимаю, что это меня не извиняет, но сравнительно недавно со мной произошел несчастный случай, и в голове у меня часто все путается... Тогда мне захотелось поговорить с вами, потому что вы показались мне такой красивой и напомнили мне... – тут его голос затих, и он отступил от нее на шаг, словно вдруг обжегся, – ..кого-то, кого я знал. Но я не могу вспомнить кого. Все дело было в танце.

Может, вы напомнили мне танцовщицу, которую я когда-то видел... – Тут он немного грустно улыбнулся и покраснел от смущения. – Ну... мне остается только еще раз извиниться. Я не хотел вас так огорчить!

У Джейд было такое чувство, словно ей плеснули в лицо

холодной водой. Их взгляды встретились, задержались... И, Боже правый, она вдруг поняла, что он не обманывает ее. Он действительно не мог вспомнить ее!

– Ну... – Он нервно мял в руках свою щегольскую соломенную шляпу. – Наверное, мне не следовало приходиться. Но я действительно очень хотел увидеть, как вы танцуете, и рад, что мне это удалось...

Он бросил на нее тот бесшабашный взгляд, который всегда ей так нравился, резко повернулся и ушел.

Тут рядом с ней как по волшебству возникла Лита.

– Так он все-таки пришел! – Она покачала головой, глядя ему вслед. – Нет, не могу понять, что такой мужчина мог найти в Лорене Вордейн.

Джейд возмущенно выпрямилась и отрезала:

– Лита, вы иногда забываетесь!

Она вернулась в уборную, чувствуя непреодолимую потребность остаться одной.

Теперь она была еще более сильно озадачена, чем прежде.

Колт действительно не мог вспомнить, кто она! Он упомянул о несчастном случае, сказал, что иногда делает странные поступки... Может быть, именно это и заставило его жениться на Лорене? Но это не самое страшное. Хуже всего то, что, похоже, он даже не может вспомнить, кто он сам! Джейд охватил ужас.

Что ей следует предпринять?

Что она вообще может предпринять?

И есть ли у нее право что-то делать? Может быть, и нет, сказала она себе. В конце концов, у них обоих была теперь своя жизнь, они были связаны обязательствами с другими людьми. Но несомненно, она должна выяснить всю правду! Она не может просто так отвернуться от Колта, не узнав, что произошло с ним на самом деле. Она должна это сделать и ради него, и ради себя. И – права она или нет – она должна сделать это ради их любви... и тех грез о счастье, которыми они жили.

Брайан.

Брайан был ей другом. И она вдруг почувствовала острую потребность поговорить с ним, поделиться всеми своими непонятными чувствами, сомнениями и догадками. Он ее опора, и он, несомненно, согласится с тем, что ей необходимо точно узнать, что же все-таки происходит. Она с теплотой вспомнила, что это именно он предложил обратиться в контору частного сыска.

Вечером Джейд распорядилась, чтобы обед был подан им в апартаменты и чтобы шампанское можно было разлить в ту же минуту, как мистер Стивенс придет домой.

Она приняла теплую ванну и выпила рюмку бренди, надеясь немного снять напряжение. Ей хотелось быть абсолютно спокойной, иначе Брайан примет ее тревогу за выражение какого-то другого чувства. Ведь он и без того ревнует ее к школе танцев, так что не надо добавлять к этому еще и подозрения в том, не питает ли она к Колту прежней любви.

Джейд стала расчесывать волосы, и они свободной волной упали ей на плечи и спину. На ней был любимый домашний костюм Брайана: тончайшая белая рубашка с атласным халатом.

И то и другое было отделано нежным кружевом и крошечными розовыми бантиками.

Когда наконец вернулся Брайан, она босиком прошла ему навстречу, ласково обняла и прошептала:

– Ах, Брайан, я так рада, что ты дома!

Он улыбнулся – польщенно, но одновременно и с подозрением. Сняв сюртук и галстук, он взял домашний костюм из мягкой шерсти, который она ему подала. После первых ничего не значащих фраз он спросил:

– Ну, как прошло выступление?

Сгорая от желания поделиться с ним впечатлениями, Джейд уже начала было свой рассказ, но тут вошел слуга с обедом. Она нетерпеливо дожидалась, пока им накрыли столик, стоявший у выходившего на реку окна. Воздух наполнили аппетитные ароматы жареного цыпленка, свежеиспеченного хлеба и яблок с корицей.

Заметив ее нервозность, Брайан спросил:

– Случилось что-то неприятное?

– Нет-нет, – ответила она, решив дождаться, пока они поедят, и только потом рассказать про Колта. Поэтому она сначала принялась говорить о том, как успешно прошли ее выступление и чай.

Когда Брайан наконец закончил обед (сама Джейд едва притронулась к еде) и расслабился за кофе с коньяком, Джейд пересела на подушку на подоконнике, подобрала под себя ноги и, глубоко вздохнув, сказала;

– Я видела Колта.

Брайан собрался поднести к губам чашку, но при этих словах его рука дрогнула, горячая жидкость расплескалась, и Брайан поспешил поставить чашку на блюдце.

– Что ты сказала? – ахнул он, бледнея.

Джейд с трудом перевела дыхание и повторила:

– Я видела Колта.

Он угрожающе спросил:

– Где? Когда?

– Сначала на балу у Хейсов, – негромко ответила она, – а потом сегодня, в моей студии.

Он сурово сжал губы и гневно посмотрел на нее:

– Ты пригласила его на свое выступление? Зачем?

Она поспешно покачала головой:

– Нет-нет, ты не понял. Он даже не знает, кто я. Право, это все так грустно, Брайан! – И она рассказала ему все: о разговоре на террасе дома Хейсов, о розах, которые он прислал, чтобы она простила его за приход без приглашения... Под конец она повторила:

– Он не может вспомнить, кто я, Брайан. Происходит нечто странное. Похоже, он полностью потерял память!

По мере ее рассказа Брайан понемногу успокаивался, и,

когда она замолчала, он мягко сказал:

– Ну а чего ты ожидала, Джейд? Что он при всех бросится к тебе и начнет кричать, как он счастлив, что его первая жена жива? Подумай как следует, дорогая! – Брайан сардонически улыбнулся. – Он человек неглупый, женился во второй раз, у него маленький ребенок. Захочет ли Колтрейн рисковать всем этим, вызывая сплетни? Гораздо легче сделать вид, что он тебя не знает. И тебе следует поступить точно так же!

– Ты не прав, Брайан. Колт не притворяется. Поначалу я тоже так подумала, но сегодня, в студии, он посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что он не играет. Он действительно меня не узнает!

Смех Брайана прозвучал снисходительно.

– Ну полно, Джейд! Конечно, это игра! А с чего иначе ему было приходиться к тебе в студию? Несомненно, он сделал это для того, чтобы ты раз и навсегда поняла, что именно так и следует вести себя в обществе. По-моему, это прекрасная идея. Я должен его за это похвалить. Так почему же ты расстроена?

Стиснув зубы от досады, она отрывисто проговорила:

– Потому что я вижу, что это не притворство. По-моему, он действительно потерял память. – Она подалась вперед, умоляюще протягивая руку. – Мне нужна твоя помощь, Брайан! Я убеждена, что нам необходимо выяснить, в чем дело, что с ним происходит.

Он не принял ее руки.

– Ты сошла с ума? Меня не интересует, что с ним происходит, и тебя тоже не должно было бы интересовать! Господи, ведь мы же с тобой женаты! Колтрейн – это твое прошлое, и, черт подери, я не намерен смотреть, как ты будешь бегать и задавать людям дурацкие вопросы, вызывая бесконечные сплетни! – Он начал расхаживать по комнате, а потом вдруг резко повернулся к ней и гневно объявил:

– Я собираюсь нанять личных охранников, они позаботятся о том, чтобы Колтрейн больше к тебе не приближался. В конце концов, у него действительно может быть поврежден мозг, и тогда он опасен. Может, он все-таки помнит тебя и хочет устроить какую-то гадость.

Джейд была потрясена, ошеломлена реакцией Брайана и его поведением. Она ожидала встретить понимание и, уж конечно, не предвидела подобного.

– Он не сумасшедший, – холодно сказала она. – И охранники мне не нужны. Мне нужна была твоя помощь, но я вижу, что не получу ее.

– Я не стану тебе помогать, и ты не станешь больше ничего предпринимать. Это приказ, Джейд. Я твой муж.

Она изумленно уставилась на него.

– Да-да. – Он решительно кивнул, – Это приказ. Первый настоящий приказ, который ты от меня получила. И, Бог свидетель, ты его выполнишь, иначе даю тебе слово: я увезу тебя на остров и там оставлю. Я слишком долго добивался того, что имею: нашего брака, признания общества. И я не до-

пушу, чтобы все это погибло из-за того, что ты не можешь забыть прошлое!

Он направился к двери, но около нее задержался и повернулся к ней. Глаза его горели гневом.

– Я говорю совершенно серьезно, – хрипло сказал он. – Держись от Колтрейна подальше. Я люблю тебя, Джейд, сильнее жизни, и клянусь, что убью всякого, кто попытается отнять тебя у меня!

– Брайан, ты не понимаешь! Послушай, пожалуйста... Ты меня не потеряешь...

Он закрыл дверь, не дослушав ее, и ушел к себе в спальню, где никогда прежде не спал: он всегда проводил ночь в ее комнате, в ее постели. Сегодня впервые он нарушил этот обычай.

Что до Джейд, то она понимала: у нее не будет ни минуты покоя, пока она не разберется в том, что же все-таки случилось с Колтом.

Глава 28

На следующее утро, когда Джейд вышла к завтраку, Брайан уже сидел во главе стола, углубившись в свою газету, и даже не оторвал от нее взгляда.

Джейд села и негромко сказала:

– Доброе утро.

Он не ответил.

«Прекрасно, – решила она, разворачивая салфетку и накрывая ею колени. – Если он хочет наказать меня своим молчанием, пусть попробует. В эту игру можно играть и двоим».

Она выпила кофе и сок и съела два тоста. Брайан продолжал прятаться за газетой, игнорируя Джейд. Тогда она протянула руку и, мягко оттолкнув газету, сообщила ему свое решение, принятое в часы бессонной ночи, полной мучительных раздумий.

– Думаю, будет лучше, если я на несколько дней уеду в загородный дом.

Он взглянул на нее с легким удивлением, а потом, подумав, начал медленно кивать головой.

– Да, пожалуй, это разумно, Джейд. Возьми Лигу и развлекайся. Тебе надо отдохнуть: ведь ты так много работала в студии. Я постараюсь приехать на уик-энд, но обещать не могу.

Дел очень много. Похоже, все вдруг решили приобрести

себе яхты, так что мне все реже и реже удается выкроить свободное время.

Он снова углубился в газету и не заметил, как в глазах жены вспыхнуло раздражение. Она ненавидела, когда он пытался обращаться с ней, как с капризным ребенком: снисходительно и благосклонно. Она ненавидела это почти так же сильно, как его чрезмерную опеку: иногда она начинала чувствовать себя фарфоровой куклой, чье единственное назначение – стоять на полке и служить предметом восхищения окружающих. Именно такой хотел ее видеть Брайан: украшением его жизни. Он любил ее, да. В этом у нее сомнений не было. Но он любил ее так, как любят красивую бездельницу. Он хотел играть с ней, а потом ставить на полку или распорядиться ею, как марионеткой в кукольном представлении, которая развлекает других для того, чтобы хорошо выглядел он – гордый владелиц такого чудесного имущества.

Хотя Джейд была глубоко к нему привязана и испытывала благодарность за все, что он для нее сделал, она не собиралась превращаться в послушную марионетку.

Поднявшись наверх, она принялась укладывать вещи, и вскоре к ней явилась радостная Лита, чтобы предложить ей свою помощь, поскольку сама она уже готова.

Джейд почувствовала, что вот-вот выйдет из себя, и повернулась спиной к своей помощнице, чтобы та не увидела на ее лице ярости. Ей было противно то, как Брайан и Лита постоянно сговаривались у нее за спиной. Притворившись,

будто не поняла Литы, Джейд невинно спросила:

– Готовы к чему?

Лита удивленно посмотрела на нее:

– Как к чему? Ехать за город, конечно. Мистер Стивенс велел мне уложить вещи, потому что мы с вами...

– Нет! – Джейд не удержалась и заговорила ледяным тоном, по-прежнему не поворачиваясь и продолжая укладывать свои вещи в чемодан. – Вы остаетесь здесь, чтобы работать в студии.

– Зачем? – вскрикнула Лита.

– Записывать учеников, естественно. Нельзя же устроить пышное открытие с чаем и танцами, а потом на несколько дней закрыть двери, правда? – Сложив губы в сладкую улыбку, Джейд наконец обернулась. – Нельзя, правда ведь?

Сбитая с толку, Лита неуверенно проговорила:

– Но мистер Стивенс сказал...

– Вы работаете не на мистера Стивенса, – резко напомнила ей Джейд. – Вы работаете на меня. Он нанял вас снова, чтобы во время нашего отсутствия вы позаботились о доме, и я из доброты позволила вам остаться, Лита: так что вы выполняете мои приказы. И сейчас вы останетесь в городе и будете каждый день открывать мою студию.

Она снова принялась укладывать вещи, чувствуя на себе негодующий взгляд Литы. В конце концов та ушла, досадливо вздохнув.

Джейд торопливо собрала вещи и спустилась вниз, к эки-

пажу. Она понимала, что Литта тут же кинется звонить Брайану, чтобы дать ему знать о том, что произошло. Он может ринуться домой, чтобы оспорить ее решение, а она хотела избежать сцен.

В полдень она была уже за городом и очень радовалась тому, что осталась одна. Однако, следуя заведенному порядку, она отправила сторожа, мистера Дженкинсона, с запиской к Хейсам, чтобы сообщить им, что она приехала на неделю или дольше, и пригласить их навестить ее в любое удобное для них время. Тот, в свою очередь, принес ей официальное приглашение на обед, который они устраивали в субботу вечером. Она приняла приглашение – не потому, что этого требовали приличия, нет, просто ей искренне нравилась Корнелия Хейс. А еще она сказала домоправительнице, миссис Дженкинсон, чтобы, отправляясь за покупками, она купила провизию для угощения всех, кто мог бы зайти на чай.

Джейд наслаждалась одиночеством, сладким деревенским воздухом, неспешным течением реки за широкой лужайкой перед домом... Но эта умиротворенность была с ней только во время бодрствования. Сон приносил беспокойство и тревогу: перед ней снова и снова вставало потерянное и горестное лицо Колта.

Первые два дня Джейд много ездила на велосипеде, а потом решила воспользоваться одним из бесценных арабских жеребцов Брайана. Хотя ей давно не приходилось ездить верхом, уроки, полученные в раннем детстве, не пропали для

нее даром, и, сев в седло, она сразу же почувствовала себя непринужденно.

Наслаждаясь обвевающим ее лицо ветром и солнечными лучами, пробивавшимися сквозь густую листву, она долго ехала по лесным тропам. Время от времени она останавливалась на живописных обрывах, чтобы полюбоваться рекой и попытаться прочесть свое будущее в легких облаках, разбросанных по ярко-синему небу.

В конце концов, после четырех дней раздумий, она приняла решение провести свое собственное расследование относительно состояния Колта, иначе она никогда не будет знать покоя. Брайан запретил ей это делать, но его возражения принимать во внимание не следовало. В конечном итоге он тоже должен выиграть, потому что, пока она не выяснит причин странного поведения Колта, она не сможет целиком посвятить себя их браку.

Брайан позвонил ей, чтобы выразить свое недовольство тем, что она не взяла с собой Литу, и сообщить, что работа не позволит ему присоединиться к ней на уик-энд. Джейд это мало волновало, даже если ей здесь станет одиноко, она всегда сможет провести вечер у Хейсов.

Погода была теплой, хотя в воздухе уже ощущалось первое дыхание осени. Она выбрала платье светло-сиреневого цвета из мягкого тонкого бархата. Рукава его были пышными, а лиф подчеркивал изящные очертания ее соблазнительной груди, юбка волной спускалась к полу. Это был силуэт

императрицы Жозефины, который Джейд так любила, пусть он и считался вышедшим из моды.

Мистер Дженкинсон отвез ее в поместье Хейсов, и когда она осведомилась у дворецкого, на какой час потребовать экипаж обратно, тот сообщил ей, что мистер Хейс намеревается сам отвезти ее домой. Она отпустила своего слугу и прошла в прекрасный дом.

Ожидавшая в холле Корнелия тепло приветствовала Джейд и провела ее в небольшую гостиную, объяснив по дороге, что гостей ожидается немного. Джейд забеспокоилась – ей не хотелось оказаться лишней дамой, то есть дамой, которую не сопровождает мужчина.

– О нет, – поспешила успокоить ее Корнелия, – на самом деле нас будет ровно двенадцать. Я пригласила молодого человека, который приехал посетить фамильный дом своей жены, а она с ним не смогла поехать, потому что совсем недавно родила...

Джейд показалось, что сердце ее сжали стальные тиски, она больше не слышала слов Корнелии Хейс. Они вошли в гостиную, где уже собралось общество: гости сидели на плюшевых диванах и пили шампанское. Но взгляд Джейд был прикован к Колту.

При ее появлении он первым из присутствующих мужчин встал и направился к ним. Его серые глаза источали приветливое тепло.

– Джейд, милочка, что с вами?!

Она почувствовала, как Корнелия прикоснулась к ее плечу, и заставила себя выйти из оцепенения.

– Извините, – натянуто засмеялась Джейд, – но я, как всегда, настолько бываю потрясена красотой вашего дома, что забываю обо всем на свете.

Ее притворство сработало. Корнелия гордо заулыбалась и начала знакомить Джейд с гостями. Дойдя до Колта, она проговорила:

– А вот наш второй одинокий гость сегодня, мистер Джон Тревис Колтрейн. Друзья зовут его просто Колт, – тепло объявила она.

Колт взял руку Джейд, поднес ее пальцы к губам и тихо проговорил:

– Мы уже знакомы. Миссис Стивенс была настолько любезна, что позволила мне присутствовать на ее выступлении. И танцует она так же прекрасно, как выглядит.

Джейд заметила, что он буквально пожирает ее взглядом и ласкает своими интонациями. Испугавшись, что это могут заметить окружающие, она поспешно отняла у него руку.

– Очень приятно снова вас видеть, мистер Колтрейн. Рада, что могу составить вам сегодня за столом компанию. – Она с беспокойством огляделась. – Могу я попросить бокал шампанского?

Колт поспешил выполнить ее просьбу, а Джейд тем временем заговорила с пожилой четой. Когда Колт вернулся с ее бокалом, она поблагодарила его и демонстративно повер-

нулась обратно к своим собеседникам, давая понять, что ее разговор с ним закончен. Джейд собиралась поговорить с ним позже, с глазу на глаз, но боялась чем-то себя выдать в присутствии других.

Она ощущала на себе взгляд Колта: так голодный кот наблюдает за мышкой, которую ему не достать. Она едва заметно вздрогнула, услышав, как одна из дам спросила его:

– Как ваша жена и чудесный малыш?

Его ответ прозвучал гордо: он начал рассказывать, что его сын хоть и родился раньше срока, но растет как на дрожжах, гулит и смеется. При этом глаза его сияли. Не укрылось от нее и то, как равнодушно и холодно он говорил о Лорене, заметив только, что у нее все в порядке.

Наконец в дверях возник одетый в черное дворецкий и объявил, что обед подан. Все двинулись в сторону столовой. Джейд сделала вид, будто совершенно поглощена восторженным рассказом миссис Вильгельмины Стровер, которая недавно навестила свою незамужнюю сестру в Новом Орлеане, штат Луизиана.

Все это время она молила Бога, чтобы ей не оказаться за столом рядом с Колтом, но когда она увидела карточки с обозначением мест, то поняла, что ей не везет: они оказались напротив друг друга. Она мысленно негодовала из-за того, что он пришел к Хейсам. Да, конечно, ей хотелось повидать его, поговорить с ним, но время и место она собиралась выбрать сама! И это не произошло бы в присутствии людей, которые

были так падки на сенсационные новости о своих знакомых.

Ее любопытство относительно Колта было отчасти удовлетворено в общей беседе. Когда подали закуски, Корнелия обратилась к нему с улыбкой:

– Я так рада, что вы дали мне знать, что гостите в доме Вордейнов, Колт. Я люблю приглашать к себе моих соседей, но иногда просто вовремя не успеваю узнать, кто приехал. В следующий раз, может быть, смогут приехать и Лорена с малышом.

– Ну, не знаю, – ответил он так, словно это мало его занимало. – Лорене нравится город, а я предпочитаю сельскую местность.

Кто-то – Джейд не успела заметить, кто именно, – спросил его:

– Вы уже начали работать у Вандербильтов?

Она внимательно слушала его ответ: он даже не уверен в том, будет ли вообще работать, потому что его головные боли не проходят. А ему, в сущности, и не обязательно работать.

Корнелия наклонилась к Джейд и прошептала:

– Бедняга! Насколько я знаю, когда они с Лореной возвращались из Европы, пароход попал в шторм. Он упал и получил сильный удар по голове. И с тех пор он страдает приступами головокружения и головными болями. Какая обида! Это произошло во время их медового месяца!

Услышав это, Джейд не удержалась и спросила Колта:

– А где вы познакомились с женой, мистер Колтрейн?

Он довольно неопределенно ответил:

– В Париже. Мы познакомились в Париже. И поженились там.

Джейд была совершенно сбита с толку. Казалось, он говорит правду, действительно верит в это! Но как он мог жениться на Лорене в Париже? Концы с концами не сходились.

Весь обед Джейд провела словно в тумане, а потом Корнелия пригласила всех в гостиную на десерт и кофе. Джейд постаралась оказаться как можно дальше от того места, где стоял Колт, но он по-прежнему наблюдал за каждым ее движением.

В конце концов она решила, что пробыла достаточно долго и может, не опасаясь показаться невежливой, попросить мистера Хейса отвезти ее домой. Он любезно кивнул, и она попрощалась с Корнелией и ее гостями и направилась к выходу.

У ступенек ее ждал экипаж. Джейд оперлась на предложенную дворецким руку, и тот усадил ее в карету. Она собралась было поблагодарить мистера Хейса за то, что он вылезся отвезти ее домой, как вдруг ахнула. Вожжи держал не мистер Хейс, а Колт.

– Почему, – слабо проговорила она, прижимая руку к горлу, которое перехватил мучительный спазм, – почему ты делаешь со мной такое?

Он встряхнул вожжи, приводя карету в движение, словно опасаясь, как бы она не выскочила из экипажа, не желая

ехать с ним.

– Я хочу поговорить с вами, миссис Стивенс, – бесцветным голосом ответил он. – Я хочу знать, почему вы меня боитесь.

– Боюсь? – переспросила она, а потом заставила себя согласить:

– Но я даже с вами не знакома!

Он повернулся к ней, и в свете луны стало видно, что на его лице отразились боль и отчаяние.

– Боитесь, – повторил он. – Или сердитесь. Но что бы это ни было, я хочу узнать причину. Что я сделал вам в прошлом, которого не могу вспомнить? А я его не могу вспомнить, понимаете?.. Прошлое.

Джейд показалось, что она услышала рыдание в голосе Колта, но в следующий момент он быстро взял себя в руки и решительно добавил:

– Меня тянет к вам, а я не понимаю почему. Когда я впервые увидел вас, вы показались мне самой красивой женщиной на свете. А когда вы начали танцевать, у меня появилось странное чувство, будто я вас прежде знал. А потом, когда я увидел, как вы вышли на террасу, и последовал за вами, чтобы представиться, у вас был такой вид, словно вы увидели призрак.

Вы побледнели как смерть. Мне хотелось бы знать почему.

– Я... я не знаю, – уклончиво ответила она. Ей трудно было судить, действительно ли Колт говорил правду. Возмож-

но, Брайан был прав. Может быть, он получил повреждение мозга, которое превратило его в сумасшедшего. Может быть, ей угрожает опасность. Она вдруг похолодела. Она осталась с ним наедине на пустой сельской дороге! Здесь даже ее крика никто не услышит.

Джейд испугалась еще больше, когда они свернули на узкую немощеную дорожку, которая вела к крутому берегу, куда обычно ходили, чтобы полюбоваться чудесным видом на реку.

– Почему ты здесь остановился? – возмущенно спросила она. – Я хочу, чтобы ты отвез меня домой! Немедленно!

Она повысила голос.

Здесь, в тихом уединении, при свете луны, заливавшем все вокруг волшебным серебром, Колт повернулся и посмотрел ей в глаза так, словно пытался заглянуть в самую ее душу. И в эту секунду Джейд поняла, что он не лгал, не притворялся. Едва слышным, сдавленным шепотом она спросила:

– Ты действительно не помнишь, кто я, да?

Он покачал головой:

– И мы не уедем отсюда, пока ты не скажешь мне, где я с тобой встречался!

Джейд была смущена, сбита с толку. Она не могла заставить себя рассказать ему правду, не смела это сделать. Пока.

Сначала она должна получить ответы на все свои вопросы.

– У тебя есть жена и сын, – напряженно напомнила она ему. – Тебе не кажется неприличным находиться здесь с дру-

гой женщиной, да к тому же замужней? Тебе не кажется, что это может плохо кончиться?

Он скривил губы в знакомой и милой усмешке, которая когда-то так волновала ее.

– Думаю, вам надо знать одну вещь, миссис Стивенс...

Джейд, – поправился он, давая понять, что такая фамильярность кажется ему вполне уместной. – Может быть, я и женат, но по какой-то причине меня влечет к тебе, и, по моему, ты испытываешь то же, хоть и боишься в этом признаться. Вот почему я решил снова повидать тебя.

Он сказал, что еще раз заходил в студию и что находившаяся там женщина сообщила ему, что Джейд уехала в Гудзон-Вэлли. И он последовал сюда за ней.

– Я узнал, что Хейсы устраивают сегодня обед, и решил, что ты там будешь, поэтому и напросился в гости. А в ответ на твой вопрос могу тебе сказать, что мне безразлично, что будут говорить или думать другие.

Джейд с ужасом поняла, что все ее попытки быть благоразумной оказались напрасными. Сколько томительных, полных муки часов она уговаривала себя, что больше никогда не станет о нем думать, что навсегда прогонит те дивные, потрясающие душу воспоминания о счастливых часах, которые они делили, о любви, которая пылала между ними... И все это потеряло смысл, потому что он был здесь, сидел так близко, что она ощущала тепло его тела... Стоило ей только осмелиться и протянуть руку – и она дотронется до него! И не

Колт, а Брайан начал быстро исчезать из ее воспоминаний. Она вдруг подняла дрожащие пальцы, желая прикоснуться к тому единственному мужчине, которому удалось по-настоящему воспламенить ее душу и тело.

Глухо застонав, Колт притянул ее к себе и прижался к ее губам жарким поцелуем. Джейд не могла, да и не хотела сопротивляться: она послушно приникла к нему, испытывая блаженство, которое считала навеки потерянным.

Наконец он разжал объятия и, обжигая ее прерывистым дыханием, проговорил:

– Я не знаю, кто ты, но чувствую, что целовал тебя и прежде, прижимал к себе, любил тебя... И, Бог свидетель, – горячо вскрикнул он, перед тем как вновь поцеловать, – я сделаю это опять!

Глава 29

Колт высадил ее из экипажа, а потом, взяв за руку, увлек к поросшему травой холму, где ночные птицы пели свои грустные песни под тихий шепот текущей под обрывом реки.

Он уложил ее рядом с собой на постель, созданную самой природой. словно пытаясь скрыть от всех их близость, луна спряталась за серебряное облако. Тысячи звезд алмазной россыпью мерцали над ними на фоне таинственного бархата неба, выражая свое одобрение.

Джейд не протестовала, когда Колт заключил ее в свои объятия – нежные и властные. Она не испытывала ни сомнений, ни угрызений совести: ведь это был человек, которому она принадлежала по-настоящему и которому всегда будет принадлежать.

Она обхватила руками его широкие плечи, глядя его кожу, теснее прижимаясь к нему. Их губы слились в обжигающем поцелуе. Тем временем его руки ловко расправились с ее одеждой. Джейд помогала ему, пока не предстала перед ним полностью обнаженной.

Он приподнялся на локте, любуясь ею, и тихо прошептал: – Боже, как ты хороша...

Его губы снова приникли к ней; а рука начала дразнящий путь вниз. Он ласкал ее тонкую талию, крутой изгиб бедра, шелковистый подтянутый живот... Она инстинктивно при-

поднималась навстречу ему, чувствуя, как по ее жилам пробегают знакомый огонь неудержимой страсти.

– Возьми меня! – бесстыдно молила она, впиваясь ногтями в сильные мышцы его спины, чтобы заставить придвинуться к ней. – Возьми меня, Колт, пожалуйста!

Он приподнялся над ней – и тут луна осмелилась выглянуть из-за облака, облив неземным сиянием их обнаженные, влажные тела.

– Я любил тебя прежде, – глухо повторил он еще раз. – Не знаю, где и когда это было, но я уже познал когда-то это счастье... и с тех пор я не испытывал подобного.

Он слился с ней, и Джейд застонала от наслаждения, которое дарил ей его яростная страсть. Время повернуло вспять, поглотив промежуток, разделявший этот момент и их счастливые дни любви в России и Франции и их медовый месяц на императорской яхте... Это был рай, и Джейд хотела, чтобы эти минуты никогда не кончались.

Охваченные страстью, они поднялись к вершинам блаженства. А когда наконец снова вернулись на землю, Джейд поняла, что ее место здесь, в его объятиях, и в то же время с болью подумала, что не имеет права оставаться. Эти райские минуты были лишь иллюзией полного счастья. Но большего им не дано.

Горькая реальность вызвала у нее слезы.

Нежно прижимая ее к себе, Колт попросил:

– Скажи мне, кто ты. Скажи, где и когда мы любили друг

друга!

– Это ты расскажи мне кое-что, Колт. Расскажи мне о своем браке, о том, как получилось, что ты женился на Лорене Вордейн.

Его вздох был полон досады. Отодвинувшись от нее, он лег на спину и стал печально смотреть в ночное небо.

– Что я могу тебе рассказать? Я знаю только то, что мне сказали другие: что мы познакомились в Париже, где я навещал родных. Мы безумно полюбили друг друга и поженились. А потом, когда возвращались сюда, во время медового месяца, на море был очень сильный шторм. Я упал. Получил сильный удар по голове. Я сам ничего не помню, – с мукой в голосе добавил он.

Джейд встревоженно спросила:

– А что говорят врачи – вернется ли к тебе память?

Он беспомощно пожал плечами:

– О, они очень мало что знают о такого рода вещах. Может, она никогда ко мне не вернется, а может, однажды утром я проснусь, вспомнив все. Кто знает?

Он повернулся на бок, положил руку ей на талию и с любовью посмотрел на нее:

– Мне уже все равно. У меня есть сын. С его рождением моя жизнь обрела хоть какой-то смысл. Лорена и Я... Ну, должен сказать тебе честно: я не могу понять, как я мог полюбить такую, как она. Она милая, добрая, и для кого-то могла бы стать чудесной женой, но не для меня. Никаких чувств

между нами нет. Но меня все это очень мало волнует. Я принял жизнь такой, какая она есть.

Его улыбка в слабом свете луны показалась ей печальной.

– Но тут я увидел тебя, и все перевернулось. Я почувствовал непонятную, безумную, настоятельную потребность узнать, кто ты. И пусть я по-прежнему не знаю этого, зато знаю, что действительно любил тебя прежде, и теперь мне необходимо знать, как я мог с тобой расстаться. И как я оказался женат на Лорене.

Как все-эта могло произойти? Ты можешь сказать мне это, Джейд? Пожалуйста!

Он с отчаянием всматривался в ее лицо, ища хоть какой-то ответ на мучившие его вопросы.

Джейд закрыла глаза, призывая мудрость, которая позволит ей принять правильное решение... Однако ее тоже мучили многие вопросы. Например, почему Лорена сказала Колту, что они поженились в Париже? И чем вызвано ее решение обмануть его? Когда Джейд разговаривала с ней на корабле, та говорила, что отчаянно влюблена в молодого человека, с которым ее разлучила мать. И разве Брайан не говорил ей, что Колт и Лорена поженились по приезду в Нью-Йорк? И что же все-таки сообщалось в докладе агентства «Пинкертон»? Джейд с досадой вспомнила, как Брайан выхватил у нее из рук папку, не дав прочитать самой. Почему? Что он скрывал? И что скрывает Лорена?

Джейд задала еще один вопрос:

– Твои родные во Франции. У тебя есть от них известия? Это его озадачило.

– Ты была с ними знакома? Мы с тобой познакомились у них? В Париже? У тебя легкий акцент, но он не показался мне французским. Это какая-то смесь...

– Русского и ирландского. – Джейд подумала, почему бы не сказать Колту хотя бы это. А потом вдруг решила, что ей нет необходимости излагать всю историю: достаточно кое о чем упомянуть, чтобы смягчить его отчаяние. – В Европе мы были близки, Колт. Мы любили друг друга. Очень давно. Я познакомилась с твоими родными.

Он улыбнулся с явным облегчением:

– Значит, я не схожу с ума! Я действительно знал тебя прежде. Но почему...

– Так как насчет твоих родных? – снова спросила она, стараясь обойти щекотливый момент. – Что ты о них знаешь?

– Переписку с ними взяла на себя Лорена, и она говорит, что у них все в порядке. – Он поспешил объясниться, чтобы она не сочла его бесчувственным:

– Видишь ли, когда я пишу или читаю, мои головные боли становятся сильнее, так что я переложил это на нее.

«Но до чего удобно!» – подумала Джейд.

Тут ей вдруг пришла в голову новая мысль, заставившая ее резко сесть. А женаты ли Колт и Лорена на самом деле, или Лорена просто сказала ему, что это так? Состоялось ли вообще бракосочетание? Ведь если оно состоялось, то поче-

му она солгала насчет Парижа: ведь их свадьба никак не могла произойти там! Как много вопросов, ответов на которые она не знает!

Колт ощутил ее внезапную тревогу.

– Что случилось? О чем ты думаешь?

Джейд поняла, что ей следует быть крайне осторожной. Ей не хотелось отвечать на его вопросы и задавать ему новые; для начала она решила прочесть доклад сыскного агентства. Это ей подскажет дальнейшие действия. А пока она просто сказала Колту, что их неожиданная встреча ее потрясла и что ей нужно время, чтобы обо всем подумать. Они затеяли опасную игру, ведь у каждого из них своя семья!

Он притянул ее к себе и, вновь осыпав поцелуями, жарко сказал:

– Не знаю, почему я с тобой расстался. Наверное, я страшный глупец. Но одно я могу сказать тебе, любовь моя: кто бы ты ни была, я не могу еще раз тебя потерять...

Он привез ее домой поздним вечером, так что все слуги уже спали. А на следующее утро Джейд нетерпеливо отправилась на раннюю прогулку верхом, чтобы встретить его в лесу. Они договорились, что никто не должен узнать о том, что они бывают вместе. Их отношения во что бы то ни стало должны остаться тайной. Джейд призналась, что любит его, но отказалась обсуждать будущее. Господи, как она могла думать о будущем, когда не понимала настоящего?

Они провели вместе весь день, а ночью Джейд дождалась,

пока прислуга уснула, и выскользнула из дома, направляясь к дороге, где Колт ждал ее со своей лошадыю. Он посадил ее позади себя и повез к их заветному месту на обрыве над рекой Там, лежа на одеяле, которое он захватил с собой, они снова нетерпеливо любили друг друга, словно не могли насытиться друг другом.

Потом, устав, они лежали рядом, пытаясь сопоставить воспоминания Колта с тем, что происходило с Джейд.

Он рассказал ей, как пришел в себя в больнице.

– Говорят, я пролежал там очень долго; пару месяцев Слепящие головные боли. Приступы головокружения. Я знал только, что женат. Лорена была для меня настоящей незнакомкой, но она все время находилась рядом со мной, около моей постели, я видел ее всякий раз, когда на несколько мгновений выныривал из черной пропасти, в которой мне почему-то хотелось остаться навсегда. А потом сознание стало ко мне возвращаться все чаще и чаще – ив один прекрасный день мне сказали, что я могу выйти из» больницы. К этому времени Лорена уже знала, что ждет ребенка, – наверное, это произошло на корабле. Ну, этого я тоже не помню. По правде говоря... – он помолчал и с заметной горечью рассмеялся:

– ..я вообще не помню, чтобы хоть раз занимался с ней любовью.

– Но сейчас? – нерешительно спросила Джейд. – После рождения ребенка?..

– Она перебралась в детскую, как только я вышел из больницы, – ответил Колт. – И после рождения Энди так там и осталась.

– Энди?

С видимой гордостью он пояснил:

– Эндрю Мэтью, в честь ее деда. Лорена его обожала.

Здесьнее поместье построил он, но принадлежит оно миссис Вордейн. Как и все остальное, – мрачно добавил он.

– Так вот оно что! – поддразнила она его, радуясь услышанному. – Теперь понятно, почему ты говоришь, что тебя влекло ко мне. Жена закрыла перед тобой дверь, так что ты искал женщину, которая удовлетворила бы твои мужские потребности, так ведь?

Колт не засмеялся: ее шутка не показалась ему смешной. Он обнял ее и притянул к себе так близко, что она слышала, как мощно бьется его сердце.

– Это не правда, черт подери, и ты это знаешь! – с жаром воскликнул он. – Ты знаешь что-то такое, о чем не рассказываешь мне, Джейд. Мы с тобой когда-то любили друг друга, любили горячо и сильно, и нас разлучило нечто ужасное. Ты знаешь, что это было, и, видит Бог, рано или поздно об этом расскажешь!

Он обнял ее так крепко, что она чуть не задохнулась. Потрясенная его яростью, его близостью, она беспомощно подтвердила:

– Да, когда-нибудь я решусь на это, но не сейчас. Сначала

я должна кое-что сделать... Только тогда у меня будет на это право.

– Тогда делай это! – почти свирепо сказал он. – А сейчас покажи мне еще раз, как ты когда-то любила меня...

Глава 30

Более трудной ситуации, чем та, в которой оказалась Джейд, нельзя было и представить. Колт умолял, чтобы она сказала ему правду, но она не могла этого сделать. Он говорил, что им необходимо найти возможность всегда быть вместе, но от этого зависела жизнь стольких людей! Брайан никогда не причинял ей ни зла, ни боли: он только любил ее. И Колт не мог бы пожаловаться, что Лорена была с ним жестока. И как же его ребенок?

Так могут ли они ставить под удар тех, кто их любит, только ради эгоистического желания быть вместе? Нет, не могут! Но не могут они и расстаться друг с другом!

Когда Джейд вернулась в Нью-Йорк, губы и тело ее еще хранили тепло поцелуев Колта. Нет, она не испытывала чувства вины, не считала себя предательницей. Ее мучило только одно: недоумение, как такое могло произойти. И, Господь свидетель, она намерена была это выяснить!

Когда в среду она приехала домой, Брайана не было, и Лита с негодующим видом сообщила ей, что он уехал по делам в Филадельфию и не приедет до конца недели. И добавила с явным удовольствием:

– Он был весьма недоволен тем, что вы не вернулись сразу после уик-энда, а решили задержаться на несколько дней. А еще он был недоволен тем, что вы не взяли меня с собой.

– Это его проблема, – пробормотала Джейд, глядя на стопку приглашений, которые пришли за время ее отсутствия. – Как дела в студии?

К великой радости Джейд, Лита сообщила ей, что в ее отсутствие туда записались уже четырнадцать учеников: четыре взрослые пары желали научиться вальсировать, а остальных интересовал балет, что особенно ее обрадовало.

Утром в четверг Джейд встала рано и ушла из дома, пока все еще спали, чтобы оказаться в конторе Брайана раньше, чем туда придет мисс Пирсон. Она хотела заглянуть в папку отчетов «Пинкертон». Попасть в контору оказалось легко: она нашла в ящике бюро ключи Брайана. В здании было тихо и пусто: Джейд решила, что у нее по крайней мере час на поиски. Потом должны были появиться служащие.

В личном кабинете Брайана царил характерный для него порядок. На письменном столе не было бумаг, так что Джейд прежде всего направилась к шкафам с папками. Перебрав их все, она не обнаружила ничего, кроме деловой переписки и других, деловых же, бумаг. Тогда она перешла к столу и начала искать в ящиках, стараясь оставить все в прежнем порядке, чтобы Брайан не догадался о том, что кто-то рылся в его бумагах.

По-прежнему безрезультатно.

Бросив взгляд на позолоченные часы на стене, она заметила, что время ее истекает: было уже почти девять, и вот-вот должна была прийти мисс Пирсон.

Джейд уже собиралась уйти, когда ее взгляд упал на большую картину, висевшую на стене позади стола Брайана. Конечно! Она бросилась к ней, вспомнив, что за ней скрыт сейф.

Один раз Брайан открыл его в ее присутствии, чтобы достать понадобившиеся ей срочно деньги: банк в тот день не работал.

Она отодвинула картину в сторону, и сердце ее забилось быстрее при виде круглой металлической дверцы, но только для того, чтобы снова замереть: дернув за ручку, она убедилась, что сейф заперт. Замок был кодовый, и она понятия не имела, где этот код мог быть записан! Оставалось только молчаливо проклинать судьбу: в кабинете папки нигде не было, значит, она должна находиться в сейфе!

И в эту минуту она услышала звуки в приемной. Повернувшись, она увидела сквозь матовое стекло двери силуэт вошедшего человека. Мисс Пирсон. Джейд замерла. Как ей объяснить свое присутствие в кабинете Брайана в столь ранний час?

И тут ее осенило. Джейд подошла к двери, решительно распахнула ее – и столкнулась с изумленной мисс Пирсон. Не дав ей опомниться, она прерывающимся голосом сказала: – Ох, как я рада, что вы пришли! Право, Брайан уезжает в самое неподходящее время!

Мисс Пирсон моментально выразила готовность услужить – О, что случилось, миссис Стивенс? Может, я могу вам по-

мочь?

Джейд поспешно поманила ее в кабинет и, притворившись раздосадованной, соврала:

– Я никак не могу найти важных бумаг, относящихся к моей студии. Я уже весь дом перерыла. Единственное, где они могут быть, – это в сейфе, а я забыла код! Не могу же я дожидаться, пока он вернется! – Она беспомощно пожала плечами. – Надеюсь только, что вы этот код знаете.

– О, конечно!

Уловка сработала.

Когда дверца сейфа открылась, мисс Пирсон отступила на шаг, но уходить явно не собиралась, а Джейд не хотела просматривать папку в ее присутствии. Она небрежно помахала в сторону двери, приговаривая:

– Спасибо-спасибо, но не дожидайтесь меня. Это – дело личное...

Она многозначительно замолчала.

Секретарша Брайана поняла намек.

– О, конечно. Можете не торопиться. Если я вам понадобится, я буду за дверью.

– Да, мисс Пирсон! – окликнула ее Джейд, когда та была у двери.

Мисс Пирсон выжидающе обернулась.

Джейд заговорщически подмигнула:

– Пусть этот эпизод останется между нами, ладно? Я не хочу, чтобы Брайан узнал, какая у меня короткая память! А

то еще возомнит себя незаменимым. . .

Мисс Пирсон понимающе засмеялась:

– Конечно! Я вас понимаю и не скажу ни слова. Я хоть и не замужем, но прекрасно знаю, каковы мужчины, – добавила она дружелюбно.

Оставшись одна, Джейд дрожащими руками начала перебирать хранившиеся в сейфе бумаги. Тут были сертификаты акций, купчие на земельные участки и другие деловые бумаги. И наконец у задней стены оказалось то, что она искала – коричневый конверт, на котором небрежно было написано имя, которое так много для нее значило: «Колтрейн».

Она поспешно вытащила конверт. От волнения у нее начали подгибаться ноги, и, попятившись к креслу Брайана, она опустилась в него, тяжело дыша. Конверт был заклеен, но ей уже было все равно. Взяв со стола серебряный нож для бумаги, она вскрыла его и вытащила сложенные листки бумаги.

Она начала читать – и ее медленно и незаметно окутала холодная паутина ярости. Брайану было известно все!

«Джон Тревис Колтрейн, – значилось в докладе сысского агентства, – якобы женился на некой Лорене Кэтлин Вордейн в Париже, во Франции, в августе 1893 года».

Джейд прижала пальцы к болезненно пульсирующим вискам и снова устремила взгляд в бумаги.

– Не могу поверить! – хрипло прошептала она. – Просто не могу поверить! Почему? Господи, почему?

Она стала читать дальше, и глаза ее расширились от ужаса.

Агенты «Пинкертона» сообщали, что Колт был ранен на корабле, хотя им и не удалось выяснить, при каких обстоятельствах это произошло. Проверяя документы в больнице, они обнаружили, что когда корабль причалил к берегу в Нью-Йорке, Колта немедленно перевезли на «скорой помощи» в частную больницу, где он оставался приблизительно два месяца. За это время он пришел в себя, но, согласно конфиденциальному сообщению одного из лечивших его врачей, ему был поставлен диагноз «амнезия, вызванная сильным ударом по голове». В конце концов его выписали, поручив заботам «жены», а в заключении врача не было сказано определенно, восстановится ли у Колта память.

Она сжала кулаки и застучала по крышке стола. Глаза у нее жгло от горячих слез ярости.

Брайан все знал!

У нее не было сомнений, почему он утаил от нее эти сведения: он знал, что если бы ей стала известна правда, она не вышла бы за него замуж. Конечно, не вышла бы, видит Бог!

Она пошла бы на все, но вернула себе мужа! И не важно, что Брайаном двигала любовь к ней. Теперь она поняла, что все, что происходило в ее жизни, было результатом его любви к ней, а вот ее любовь к нему, похоже, так ничем и не выразилась. Теперь же, узнав о его коварстве и лицемерии, Джейд подумала: любила ли она его вообще?

Каким бы ни было ее будущее с Колтом, одно было ясно: ее браку с Брайаном наступает конец.

От ярости у Джейд звенело в ушах. Как в тумане, она попрощалась с мисс Пирсон и вышла из здания, сжимая в руке злополучный конверт. Оказавшись на улице, она решила отправиться в частную больницу, которая упоминалась в докладе, и самой поговорить с одним из врачей Колта.

Джейд добралась до больницы незадолго до полудня. Она располагалась на невысоком холме: здание в стиле Тюдоров, построенное из камня и дерева. Подъездная аллея была окружена тщательно подстриженными вечнозелеными кустарниками, а всю территорию окружала высокая каменная стена. У парадных ворот, которые были закрыты, дежурил скужающий охранник, сидевший в тесной будочке.

Он не ответил на ее вежливое пожелание доброго дня и вместо этого отрывисто бросил ей:

– Часы посещения начинаются в два, мадам.

Она отреагировала на это своей самой милой улыбкой.

– О, я приехала не для того, чтобы навестить больного. Я пробуду в городе всего один день, и мне очень важно поговорить с одним из врачей.

Он недоверчиво посмотрел на нее:

– С каким именно?

Она наугад назвала одно из имен, значившихся в докладе сысского агентства:

– С доктором Комптоном. Доктором Ирделлом Компто-

НОМ.

Охранник покачал головой:

– Очень жаль. Он в Вене. Как я слышал, вернется не раньше ноября.

Джейд напряглась и, отбросив любезность и обаяние, заговорила повелительным тоном:

– Тогда я поговорю с доктором Николасом Джоргейдом или доктором Питером Гриновичем. Послушайте, любезный, – она вздернула подбородок и устремила на него снисходительный взгляд, – я же сказала вам, что у меня всего один день. И очень важное дело к одному из этих врачей. Могу вас предупредить: если вы меня не пропустите, то вам придется об этом пожалеть!

Охранник пробормотал себе под нос, что у него нет желания спорить с ней, а потом встал, открыл ворота и жестом пригласил ее пройти, после чего вернулся обратно в свою будочку.

Джейд поспешно направилась по аллее к зданию больницы и исчезла за ее тяжелыми дверями.

Там ее холодно встретила сестра милосердия в белом платье и с недобрый лицом.

– Чем я могу вам помочь? Посещение пациентов у нас начнется...

– В два часа. Знаю, – резко оборвала ее Джейд. – Я пришла поговорить либо с доктором Джоргейдом, либо с доктором Гриновичем относительно моего брата, который некоторое

время назад был их пациентом.

Дальше она изложила историю, которую придумала по дороге в больницу: она приехала из Франции, ее зовут Даниэлла Колтрейн, и она хочет узнать о состоянии своего брата, Джона Колтрейна.

Тут сестра милосердия начала кивать головой.

– Да, я помню мистера Колтрейна. Милый интересный человек. Все очень хорошо к нему относились. Подождите минутку – я уверена, что один из докторов с удовольствием с вами поговорит.

Она исчезла за вращающейся дверью. Джейд осмотрела комнату, без особого интереса отметив, что обставлена она весьма изящно. Пребывание в том месте, где так долго находился Колт, за которым должна была ухаживать она, а не Лорена, наполняло ее мучительной болью. Скрипя зубами и сжимая кулаки, она мысленно посылала проклятия в адрес Брайана. И пусть будут прокляты и Лорена с ее мамашей, которые сыграли такую роль в ее с Колтом разлуке! Джейд предвкушала тот день, когда сможет воздать всем по заслугам.

Наконец дверь отворилась, и сестра милосердия представила Джейд доктора Гриновича.

– Думаю, нам будет удобнее в моем кабинете, мисс Колтрейн, – сказал он, жестом приглашая ее следовать за ним, У него было доброе лицо и полные сострадания голубые глаза, так что севшая напротив него Джейд сразу же почувствовала

себя непринужденно. Она снова повторила свою ложь относительно того, что она сестра Колта.

– Что мне необходимо знать, доктор... что хотят знать его родные... это – правду о состоянии моего брата и шансы на его полное выздоровление. Его жена, – Джейд чуть не подавилась этим словом, – отвечает довольно невнятно.

Он откинулся на спинку кресла и задумчиво сомкнул кончики пальцев.

– Она уже разрешилась от бремени?

Джейд снова ощутила, что у нее в горле встает ком. Кирнув, она ответила:

– Да. У нее – мальчик.

– Это хорошо, – пробормотал он таким тоном, к которому обычно прибегают люди, пытающиеся за вежливостью скрыть свое равнодушие. – Насколько я помню, она была целиком поглощена своим состоянием.

Джейд почувствовала в этих словах некий сарказм, но не успела на нем сосредоточиться, потому что ее собеседник сразу же добавил, что счастлив наконец видеть у себя кого-то из родственников Колта. – Каково, по вашему мнению, его состояние, доктор? Он говорит, что у него по-прежнему бывают головокружения, приступы головной боли...

– Я говорил Колту, что это результат слишком настойчивых попыток что-нибудь вспомнить, – отрывисто проговорил врач, хмуря брови. – Ему следует расслабиться, не думать о прошлом, а сосредоточиться на настоящем и будущем

– и может быть, однажды он все вспомнит.

– Правда? – с надеждой переспросила она.

– Кто знает? – Он виновато пожал плечами. – К сожалению, нам мало что известно о подобных состояниях. Я могу сказать вам только, что ваш брат перенес очень серьезную травму головы. Ему повезло, что он вообще остался жив. Последствия могут пройти, а могут остаться, но в любом случае я не вижу оснований беспокоиться о его физическом состоянии. Как я говорил миссис Колтрейн, главное – чтобы он оставался спокойным и всем довольным, иначе, если в голове есть какое-то давление, которого мы не заметили, оно может увеличиться.

Джейд напряглась:

– Давление?

Он снова виновато пожал плечами:

– Как я уже сказал, нам мало что известно о черепных травмах. Я очень сожалею, что не могу сказать вам ничего более определенного.

Она наклонила голову и закрыла глаза, чтобы он не увидел горя, отразившегося в них.

– Значит, вы хотите сказать, что мой... брат должен оставаться спокоен, что ему нельзя сообщать вещи, которые могут его расстроить?

– По возможности. – Он с любопытством посмотрел на нее. – А в чем дело? Вы чувствуете необходимость сообщить ему какие-то неприятные известия о его родных? О болезни

смерти?

Последний вопрос был задан с явной робостью.

Она покачала головой, а потом встала, намереваясь уйти: ей было страшно, что она не выдержит и разрыдается.

Доктор Гринович проводил ее по длинному коридору до парадных дверей, еще раз уверив ее в том, что существует вероятность того, что Колт снова обретет память, но при этом предостерег:

– Откровенно говоря, чем дольше он будет оставаться в нынешнем состоянии, тем меньше оснований ожидать перемен. Скажите его близким, чтобы они радовались тому, что он вообще жив.

Она негромко поблагодарила врача за уделенное ей время и уже собиралась выйти на улицу, когда он вдруг спросил:

– Да, кстати: у вас есть сестра?

– Нет.

– И вы сказали, что вас зовут Даниэлла? – удивленно про-
бормотал он.

Встревожившись, она молча кивнула.

– Странно.

– Почему?

– О, – небрежно отозвался он, словно это мало что могло значить, – я, кажется, помню, что, когда ваш брат был без сознания, он все время повторял имя «Джейд».

Она похолодела. Резко втянув воздух, она застыла в полной неподвижности.

– Я спросил миссис Колтрейн, кто это, – добавил врач, – и она сказала, что это была его сестра. – Тут он явно отбросил свои недоумения. – Я, очевидно, ошибся. Желаю вам приятного плавания. Если я смогу быть чем-то полезен, то, пожалуйста, дайте мне знать.

Он пожал руку Джейд, и если даже заметил, что она холодна как лед и дрожит, то счел за благо промолчать.

Джейд поспешно пошла по аллее, полная самых противоречивых чувств: ненависти, жалости, любви, презрения... к людям, причинившим такие муки ей самой... и человеку, которого она любила всем сердцем.

Возможно, она не рискнет рассказать Колту правду, но в одном она себе поклялась: она не расстанется с ним без борьбы.

Пусть она станет его возлюбленной, его любовницей – она готова пойти на что угодно, лишь бы не потерять его еще раз.

Глава 31

Джейд считала часы и минуты, остававшиеся до встречи с Колтом, назначенной в Центральном парке на пятницу.

Она покаталась на велосипеде всего четверть часа, когда увидела его: он стоял у фонтана, прислонив свой велосипед к стволу ближайшего дерева. Заметив ее, Колт просиял счастливой улыбкой. Убедившись, что поблизости никого нет, Джейл поставила велосипед и направилась к фонтану, словно собираясь передохнуть после долгой езды.

Она остановилась рядом с ним и еще раз огляделась. Они были одни.

Колт устремил взгляд на воду, вытекавшую из вазы, которую держал установленный в центре фонтана купидон.

– Боже, как я ждал этой минуты! – прерывающимся голосом прошептал он.

Джейд проглотила ставший у нее в горле ком.

– Ах, Колт, ты не представляешь себе, как сильно я тебя люблю!

– Почему? – Он закрыл глаза, пытаясь справиться с бушующими в его душе чувствами. – Почему я мог с тобой расстаться? Не могу представить себе времени, когда бы я тебя не любил. Расскажи мне все, Джейд.. Пожалуйста! Я схожу с ума. Что с нами произошло?

– Как бы я хотела это сделать! – отозвалась она. – Не сей-

час это касается слишком большого количества людей. Колт Давай просто радоваться тому, что мы снова обрели друг друга – Радоваться? – презрительно засмеялся он. – Радоваться тому, что я терзаюсь тем, что не могу вспомнить, как мог совершить такую глупость – расстаться с тобой?! Теперь я понимаю, почему совершенно равнодушен к жене. Я никогда не мог забыть тебя, Джейд. И никогда не смогу.

Он горестно покачал головой.

Одному только Богу было известно, как сильно Джейд хотелось рассказать ему правду. Но вместо этого она прибегла ко лжи, которую, как надеялась, он должен принять:

– Колт, у нас была горькая ссора. Мы расстались и стали жить каждый своей жизнью, а сейчас снова нашли друг друга. Но теперь многое изменилось, и нам остается одно: пользоваться теми минутами, которые мы можем провести вместе.

– Я не хочу довольствоваться незаконной связью, – с болью возразил он.

– А у нас есть выбор? Ты готов оставить жену и новорожденного сына?

Он решительно заявил:

– Да, готов, хотя мне будет тяжело расстаться с Энди, ведь я люблю его, но Лорену оставляю не задумываясь. – Он горько засмеялся. – Честно говоря, не думаю, чтобы ее это огорчило.

Колт приблизился к Джейд, не опасаясь, что их увидят. Он почувствовал потребность прикоснуться к ней, обнять

ее. Сжав ей руки, он заставил ее посмотреть в его полные боли глаза:

– Я видел сон, Джейд, – сон про нас с тобой. Это было похоже на пьесу, главными героями которой были мы. Ты танцевала в балете. Множество народа смотрело на тебя: восхищаясь, аплодируя. Театральный зал был необыкновенно красивый: синий с золотом.

Прикусив губу, Джейд пыталась справиться со слезами: Колт описывал великолепный Мариинский театр в Санкт-Петербурге.

Он вспомнил! Ей отчаянно хотелось надеяться, что это был признак того, что к нему возвращается память. Она не осмеливалась ничего сказать, понимая, что лучше позволить ему продолжить этот рассказ, плести кружево своих воспоминаний.

– Я шел к тебе по центральному проходу, словно загипнотизированный. Я был зачарован твоей красотой. Я протянул тебе розу и привязанное к стеблю кольцо, и...

Он застыл, широко раскрыв глаза, остановившиеся на надетом на ее правую руку изумрудном кольце с жемчужинами – кольце, которое в день их свадьбы ей подарила его мать.

Он изумленно сказал:

– Но не это кольцо... Это кольцо... – потрясение повторил он. – В этом кольце есть что-то...

Он прищурился, выпустил ее руку и сел на край фонтана, встряхивая головой и прижимая пальцы к вискам.

– Колт, что с тобой? – встревоженно спросила Джейд. – Пожалуйста, не заставляй себя вспоминать!

– Откуда у тебя это кольцо?

Джейд решила сказать ему правду:

– Его мне подарила твоя мать.

– Ну конечно! – Он облегченно улыбнулся. – Вот почему я его помню. Но ее я не помню, – печально добавил он.

Тут он признался, почему позволил Лорене взять на себя переписку с его родными: было бы трудно писать людям, которых он не знает. Он опасался, что они почувствуют, что что-то не так, а ему не хотелось их тревожить. Лорена сказала ему, что здоровье его отца плохое и что сестра находится в критическом состоянии. Они решили постараться, чтобы родители не догадались о болезни Колта, поскольку это было бы для них поводом для лишних тревог.

– Видишь? Я кое-что вспоминаю. Так скажи мне: я действительно прошел по проходу огромного зала, чтобы подарить тебе кольцо?

– Да. – Она тихо вздохнула. – Мы были помолвлены. Он выпрямился и снова поймал ее руку.

– Когда-нибудь я вспомню все и моя жизнь войдет в свою колею. А пока, наверное, ты права. Мы должны радоваться тому, что у нас есть.

Он провел ее к густым зарослям кустов, раздвинул ветки и увлек на скрытую за ними лужайку. Там он заключил ее в объятия, и их губы слились в страстном поцелуе. Наконец

он разжал руки и спросил с нетерпением в голосе:

– Скажи, когда мы снова сможем встретиться? Но только в уединенном месте, » где нам никто не помешает быть вместе так, как мы этого хотим!

– Это такой риск!

– Пустяки! – отрезал он. – Нам необходимо найти возможность видеться друг с другом, Джейд. Я от тебя не отступлюсь. Сколько раз мне это повторять? Пусть у меня амнезия, но я не идиот и не стану мириться с этой тайной. Что-то – я не знаю что – не позволяет тебе рассказать мне всю правду. Я стараюсь быть терпеливым, дать тебе время обдумать все, что ты таишь в себе, но я не могу и не стану долго ждать. Если ты меня любишь...

– О Боже, как я тебя люблю! – воскликнула она, кидаясь ему на шею. – Моя студия! Мы сможем встречаться там.

– Когда?

Джейд лихорадочно соображала. Брайан должен был вернуться домой во время уик-энда, но когда именно – она точно не знала.

– Позвони мне в студию в воскресенье около полудня.

Если Брайан не вернется из Филадельфии, то я буду там и отвечу, и ты будешь знать, что можешь встретиться со мной в восемь часов вечера, в тот же день. А если я не отвечу, то ты поймешь, что он приехал и я не могу уйти из дома.

– И когда я увижу тебя в этом случае?

– Тебе надо будет позвонить мне в понедельник утром, и

мы попытаемся о чем-то договориться.

Он крепче прижал ее к себе, и она почувствовала свидетельство его страсти и ощутила, как в ней самой поднимается ответное желание. Ей необходимо было отстраниться, иначе она не выдержит и уступит своему чувству, забыв о том, что они находятся в людном Центральном парке.

Она в последний раз поцеловала Колта, прошептав: «В субботу», – и вынырнула из-за кустов. Оглядевшись и еще раз убедившись в том, что поблизости никого не было, она подошла к своему велосипеду, села на него и уехала.

Колт выждал несколько минут, а потом ушел и сам.

Никто из них не заметил женщины, которая пряталась за толстым стволом дерева рядом с их убежищем.

С улыбкой злобного торжества Лита села на велосипед, который Брайан купил ей, чтобы она могла следить за Джейд, и покатила прочь.

Отправляясь в субботу в свою студию, Джейд благодарила Бога за то, что Брайан не вернулся и теперь его можно было ждать не раньше воскресенья. Литы тоже нигде не было видно.

Она приехала в студию около одиннадцати и решила немного поработать у перекладки: стала отрабатывать основные шаги и позиции, которым будет обучать начинающих.

Погрузившись в любимый ею мир танца, Джейд не услы-

шала, как открылась дверь. Неожиданно за ее спиной раздалось презрительное хмыканье. Повернувшись, она изумленно воззрилась на Триесту Вордейн.

На незваной гостье был темно-коричневый жакет поверх светло-коричневого платья. С широкополой шляпы спускалась черная вуаль, обрамлявшая лицо с резкими чертами. Она презрительно бросила:

– Ну-ну, и как ты называешь это, мисс Прима-балерина? Танец шлюхи?

Стоявшая на носках Джейд неловко опустилась на всю ступню. Побледнев, она проговорила:

– Что вы сказали?

– Я спросила, называется ли вот это танцем шлюхи. – Она изобразила невинную улыбку. – Ведь именно так и зовут таких, как ты, правильно? Шлюхами? Или, может, ты предпочитаешь слово «потаскушка» или «распутница»? Ну-ну, для вас, проституток, изобрели так много слов! И не прикидывайся невинной. Я знаю, что ты тайком встречалась с Колтом.

– Хорошо, Триеста, – холодно ответила Джейд, чувствуя, как в ней закипает ярость. – Не знаю, зачем вы сюда явились, но рада, что вы это сделали. Теперь мне не придется еще раз идти к вам домой.

– Да что ты говоришь? – Триеста невозмутимо приподняла брови. – Мне казалось, я тебе ясно дала понять, что не хочу видеть тебя у себя в доме!

– Я хочу узнать, почему вы и ваша дочка солгали Колту, почему заставили его считать, будто он женился на ней, да еще в Париже, Господи!

Высокомерное презрение, отражавшееся на лице Триесты, не исчезло.

– О прошлом можешь забыть, милочка. А вот о чем тебе следовало бы побеспокоиться, это о твоём теперешнем положении и о том, что ты будешь делать, когда твой муж узнает, что ты спишь с моим зятем.

– Сумасшедшая старуха! – закричала Джейд, разъяренная ее наглостью. – Колт вам не зять, и вы это прекрасно знаете. Так почему мне не спать с моим собственным мужем?

Триеста ухмыльнулась:

– Иметь двух мужей – незаконно.

– Не вам говорить о законности! Да у вашей дочери незаконнорожденный ребенок!

Впервые выйдя из себя, Триеста огрызнулась:

– Не смей говорить такое! – Она угрожающе шагнула вперед, но Джейд не отступила, и Триеста остановилась. – Я пришла сказать, чтобы ты не лезла в жизнь Колта, иначе я не только Брайану Стивенсу расскажу, что он женат на шлюхе, об этом будут знать все! И все от тебя отвернутся!

Эта угроза Джейд не испугала, и она ответила на нее своей собственной:

– Извольте. А я расскажу Колту всю правду.

Триеста нервно рассмеялась – она явно была растеряна.

– Да... да ты не посмеешь! Неужели ты настолько глупа, что надеешься, что он тебе поверит? Что он ради тебя бросит жену и ребенка?

– Лорена ему не жена! – резко напомнила ей Джейд. – И как насчет Колтрейнов? Что вы сказали им? Они ведь присутствовали на настоящей свадьбе Колта, когда он женился на мне!

Теперь смех Триесты зазвучал совершенно искренне, торжественно.

– О, милочка, Колтрейны считают, что ты жива и здорова. У них нет основания думать иначе, потому что Лорена подписывается твоим именем! А поскольку Колт писем не читает, то нам не о чем беспокоиться!

Джейд изумленно покачала головой:

– Вы и правда сумасшедшая!

Ухмылка Триесты погасла, снова сменившись злобой.

– Нет, я не сумасшедшая. Я все продумала, и ты мне дела не испортишь! Да, я не рассчитывала, что ты останешься жива и появишься в Нью-Йорке. Но я сделаю все, чтобы ты исчезла из жизни Колта. Ты твердо скажешь ему, что больше не можешь с ним встречаться, – и не станешь. Иначе, клянусь тебе, Джейд, я действительно расскажу о тебе Брайану и всему свету.

– Зачем вы сделали с ним это? – спросила Джейд.

– У меня были на то причины.

– Я хочу их знать!

– Я же сказала тебе, чтобы ты в наши дела не совалась!

Держись от Колта подальше. Оставь его в покое. Оставь всех нас в покое, или ты обо всем пожалеешь!

Джейд не дала себя запугать. Она вызывающе заявила:

– Я намерена поговорить с Лореной и услышать ее объяснения. Она разговаривала со мной на пароходе и рассказала, что вы заставили ее вернуться в Америку против воли: выследили ее в Европе, наняли двух бандитов, чтобы избить молодого человека, с которым она убежала, – человека, которого она действительно любила и за которого хотела выйти замуж.

– Не смей с ней видаться!

– Тогда скажите, как вы убедили ее притвориться, будто она замужем за Колтом. Ведь она любит другого!

– Прекрасно, – холодно проговорила Триеста. – Я тебе это расскажу, тем более что изменить того, что сделано, ты все равно не сможешь.

Она стала рассказывать, как, после того как Колт получил удар в голову, нашедший его матрос решил, что Лорена – его жена, потому что она оказалась рядом с ним. Он сказал ей, что ее муж погиб. Лорена оцепенела от ужаса и не стала поправлять его ошибки. А когда выяснилось, что на самом деле Колт жив, хоть и не приходит в сознание, она осталась подле него как озабоченный его состоянием друг. И все сочли ее женой Колта.

– Лорена бывает такой наивной дурочкой! – ехидно доба-

вила Триеста. – Она была так расстроена тем, что ты якобы упала за борт и утонула, а тут еще Колт лежал при смерти... Она была совершенно ошеломлена и не обращала ни на что внимания.

Я все взяла на себя – как мне всегда приходится это делать, – и ко времени нашего прибытия в Нью-Йорк те, кто хоть что-то значил, считали, что она – это ты. А я их не переубеждала.

Когда мы отвезли Колта в больницу и Лорена поняла, что случилось, она попробовала было возражать, но я заставила ее оставить все как есть.

Джейд встряхнула головой, ошеломленная ее рассказом, и Прошептала:

– Но почему? Почему она позволила вам пойти на такую низость?

Триеста чуть ли не зарычала:

– Потому что я обещала ей, что если она этого не сделает, то я отправлю ее в монастырь для непослушных девиц, где она будет сидеть, пока не сгниет! Прикинуться женой Колта было куда приятнее. Бог свидетель, я много лет старалась выдать ее замуж. Мне не хотелось иметь дочь – старую деву. – Тут она ехидно ухмыльнулась. – И все получилось прекрасно. Колт с ней заботлив, а малыша просто обожает. Я даже не рассчитывала, что она так быстро забеременеет от него. – Немного помолчав, она добавила, желая ранить Джейд как можно больнее:

– Она забеременела, когда Колт еще находился в больнице, за несколько дней до его выписки. Она забралась к нему в постель прямо в больничной палате, и...

– Прекратите! – закричала Джейд, закрывая уши руками и резко мотая головой.

Триеста с удовольствием убедилась в том, что достигла желаемого результата.

– Ты должна понять, что тебе не остается ничего другого, как просто забыть о нем. У тебя теперь, насколько я слышала, хороший муж, так что будь благодарна судьбе. Если ты будешь по-прежнему преследовать Колта, то добьешься только того, что испортишь жизнь очень многим. – Она направилась к двери, но на пороге остановилась и сказала:

– Я понимаю, что Лорена некрасива и не возбуждает так, как ты, Джейд. И еще я понимаю, что даже если Колт не узнает, кто ты на самом деле, он сможет захотеть оставить свою жену ради тебя. Но если Лорена не может тягаться с тобой, то я могу, это ты должна признать.

Джейд молча смотрела, как Триеста закрывает за собой дверь. Оставшись одна, она бессильно опустилась на пол и дала нолу слезам. В эту минуту она искренне жалела, что не погибла во время шторма.

Зазвонил телефон.

Джейд со стоном подняла голову и сквозь слезы посмотрела на аппарат.

Он продолжал звонить: Колт не оставлял надежды на то,

что она находится в студии.

В конце концов Джейд поняла, что ей надо сделать, – увидеться с ним еще раз, чтобы сказать, что все кончено. Она скажет ему о том решении, которое приняла в эти мучительные минуты: их грезам пришел конец. Она вернется в Россию, к своим родным, к знакомым ей людям.

С трудом поднявшись на ноги, она сняла трубку и, не здороваясь, прерывисто прошептала:

– В девять. Сегодня.

Она повесила трубку и, двигаясь словно в тумане, оделась и вышла из студии.

Когда за ней закрылась дверь, из-за занавеси одной из уборных в самом дальнем конце студии вышла Лита, Довольно улыбаясь, она подумала про себя, что все складывается гораздо лучше, чем она могла предполагать!

Глава 32

Вернувшись домой, Джейд увидела, что на застекленной веранде сидит Брайан. При ее появлении он не повернул к ней головы, продолжая бесстрастно рассматривать пейзаж за окном.

– Добрый день, – невыразительно произнес он.

Резкими движениями она быстро стянула с рук перчатки.

– Давно вернулся? – напряженно спросила она.

– Очевидно, сразу же после твоего ухода этим утром, если верить слугам. – Тут он повернул к ней холодное, полное недовольства лицо. – Где ты была, Джейд?

Она презрительно скользнула по нему взглядом и уселась на диванчик напротив него.

Он повторил:

– Я спросил, где ты была, Джейд.

Продолжая молчать, она пристально смотрела на него.

Он гневно сжал губы.

– Прекрасно. Если ты не желаешь говорить, где ты была этим утром, то, может, ты изволишь сказать, почему не пожелала вернуться из Гудзон-Вэлли тогда, когда собиралась.

Она по-прежнему ничего не отвечала.

Подняв руки, он яростно ударил кулаками по подлокотникам кресла и подался вперед.

– Ты странно ведешь себя с того времени, как встретила

с Колтрейном. Не знаю, что, к дьяволу, происходит, но ты моя жена, и я требую ответов. Немедленно.

Она одарила его ледяной улыбкой.

– Ты ошибаешься, Брайан. Я тебе не жена и никогда ею не была, потому что наш брак незаконен. И ты это знаешь.

От изумления он резко вскинул голову. Такого он не ожидал.

– Что ты говоришь? Конечно, наш брак законен! Первый раз церемония проходила в другой стране, и...

– Это не имеет значения.

– В глазах закона...

– В глазах закона! – с издевкой оборвала его она. – В моих глазах ты жалкий негодяй!

Он отшатнулся, словно от удара. Затем медленно встал во весь свой внушительный рост, нависая над ней, и угрожающе проговорил:

– Думаю, тебе следует объяснить свои слова.

– Это тебе надо бы объясниться, Брайан, – с вызовом проговорила Джейд и тоже встала. – Объяснить, почему ты скрыл от меня то, что было в докладе сысского агентства.

Брайан явно не ожидал этого. Резко повернувшись, он открыл дверцу небольшого бара у одной из стен.

– Я... я не понимаю, о чем ты говоришь, – пробормотал он, пытаясь тянуть время.

Налив рюмку виски из хрустального графина, он одним глотком осушил ее.

– Я пошла в твою контору, Брайан, обманом заставила мисс Пирсон отпереть сейф и прочитала донесения сыщиков о том, что Колт потерял память, что он якобы женился на Лорене Вордейн в Париже... А ты прекрасно знал, что этого быть не могло, – гневно добавила она. – И ты все это от меня скрыл, потому что прекрасно понимал, что я ни за что не вышла бы за тебя замуж, если бы знала правду о состоянии Колта. Он решил, что лгать будет бесполезно.

– Ну и что? Разве меня можно в этом винить? Я был готов пойти на все, лишь бы добиться, чтобы ты стала моей женой. – Он повернулся и бросил на нее взгляд, полный мучительного страдания. – Ты не можешь ненавидеть меня за это: ведь мной двигала одна только любовь!

Ее лицо без слов сказала ему, что он ошибается.

Он беспомощно развел руками.

– Когда я получил тот доклад, Колт уже вышел из больницы и жил в доме Вордейнов в качестве мужа Лорены Вордейн.

– Тебе следовало сказать мне правду.

Зачем? Что бы ты тогда сделала?

– Не прикидывайся глупеньким, Брайан! Ты прекрасно знаешь, что бы я сделала: отправилась в дом Лорены и забрала бы моего мужа – моего настоящего мужа, того, женой которого я по-прежнему остаюсь по всем законам. Но ты обманом заставил меня считать, что он никогда не любил меня по-настоящему и что именно поэтому так быстро нашел се-

бе новую жену после того, как я якобы погибла. Ты внушил мне такое отвращение к Колту, что я вышла замуж за тебя как бы в отместку. Только этот брак не был настоящим, и мы прекрасно это знаем. Так же как Колт не был женат на Лорене. Мы с ним по-прежнему муж и жена!

Он глубокомысленно посмотрел на нее, а потом пожал плечами.

– Может быть, – вызывающе бросил он, а потом самоуверенно добавил:

– Но ты ничего уже не изменишь, дорогая, а только причинишь горе окружающим. Включая Колта. Он считает, что женат на Лорене. И она родила ему сына. Этого нельзя отрицать. Единственное, чего ты можешь добиться, – это устроить скандал.

Джейд прекрасно понимала все это, но не собиралась доставлять Брайану удовольствие, соглашаясь с ним. Посмотрев на него все тем же ледяным взглядом, она решительно сказала:

– Я от тебя ухожу.

Он на секунду широко открыл глаза, а потом недоверчиво рассмеялся:

– Ты же знаешь, что я никогда этого не допущу, Джейд!

И почему тебе вдруг захотелось это сделать? До этой истории мы были с тобой счастливы. Неприятности начались быстро, но так же быстро могут и закончиться. Мы просто забудем о них и снова заживем так, как жили прежде.

Он поставил бокал и подошел к ней, пытаясь обнять и прижать к себе, но Джейд с силой ударила по протянутым к ней рукам:

– Нет, Брайан, мы не будем жить так, как жили прежде, потому что вся эта жизнь была основана на лжи. Я больше никогда не смогу тебе доверять. И не смогу простить тебе то, что ты сделал.

Придя в ярость, он закричал:

– Ты же сама говоришь, что Колт не узнает тебя! Как ты можешь пойти к нему и рассказать все это? Перевернуть всю его жизнь, испортить жизнь его сыну?

– Я этого не сделаю, – просто сказала она. – Ты прав, Брайан. Прошлого не вернешь. Но я не собираюсь жить с человеком самовлюбленным и эгоистичным, который ни перед чем не останавливается, чтобы добиться своего. Я уйду от тебя, но не к Колту. Он для меня потерян навсегда. Я сделаю то, что должна была сделать давным-давно. Я уеду домой!

Она повернулась, чтобы уйти, но он поймал ее за руку. Его пальцы с силой впились в ее запястье, и он рванул ее к себе и притянул так близко, что она ощутила на своем лице его яростное дыхание.

– Ты не вспоминала о Колтрейне все те ночи, когда стонала от страсти в моих объятиях, Джейд, – напомнил он, обжигая ее взглядом. – Неужели ты можешь это забыть? Можешь так легко отбросить все прекрасные воспоминания о нашем острове?

Нет! Ты не сможешь отрицать того, что любила меня, – ведь нам было так хорошо вместе!

Она засмеялась, глядя ему прямо в лицо:

– О, Брайан, это ничего не доказывает! Получать удовольствие в постели можно и не испытывая любви к партнеру.

Посмотрев на нее так, словно увидел впервые, он ахнул:

Настоящие леди так не разговаривают!

Она снова рассмеялась:

– Когда дело доходит до постели, Брайан, никаких «настоящих леди» не существует!

С этим она ушла.

Он закричал ей вслед:

– Я не отпущу тебя! Я заставлю тебя остаться, Джейд!

Клянусь! Ты – моя жена. Сейчас ты расстроена, но когда успокоишься, то увидишь, насколько не правильно ты все восприняла...

Она шла, не замедляя шага и не оборачиваясь. Брайан услышал, как ее каблучки простучали по холлу, а затем по ступеням лестницы...

Схватив со стола рюмку, он швырнул ее в стену.

– Мистер Стивенс...

Эти робкие слова заставили его оглянуться – и он увидел Литу, которая нерешительно заглядывала в дверь, выходящую на лужайку. Не скрывая раздражения, он проворчал:

– Да? Ну что там еще?

Она шагнула на веранду, сжала зубы, чтобы не расплыться

в торжествующей улыбке, и начала:

– Вы должны знать одну вещь...

Джейд не только заперла дверь своей комнаты, но и подтащила к ней массивный комод. Она не намерена была продолжать спор с Брайаном. Она приняла твердое решение и впервые с начала всего этого кошмара почувствовала уверенность в будущем. Она уедет домой, и ее никто не остановит.

А еще она решила, что увидится с Колтом в последний раз, в последний раз будет любить его, чтобы навсегда запомнить эти минуты блаженства, а потом уедет из Америки. Она понимала, что нужно быть очень осторожной с Брайаном: он наверняка попытается ей помешать. Сейчас он считает, что она просто рассердилась, и не сомневается в том, что она скоро успокоится и смирится с обстоятельствами. Именно эта его надменность и стала причиной всех их несчастий, раздраженно подумала она. Так что ей нельзя терять время. В понедельник гром она возьмет из банка свои деньги и спрячется где-нибудь до тех пор, пока не договорится об отъезде в Европу.

Немного спустя Брайан постучался к ней в дверь и сказал:

– Джейд, открой, пожалуйста! Нам надо поговорить обо всем.

Она не отозвалась.

Он ушел и вернулся примерно час спустя, чтобы объявить

о том, что обед подан. Она по-прежнему ничего не ответила. Он громко вздохнул и сказал, что прикажет поставить у ее двери поднос.

– Мы поговорим завтра, когда ты успеешь подумать о том, как неразумно поступаешь, Джейд. Ты не можешь отказаться от всего, что у нас с тобой было!

Она с трудом сдержала язвительный ответ. Какая горькая ирония: ей никогда не удавалось избавиться от воспоминаний о счастливых часах с Колтом, а теперь она не могла вспомнить о Брайане ничего хорошего! И тут она поняла, что это – лучшее доказательство того, кому принадлежит ее сердце!

Джейд кляла все на свете: теперь ей придется ждать темноты, и, значит, она опоздает на встречу с Колтом. Она нетерпеливо считала минуты до того момента, когда сможет выскользнуть из дома, не опасаясь, что ее увидят. Ее ловкость и гибкость – результат долгих лет занятий танцами – позволили ей легко соскользнуть по решетке для вьющихся растений, которая доходила до ее окна, и приземлиться у стены дома. Потом, держась в тени, она поспешно прошла к своему велосипеду, села на него и, быстро, вращая педали, покатила к своей студии в центре города.

Поблизости никого не оказалось, и она вошла в подъезд и стремительно поднялась по лестнице. Не успела она подойти к двери студии, как услышала шаги быстро поднимавшегося вверх человека. Ее это не испугало: по тому, как затрепетало

ее сердце, она поняла, что это идет Колт.

Она как раз вставила ключ в скважину и повернула его, когда он схватил ее в объятия. Прижимаясь к ее шее теплыми, жадными губами, он глуховато прошептал:

– Где ты, была, принцесса? Я жду уже больше часа. Я боялся, что что-то случилось и ты не сможешь прийти!

Джейд почувствовала на глазах слезы радостного волнения Колт назвал ее принцессой! Неужели он неосознанно вспомнил ласковое прозвище, которое придумал для нее, поддразнивая благородным происхождением и титулом княжны? Или это было просто нежное обращение, не имевшее особого значения? Она не смела спрашивать.

Джейд повернулась к нему, чтобы насладиться его поцелуем. Он подхватил ее на руки и, пройдя в студию, ногой захлопнул дверь. Комната была полна бликов света, отбрасываемых уличными фонарями, так что Колт без труда разглядел стоявший в противоположном углу диван. Осторожно положив на него Джейд, он начал ее раздевать.

– Я должен любить тебя, малышка. Прямо сейчас. Я не могу больше ждать. Я не мог думать ни о чем, кроме счастья быть с тобой. Не могу себе представить, чтобы какая-то женщина была мне столь же желанна.

Когда она оказалась обнаженной, он наклонился над ней и поцелуями раздражил ее соски, так что они набухли от страсти. А потом его язык спустился ниже, наслаждаясь белоснежной кожей, поблескивающей в свете, падавшем с ули-

цы.

– Нам всегда было так хорошо вместе, правда? – Он нежно улыбнулся ей и выпрямился, чтобы расстегнуть брюки, а потом снова вернулся к ней.

– Да!.. – жарко выдохнула она. – Да, нам всегда было хорошо И у нас всегда было слишком мало времени.

А потом слова стали лишними. Сотрясаемые волнами экстаза, они стонали, сжимая друг друга в объятиях...

Когда буря страсти улеглась и они, лежали тихие и умиротворенные, Колт нежно провел пальцем по ее щеке.

– У меня был еще один сон, сокровище мое. На этот раз в была леди с золотисто-рыжими волосами и ярко-синими глазами и мужчина, который был очень похож на меня. Потому, это были мои родители.

– Да! – подтвердила Джейд, горя нетерпением услышать, что еще он вспомнил.

– Так я и подумал. Я рассказал об этом Лорене, описал людей, которых видел во сне, и спросил, знает ли она, кто это был Она не захотела об этом говорить – сказала, что мне не следует думать о таких вещах, потому что от этого у меня начинает болеть голова.

– Правда начинает?

Он глубоко и протяжно вздохнул, а потом его палец скользнул вниз и начал играть ее все еще напряженными сосками.

– Иногда, – признался он. – Но я не могу допустить, чтобы

это мне помешало. Я должен стараться все вспомнить – и, похоже, мои сны пытаются мне что-то подсказать. – Немного помолчав, он добавил:

– Было там и еще что-то. – Его голос зазвучал более напряженно, и он пристально посмотрел ей в глаза. – Мне снилась свадьба, и ты была в белой фате.

Джейд застыла. Пытаясь говорить равнодушно, она заявила:

– Тебе приснилась свадьба – твоя и Лорены.

Он решительно покачал головой:

– Не думаю. Я сказал ей об этом, но у нее сделалось какое-то странное лицо. По правде говоря, я хотел спросить ее о тебе... откуда я тебя знаю...

– Но ты же не можешь обращаться к ней с такими вопросами!

– Знаю. Я не могу допустить, чтобы она узнала о наших встречах. Пока. Сначала нам нужно обсудить наши планы. Но мне жаль, что я не могу этого сделать: она наверняка проговорила бы мне о чем-то. Она так нервничает, когда я начинаю расспрашивать ее о прошлом! Вы были с ней знакомы?

– Очень мало.

– До того, как я на ней женился, или после?

Джейд почувствовала приближение опасности. Этот день должен был стать днем их последней встречи, и она не смела давать ему пищу для новых мучительных попыток что-

нибудь вспомнить.

– Это не имеет значения, – проговорила она, и в ее голосе прозвучали усталость и печаль. – Перестань об этом думать, Колт. Мы не сможем изменить прошлого.

Выскользнув из его объятий, она начала одеваться. Колт неохотно потянулся за своей одеждой.

– В свадебном платье была ты!

Джейд резко обернулась к нему, чувствуя, как ее охватывает леденящий душу страх.

– Мы разведены, Джейд? – Он смотрел ей в лицо, требуя ответа. – Меня поэтому так тянет к тебе? Потому что мы на самом деле были женаты, но по глупости развелись? Я имею право знать правду и намерен ее добиться. Я твердо решил обо всем поговорить сегодня с Лореной, какими бы ни были последствия, но когда я проснулся, ее дома уже не было. Ее мать сказала, что она взяла малыша и уехала навестить родных где-то в Новой Англии... И отказалась говорить, где именно. У меня есть сильное подозрение, что она уехала из-за страха перед вопросами, которые я задавал ей в последнее время.

Подойдя к ней, он схватил ее за плечи и легонько встряс, снедаемый досадой.

– Происходит что-то странное, Джейд! И ты должна мне сказать, что именно!

Подобного отчаяния Джейд еще никогда не испытывала.

Глотая слезы, она смотрела в его лицо – лицо, которое бы-

ло ей так дорого.

– Ох, Колт! Милый мой, хороший Колт! Как бы мне хотелось все тебе рассказать! Но некоторые вещи лучше оставить в покое.

– Да! – раздался гневный голос, заставивший их обоих вскочить. – Например, лучше оставить в покое чужих жен!

Из темноты появился Брайан, а в руке он держал пистолет.

– Колтрейн! – угрожающим тоном проговорил он. – Тебе что, никто не говорил, что трогать чужих женщин опасно для жизни?

Глава 33

Колт быстро встал перед Джейд, пытаясь заслонить ее своим телом.

– Кто вы такой?

Брайан безумно расхохотался, и Джейд поспешно объяснила Колту, кто это. Она попыталась выйти из-за его спины, но он не пустил ее. Опасаясь наихудшего, она крикнула:

– Брось пистолет, Брайан! Ты сошел с ума!

Тихим, спокойным голосом, который звучал более угрожающе, чем самый ужасный крик, Брайан ответил:

– Ты уже давно знаешь, Джейд, что я схожу с ума... схожу с ума от любви к тебе. И я поклялся, что убью всякого, кто попытается отнять тебя у меня.

Пытаясь не выказать испуга, который он не мог не испытывать, Колт примирительно протянул к нему руку:

– Послушайте, Стивенс, положите пистолет, и давайте поговорим. Мирно.

Брайан насмешливо поднял бровь:

– Поговорим? О чем мне с тобой говорить, подонок! Я застал тебя здесь, с моей женой, и по вашему виду ясно, чем вы тут занимались. Я бы сказал, что единственное, о чем мы могли бы говорить, – это кого из вас мне пристрелить первым.

Он процедил это сквозь стиснутые зубы.

Прижавшись лицом к спине Колта, Джейд прошептала:
– Пожалуйста, Колт, дай мне самой с ним поговорить.

Пожалуйста!

Колт отрицательно покачал головой и обратился опять к
Брайану:

– Разрешите ей уйти отсюда, и мы с вами все решим.

Брайан закинул голову назад и вновь расхохотался, но
пистолет по-прежнему держал нацеленным, не давая Колту
шанса броситься вперед и обезоружить его.

– Колт, ну, пожалуйста! – снова взмолилась Джейд. – Дай
мне попробовать, пока не произошло ничего плохого! Пожа-
луйста...

Она в отчаянии впиалась ногтями ему в спину.

– Ладно, – проворчал он ей, – но оставайся на месте.

– Брайан, послушай, – начала она, – не делай глупостей

Мы можем обо всем поговорить и...

– Замолчи, Джейд! – приказал он. – Подойди ко мне, ина-
че обещаю: я его прикончу!

Колт отрезал:

– Не двигайся!

– Не надо геройствовать! – насмешничал Брайан. – Если
ты ее не отпустишь, я всажу пулю туда, где она будет полез-
нее всего и помешает тебе увиваться за чужими женами!

Тут он повел дулом пистолета в сторону его паха и гадко
засмеялся.

Джейд неожиданно отскочила в сторону. Колт попытал-

ся ее остановить, но Брайан выстрелил, и пуля просвистела между ними. Джейд закричала, шагнула вперед, и Брайан схватил ее за руку и грубо рванул к себе, так что она тяжело упала на пол.

Колт застыл на месте – он был беспомощен.

Брайан целился ему в голову.

– Я предупреждаю тебя в последний раз. – Его губы растянулись в злобном оскале. – Убирайся отсюда к дьяволу!

Сию секунду! И больше не пытайся увидеться с моей женой, или я тебя убью. И буду в полном праве.

Колт взглянул на Джейд, которая замахала в сторону двери:

– Уходи, пожалуйста! Он безумен. Если ты его не слушаешь, он убьет нас обоих. Просто уходи. Сейчас же.

Колт с отчаянием посмотрел на Джейд:

– Я не могу оставить тебя здесь с этим сумасшедшим.

– У тебя нет выбора! – Брайан сделал ему знак идти. – Убирайся. Сию секунду.

Колт стоял, не в силах выговорить ни слова. Он понимал, что не может вырвать у Брайана пистолет: тот наверняка выстрелит в него. Похоже, что у него действительно не было выбора: он должен был отступить.

– Я уйду, – хрипло предостерег он Брайана. – Но если ты причинишь ей боль, то, клянусь...

Брайан сделал второй выстрел. Пуля вошла в пол между ступнями Колта.

– Ты не в том положении, чтобы угрожать мне! А теперь убирайся, пока я не передумал и не пристрелил тебя.

Колт ушел, бросив Джейд взгляд, который без слов сказал ей, что он найдет возможность увидеться с ней. Джейд в отчаянии отвернулась. В эту минуту ей даже хотелось, чтобы Брайан убил ее: ведь она знала, что в последний раз видит человека, которого любит больше всего на свете.

Брайан подошел к окну, чтобы убедиться в Юм, что Колт действительно уходит. Потом он спрятал пистолет, схватил Джейд за локоть и потащил из студии.

– Оглянись в последний раз, – отвратительным голосом посоветовал он ей. – Больше тебе тут не бывать!

Джейд испуганно спросила, что он хочет этим сказать?

Брайан грубо поволок ее по лестнице.

– Я увезу тебя в то единственное место, где мы знали покой и счастье, где ты любила меня. Где нам следовало остаться! Потому что только здесь, среди цивилизации, у нас появились проблемы. Мы уезжаем на остров!

Они уже были на улице. Брайан осмотрелся, убеждаясь в том, что Колт не прячется где-нибудь поблизости, и повел Джейд к экипажу, которым правил сам. Бесцеремонно затолкав ее внутрь, он уселся рядом и ударил вожжами по лошадиным крупам.

Страх сменился необузданной яростью, и Джейд отчаянно набросилась на него:

– Ты не имеешь права этого делать, Брайан! Ты не можешь

увезти меня насильно, превратить в пленницу!

– Замолчи!!! – закричал он и поднял руку, словно собираясь ударить ее. Джейд в ужасе отпрянула. Он с отчаянием замотал головой и прерывающимся голосом прошептал:

– Господи, Господи! Посмотри, что ты со мной делаешь! Я чувствую, что стал способен убить человека, ударить женщину!

– Не пытайся заставить меня чувствовать себя виноватой, Брайан. Ничего этого не произошло бы, если бы ты с самого начала сказал мне правду.

– Ты позволила этому подонку овладеть твоим телом! – обвиняющим тоном бросил он.

Джейд изумленно уставилась на него:

– Он имел на это полное право. Он мой муж, Брайан! А не ты! Мы с тобой никогда не состояли в законном браке!

– А он помнит, что женат на тебе?

– Нет, но...

– Тогда ты для него всего лишь чужая жена, с которой он обманывает свою собственную! Я считаю, что он аморальный негодяй, и мне следовало его прикончить. Но не важно. Ты больше никогда его не увидишь, а мне не придется брать грех на душу.

Он пустил лошадей быстрой рысью. Джейд смотрела прямо перед собой, а в голове ее рождались самые разные планы. Она собиралась выскочить из экипажа, как только они остановятся у дома, броситься внутрь, забаррикадироваться

в комнате и вызвать полицию. Когда полиция придет, она скажет, что ее пытаются превратить в пленницу, – и Брайана заставят ее отпустить.

Тогда она уедет в гостиницу и будет скрываться до отплытия в Европу. Господи, как тяжело было думать о том, что она больше никогда не увидит Колта! Но разве у нее был выбор? Теперь она не сможет рассказать ему правду, не посмеет встретиться с ним после того, как Брайан продемонстрировал, на что он способен. Ей оставалось только одно – бежать, спасая свою жизнь!

Они доехали до дома, и Брайан повернул лошадей на подъездную аллею: ворота были открыты. Он остановил экипаж у каретного сарая за домом, где ярко горело электричество, которое он недавно туда провел.

Джейд приготовилась действовать. Въехав в сарай, Брайан остановил лошадей.

«Пора!» – подумала она. Выскочив из кареты, Джейд бросилась к дверям – и, ахнув, застыла на месте: перед самым ее носом двери захлопнулись. Брайан все еще не выходил из экипажа. Джейд растерянно оглянулась и увидела Литу, которая стояла, прислонившись спиной к дверям, и торжествуяще улыбалась.

– Ты! – воскликнула Джейд.

Лита кивнула.

– А ты думала, я буду стоять в стороне и смотреть, как ты предаешь такого чудесного человека, как мистер Стивенс? –

самодовольно спросила она, посылая сияющую улыбку Брайану, который вышел из экипажа и с благодарностью похлопал ее по плечу.

Он с ухмылкой повернулся к Джейд:

– Самая моя большая удача – это то, что я заново нанял ее перед нашим отъездом в свадебное путешествие. Она оказалась просто бесценной: сообщала мне о всех твоих делах. Она очень предана мне!

Джейд переводила взгляд с Брайана на Лигу. Какая низость! О, она знала, что Лита наблюдает за каждым ее движением, но приписывала это простому любопытству. Она не подозревала, что ей было приказано шпионить.

– Ах, какая же ты подлая. Лита! – воскликнула Джейд.

Лита возмущенно выпрямилась, а Брайан снова похлопал ее по плечу:

– Ну-ну, не позволяйте ей себя обижать. Пора ею заняться.

Он шагнул к Джейд, и она попыталась отступить, но вскоре оказалась у задней стены сарая: дальше идти было некуда. Джейд пронзительно закричала, но ее мучители только расхохотались, сказав, что прислуга отпущена на уик-энд. До соседей было далеко – они ничего не могли услышать.

Джейд попробовала проскочить мимо них к дверям, но они тут же схватили ее. Брайан быстро связал ей руки за спиной, а Лита грубо засунула в рот кляп.

Они не отвели ее в дом, как надеялась Джейд: там у нее

оставался бы шанс на побег. Вместо этого ее заперли в сарае.

Несколько секунд Джейд пыталась избавиться от кляпа и веревок, но потом затихла, заметив, что они все еще стоят у дверей и о чем-то говорят.

– Но вы же обещали, что если узнаете о ее неверности, то разведетесь с ней! – сквозь слезы причитала Лита.

– Она моя жена. Лита. Вы должны это понять, – объяснял Брайан.

– Но вы же говорили, что разлюбите ее, если узнаете, что она вас обманывает! – рыдала та. – И я следила за ней, чтобы доказать вам это, потому что с самого начала чувствовала, что она вас недостойна, что она не понимает, какой вы чудесный человек. И вот теперь вы говорите мне, что все равно остаетесь с ней! Я не понимаю!

Он устало вздохнул:

– А мне и не нужно, чтобы вы меня поняли, милочка: вы ведь не знаете всего. Дело слишком запутанное и слишком личное. Знайте одно: я очень высоко ценю то, что вы для меня сделали, и намерен позаботиться о том, чтобы ваши усилия были заслуженно вознаграждены.

О, теперь Джейд все стало совершенно ясно. Лита ревновала ее, желая заполучить Брайана себе. Брайан это знал и воспользовался ею.

– Ну, прекратите же, Лита! – Брайан заговорил резко, теряя терпение. – Вы только все осложняете.

– Вы могли бы взять меня с собой на Бермуды. Я могла

бы там на вас работать, присматривать за ней. Вы же знаете: она все равно будет пытаться бежать.

– Так не получится. Наши отношения с Джейд будут очень напряженными, пока она не поймет, что я люблю ее, и не научится ценить мою любовь. Вы только осложните ситуацию, будете соблазнять меня...

Джейд с презрением подумала, что он просто пытается успокоить Литу. Он получил от бедняжки, что хотел, и теперь готов от нее отмахнуться.

– Ну же, – добавил он, и голос его выражал самодовольную радость из-за того, что он добился своего, – будьте на чеку, чтобы Колтрейн сюда не проник, а я пойду и прикажу приготовить яхту. А потом вернусь за ней.

Лита обиженно сказала:

– И оставьте меня здесь.

– С большой суммой денег, – весело напомнил он ей. – Я намерен заплатить вам столько, что вы сможете жить, как королева. И будете так заняты покупкой всякой всячины, что даже не вспомните обо мне. Ну а теперь будьте умницей: идите в дом и соберите кое-что из ее вещей!

Голоса их стали отдаляться и наконец затихли.

Джейд привалилась к стене и медленно сползла по ней вниз.

Она должна, должна придумать выход из ужасной ситуации, в которой оказалась.

Неожиданно она услышала шум, который мгновенно вы-

вел ее из печальных раздумий. Джейд попыталась встать, чувствуя, как напрягается каждый нерв в ее теле. Тихо скрипнув, дверь распахнулась, и в ярком свете электричества в проеме возник силуэт Литы.

– Не пытайся что-нибудь устроить, – предостерегла она Джейд. – У меня нож.

Джейд увидела блеск стали.

Лита приказала:

– Выходи сюда, чтобы я могла тебя видеть.

Джейд послушалась.

Лита вырвала у нее изо рта кляп, и Джейд стала жадно глотать свежий воздух. Она с ледяным презрением посмотрела на предательницу и, встряхнув гривой золотисто-рыжих волос, процедила:

– Будь ты навечно проклята за свое предательство, Лита!

Злобно усмехнувшись. Лита приставила кончик ножа к подбородку соперницы:

– И это ты смеешь называть меня предательницей?! Посмотри на себя! Прелюбодеяние не прощается, особенно женщинам. А ты настоящая шлюха, и я ненавижу тебя за то, что ты причинила мистеру Стивенсу боль... – Она явно была на грани истерики. – Он был так добр к тебе! Ты не достойна его! Он заслуживает любви и преданности хорошей христианки...

– Вроде тебя, – с усмешкой проговорила Джейд.

Лита гордо подняла голову:

– Да, это так! И я сделаю его счастливым, для этого мне надо только избавиться от тебя!

– Если ты меня убьешь, то попадешь в тюрьму и у тебя не будет возможности сделать Брайана счастливым.

Джейд говорила спокойно, хотя внутри у нее все дрожало от страха.

– Неужели? – Лита презрительно скривила губы. – А кто узнает, что я тебя убила? Я же могу привязать тебе к ногам побольше подков и сбросить в реку, так что твоего тела не найдут. А я скажу мистеру Стивенсу, что ты сбежала, и он мне поверит.

– А если не поверит? – возразила Джейд. – А что, если мое тело все-таки найдут и тебя обвинят в убийстве? Ты думаешь, у тебя тогда останется шанс заполучить его? О нет! Ты окажешься в тюрьме, а он тебя возненавидит.

– Никогда! – прошипела Лита.

– Если ты хочешь получить Брайана, – не отступала Джейд, – то действовать надо совершенно иначе. И я готова во всем тебе помогать, потому что мне он больше не нужен. Я понимаю теперь, что никогда не любила его. Я хочу только одного. – снова вернуться в Европу.

Лита ей не поверила.

– А как же мистер Колтрейн? Разве ты в него не влюблена? Джейд заставила себя рассмеяться.

– Нет, это было мимолетное увлечение. Но потом про нашу связь узнала его теща, а теперь и Брайан знает... Так что

мне остается только одно: уехать раньше, чем я планировала.

Послушай, Лита, – медленно заговорила Джейд. – Если ты хочешь заполучить Брайана, тебе надо меня отпустить. Скажешь ему, что мне удалось убежать. И обещаю тебе: он никогда не узнает, что ты мне в этом помогла. Он какое-то время будет меня искать, но рано или поздно перестанет и тогда обратит свое внимание на тебя.

– Я... я не знаю. – Лита озадаченно трясла головой. – Это большой риск»

Джейд воскликнула:

– Чего тебе терять? Как только яхта отплывет, все будет кончено. Он будет навсегда потерян для тебя, потому что сумеет держать меня в плену на своем острове. Ты зашла слишком далеко, Лита. – Она помолчала, чтобы та могла переварить услышанное. – Ведь ты ходила к миссис Вордейн, правда? И рассказала ей обо мне и Колте? И следила за мной, так что знала, что мы планировали встретиться у меня в студии сегодня вечером, так ведь?

– Да! Я поехала за тобой в парк, видела, как ты с ним встретилась, и слышала почти все, о чем вы говорили. А потом я пошла к миссис Вордейн и... я продала ей эти сведения.

Джейд была потрясена.

– Ты продавала ей сведения? Боже, да я заплатила бы тебе куда больше за молчание!

Тут Лита призналась, что утром, когда Триеста явилась в

студию, она тоже там пряталась.

– Я рассказала мистеру Стивенсу о том, что ты собираешься встретиться с мистером Колтрейном. Это было сразу же после вашей ссоры. Я не слышала, почему вы ссорились, только поняла, что ты ужасно разозлилась. Вот я и пошла к нему и рассказала о вашей интрижке, потому что думала, что, узнав, он окончательно отвернется от тебя... Только он не сделал этого! – с горечью договорила она.

Джейд пыталась ненавидеть предательницу, но не могла.

Лита была всего-навсего бедной служанкой, которая решила, что у нее появился шанс стать женой или хотя бы любовницей богатого мужчины и стать богатой самой. Она не думала о том, какие трагические последствия будут иметь ее поступки.

Вдруг в глазах Литы вспыхнул странный свет, который не заглушило даже сияние электричества.

– Повернись! – хрипло сказала она.

Джейд почувствовала прилив настоящей паники: она была уверена, что получит удар ножом в спину.

– Повернись, – повторила Лита, – и... и дай мне тебя развязать.

Джейд быстро послушалась. Когда ее руки освободились, она инстинктивно отодвинулась подальше от опасного лезвия.

Лита заметила ее страх:

– Я не стану тебя убивать. Я скажу мистеру Стивенсу, что,

когда пришла проверить тебя, то обнаружила, что ты сумела распустить веревки и высвободиться. А теперь уходи поскорее...

Джейд выбежала из каретного сарая в ночь и попала... прямо в объятия Брайана.

Глава 34

Губы Джейд раскрылись в беззвучном крике ужаса. Глядя на нее в слабом свете луны, он холодно объявил:

– Я ожидал чего-то такого. Вот почему и вернулся.

В эту минуту из сарая выбежала Лита, увидела Брайана, застыла на месте и начала лихорадочно бормотать:

– О, мистер Стивенс! Слава Богу! Я... пришла проверить, как она, а ее тут не оказалось, и...

Джейд вырывалась, и Брайану пришлось целиком сосредоточиться на том, чтобы затолкать ее обратно в каретный сарай.

Он пытался действовать как можно осторожнее: ему не хотелось причинять ей лишнюю боль. Он снова связал Джейд руки и заткнул ей рот кляпом, чтобы кто-нибудь случайно не услышал ее отчаянных криков. Потом Брайан поднял веревку, которой она была связана поначалу, осмотрел ее и повернулся к Лите.

– А я-то думал, что могу вам доверять! – разочарованно протянул он.

Лита расплакалась:

– Простите! Я просто подумала, что если я ее отпущу, то вы...

Она не смогла договорить, но в этом и не было нужды:

Брайан прекрасно понимал, что ею двигало.

– Ну, тогда мне придется взять ее с собой прямо сейчас. Я хотел повременить до тех пор, пока яхта не будет полностью готова к отплытию. Теперь у меня нет выбора, потому что я не могу оставить ее на вас.

Он запихнул Джейд в экипаж и сел на козлы.

Лита рыдала, умоляя о прощении, но Брайан только отмахнулся от нее: он был слишком зол и слишком утомлен, чтобы ее слушать. У него были дела поважнее. Например, ему надо было придумать, как сделать из ненавидящей его жены жену любящую. Ведь, Бог свидетель, он любил Джейд, боготворил ее и всеми правдами и не правдами хотел зажечь в этих прекрасных изумрудных глазах теплый свет любви.

И горе тому, кто попытается ему помешать.

Брайан постарался подъехать как можно ближе к тому месту, где «Марни» стояла у причала. Хотя была уже глубокая ночь, он боялся, что кто-то может увидеть связанную Джейд с кляпом во рту и попытаться ему помешать. Он надеялся, что экипаж яхты лишних вопросов задавать не станет.

Монро Бертон стоял на палубе. Узнав Брайана, он поспешно спустился по сходням:

– Мы почти готовы. Времени на сборы было мало, но мы сделали, что могли, и... – Тут он заметил Джейд со связанными руками и заткнутым тряпкой ртом и невольно спросил:

– Что происходит?

Брайан рявкнул:

– Не твое дело, Бертон. Перенеси ее как можно быстрее на

борт, пока никто не видит. Запри ее в каюте, а потом скажи экипажу, что мы отплываем немедленно. Если они не готовы, то пусть поторопятся.

Монро неуверенно засмеялся:

– Но, сэр, она ведь ваша жена, и...

– Не важно! – Брайан гневно посмотрел на него. – Она не хочет уезжать на отдых. А большего вам знать не надо. А теперь изволь выполнять мой приказ!

Матрос кивнул и подхватил Джейд на руки. Поднявшись по сходням, он ступил на палубу яхты как раз в тот момент, когда из трюма вышел Уолт Гиббоне. Увидев их, он завопил:

– Что ты, К черту, делаешь, Бертон? Почему она связана?

Он бросился вперед, чтобы отнять Джейд у матроса, но Монро ему не уступил.

– Прекрати, старый дурень! Я просто выполняю приказ.

Брайан, который вынимал из экипажа личные вещи, второпях брошенные туда дома, услышал шум и стремительно взбежал по сходням.

– Бертон, унеси ее вниз, пока мы не перебудили весь порт. Гиббоне, не вмешивайся.

Но Уолту ситуация очень не понравилась, и он загородил Монро дорогу.

– Не пущу, пока вы не скажете мне, что происходит.

Брайан раздраженно повторил:

– Не вмешивайся!

Уолт Гиббоне был человеком не из робких и не боялся

рисковать своей шкурой, если надо было помочь человеку, который ему нравился, а мисс Джейд ему нравилась. И даже очень. Она всегда была к нему добра, и, после того, как Уолт помог ее выходить, он чувствовал к ней почти отеческую любовь. Увидев, что она совершенно беспомощна и явно оказалась на яхте против своей воли, он не мог остаться в стороне и бездействовать.

– Нет, – решительно проговорил он, стоя у них на пути. – Я с места не двинусь, пока вы ее не отпустите. Так с леди не обращаются. И если ей не хочется плыть, то. Бог свидетель, я не стану помогать совершать над ней насилие.

Брайан яростно посмотрел на него, раздувая ноздри. Медленно выдохнув, он почувствовал, что трясется от ярости. Времени на споры у него не было.

– Ты уволен, – бросил он. – Убирайся с моей яхты. Немедленно.

Уолт ушам своим не поверил. Он знал Брайана всю его жизнь, работал еще на его отца... «Марни» ни разу не уходила в плавание без него!

– Вы... вы шутите! – воскликнул он.

Брайан принял Джейд из рук Монро.

– Нет, не шучу. Я дал тебе шанс, но тебе понадобилось вмешаться в мои дела. Я сказал: убирайся с моей яхты! Бер-тон, гони его.

Уолт изумленно уставился на нож, который Монро Бертон стремительно вытащил из заднего кармана.

– Ты слышал, что сказал шкипер, старик, – усмехнулся Монро, играя стальным лезвием. – Либо сходи на берег, либо я скормлю тебя рыбам.

Уолт понял, что выбора у него нет, но попытался оттянуть время.

– У меня в трюме вещи, – проворчал он. – , Я хочу забрать их, если вы не возражаете.

– Ладно, – согласился Брайан. – Но поторапливайся.

Бертон, проследи за ним. Ему ни к чему здесь задерживаться.

Брайан быстро спустился в каюту, бережно уложил Джейда на кровать и пообещал:

– Я скоро вернусь, «дорогая, и как только мы отплывем, я развяжу тебя и мы сможем поговорить.

Он поцеловал ее в лоб и поспешно закрыл глаза: презрение, которым горели ее ясные изумрудные глаза, было невыносимо.

Он вышел, заперев за собой дверь. Уолт Гиббоне спустился в тесное помещение для матросов и вошел в свою крошечную каюту. Монро следовал за ним по пятам. Брайан окликнул его, и тот вернулся к своему шкиперу, продолжая настойчиво следить за дверью каюты Уолта.

Брайан прошипел:

– Когда Гиббоне будет сходить на берег, захвати с собой еще одного человека. Сильно не избивайте, но позаботьтесь о том, чтобы он отключился на несколько часов, – мы долж-

ны успеть беспрепятственно отплыть как можно дальше. Если мы позволим ему уйти, то он направится прямо в полицию.

Монро злорадно ухмыльнулся:

– Нет проблем, сэр. Я позабочусь о том, чтобы у него хорошенько трещала голова, когда он проснется... завтра.

Лита не могла заснуть. Она металась и ворочалась в постели, рыдая от жалости к себе, потому что ее план провалился.

Мистер Стивенс потеряян для нее навсегда, уплыл на свой райский остров с женщиной, которая даже не хотела с ним быть!

Это было несправедливо. Ведь она так мечтала поехать вместо нее! Как же жестока и несправедлива жизнь. Что с того, что он сдержал свое обещание и щедро заплатил за ее услуги? Впервые она поняла, что деньги – это не самое главное, на них нельзя было купить любовь мужчины, которого она добивалась.

И теперь ей не только придется лечить свое разбитое сердце и мечты, ей надо будет строить свою жизнь заново. Мистер Стивенс приказал, чтобы дом закрыли, обстановку продали с аукциона, а саму недвижимость тоже выставили на продажу. Он не собирается возвращаться в Нью-Йорк: он даже свое дело передал компаньону.

Солнце только начало подниматься над горизонтом, ко-

гда Лита встала с кровати и пошла на кухню, чтобы сварить крепкий кофе. Она щедро плеснула в кофейник бренди, решив, что вполне этого заслуживает, а потом вышла на веранду и, глядя на реку, стала размышлять о своих проблемах.

Кто-то постучал в стеклянную дверь, и она испуганно вздрогнула. При виде Колта Колтрейна у нее чуть сердце из груди не выскочило.

– Вы – мисс Тулейн, правда? – негромко спросил он. – Мы виделись в студии. Мне необходимо с вами поговорить.

Начав пятиться, она испуганно забормотала:

– Уходите... уходите! Я вызову полицию!

– Нет, подождите! – быстро возразил он. – Вам нет причин меня бояться. Я не причиню вам никакого вреда. Мне только надо с вами поговорить. Мне необходимо увидеться с миссис Стивенс. Пожалуйста, позовите ее сюда.

Она медленно покачала головой, немного успокоившись: мистер Колтрейн явно не знал, что это она шпионила за ними и доносила мистеру Стивенсу. Похоже, он пришел сюда не ради мести.

– Ну, где же она? – теряя терпение, воскликнул Колтрейн.

– Не знаю.

– Вы же ее компаньонка! Вы должны знать, где она находится в этот час!

– Точно не знаю. Уходите, пожалуйста.

Колт посмотрел на нее – устало и встревоженно. Черт подери, ему необходимо было получить хоть какие-то сведе-

ния!

Он уже несколько часов стоял неподалеку от дома, надеясь увидеть Джейд. Пусть он не может вспомнить, кто она и что значила для него в прошлом, но одно он знал с полной определенностью: сейчас он ее любит и не может отступить от нее, как бы велика ни была опасность.

Он пытался позвонить ей по телефону, но девушка-оператор сказала, что у Стивенсов испорчен аппарат: она не могла соединиться с их номером, что встревожило его еще сильнее. Он чувствовал, что обязан что-то предпринять. Триеста зорко за ним следила. И она отказывалась сообщить ему, куда уехала Лорена с ребенком. Происходило нечто странное. Ему необходимо было получить ответы на все свои вопросы. И быстро.

Иначе его мозг не выдержит такого напряжения. К нему приходили все новые и новые отрывочные воспоминания – встречи с Джейд в незнакомых, экзотических местах. Джейд была единственной, кто мог бы сложить эти разрозненные кусочки мозаики в целую стройную картину. Если сейчас эта упрямая особа не скажет ему хоть что-нибудь, то он больше никогда не увидит Джейд!

Подняв покрасневшие глаза, он умоляюще посмотрел на Лигу.

Она отошла к задней стене веранды, прижав руки к груди. Ее глаза были широко открыты от страха.

– Пожалуйста! – взмолился он. – Пожалуйста, скажите

мне, где я могу найти Джейд! Ведь вы это знаете! Вам известно многое, о чем вы молчите... Да, я уверен, вам известно все, что происходит. И если в вашем сердце есть хоть капля милосердия, вы поможете мне! Ну пожалуйста!

Лита не знала, что ей делать. Ей было очень жаль мистера Колтрейна, но миссис Стивенс сказала, что он ей безразличен, так что она, наверное, не захотела бы, чтобы он что-то узнал. Да и что он сможет сделать? Скорее всего яхта уже отплыла.

– Пожалуйста! – с отчаянием выкрикнул Колт. – Пожалуйста, скажите мне, где она!

О, тут Лиге стало его по-настоящему жаль: было ясно, что он сильно страдает. Глубоко вздохнув, она решила, что не будет беды, если она ему скажет. Он бросится в порт, но не отыщет их – и отступится... как это придется сделать и ей. Она еще раз подумала о том, как больно бывает, когда умирает надежда.

И она сказала ему о яхте мистера Стивенса, о том, что он везет жену на принадлежавший ему остров, чтобы разлучить ее с Колтрейном.

Тут Колт взорвался, потеряв последнее терпение:

– Где стоит яхта Стивенса? Я же не могу бегать по всем причалам, разыскивая ее!

Она высокомерно вздернула подбородок:

– Больше я вам ничего говорить не буду. И предупреждаю вас...

– А я предупреждаю вас, черт подери! – Он стремительно вытащил из-за пазухи пистолет, который приготовил на случай столкновения со Стивенсом. – Говорите, где стоит его яхта, иначе вы умрете! И если вы мне солжете, я вернусь за вами!..

Лита в страхе сказала ему все, что он хотел знать... а потом потеряла сознание.

Колт побежал через лужайку к велосипеду, на котором сюда приехал. Теперь он был рад своей удивительной двухколесной машине, на которой можно было быстро и бесшумно проехать по улицам. Дорога до гавани была длинной. Чертовски длинной. И погода тоже была против него. Поднялся сильный ветер. На востоке гроыхал гром, на фоне красного рассвета видны были серебряные всполохи молний. Вот-вот должен был начаться сильный шторм, но ему необходимо было добраться до гавани, и если он не успеет туда вовремя, то, черт возьми, бросится следом за яхтой Брайана Стивенса вплавь и догонит ее – или погибнет.

Глава 35

Когда Колт добрался наконец до порта, начался дождь. Он спрыгнул с велосипеда и начал метаться из стороны в сторону, надеясь увидеть Джейд или Стивенса.

Кругом почти никого не было – только кое-кто проверял, надежно ли подготовлены их суда к шторму. Колт заметил седого старика, лихорадочно закреплявшего конец на швартовочной тумбе.

– Вы не знаете, где причалена яхта Стивенса? Мне надо ее найти.

– Точно не знаю, но более крупные суда обычно пристают дальше, в бухте.

Колт повернулся и побежал в указанном направлении. Дождь усилился, так что он вскоре промок до нитки. Наконец он увидел четыре яхты, но ни на одной из них не было заметно признаков жизни. Колт почувствовал полную безнадежность.

Судя по всему, та женщина обманула его. Она специально направила его по ложному следу, а к тому времени, когда он вернется, чтобы вытянуть из нее правду, будет уже слишком поздно. Стивенс успеет отплыть.

Он поднял лицо к небу: дождь лил как из ведра. Загрохотал гром, вспыхнула яркая молния, ветер протяжно завыл и застонал...

Нет!

Это стонал не ветер! Стонал человек.

Колт осмотрелся. Ветер яростно раскачивал и рвал кусты и бурьян за набережной. Кажется, стоны доносились именно оттуда. Сделав несколько шагов вперед, Колт вновь услышал тот же стон, только еще более явственно, а в следующий момент разглядел лежавшую в высокой траве фигуру человека. Колт опустился рядом с ним на колени и увидел старика. Его голова была разбита, и из раны сочилась кровь.

Незнакомец попытался подняться.

– Разрешите, я вам помогу. Вам надо найти врача.

– Нет времени! – пробурчал старик, с трудом вставая на ноги. Он подозрительно смотрел на Колта:

– Кто... кто ;вы такой?

– Меня зовут Колтрейн. Я искал яхту Стивенса, но, похоже, кто-то сообщил мне не правильные сведения. А теперь разрешите, я отведу вас куда-нибудь, где можно укрыться от дождя и получить помощь.

– Вы ищете яхту Стивенса? Вы пришли помочь мисс Джейд?

У Колта замерло сердце.

– Что вы про нее знаете?

Уолт Гиббоне начал оживать. Голова у него просто раскалывалась, но он готов был терпеть. Еще не все потеряно!

– Я знаю только, что мистер Стивенс сошел с ума. Он привез сюда жену, перетянув ее веревками, словно рождествен-

ского гуся. А когда я спросил, в чем дело, он меня уволил.

Нервы Колта были натянуты до предела.

– Как давно это было?

– Трудно сказать, – ответил Уолт. – Не знаю, на сколько я отключился. Меня ударили сзади. Наверное, хотели обеспечить себе время, чтобы сбежать: догадались, что я пойду в полицию... Я и намерен это сделать. Но было еще темно. Наверное, около двух или трех ночи.

Колт разразился проклятиями.

– Они уплыли несколько часов назад!

Уолт покачал головой, морщась от боли:

– Нет. Яхта была не готова к отплытию. Она простояла еще час, или два по меньшей мере. Стивенс не предупредил нас об отплытии заранее.

В душе Колта снова затеплилась надежда.

– Тогда, может быть, у нас есть шанс. В такой шторм далеко уплыть они не могли.

Уолт согласился с ним и указал на ближайшую яхту.

– Пойдемте. Это шлюп мистера Херрсоффа. Мы можем воспользоваться им. Я знаком с хозяином – он возражать не будет.

Оказавшись на борту, Уолт представился, а потом сказал:

– Мою историю вы слышали. А сами что расскажете?

Колт мог сказать только, что хочет спасти Джейд.

– И вы должны мне помочь, – решительно добавил он.

Уолт широко улыбнулся:

– На парусах я могу обогнать любого, а мы с вами сидим на самом быстром шлюпе в мире. Это же шлюп Натаниэля Херрскоффа, «Бдительный»! Это – килевое судно, и скоростью с ним ничто не сравнится. На нем мы можем приплыть на остров раньше самого Брайана Стивенса!

Колт схватил его за плечо и покачал головой.

– Я не хочу приплыть на остров раньше них, – коротко ответил он Уолту. – Я хочу только догнать их и забрать Джейд с той яхты. Это вы можете сделать?

Уолт уже вскочил и начал приготовления.

– Нам нужна команда. Я знаком с несколькими морскими волками, которые коротают время в таверне по соседству. Я объясню вам, где она. Встаньте в дверях и крикните, что старому Уолту Гиббонсу нужна помощь, – и они прибегут. А перед мистером Херрскоффом я потом извинюсь.

– Об этом можете не думать. Я куплю у него шлюп за любую сумму, которую он запросит.

Уолт не усомнился в том, что его новый знакомый именно так и сделает и что у него действительно есть такие деньги, но он надеялся, что они обойдутся без этого. Однако он счел необходимым предупредить Колтрейна:

– В море сейчас опасно. Вы должны это знать. Мы можем опрокинуться. Я не боюсь. Я бывал в штормах страшнее этого. Но вы, похоже, новичок.

Колтрейн невольно улыбнулся:

– Вы ошибаетесь, мистер Гиббоне. Я уже пережил

шторм... однажды.

Он не стал объяснить подробнее, а Уолт из вежливости не пустился в расспросы.

Кипящее море бросало и раскачивало «Марию». Дождь стал немного слабеть, но ветер по-прежнему был сильным, так что плавание все еще оставалось опасным.

Брайан сидел у кровати Джейд, склонив голову и стиснув руки. Он вынул кляп, но она продолжала молчать, лежа на спине с отсутствующим взглядом.

– Джейд, ты должна меня выслушать, должна меня понять! – в отчаянии взывал к ней Брайан. – Я поступал так только потому, что люблю тебя. Я могу сделать тебя такой счастливой, какой никогда не сделал бы тебя Колтрейны. У него теперь своя жизнь, и ты ему не нужна. А мне – нужна.

Она по-прежнему не отвечала.

Брайан горестно подумал, насколько несправедливо она к нему была. Ведь он же спас ей жизнь! Если бы не он, она умерла бы, плывя по океану на ящике. Он отвез ее к себе домой, кормил ее, успокаивал во время ночных кошмаров, утешал в ее горе. Он поделился с ней всем, что имел. Она у него в долгу, сказал он себе, чувствуя, как в нем поднимается гнев. Бог свидетель, она его должница. Все, что бы он ни делал, имело своей целью ее благо, и пора бы ей проявить к нему хоть немного благодарности и уважения!

Он встал и снял с себя твидовый пиджак, аккуратно пове-

сив его на спинку стула. Потом он снял высокие ботинки на пуговицах, носки и подвязки. Оставшись только в брюках и рубашке, он лег рядом с ней. Она не пошевелилась. Он протянул руку и начал ласкать ее грудь. Никакой реакции. С тем же успехом он мог гладить труп.

Внезапно он не выдержал и сорвался. С воплем ярости он начал рвать на ней одежду.

– Ты моя, черт побери, и будешь принадлежать мне! Ты не имеешь права так со мной обращаться. Я твой муж, и твой долг меня уважать и повиноваться мне...

Джейд посмотрела на Брайана с презрением. Что бы ни сказал и ни сделал он, она будет молчать. Тогда Брайан силой овладел ею.

Когда все было кончено, он посмотрел на нее и в ужасе затряс головой:

– Боже правый, что я наделал? Прости меня, Джейд, прости меня! Но я так сильно тебя люблю. И ты сводишь меня с ума, Л жри л, сводишь с ума. Господи, не надо так на меня смотреть! Я этого не вынесу!

Он закрыл лицо руками, неловко встал с кровати и привалился к переборке каюты. Его тело сотрясилось от мучительных рыданий.

Джейд глубоко вздохнула и закрыла глаза. Его страдания не вызывали у нее жалости, но смотреть на них было тяжело.

Внезапно дверь каюты задрожала от мощных ударов. Стул Монро Бертон и при этом возбужденно кричал:

– Шкипер, идите скорее! У нас неприятности.

Джейд открыла глаза.

Брайан отпер дверь и нетерпеливо спросил:

– Какого дьявола?

Яхта неожиданно накренилась, так что Монро пришлось ухватиться за дверной косяк, иначе он упал бы. Он широко открыл глаза при виде почти обнаженного тела Джейд, но усилием заставил себя вернуться к тому, что его привело в каюту – Нас нагоняет какой-то шлюп, с него требуют, чтобы мы остановились. Кажется, это тот, что стоял у причала рядом с нашей яхтой. Не могу разглядеть, кто там, но они сделали выстрел – похоже, из пистолета – в знак того, что хотят подняться к нам на борт.

– Колт! – торжествуяще воскликнула Джейд, но никто не услышал ее возгласа. Брайан уже выскочил из каюты и поспешно направлялся на палубу, а Монро шел за ним по пятам.

Джейд с трудом встала и, не обращая внимания на изорванное в клочья платье, последовала за ними.

На палубе Брайан стал всматриваться в окружающий яхту туман – и действительно увидел по левому борту судно. Он попытался опознать его, и внезапно понял, что это шлюп Натаниэля Херрскоффа, «Бдительный».

– Какого черта? – воскликнул он. – Что им нужно?

– Наверняка это тот сукин сын. Гиббоне, – сказал Монро. – Кто еще мог нас догнать и устроить шум? Они просто с

ума сошли. Мы не станем останавливаться. – Он повернулся к остальным матросам, цеплявшимся за такелаж. – Принесите из трюма оружие. Хотят играть в пиратов – мы и будем обращаться с ними, как с пиратами!

Брайан изумленно смотрел на происходящее. Его охватила паника при мысли о том, до чего дошло дело, – и все потому, что он посмел бороться за женщину, которую любит! Теперь могут погибнуть невинные люди... И кроме того, он понял, что ему ни за что не заставить Джейд снова полюбить его. Да и любила ли она его вообще? Может, все это было только грезой – и для нее, и для него?

Мучительное раздумье помешало ему заметить, что Джейд вышла на палубу и стоит всего в нескольких футах от него.

Не видел он и Колта, который стоял на носу «Бдительного».

А Колт был так загипнотизирован видом Джейд, что не заметил, как штормовой ветер яростно рванул плохо закрепленный гик позади него. Тяжелый гик полетел, словно боевой бумеранг.

Джейд предупреждающе вскрикнула, но было поздно: сорвавшийся гик ударил Колта в затылок с такой силой, что он полетел за борт, в черную кипящую воду, которая ждала его, словно зияющий склеп.

Джейд не колебалась, не думала о том, на какой риск идет. В мгновение ока она перепрыгнула через палубное ограж-

дение и кинулась в воду.

Команда «Марии», наблюдавшая за происходящим, забыла о своем сражении с морской стихией. Внезапно ударившая в корабль волна перевернула яхту, отправив испуганно кричащих людей за борт.

Джейд, вынырнув на поверхность воды, стала оглядываться в поисках Колта. Вскоре она увидела его: он качался на гребне волны лицом вниз, словно безжизненный обломок. Собрав все свои силы, она поспешно поплыла к нему. Борьба с яростным штормом казалась почти безнадежной.

Уолт Гиббоне был слишком опытным моряком, чтобы потерять голову в трудной ситуации: он громко раздавал приказы своим людям. Они стояли на местах и следили за тем, чтобы шлюп остался на плаву, а Уолт тем временем пробрался к борту.

Он нес спасательный круг, привязанный к прочной веревке.

Точным броском он отправил его в море и попал, куда намеревался – совсем рядом с Колтом.

– Хватайтесь! – скомандовал он Джейд, перекрикивая штормовой ветер. – Хватайтесь и держитесь, и мы вас вытащим!

С радостным криком Джейд, обхватив одной рукой Колта, другой уцепилась за веревку спасательного круга.

Она с ужасом подумала о том, что история повторяется – только на этот раз Колт оказался в воде и его жизнь надо

было спасать.

– Боже! – Она пыталась обнаружить в нем хоть какие-то признаки жизни. – Боже, не дай мне снова потерять его!

Их потащили по пенным волнам к шлюпу, и один из матросов прыгнул в воду, чтобы помочь Джейд. Колта обвязали веревкой и подняли на палубу.

Через некоторое время Колт открыл глаза, поднял голову и начал отчаянно озираться.

– Джейд! – закричал он в ужасе. – Джейд! Моя жена!!!
О Боже!

Но тут его голова опять бессильно поникла.

Джейд отчаянно вскрикнула, негодуяще колотя кулаками о воду. Этого просто не могло быть. Боже, он все вспомнил!!! В это короткое мгновение он назвал ее женой. Не может быть, чтобы он умер, – не может быть!

Матрос закричал, чтобы на шлюпе поторопились. Джейд почувствовала, как у нее под мышками пропустили веревку, потом ее тело вдруг резко дернулось, вырываясь из голодной пасти кипящего яростью моря.

В следующий момент все почернело у нее в глазах.

Джейд открыла глаза и увидела, что на нее встревоженно смотрит Уолт Гиббоне.

– Как вы себя чувствуете, мисс Джейд?

Первая ее мысль была о Колте, и она прошептала его имя.

Уолт улыбнулся и ответил, что он в лучшем состоянии, чем она.

А в следующую секунду Колт уже был рядом с ней. Опустившись на колени, он бережно приподнял ее, шепча слова, которые она так давно жаждала услышать:

– Любимая... Моя жена...

Джейд расплакалась счастливыми слезами. Боже, такими счастливыми!

– Ты вспомнил! – рыдала она. – Ох, Колт, ты теперь все помнишь, правда?

Он кивнул:

– Кое-что еще остается довольно туманным, но постепенно проясняется. Мне всего-то и нужно было, что еще один удар по голове и шторм: они заставили меня вспомнить все. Врачи говорили, что именно так это и может произойти. Мы теперь вместе, Джейд, и всегда будем вместе. Я клянусь тебе в этом!

– Пожалуйста! – взмолилась она, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее. – Пожалуйста, сделай так, чтобы это не было еще одним сном!

Он прижал ее к груди и указал ей на радугу, которая мягкими нежными красками разрисовала серое небо над горизонтом.

Она посмотрела на нее и тихо вздохнула, радуясь столь доброму предзнаменованию.

– Это и правда как сон, – прошептал он, – только на этот раз мы не станем просыпаться. Мы будем жить в мире наших грез, так, как уже было прежде.

ЭПИЛОГ

Джейд и Колт уединились на несколько дней в одной из нью-йоркских гостиниц, чтобы прийти в себя после всего случившегося. Брайана и всю команду «Марни» объявили утонувшими, и единственное, что препятствовало восстановлению нормальной супружеской жизни Колта и Джейд, было отсутствие какой-либо договоренности с Лореной относительно маленького Энди.

– Ты уверена, что хочешь ехать со мной? – спросил Колт у Джейд, когда они собирались отправиться на встречу с Лореной, которая должна была состояться в доме ее матери. – Тебе не обязательно там присутствовать. Разговор может оказаться неприятным. Ты ведь знаешь, какая у нее мамаша.

Джейд яростно затрясла головой:

– Нет уж, тебе от меня не избавиться, Колт Колтрейн! Я хочу своими ушами услышать объяснения этих дьяволиц, мне до конца непонятно, почему они тебя обманывали.

Он прижал ее к себе, а потом со вздохом виновато признался:

– Как я ни люблю маленького Энди, я не могу не жалеть, что он родился в такой ситуации. Теперь я всегда буду связан к Лорене, нравится мне это или нет.

Джейд попыталась изобразить спокойную улыбку.

– После всего, что нам пришлось пережить, любимый, мы

сможем справиться с чем угодно, если будем вместе.

Держась за руки, они вышли из гостиницы и направились к дому Вордейнов.

Дверь им открыла Лорена. Джейд сразу же заметила, как она бледна, как сильно осунулась. Убрала со лба волосы, она сделала приглашающий жест и провела их в полутемную гостиную, которая показалась Джейд чересчур угрюмой. Правда, остальные комнаты были не веселее, и весь дом напоминал гробницу.

– Вы можете не беспокоиться относительно моей матери, – сказала Лорена, предлагая им сесть и сама усаживаясь напротив. – Сегодня утром у нас с ней была страшная ссора, и я ей сказала, что если она не уйдет, то уйду я. Я это все равно сделаю, как только найду подходящий дом. Я с ней жить не стану.

Колт взглянул на Джейд, потом на Лорену.

– У тебя есть деньги? – негромко спросил он. – Отчасти я пришел сюда именно за этим: поговорить с тобой относительно денежного содержания для Энди.

Лорена сидела, глядя на свои сложенные на коленях руки. Услышав эти слова, она резко подняла голову и посмотрела на Колта:

– Вам не нужно этого делать, Колт. Отец оставил для меня деньги. Теперь я уже достигла того возраста, когда могу ими пользоваться, и мама ничего с этим поделать не сможет. Так что мне ваши деньги не нужны.

Колт озадаченно посмотрел на нее.

Джейд вдруг почувствовала, что больше не может сдерживаться. Стараясь не выйти из себя, она отрезала:

– Давайте перестанем ходить вокруг да около. Расскажите нам все: почему вы с вашей матерью воспользовались болезнью Колта и заставили его думать, будто он женат на вас.

Лорена ответила так тихо, что им пришлось напрячь свой слух. Недоверчиво переглянувшись, они попросили ее повторить ответ, потому что оба решили, что явно ослышались.

– Моему ребенку нужен был отец.

Колт встал, закипая яростью:

– Что ты сказала?!

Лорена разрыдалась, признаваясь в том, что сделала. Она забеременела от мужчины, с которым убежала в Европу, и, когда Колт потерял память, ее мать ухватилась за возможность спасти семью от скандала и заставила ее притворяться, – что он ее муж. Триеста Вордейн пригрозила, что если Лорена не выполнит ее приказ, она отдаст Энди на воспитание. Лорена не желала отказываться от ребенка: ей всем сердцем хотелось сохранить единственное живое воспоминание о человеке, которого она любила. И она согласилась.

– И теперь мне так стыдно! – воскликнула она, обращая к Колту покрасневшие и опухшие глаза, полные мучительного раскаяния. – Вы считали, что Энди – ваш сын. Я знаю, что

вы его любите. Каждый раз, когда вы брали его на руки, мне хотелось умереть от стыда. Мне так противно было лгать, но я ничего не могла поделать. И теперь я так рада. Бог свидетель, так рада, что все стало известно и мне больше не надо прибегать к обману!

Джейд всем сердцем пожалела бедняжку: та явно говорила искренне. И у нее действительно не было выхода, ведь, если бы она не согласилась на адскую выдумку матери, у нее отняли бы ее ребенка! Она не могла ненавидеть Лорену... И Колт тоже не мог. Но ей от души было жаль и его: ведь эти несколько слов не заставят его разлюбить чудесного малыша, которого он уже несколько месяцев считал своим сыном. Ей так хотелось бы утешить их, помочь им... Но она не знала, что делать.

После долгого молчания Колт откашлялся, глубоко вздохнул и сказал:

– Извини, Лорена, но я не могу согласиться с тем, что ты мне сказала.

Она недоуменно посмотрела на него.

– Я считал Энди сыном с той секунды, как взял его на руки. Этого тебе не изменить... Этого тебе у меня не отнять. Он по-прежнему остается моим сыном – в моем сердце. И если ты действительно сожалеешь о том, что сделала, то дай мне возможность присутствовать в его жизни. Позволь помогать ему деньгами, быть ему отцом... – Повернувшись к Джейду, он встревоженно добавил:

– Если ты не возражаешь.

Джейд улыбнулась и энергично закивала головой.

Лорена тоже начала улыбаться.

– Наверное, – тихо сказала она, – Энди будет этому рад...

И я тоже рада.

Джейд и Колт обменялись теплыми взглядами, сознавая, что наконец у них есть абсолютно все.

Мир любви и грез.